Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный
Политико-экономический журнал
ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Г. М. Кржижановского, Н. А. Ковалевского, С. Г. Струмилина, А. С. Мендельсона и Р. Е. Вайсберга

1928 МАРТ 3

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО,
С. Г. СТРУМИЛИНА, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА
и Р. Е. ВАЙСБЕРГА

№ 3

МАРТ

1928 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Аквила (Германия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е. (Германия), Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н. М., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Каменев Л. Б. Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Квиринг Э. И., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Кржижановский Г. М., Крицман Л. Н., Кричевский С. И., Крон Ц. М., Круг К. А., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Леонтьев А., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. Е., Людвиг (Германия), Маймин, А. Б., Мендельсон А. С., Милютин В. П. Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., акад. Ольденбург С. Ф., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А, Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рой М. Н. (Индия), Рудзутак Я. Э, Рыков А. И., Сегаль А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Турецкий Ш. Я., Фальк-нер С. А., Федорович И. И., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А. и др.

Главлит № А—10125. Отпеч. в 7-й типографии „Искра революции“ Мосполиграфа. М. Арбат, Филипп., 13. Тираж

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

Э. Квиринг. Социальная структура промышленности СССР 7
Е. Хмельницкая. К вопросу о мирохозяйственных связях СССР 22
С. Г. Струмилин. Расслоение советской деревни 34
А. Сегаль. О трудоемкости промышленных капиталов 63
С. Киселев. Бюджетные проблемы 68
А. Гордин. Перспективы госбюджета в доходной части на 1927/28—1931/32 гг. . 79
П. Старков Перспективый расходной части государственного бюджета 106
А. П. Товбина. Перспективы развития местных бюджетов СССР 120
Л. Шанин. Проблемы производительности народного хозяйства 134

ОТДЕЛ II

За советским рубежом

А. Д. Гинзбург. Протекционистские уклоны в послевоенной торговой политике капиталистических стран 175
Абани Мухарджи. Экономическое положение Индии и английская политика . . 188

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Л. Н. Бернацкий. О железнодорожном соединении Донбасса с Москвой 209
А. Горев. Водные ресурсы Закавказья и значение их утилизации в общем плане народного хозяйства 221
Б. Б. Кажинский. Искусственное регулирование погоды при помощи электричества 231

ОТДЕЛ IV

По районам

Стр.

Е. П. Терлецкий и **П. М. Коган.** Социалистическое земледелие на Украине . . 245
Н. Я. Новомбергский. Проблемы генерального плана развития народного хозяйства Сибкрая 264
С. Фридланд. Туркестано-Сибирская железная дорога и развитие промышленности Сибкрая 278
Н. Хрулев. Роль сибирского хлеба в ж.-д. перевозках 284

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Ш. Турецкий. А. Айхенвальд—Советская экономика 293
А. Неусыпин. Опыт исследования эффективности сельскохозяйственного кредита—Центр. с.-х. банк 296
А. М. Гольденберг. Банковская библиотека—Вторая серия (11 выпусков) 299
М. Петров. Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г. . 301
Сав. Гессен. Советская торговля. Еженедельный орган Наркомвнешторга СССР 303
Г. Остроглазов. Одесский порт, его значение, перспективы и нужды. Труды Одесской плановой комиссии. 306
Ол. Константинов. Н. Морозов и И. Юньев—Хрестоматия по экономической географии 307
Г. Алексин. Концерны, об'единения интересов и подобные организации в Германии конца 1926 г. Составл. Госуд. Статистическим Управлением 309
И. Блинов. В. Бринтон—Графическое изображение фактов 311
Новые книги 312

ОТДЕЛ VI

Статистика

В. М. Быков и **С. М. Мойжес.** Проверка кредитных планов 317
Динамика мирового хозяйства. Бюллетень № 3 (30) 339

По техническому недосмотру в статье С. Г. Струмилина „Расслоение советской деревни", печатаемой в этом номере, пропущено редакционное примечание: **„В порядке обсуждения. Ред."**.

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Э. Квиринг

Социальная структура промышленности СССР

(1918—20 и 1924—27 гг.)

За последние два года издано большое количество исследовательских работ о частном капитале во всех областях народного хозяйства страны. Эти исследования показали с абсолютной непреложностью, что за последние 3—4 года идет, вопреки паническим крикам троцкистской оппозиции, неуклонное уменьшение роли частного капитала во всех решающих отраслях народного хозяйства и, особенно, в промышленности. За 1926/27 г. и в области промышленности и в торговле имело место падение даже абсолютных цифр выработки и оборотов частного капитала.

Панические крики о продолжающемся отступлении перед частным капиталом связаны с неправильной оценкой нэпа. Еще на XIV с'езде партии Зиновьев трактовал новую экономическую политику только как отступление.

Такая оценка нэпа в корне не верна, ибо если нэп есть только отступление, тогда встает вопрос, как же можно в процессе постоянного отступления перед частно-капиталистическим началом прийти к социализму? А ведь Ленин учил не только нашу партию, но и Коминтерн, партии всего мира, что новая экономическая политика есть путь к социализму. Как же можно итти к социализму отступая? Если бы нэп был только отступлением, то очевидно, что к социализму через нэп итти нельзя.

От чего партия отказалась при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике? Партия отказалась от политики государственного распределения продуктов (как промышленных, так и сельскохозяйственных), от системы натурализации обмена (между городом и деревней), основанной на продразверстке и „плановом" снабжении деревни промтоварами.

От попытки натурализации обмена советская власть перешла к системе товарного хозяйства с восстановлением соответствующего значения денежного обращения.

В этом основное принципиальное отличие новой экономической политики от военного коммунизма. Отсюда вытекает уже ряд производных моментов. Развязать оборот — это обозначало на первых порах, на ряду с возможно быстрым ростом государственной промышленности, — развязывание частного капитала как в промышленности,

так и в торговле. Вернее, это, прежде всего, обозначало легализацию работы частного капитала, который, несмотря на жесточайшие меры подавления, принимавшиеся против него особенно в 19-х и 20-х годах,— все же существовал и в период военного коммунизма. Это обозначало отказ (до известных пределов) от методов механического подавления частного капитала. [1]

Нэп, конечно, привел к значительному оживлению частного капитала, к значительному росту абсолютных размеров его деятельности как в промышленности, так и в торговле, против того, что было в годы военного коммунизма.

Нечего и говорить, что продукция, выпускаемая частным капиталом, в первые же годы нэпа очень сильно выросла и, возможно, в первые годы росла быстрее продукции государственной. Но когда мы говорим о роли частного капитала, о его месте в народном хозяйстве, мы, разумеется, обязаны исходить не только из абсолютных цифр, а из цифр относительных, из удельного веса рассматриваемых социальных групп. Когда мы хотим получить ответ на вопрос, какие начала являются господствующими в системе нашего хозяйства — социалистические или капиталистические — мы должны сравнивать удельный вес их в общем итоге.

Насколько нам известно, во всех изданных до сих пор печатных работах о частном капитале нигде не ставилась задача сравнения удельного веса частного капитала (и всего частно-хозяйственного сектора) за годы военного коммунизма с удельным весом его в последующие годы новой экономической политики.

С 1924/25 года наша статистика довольно точно учитывает продукцию промышленности по социальным секторам. За первые годы нэпа имеются лишь отрывочные данные. За годы военного коммунизма эти данные могут быть подсчитаны крайне ориентировочно.

Между тем, представляет большой интерес проследить динамику соотношения частной, государственной и кооперативной промышленности за все первое десятилетие советской власти. Ведь для того чтобы определить, в какой мере политика нэпа ухудшила или улучшила позицию социалистического сектора по сравнению с частно-капиталистическим, чрезвычайно важно сравнить удельный вес частно-капиталистических элементов при военном коммунизме и в последующие годы нэпа.

Мы сделали попытку, несмотря на недостаточность материалов, имеющихся за годы военного коммунизма, хотя бы приближенно определить удельный вес частного капитала в промышленности того периода.

[1] Достаточно известно, что целый ряд мероприятий по экономическому регулированию частного капитала в хлебной торговле и других областях, проводится чисто механически — запрещение перевозок по железным дорогам и т. п., но это, конечно, далеко от заградительных отрядов.

В качестве материала для 1918—20 гг. мы берем, главным образом, данные о ходе национализации промышленности по отчетам ВСНХ и данные промышленной переписи 1920 г.

Ко времени издания общего декрета о национализации всей крупной и средней промышленности (июнь 1918 г.) было национализировано в одиночку 513 крупнейших заводов и фабрик.

Декрет об общей национализации, однако, вовсе не обозначал, что все национализированные предприятия немедленно переходили в руки государства. Наоборот, в декрете о национализации на владельцев возлагается обязанность сохранять предприятия, не допускать прекращения работы и расхищения имущества. [1] От момента издания декрета до фактической передачи предприятий государству проходило немало времени. Так, по докладу А. И. Рыкова II с'езду СНХозов следует, что на декабрь 1918 г. было национализировано 1.125 заводов, а к марту 1919 г.— 2.000. [2]

В докладе Московскому совету рабочих и красноармейских депутатов 4 марта 1919 г. А. И. Рыков сказал: „До настоящего времени всего в руки республики перешло около 2.000 крупных и средних предприятий. А всего у нас насчитывается до 10.000 фабрично-заводских предприятий, считая предприятия не менее как с 16 рабочими, так что в число 2.000 вошли почти все крупные и средние предприятия. По количеству своей выработки они дают более половины всех товаров и изделий, вырабатывающихся в России".

Здесь все время речь идет пока о цензовой промышленности. Из сказанного следует вывод, что к концу 1918 года было национализировано не больше 20% предприятий цензовой промышленности, выработка которых несомненно была не выше 50% выработки всей цензовой промышленности (учитывая, что национализация шла последовательно в течение всего года).

Стало быть, в 1918 г. частный капитал даже в цензовой промышленности сохранил 50% всей валовой продукции.

Но и в 1919 г. фактическое проведение национализации шло не слишком быстрым темпом.

[1] Пункты 3-й и 4-й декрета о национализации крупной промышленности гласят:

„3. Впредь до особого распоряжения Высшего Совета Народного Хозяйства по каждому отдельному предприятию, предприятия, об'явленные согласно настоящему декрету, достоянием РСФСР, признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев; правление и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно получают с них доходы на прежних основаниях.

4. С момента об'явления декрета члены правления, директора и другие ответственные распорядители национализированных предприятий отвечают перед Советской республикой как за целость и сохранность предприятий, так и за правильную их работу.

В случае оставления своих служебных постов без согласия на то со стороны подлежащих органов ВСНХ или неоправдываемых упущений в ведении дел предприятия виновные отвечают перед республикой не только всем своим имуществом, но и несут тяжелую уголовную ответственность перед судами республики".

[2] А. И. Рыков, „Статьи и речи", ЦУП, 1926 г., стр. 72 и 109.

На 1 октября 1919 г. было национализировано 2.522 предприятия. С начала 1920 года темп усилился и на 1 апреля 1920 г. было национализировано 4.141 предприятий, а к 1 ноября 1920 г. из общего количества состоящих на учете ВСНХ 6.775 предприятий было уже национализировано 4.420.[1]

Только 29 ноября 1920 г. постановлением ВСНХ были об'явлены национализированными все частные предприятия с числом рабочих свыше 5 при механическом двигателе и 10 — без такового.

Этим декретом об'являлась национализированной вся средняя и значительная часть мелкой промышленности. Но и здесь об'явление о национализации не обозначало еще фактического проведения национализации. Ведь речь шла о десятках тысяч мелких предприятий. Правда, нужно иметь в виду, что места довольно основательно проводили свою местную внеплановую национализацию, которая не проводилась по учету ВСНХ, и все же большее количество предприятий к концу 1920 г. было еще ненационализировано.

А. И. Рыков в докладе на Московской губпартконференции 22/XI 1920 г. по этому поводу говорил следующее: „В заключение я должен сказать несколько слов о национализации. Мы не раз слышали упреки в том, что до сих пор нами не произведена национализация, мы имеем справку о том, что больше половины мелких и средних предприятий остаются ненационализированными. Значительная часть вины этого лежит на Президиуме ВСНХ и, в частности, на мне, так как я считал местные органы недостаточно сильными для того, чтобы произвести окончательную национализацию. Теперь местным органам дается право то или другое предприятие выделить или оставить его в ведении частного владельца. На протяжении одного месяца мы надеемся провести радикальную реформу в этой области: мы хотим сделать так, что в настоящее время все принадлежит государству, а по отношению к тем предприятиям, которые остаются в частных руках, составляются специальные акты, которые представляются центральной власти и Президиуму ВСНХ. Этим будет решен окончательно вопрос относительно национализации".

То-есть ВСНХ, об'являя в конце 1920 г. все предприятия национализированными, все же допускал возможность оставлять некоторые в ведении частных владельцев.

Этот акт мог быть, конечно, только актом аренды, что при нэпе и получило свое юридическое оформление.

В отчете ВСНХ VIII с'езду советов есть данные не только о количестве учтенных и национализированных предприятий, но и о количестве рабочих в них, что дает возможность подсчитать, хотя и довольно грубо, удельный вес национализированных и частных предприятий в общем выпуске продукции.

[1] Отчет ВСНХ VIII с'езду советов.

Привожу итоги этой таблицы:

Таблица 1

Наименование групп производства	Общее число учтен. предпр.	Число рабочих в них	Из них национализировано							
			На 1 окт. 1919 г.			На 1 апр. 1920 г.			На 1/XI 1920 г.	
			Число предприят.	Число раб.		Число предприят.	Число раб.		Число предприят.	
				В общ.	В средн. на предприятие		В общ.	В средн. на предприятие		
Итого по обраб. пром. .	6.775	1.185.542	2.522	750.619	298	4.141	983.049	237	4.420	

6.775 предприятий, это, примерно, половина довоенного количества цензовых предприятий. Но так как это были предприятия, учтенные ВСНХ,[1] то надо полагать, что сюда вошли наиболее крупные предприятия, что и подтверждают данные о количестве занятых рабочих.

ЦСУ определяет для 1919 года среднегодовое количество рабочих в цензовой промышленности, включая младший обслуживающий персонал, в 1.334 тыс. чел.[2] Стало быть если исходить из этой цифры, в остальных неучтенных ВСНХ цензовых предприятиях число рабочих составляло около 150.000. Трудно сказать, какое количество из этих неучтенных предприятий было учтено и национализировано местными властями, в порядке местной национализации. Во всяком случае, можно смело утверждать, что процент национализированных в этой группе был не выше, чем в учтенной ВСНХ.

Стало быть, мы можем итоги, получаемые при рассмотрении учтенной группы, экстраполировать на всю группу цензовых предприятий.

Если данные о числе рабочих в национализированной промышленности на 1 октября 1919 г. принять за среднегодовые, хотя в виду постепенного развертывания национализации в течение года фактическая среднегодовая цифра рабочих в национализированной промышленности должна быть меньше,— мы получаем для 1919 г. удельный вес национализированной цензовой промышленности 64% и частной — 36%.[3] Для 1920 года по расчету мы получаем: на 1 апреля

[1] Учет велся по трем группам, из них первая—находящаяся в ведении центров и вторая и третья—у местных СНХ. По группам на I/XI 1920 г.: I гр.—2. 374, II гр.—3450, III гр.—1084, см. Отчет ВСНХ, стр. 20.

[2] Сборник „Итоги десятилетия", стр. 230.

[3] Для 1919 г. выделить из ненационализированной особо кооперативную представляется невозможным, но едва ли это могло быть более 3% ко всей промышленности, как и в 1920 г.

1920 г.—86% государственной и 14% частной и на 1 ноября 1920 г.[1] 88,6% государственной и 11,4 частной.

Следовательно, средний процент за 1920 г. можно принять, примерно, для государственной в 87 и 13 для частной. Если принять другой расчет, а именно: считать все неучтенные ВСНХ цензовые предприятия национализированными (что, конечно, неправильно), то для 1920 г. (принимая общее количество рабочих по данным ЦСУ),[2] мы получим 90% для государственных и 10% для частных и кооперативных.

Для 1920 г. мы, кроме того, сделали более детальные подсчеты по данным промышленной переписи ЦСУ. Подсчеты эти дали цифры, близкие к названным нами выше, а именно: для государственной промышленности — 87—88%, для кооперативной 3,2—3,8%, для частной 8,3—9,8, т.-е. для двух последних групп, взятых вместе, поскольку мы их не могли выделить по данным отчета ВСНХ,— те же 12—13%.

На данных промышленной переписи 1920 г. мы остановимся подробнее, чтобы показать, на чем базируются наши расчеты.

Статистический материал промышленной переписи 1920 г. не дает прямых данных по вопросу о роли отдельных социальных секторов в промышленности 1920 г. Удельный вес государственной, кооперативной и частной промышленности приходится определять путем ряда предварительных статистических расчетов. Особые трудности составляет расчленение кооперативной и частной промышленности и группировка по социальным секторам отдельно крупной и мелкой промышленности.

Разработке результатов промышленной переписи 1920 г. посвящен III том „Трудов ЦСУ“, табл. 18, VIII „Сводного выпуска“ этого тома дает группировку заведений с наемной рабочей силой, группировку по числу занятых в них наемных рабочих, выделяя особо государственные заведения.

Таблица эта охватывает 59,4 тыс. заведений с 1.754,7 тыс. занятых лиц.

Таблица 17 того же „Сводного выпуска“ дает возможность группировать заведения уже по значительно более широкому кругу заведений. Таблица эта выделяет заведения с наймом рабочей силы и без найма.

Если заведения разбить на мелкие и крупные, отнеся к крупным заведения с числом рабочих свыше 15, то получим следующую таблицу.

[1] Экстраполируя количество рабочих по данным на 1 апреля 1920 г. соответствующему количеству предприятий на 1 ноября 1920 г.

[2] Сборник „Итоги десятилетия советской власти“, стр. 230.

Таблица 2

Промышленность 1920 года (в тыс.)

	Вся		Мелкая		Крупная	
	Заведений	Занято лиц	Заведений	Занято лиц	Заведений	Занято лиц
Государствен.	26,5	1.311,7	17,9	83,15	8,6	1.228,2
Частн. и коопер. с наемн. рабоч. сил.	32,9	143,0	31,6	77,0	1,3	66,0
Частные и коопер. без наемн. рабоч. силы. .	187,5	346,1	186,5	302,9	1,0	43,2
Всего . . .	246,9	1.800,8	235,9	463,4	10,9	1.337,4

Выделенная нами группа крупных заведений не совсем совпадает по своему охвату с тем кругом заведений, который составляет теперешнюю крупную цензовую промышленность. [1]

Перепись 1920 года не дает возможности произвести группировку заведений по числу рабочих отдельно в заведениях с двигателем и без двигателя.

В эту таблицу не вошла Украина, а также некоторые части СССР, в которых перепись 1920 г. не производилась.

В таблице, прежде всего, бросается в глаза большое количество (26,5 тыс.) национализированных заведений, хотя она охватывает лишь около 70% всех заведений, вошедших в перепись 1920 г. Общее число учтенных национализированных заведений значительно выше и составляет 37,2 тыс. Мы видим, что местное творчество в области национализации дало сверх национализованных ВСНХ — добрых 30 тыс. заведений. С первого взгляда может показаться, что это опрокидывает все наши предыдущие расчеты, основанные на данных ВСНХ. Однако, это не так. Наоборот — перепись 1920 г. вполне подтверждает эти расчеты, ибо из 26,5 тыс. национализированных заведений только 8,6 тыс. относятся к предприятиям с количеством рабочих свыше 15 и в этой группе было занято 1.228,2 тыс. рабочих и служащих. Следовательно, эта группа вполне соответствует 6.908 заведениям, учтенным ВСНХ, с количеством рабочих 1.277.500. [2]

[1] К цензовой промышленности относятся заведения с числом рабочих не менее 15 при наличии двигателя и не менее 30 при отсутствии двигателя. Кроме того, отчетность обязаны представлять все промышленные заведения горной и горнозаводской промышленности, независимо от числа занятых в них рабочих, а также все заведения свекло-сахарной, рафинадной, винокуренной, пивоваренной, табачной, нефтеперегонной, нефтеобрабатывающей и некоторых других отраслей промышленности; кожевенные заводы, имеющие более 10 дубильных чанов или 3 дубильных барабанов, независимо от числа рабочих, все стекольные заводы с генераторными печами; все кирпичные заводы с непрерывно-действующими печами; все типографии с числом рабочих свыше 15; все мельницы с не менее 5 помольных единиц, независимо от числа рабочих.

[2] Эта цифра указана в отчете ВСНХ VIII с'езду советов без распределения на национализированные и ненационализированные. Но ведь предприятия, учтенные ВСНХ, все юридически были национализированы.

В группу „частные и кооперативные без найма“ входят мелкие частные кустарно-ремесленные заведения, в которых работают члены семьи (в группе мелких заведений без найма на одно заведение получается немного менее двух занятых лиц) или артели и др. производственные кооперативы. В группу „частные и кооперативные с наймом рабочей силы“ входит промышленность капиталистическая, а также промышленность потребительской кооперации.

Таблица охватывает 70% всего числа действовавших в 1920 году заведений и 74% всех занятых лиц. Отдельные социальные сектора представлены в ней так:

Таблица 3

Сектора	Заведений, действовавших в 1920 году			Рабочих в них[1]		
	Всего	Вошло в табл.	% вошедших в табл.	Всего	Вошло в табл.	% вошедших в табл.
Государственных . . .	37,2	26,5	71,2	1.694,5	1.311,7	77,4
Частных и кооперативных с наймом рабочей силы	48,6	32,9	68,0	291,0	143,0	49,1
Частных и кооперативных без найма рабочей силы	267,3	187,5	70,15	463,7	346,1	74,6
Всего . . .	353,1	246,9	70,0	2.449,2	1.800,8	73,9

На 1 заведение приходится рабочих:

Сектора	По всей промышленности	По вошедшей в таблицу	В том числе:	
			Мелкой	Крупной
Государственных	45,5	49,5	4,66	142,82
Частных и кооперативных с наймом рабочей силы	6,0	4,35	2,43	52,3
Частных и кооперативных без найма рабочей силы	1,73	1,84	1,62	43,2
Всего . . .	6,9	7,3	1,96	122,69

[1] Данных о числе служащих, занятых в отдельных секторах промышленности 1920 г., в материалах ЦСУ нет. Общее число служащих определяется в 309.6 тыс. чел. Всего занятых лиц в заведениях с применением наемного труда было 2.295,4 тыс., т.-е. служащие составляли 13,5%. Для частной промышленности правильнее будет взять процент, по меньшей мере в 2 раза меньший. В госпромышленности будем иметь в таком случае рабочих — 1.694,5 тыс. и служащих 289,0 тыс., в частных с применением наемного труда—291,0 тыс. рабочих и 20,6 тыс. служащих. В графу „всей“ промышленности 1920 г. не вошли БССР, Вост. Сиб., ДВО, Азербайджан, Армения и Грузия, в которых перепись 1920 г. не производилась.

По числу занятых лиц таблица охватывает по государственной промышленности 77,4% числа занятых лиц по частной и кооперативной с наймом рабочей силы — 68% заведений и 49,1% рабочих; по частной и кооперативной без найма рабочей силы — 70,1% и 74,6%. Следовательно, группировку заведений по количеству занятых лиц и по социальным секторам в этой таблице можно считать достаточно показательной для всей промышленности 1920 г.

Однако, просто экстраполировать данные таблицы на всю промышленность было бы неправильным: по государственной промышленности неохваченные табл. 2 заведения являются менее крупными, чем вошедшие в таблицу (28,2% всего числа заведений об'единяет только 22,6% всего числа рабочих). В частной и кооперативной, без найма рабочей силы, в табл. 2 не вошли также менее крупные заведения (29.9% заведений и 25,4% рабочих). В частной и кооперативной с наймом рабочей силы, наоборот, не вошла более крупная промышленность — 32% заведений имеют 50,9% всех занятых в этом секторе рабочих.

Поэтому мы внесли соответствующие поправки и получили следующую таблицу:

Таблица 4

Промышленность 1920 г.

(Вычисление рабочих в тысячах)

	Вся	Мелкая	Крупная
Государственная	1.694,5	114,9	1.579,6
Частная и кооперативная с наймом	291,0	133,2	157,8
„ „ „ без найма . . .	463,0	405,8	57,9
Всего	2.449,2	653,9	1.795,3

Выделить из группы „частная и кооперативная промышленность“ удельный вес кооперативной с полной точностью невозможно. Примерные расчеты представляются таким образом.

Табл. 15 „Сводного выпуска“ промышленной переписи 1920 г. дает цифру заведений с совладельцами, членами артелей, кооператорами. Согласно тексту — это кооперативные заведения. Всего таких заведений в таблице — 25.813, в них занято 154.456 чел., а во всей промышленности — 195,2 тыс. человек (см. сборник ЦСУ „Народное хозяйство СССР в цифрах“, 1925 г.).

Вряд ли можно допустить, что не все кооперативные заведения подверглись переписи 1920 г., скорее, наоборот, под видом „совладельцев“, „кооператоров“ здесь укрываются нередко замаскированные хозяйчики. Не надо забывать, что с 1919 г. в кооперативное движение вливается волна „лжекооперативов“, главным образом в городах. Это—предприятия чаще всего мелкие, с числом занятых

лиц не свыше 7, необходимых для подписания устава. Эти лжекооперативы несмотря на борьбу с ними государственной власти, все же жили и даже нередко получали государственные заказы.

Количество промысловых артелей в годы военного коммунизма росло так:

На 1 янв. 1919 г.	На 1 янв. 1920 г.	На 1 янв. 1921 г.
780	1.722	4.257

В 1920 г. кредитная кооперация была ликвидирована. Большинство кредитных товариществ, занимавшихся ранее посредническими операциями по сбыту изделий мелких товаропроизводителей, реорганизуются в 1920 г. в промысловые артели.

В „Сборнике статистических сведений по СССР в 1918 — 23 гг." ЦСУ есть данные Центросоюза о промышленных заведениях потребительской кооперации. В середине 1921 г. число предприятий — 1.064, в них (по 982 предприятиям) 16.713 рабочих и служащих.

Возьмем для 1920 г. 16,0 тыс. рабочих, допустим, что половина их работает в заведениях с числом рабочих свыше 15, а половина — в более мелких.

Мы имеем, таким образом, возможность в нашей таблице отделить кооперативную промышленность от частной. В частной крупной с применением наемного труда промышленности было занято 149,8 тыс. (157,8 — 8,0); в мелкой частной с применением наемного труда — 125,2 тыс. (133,2 — 8,0); всего в кооперативной промышленности (без наемного и с наемным трудом) — 211,2 тыс. (195,2 + 16,0) в том числе в крупной — 65,9 тыс. (57,9 + 8,0), в мелкой — 145,3 тыс. в том числе 137,3 тыс. без применения наемного и 8,0 тыс. с применением. В частной мелкой без применения наемного труда — 268,5 тыс (405,8—137,3), а во всей частной, следовательно, 393,7 тыс. (268,5 + + 125,2).

Получаем в пределах ценза переписи 1920 г. такую таблицу:

Таблица 5

Занято рабочих в тыс.

	Вся	Мелкая	Крупная	Крупная в % %
Государственная	1.694,5	114,9	1.579,6	88,0
Кооперативная	211,2	145,3	65,9	3,7
Частная	543,5	393,7	149,8	8,3
Всего . . .	2.449,2	653,9	1.795,3	100,0

В этой таблице интересны не самые абсолютные цифры, а соотношение секторов в крупной промышленности.

Из приведенных расчетов мы получаем следующие соотношения удельного веса частной, кооперативной и государственной промышленности в цензовой промышленности страны за годы военного коммунизма (в % %):

	Госуд.	Коопер.	Частный
1918 г. около . . .	50	условно	47
1919 „ „ . . .	64	по 3	33
1920 „ „ . . .	88—90		8—10

За первые годы нэпа нет данных об удельном весе социальных групп в валовой продукции цензовой промышленности. Данные эти имеются только с 1924/25 г., почему мы и приводим данные с этого года по контрольным цифрам Госплана на 1927/28 г.

Годы	Госуд.	Коопер.	Частная
1924/25	89,4	6,3	4,3
1925/26	88,9	6,8	4,3
1926/27	90,7	6,8	2,5

Таким образом, мы имеем сравнимый ряд цифр, показывающих удельный вес социальных секторов в цензовой промышленности. При всей условности цифр для 1918—20 гг. они все же отражают действительность с достаточным приближением. Из приведенной таблицы явствует, что в период с 1924/25 г. удельный вес частной и кооперативной промышленности, взятых вместе, близок к цифре 1920 г. Но внутри этой группы произошла значительная перегруппировка — в то время как в 1920 г. кооперативная промышленность составляла в цензовой в лучшем случае 3% (из 11—13%), в 1924/25 г. и последующих годах эта цифра вдвое выше (6,3—6,8%), что совершенно правильно отражает происшедший за годы нэпа огромный рост кооперативных предприятий. Нужно помнить, что в период военного коммунизма довольно значительное число кооперативных заводов и фабрик было национализировано и у кооперации отобрано. Большинство из них в годы нэпа было возвращено кооперации. Помимо этого, в годы нэпа шел бурный рост кооперативной промышленности.

Следовательно, в 1920 году, когда военный коммунизм был завинчен до последних пределов, частный капитал все же в цензовой промышленности составлял еще 8—10%, а в период нэпа этот удельный вес, благодаря более быстрому росту государственной и кооперативной промышленности, сократился до 2,4%.

Вот к чему привел нэп, который многим казался **поворотом к капитализму**.

Оказывается, что в результате нэпа, т. е. в результате легальной деятельности частного капитала, социалистический сектор (госуд. и коопер. промышленности) в области **крупной** промышленности не только удержал позиции, занятые в 1920 г., но еще укрепил их, оттеснив капиталистическую промышленность значительно назад.

	Госуд. и кооп.	Частный
1920 г.	88—90	8—10
1926/27 г.	97,5	2,5

Это при наличии нескольких десятков иностранных концессий, допущенных за годы нэпа.

Но помимо крупной и средней промышленности, в нашей стране занимает довольно значительное место промышленность мелкая и кустарно-ремесленная. Учет продукции этой промышленности, так в особенности социальных группировок, представляет еще большие трудности, чем для промышленности цензовой. Начиная с 1924/25 г. и по этой группе имеются разработанные и опубликованные данные. Для получения данных на 1920 г. нам пришлось проделать довольно сложные подсчеты и прикидки, в результате чего мы получили данные, которые можно считать достаточными для сравнений с 1924—1927 гг.

Как для крупной, так и для мелкой промышленности удельный вес частного капитала и частного сектора в 1920 году нашим расчетом может быть только преуменьшен, но никак не преувеличен.

Соответствующий расчет для мелкой и кустарно-ремесленной промышленности мы произвели таким путем.

ЦСУ определяет общее число лиц, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности 1920 г., в 1.609,8 тыс.,[1] а валовую продукцию — 659,9 млн. дов. руб. Цифры эти получены ЦСУ путем исчисления, а не сплошной переписи.

Можно спорить — верно или неверно цифры ЦСУ отражают действительное положение мелкой и кустарно-ремесленной промышленности 1920 г.; тов. Гухман, например, в своей работе „К исчислению продукции мелкой промышленности“ (в журнале „План. Хоз.“ № 6, за 1924 г.) считает, что расчет ЦСУ ни в какой мере не отражает фактического положения вещей, что ЦСУ преуменьшает число кустарей и ремесленников в 1920 г.

Так или иначе, но нет вообще данных к тому, чтобы подтвердить или опровергнуть расчет ЦСУ. Можно считать, что расчет этот столь же и не больше условен, чем соответствующие расчеты для 1913 г.; и для 1920 г. и для 1913 г. число занятых лиц и валовая продукция получены исчислением.

Перепись 1920 года могла охватить лишь часть лиц, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, мельчайшие же производители-кустари и ремесленники, работающие в том же помещении, где живет вся семья, в перепись 1920 года не вошли.

В мелкой государственной промышленности в 1920 году, согласно приведенным нами расчетам, было занято 114,9 тыс. человек, в кооперативной — 145,3 тыс. Надо считать, что в перепись 1920 г. государственная промышленность вошла полностью, кооперативная — так же (с преувеличением за счет лжекооперативов). Следовательно, в частной, мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в 1920 г. было занято 1.609 тыс. — 115 тыс. — 145 тыс. = 1.349,6 тыс. лиц. Валовая продукция всей мелкой и кустарно-ремесленной промышленности (с мукомольно-крупяной) ЦСУ определяется в 659,9 млн. дов. руб.

[1] Ст. Воробьева в сб. „Частный капитал в народном хозяйстве СССР“, изд. „Промиздат“, 1927 г. В „Сборнике статистических сведений по Союзу ССР“ 1918—1923 гг. число занятых лиц в том же году определяется в 1.578,5 тыс.

В государственной и кооперативной мелкой промышленности продукция на одного рабочего значительно выше, конечно, продукции распыленного кустаря и ремесленника, поэтому определять долю социальных секторов соответственно числу занятых в секторах рабочих, как это мы сделали для крупной и средней промышленности 1920 года, нельзя.

В 1923/24 г. соотношение валовой продукции на одно занятое лицо, с мукомольем, было, принимая продукцию на одно лицо в частной промышленности за единицу:

	Государств.	Кооперат.	Частная
С мукомольем	2,8	2,0	1,0
То же без мукомольной	1,8	1,3	1,0

Делая поправку на это соотношение продуктивности труда, получаем (с мукомольно-крупяной):

	Валовая продукция в млн. дов. руб.	В %%
Государств.	107,8	16,3
Кооперат.	99,1	15,1
Частная	453,0	68,6
Всего . . .	659,9	100

Строение цензовой и мелкой промышленности всей, с мукомольно-крупяным производством, не совсем правильно отражает соотношение секторов в промышленности. Произведя соответствующий расчет без мукомолько-крупяной промышленности, получим:

	В млн. дов. руб.	В %%
Государств.	26,1	10,2
Кооперат.	28,9	11,3
Частная	201,0	78,5
Всего . . .	256,0	100,0

Сведем полученные нами данные по всей промышленности — крупной и мелкой — в одну таблицу. Данные о цензовой с мукомольно-крупяной и мелкой без мукомольно-крупяной промышленности за 1924/25 и 1926/27 гг. взяты из контрольных цифр Госплана на 1927/28 г., цензовая без мукомольно-крупяной и мелкая с мукомольно-крупяной — исчислены нами.[1]

ЦСУ определяет валовую продукцию цензовой промышленности 1920 г. в 818,3 млн. дов. р. с мукомольно-крупяной (юбилейный сборник „Итоги десятилетия советской власти“) и 679,9 млн. р. без мукомольно-крупяной; для нахождения удельного веса социальных секторов во всей промышленности — крупной и мелкой — возьмем эти данные ЦСУ.

Получаем следующее (табл. 6).

[1] При расчете соотношение секторов для 1924/25 г. в мукомольно-крупяной промышленности взято по данным „Стат. справочника СССР на 1927 г.“, ЦСУ, стр. 239; для 1926/27 г. в мукомольно-крупяной — взято то же соотношение секторов, что и для 1924/25 г.

Таблица 6

Крупная и мелкая промышленность СССР в 1920, 1924/25 и 1926/27 гг. по социальным секторам

	1920 г.				1924/25 г.				1926/27 г.			
	Госуд.	Коопер.	Частн.	Итого	Госуд.	Коопер.	Частн.	Итого	Госуд.	Коопер.	Частн.	Итого
Цензовая												
Валовая продукция (в млн. дов. руб.)												
а) с муком. крупян.	721,1	29,3	67,9	818,3	3.537,0	251,0	169,0	3.957,0	5.996,0	450,0	165,0	6.611,0
б) без муком.-крупян.	601,5	22,2	56,2	679,9	3.251,4	177,5	88,0	3.516,9	5.624,5	283,0	114,5	6.022,0
Мелкая и кустарно-ремесл.												
Валовая продукция (в млн. дов. руб.)												
а) с муком.-крупян.	107,8	99,1	453,0	659,9	190,5	454,7	1.772,8	2.418,0	205,7	535,0	2.105,3	2.846,0
б) без муком.-крупян.	26,1	28,9	201,1	256,0	25,0	200,0	754,0	979,0	28,0	244,0	937,0	1.209,0
Вся промышленность												
Валовая продукция												
а) с муком.-крупян.	828,9	128,4	520,9	1.478,2	3.727,5	705,7	1.941,8	6.375,0	6.201,7	985,0	2.270,3	9.457,0
б) без муком. крупян.	627,6	51,1	257,3	935,9	3.276,4	377,5	842,0	4.495,9	5.652,5	527,0	1.051,5	7.231,0
Т о ж е в п р о ц е н т а х												
Валовая продукция												
С муком.-крупяной.	88,0	3,7	8,3	100,0	89,4	6,3	4,3	100,0	90,7	6,8	2,5	100,0
Без муком.-крупян.	86,9	3,28	9,82	100,0	92,5	5,0	2,5	100,0	93,4	4,7	1,9	100,0
Мелкая и кустарно-ремесл.												
Валовая продукция с муком.-крупян. . .	16,3	15,1	68,6	100 0	7,9	18,8	73,3	100,0	7,3	18,8	73,9	100,0
„ „ без муком.-крупян.	10,2	11,3	78,5	100,0	2,6	20,4	77,0	100,0	2,3	20,2	77,5	100,0
И т о г о . . .												
Валовая продукция с муком.-крупян. . .	56,07	8,7	35,23	100,0	58,5	11,1	30,4	100,0	63,4	10,4	26,2	100,0
„ „ без муком.-крупян.	67	5,4	27,6	100,0	72,8	8,4	18,8	100,0	78,2	7,3	15,5	100,0

Из сопоставления этих цифр следует совершенно бесспорный вывод, что в последний год периода военного коммунизма, который был годом наибольшего нажима на частный капитал, удельный вес частного капитала в валовой продукции как крупной, так и мелкой кустарно-ремесленной промышленности, был значительно выше, чем в последние три года (1924—1927) новой экономической политики.

Приведенные нами таблицы показывают, что государственная и кооперативная промышленность за годы нэпа увеличила свою продукцию значительно более быстрым темпом, чем частная.

В этом один из важнейших итогов новой экономической политики. Социалистический сектор при нэпе из года в год растет, занимая все новые и новые позиции. Рост социалистической промышленности идет гораздо быстрее роста капиталистической, и в этом залог победы социализма.

Е. Хмельницкая

К вопросу о мирохозяйственных связях СССР

Характеристика принятого партией курса в отношении мирохозяйственных связей СССР, как курсов на „хозяйственную автаркию", начинает становиться традиционной в нашей экономической литературе. Нет сомнения, такая характеристика связана с рядом, может быть не всегда ясно осознанных и формулированных оценок значения этого курса для судеб развития нашего хозяйства.

В самом деле, каков ряд представлений, связанных с тенденцией к хозяйственной автаркии в современной экономике? Как известно, тенденция к хозяйственному самодовлению (автаркии) начала проявляться в последнюю империалистическую эпоху на фоне бешеного роста мирохозяйственных связей. Она шла в разрез основному мотиву в современном капитализме — срастанию „народных хозяйств" в единый мировой производственный организм. И в этой борьбе двух диаметрально противоположных тенденций как в капле воды отражается вся противоречивость мировой капиталистической системы. Если движущим импульсом в борьбе „национальных" групп буржуазии является выход на мировую арену, за пределы государственных границ, то именно это стремление порождает попытки создать независимое и самодовлеющее народное хозяйство, наиболее обороноспособное в современных условиях. Правда, стремления к замыканию империалистических „народных хозяйств" находятся также под воздействием отдельных групп национальной буржуазии, непосредственно заинтересованной в поощрении отечественных отраслей хозяйства. Достаточно указать на давление немецких аграриев на таможенную политику, аргументированное именно патриотическими соображениями о необходимости создать устойчивое и независимое в случае войны сельское хозяйство. Однако, все же основной движущей пружиной тенденции к хозяйственному замыканию империалистических стран является стремление упрочить хозяйство на случай военных столкновений и блокады. Вместе с тем, автаркия здесь, по существу, играет роль средства для достижения цели противоположного характера — грядущего расширения мирохозяйственных связей и мирового господства, цели, вызывающей самые военные столкновения. [1]

[1] „Когда в августе 1914 г. одно государство за другим было втянуто в войну, выяснилось почти повсюду, что хозяйственно-техническая подготовка к войне была недостаточна. Особенно ярко это обнаружилось в странах, у которых мирохозяйственные связи были немедленно оборваны. Но и в тех странах, которые все время пользовались производительными силами мира, в течение ряда лет сказывались чувствительные пробелы военно-хозяйственной подготовки. Эти недостатки вызвали решение в будущем строить народнохозяйственное производство таким образом, чтобы в случае войны эта зависимость по возможности была сведена к минимуму".

„Национальная хозяйственная политика в современном понимании напоминает хозяйственные представления средневековья: все, что может быть произведено, должно производиться в стране. Но это положение содержит все же противоречие, которое одновременно показывает границы выполнения этого тезиса, поскольку при этом молчаливо, но не менее серьезно добавляется: все, что может быть вывезено, должно вывозиться. К самой природе этой „национальной хозяйственной политики" относится одновременное ограничение ввоза и поощрение вывоза, как жизненно-необходимые условия для нации. Поставленная задача таким образом превращается в квадратуру круга" (B. Harms, „Vom Wirtschaftskrieg zur Weltwirtschaftskonferenz", стр. 280—283).

Уже самая природа этих автаркических устремлений империалистических стран со всей очевидностью показывает, что автаркия перекрещивается и перевешивается гораздо более могущественной линией роста и консолидации мирового хозяйственного единства. Одновременно здесь особенно отчетливо проявляется противоречие между мировым характером производства и национально-ограниченными рамками государственных надстроек,—одно из основных противоречий современного капитализма.

Автаркия может представляться и актом самозащиты более слабых звеньев империалистического мирового хозяйства против военного и хозяйственного напора противников. Так, продукты Версальского мира и балканизации Европы — многочисленные лимитрофные государства сплошь и рядом делают потуги создать подобие базы для хозяйственной независимости путем насаждения тяжелой индустрии и т. п. И в этом случае стремление к автаркии несомненно преодолевается гораздо более могущественной линией подчинения мировому хозяйству. Победа мирового хозяйства здесь базируется не только на слабости и ограниченности материальных предпосылок таких „второразрядных" народных хозяйств.

Ибо единство мирового хозяйства дано не только в теснейшем сплетении производственного базиса современного капитализма, но и во всеобщем, универсальном характере господствующей в нем социальной формы. Как форма мирового господства капиталистических отношений, мировое хозяйство обусловливает темп и характер развития отдельных его частей („народных хозяйств"). Поэтому борьба за хозяйственную независимость таких стран — об'ектов империалистического господства по своей утопичности и безнадежности напоминает борьбу мелкого ремесленника против победоносного шествия крупного капитала.

Уже этих беглых замечаний о характере и границах тенденции к автаркии в современном мировом хозяйстве достаточно для того, чтобы судить о том, какие принципиальные отличия отделяют курс

на хозяйственную независимость СССР от этой тенденции. Хозяйственная независимость Советского Союза, естественно, ни по природе, ни по задачам не имеет ничего общего с автаркическими устремлениями стран империалистического государства. Но она столь же глубоко отличается и от автаркических попыток стран, являющихся об'ектами мировой империалистической эксплоатации, ибо положение СССР в мировом хозяйстве принципиально отличается от мирохозяйственного положения любой капиталистической государственной единицы. СССР существует в мировом хозяйстве не на положении подчиненной части единого целого, а на положении самостоятельной и принципиально противоположной системы. Здесь имеет место не срастание, а борьба двух враждебных систем. Расширенное воспроизводство новых социалистических отношений противостоит мировой экспансии капиталистических отношений. Для капиталистического „народного хозяйства", судьбы которого неразрывно связаны и обусловлены единством мирового хозяйства, автаркия представляется реакционным и утопическим устремлением. „Не хозяйственная автаркия, а усиление интернациональных отношений при одновременном „национальном" сплочении и нарастании новых конфликтов на почве мировой конкуренции — такова дальнейшая эволюция". [1] Принципиальные качественные отличия курса на хозяйственную независимость СССР от этой линии в мировом хозяйстве настолько велики, что жонглирование термином „автаркия" здесь связано с самыми поверхностными и некритическими аналогиями. К сожалению, некритическое злоупотребление терминами капиталистического хозяйства здесь не может быть оправдано одними лишь недостатками нашей экономической терминологии. Мы убедимся в этом, когда перейдем к рассмотрению следующей стороны проблемы хозяйственной независимости СССР.

Предварительно эта проблема может быть формулирована следующим образом. Представляет ли поставленная перед хозяйственным строительством СССР задача создания экономической независимости противоречия задаче максимально быстрого темпа развития производительных сил? В каких пределах эта коллизия может найти свое выражение?

Нельзя сказать, что эта проблема нашла себе сколько-нибудь отчетливую цифровую и принципиальную характеристику в нашей экономической литературе. Тем не менее, выводы еще неисследованной проблемы сплошь и рядом антиципируются во вполне определенном направлении. Достаточно указать на всю критическую литературу вокруг пятилетнего плана развития народного хозяйства. Мы позволим себе воспользоваться наиболее краткой и афористической формулировкой этой точки зрения, общей очень большому количеству критиков пути индустриализации, запечатленного в наших перспективных планах и наметках. Оценка этого пути формулируется (примерно) как „поверхностная индустриальная экспансия, обусловленная господствующей у нас автаркической концепцией". Ниже мы остановимся подробнее на этом положении. Сейчас отметим лишь, что даже весьма „ученая" и сложная формулировка этого тезиса не оставляет никаких сомнений в его смысле. Более популярно та же мысль выражена другим автором, который глубоко убежден в том, что „стремление при нашей бедности капиталами, техническими силами и даже высококвалифицированными рабочими, развивать всякого рода производства, не считаясь с их стоимостью и рентабельностью, есть... совершенно ложное понимание принципа индустриализации. Индустриализация вовсе не должна сводиться к стремлению превратить страну в самодовлеющее целое или автаркию". [1]

Далее следует категорическое утверждение о том, что „те условия международного разделения труда, о которых писал еще Адам Смит, продолжают существовать даже при условии различной политической и экономической структуры государства". [2]

Следует отметить, что автор действительно подошел к корню вопроса — к пониманию условий международного разделения труда. Мы позволим себе, однако, усумниться в надобности реставрации представлений времен Адама Смита (и Листа!) об естественных, самим богом установленных законах международного разделения труда. О каких „независящих от экономической структуры государств" законах международного разделения труда идет речь? Разве то разделение труда, которое установилось между русским сельским хозяйством — поставщиком необработанного сырья, и мировыми потребителями его, является результатом каких-либо „естественных" законов? Разве не в экономической структуре русского народного (и мирового) хозяйства заложены те причины, которые создали слабость металлопромышленности, односторонне зерновой, хищнический характер земледелия, отсутствие ряда отраслей, безусловно обладающих достаточной сырьевой базой в естественных богатствах страны?

„Наш довоенный экспорт зерновых хлебов, возрастая в общем в абсолютных размерах, обнаруживал при ближайшем рассмотрении целый ряд ненормальностей, вредных с точки зрения народнохозяйственных интересов России. Это, прежде всего, все усиливавшаяся зависимость его от Германии, диктовавшей нам свои условия, заставлявшей нас вывозить те виды хлебов, какие оказывались ей выгодными, а не те, которые, как, например, пшеница и рожь, было бы выгодно экспортировать нам самим. Далее, также в интересах Германии, мы экспортировали не муку, а зерно и, сверх того, вывозили в большом количестве отруби от русского помола. Германия сама, производя не более 3,6 млн. тонн ячменя, получала почти такое

[1] Н. Бухарин, „Империализм и мировое хозяйство", ГИЗ, 1924 г., стр. 145.

[1] А. А. Дезен, „Долгосрочный кредит". Финанс. Изд., М. 1928, стр. 71.

[2] Там же, стр. 72.

же количество из России и кормила свой скот русским ячменем и отрубями, тогда как у нас скотоводство уже давно находилось в состоянии неустойчивого равновесия и требовало для своего поддержания целого ряда специальных мероприятий".[1]

Не меньшую роль играло давление таможенного тарифа, международной биржи и политики иностранного капитала в тяжелой индустрии для того разделения труда, которое установилось между русской индустрией и мировой (например, защита от ввоза сырья и грубых индустриальных изделий и фактическое поощрение ввоза тонких и сложных машин и оборудования).[2]

Суть вопроса как-раз и заключается в том, что условия международного разделения труда в современном мировом хозяйстве никак не могут быть оторваны от его экономической и политической структуры.

Конечно, географические условия влияют на международную конфигурацию отдельных отраслей производства. Все усилия к созданию хозяйственной автаркии не могут породить на территории Англии хлопковую базу для местной текстильной промышленности. Однако, то обстоятельство, что в Индии в результате ряда экономических процессов, обусловленных в значительной мере влиянием империалистической войны, намечается мощный расцвет текстильной промышленности на базе местного хлопка, ведь не связано с изменением природных и климатических условий. Место не позволяет нам умножить примеры радикального изменения физиономии и условий международного разделения труда для ряда колоний и областей молодого капитализма. В основе этих изменений несомненно лежит, прежде всего, ряд причин, обусловленных именно структурой современного мирового хозяйства.[3]

Разделение труда в мировой капиталистической системе складывается в процессе борьбы империалистических групп, в процессе экономического давления стран империалистического господства на области своей эксплоатации. При данных географических и природных условиях именно это соотношение сил определяет место народного

[1] Н. Огановский, „Народное хозяйство СССР в связи с мировым". Изд. Центросоюза. М. 1925 г., стр. 59.

[2] См. Гриневецкий, „Послевоенные перспективы русской промышленности", а также многочисленные данные в сборниках „Материалов к пересмотру русско-германского торгового договора".

[3] На необходимость коренного пересмотра этих старых представлений указывает в последнее время проф. Гармс: „Во всяком случае международное разделение труда все меньше и меньше соответствует тому ходячему представлению, которое сложилось о нем. Лучше всего было бы вообще отбросить эти старые понятия и выработать новую, соответствующую действительности терминологию на основе изучения тенденций развития международной специализации производства" (B. Harms „Vom Wirtschaftskrieg zur Weltwirtschaftskonferenz". Jena, Verl. Gustav Fischer, 1927, стр. 289).

хозяйства в системе международного разделения труда. Для „народных хозяйств", находящихся в положении об'ектов эксплоатации, данное положение в системе международного разделения труда оплачивается ценой извлечения весьма значительных долей прибавочного продукта. Достаточно сослаться хотя бы на общеизвестный пример Англии, накопляющей за счет своих колоний и доминионов именно на основе сложившихся в Британской империи условий разделения труда. Длинная цепь таможенных договоров и вся история экономической политики царской России также достаточно ярко показывает значение воздействия мирового хозяйства на экономическую структуру страны, а следовательно, и на условия международного разделения труда для нее.

Вряд ли можно сомневаться в том, что это деление мирового хозяйства сказывалось бы еще сильнее при условии, если бы колесо истории повернуло вспять и реставрировались бы „нормальные" (для капитализма) взаимоотношения между Россией и мировым хозяйством.

Трезвый представитель национальных буржуазных интересов, проф. Гриневецкий, в своих гипотезах восстановления русского народного хозяйства достаточно отчетливо формулирует эту перспективу перехода на положение экономически порабощенной и эксплоатируемой страны. При условии „открытых дверей", совершенно неизбежном в обстановке капиталистической реставрации России, перспективы развития производства внутри страны строятся им на основе значительнейшего сокращения металлопромышленности, текстиля, всех отраслей („разные") более сложного производства, перехода лишь на наиболее грубые и малоценные производства, не представляющие интереса для иностранного капитала.[1] В известном произведении Моультона и Пазвольского[2] столь же ярко продемонстрирована цена, которую пришлось бы уплатить нашему народному хозяйству за возможность „максимального использования выгод международного разделения труда".

Таким образом, сравнивать выгоды от использования мирохозяйственных связей с последствиями курса на хозяйственную неза-

[1] Он говорит: „В будущем иностранный капитал может найти весьма выгодное для себя приложение в эксплоатации таких отраслей хозяйства (разработка естественных богатств. Е. Х.), обставив себя зато рядом преимуществ и концессионных прав. Если в прошлом можно было рассчитывать на сравнительно подчиненное положение иностранного капитала и на значительную роль государства, то в будущем, при политическом и экономическом ослаблении государства, придется примириться с господствующим положением иностранного капитала". „Кровные интересы нашей промышленности, нашего рабочего класса и нашего социально-экономического развития будут обеспечиваться не нашей политической мощью, а лишь той или другой заинтересованностью в нашей судьбе других борющихся держав" (цит. соч. стр. 72, 74).

[2] Л. Пазвольский и Г. Моультон, „Русские долги и восстановление России". Фин. издат. НКФ, М. 1925 г. См. также статью тов. Виноградского в № 12 „План. Хоз." за 1927 г.

висимость можно не „вообще", а лишь при учете данной экономической и социальной структуры мирового хозяйства. Несомненно, по отношению к тем возможностям хозяйственного роста, которые представятся в условиях победы социалистической системы отношений в мировой сфере, отказ от курса на максимальное расширение мировых связей связан с известными ограничениями темпа роста. Это столь же бесспорно и очевидно, как и факт неизбежного отвлечения известной доли наших экономических ресурсов для целей обороны страны. Но поскольку речь идет о развитии СССР в обстановке капиталистического окружения, постольку возможности использования международной специализации производства могут рассматриваться лишь в свете всей той суммы глубочайших противоречий, которые присущи природе мирового капиталистического хозяйства. Выпячивать на передний план прогрессивную сторону мирохозяйственных связей и затушевывать эту оборотную сторону медали можно лишь ценою самой откровенной апологетики капитализма. Такой апологетический привкус, несомненно, чувствуется и во многих популярных ныне рассуждениях о вреде курса на „хозяйственное замыкание" СССР.

Возможны ли, однако, временные и частичные коллизии между задачей создания хозяйственной независимости СССР и задачей убыстрения темпа нашего экономического развития? Конечно, такие возможности, особенно в начальном отрезке периода реконструкции нашего хозяйства, не исключены. Сложившееся ныне разделение труда между СССР и мировым окружением в основном является функцией не столько географических условий, сколько исторической отсталости нашего хозяйства. Эта отсталость находит, в частности, выражение в разрыве цен внутреннего и мирового рынка. В этих условиях закупка ряда средств производства за границей может быть связана с относительно меньшими затратами, нежели производство их внутри страны. Этим самым уже дана возможность таких частичных противоречий. Вопрос заключается в методах их разрешения. Если считать, что нынешние соотношения производства внутри страны и на мировом рынке даны „естественными законами международного разделения труда", их же не прейдеши, решение может быть, конечно, лишь в пользу курса на систематический и все расширяющийся ввоз недостающих средств производства из-за границы. Иными словами, вопрос сводится к принципиальной установке по отношению к курсу на хозяйственную независимость в целом. С точки зрения той оценки проблемы, которую мы пытались наметить выше, такое решение коллизии вовсе не представляется обязательным. Дело хозяйственной целесообразности на основе конкретного подсчета решить вопрос о порядке очередности, в которой следует осуществлять линию на создание отраслей, производящих средства производства внутри страны, и на эмансипацию от ввоза из-за границы. Конечно, не „всякий рубль, затраченный на покупку тех или иных товаров за границей" [1] у нас может считаться потерянным. Но отвлекаясь от такого нарочито утрированного изображения дела, следует признать, что всякий вывезенный за границу рубль, который мог бы быть более эффективно (с точки зрения задачи хозяйственной независимости) потрачен на создание и расширение данной отрасли производства внутри страны, является потерянным. Повторяем, здесь в каждом конкретном случае должен быть точный хозяйственный подсчет. Но общим критерием этого конкретного подсчета может служить не идеализация выгод международного разделения труда, а лишь общая задача создания хозяйственной независимости страны.

Можно ли этому критерию противопоставлять другой, выдвигаемый тов. Базаровым принцип массовости производства? В качестве вывода из этой руководящей идеи В. А. Базаров выдвигает следующее положение:

„Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам" („План. Хоз." № 2, 1928 г. стр. 48).

Приведенное положение весьма ярко показывает, на наш взгляд, что поставленная В. А. Базаровым проблема индустриальной экспансии ш и р е вопроса об очередности реконструктивных работ. Критерий массовости здесь отчасти противопоставляется критерию создания хозяйственной независимости страны. Ниже мы еще вернемся к самому содержанию этого критерия. Сейчас лишь отметим, что В. А. Базаров допускает отклонения от этого критерия рациональной реконструкции в пользу узкой группы кадровых предприятий. Необходимая обороноспособность никак не может быть удовлетворена в настоящее время даже довольно широкой группой „кадровых" оборонных предприятий. При современном характере вооруженных сил и военных столкновений нет, в сущности, ни одной, сколько-нибудь существенной (за исключением разве специфических производств предметов роскоши) отрасли народного хозяйства, лишенной оборонного значения. Это показывает и опыт капиталистических стран, форсирующих такие, казалось бы, далекие от продукции специально военного назначения отрасли, как кожевенная промышленность, точное машиностроение (в Англии) и т. д.

Вот почему эта оговорка не защищает тезис В. А. Базарова от упрека в противопоставлении его задаче создания хозяйственной независимости страны.

Поскольку принцип массовости должен зачастую отступать перед этим вероятным принципом, еще раз обнаруживается возможность частичных противоречий задаче максимального темпа хозяйственного роста.

[1] А. Дезен. Цит. соч., стр. 17.

Таким образом, частичные и временные коллизии целиком укладываются в рамки уже решенного спора о сочетании задач развития производительных сил страны с задачами строительства обобществленных форм производства („Спор о примате производительных сил"). Решение это для марксиста очевидно в том смысле, что между этими двумя сторонами проблемы экономического строительства нет и не может быть сколько-нибудь длительных противоречий, ибо лишь социалистическая форма производства может обеспечить действительно максимально благоприятные условия для развития производительных сил. Точно также и в рассматриваемой нами проблеме временный и частичный эффект от максимального использования международного разделения труда можно считать перевешивающим результаты противоречивости современной мировой хозяйственной системы лишь при условии явно апологетического приукрашивания капиталистической действительности. Таково действительное соотношение между линией на экономическую независимость СССР и проблемой темпа хозяйственного развития.

Проблема создания хозяйственной независимости страны должна быть рассмотрена также с точки зрения условий равновесия нашей экономической системы. Очевидно, в этой связи необходимо поставить вопрос о типе нашего индустриального развития, ибо различные типы индустриализации создают разные условия для поддержания равновесия в производственной системе народного хозяйства. Индустриализация может иметь своим центральным пунктом развитие отраслей, перерабатывающих сырье, и в этом случае баланс производства должен выравниваться за счет широкого ввоза средств производства извне (индустриализация Индии). Другой тип равновесия в производстве представляет индустриализация, базирующаяся на переработке сырья, получаемого на мировом рынке. Этот тип характерен для индустриального развития таких стран, как Германия и Англия. Наконец, типы индустриализации могут различаться по роли и удельному весу решающих отраслей в народном хозяйстве. Именно на этой стороне вопроса мы и остановимся здесь, в связи с приведенным выше положением о поверхностном характере нашей индустриальной экспансии, вытекающем из господства автаркической концепции. В самом деле, „поверхностной индустриализации" может быть противопоставлен другой тип индустриального развития, который аналогичен так называемому монокультурному направлению хозяйства. Аналогия здесь не совсем полная, поскольку представление о монокультурном типе хозяйственного развития обычно связывается с чисто аграрными, колониальными дополнениями в мировом хозяйстве. Более удачным нам представляется принятое в настоящее время в немецкой литературе определение — „Schlüssel und Angelgewerbe". [1] Эти термины, с трудом поддающиеся точному переводу, могут быть описательно раз'яснены следующим образом. Существуют типы народного хозяйства, в которых вся хозяйственная жизнь определяется одной или немногими отраслями производства. Самый термин „Angel" указывает на роль таких решающих отраслей в народном хозяйстве: она напоминает роль оси, вокруг которой вращаются все прочие части данного хозяйственного целого. Образчики такого типа хозяйственного развития (конечно, не в чистом виде) можно найти в ряде стран молодого капитализма, лишь недавно ставших на путь индустриализации (Аргентина, Австралия, Чили). Совершенно понятно, что отрасли производства, играющие такую роль оси, центра в народном хозяйстве указанного типа, должны максимально ориентироваться на экспорт. Лишь экспорт, как база широкого обмена с мировым рынком, может обеспечить минимальные условия равновесия подобной хозяйственной системы. Точно так же ясно, что неблагоприятный итог производства (или реализации) таких „осевых", центральных отраслей народного хозяйства должен служить очагом глубочайших кризисных потрясений в нем. Несмотря на то, что подобный „углубленный", не поверхностный тип развития народного хозяйства целиком базируется на широчайшем использовании международного разделения труда, он неизбежно связан с перманентными угрозами нарушения хозяйственного равновесия. Как мы уже отмечали выше, подобное „осевое" расположение производства в народном хозяйстве далеко не всегда обусловлено непреодолимыми географическими условиями. [1] Элементарнейшее знакомство с экономико-географическими условиями и естественными ресурсами нашего народного хозяйства не оставляет никаких сомнений в том, что и для нас подобный тип хозяйственного развития вовсе не является естественно обусловленным. В смысле соотношения основных отраслей производства в наших условиях безусловно имеются все данные для развития как раз противоположного, интегрального типа народного хозяйства. И наоборот, подобный односторонний тип развития у нас мог бы сложиться, если бы давление мирового хозяйства преодолело силы сопротивления нашей страны, и развитие обусловливалось бы интересами крупнейших империалистических группировок. Гипотезы Гриневецкого, упомянутые выше, достаточно показательны в этом отношении. Поэтому не рутина „автаркической концепции", а интересы устойчивого и экономически самостоятельного народного хозяйства требуют отказа от такого „углубленного" пути развития.

Индустриальная экспансия в наших условиях скорее связана со вторым из упомянутых выше направлений — с развитием так называемых „ключевых отраслей". Содержание этого понятия сводится вкратце к следующему. По многочисленным причинам историко-

[1] См. монографию Кильского института мирового хозяйства: H. Mühlig—Hoffmann, „Die Angelerzeugung. Untersuchung eines Strukturtypus der Volkswirtschaft".

[1] „Представление, что все современные области осевого производства самой природой навели на такое положение, нуждается в основательном пересмотре" (B. Harms, „Strukturwandeungen der Weltwirtschafft", стр. 293).

экономического характера, промышленная система в народном хозяйстве может сложиться таким образом, что отдельные стадии производства либо целиком отсутствуют и восполняются заграничным ввозом готовых изделий, либо связаны с получением полуфабрикатов и материалов извне. Таким образом, эти отсутствующие или слабо развитые отрасли производства по своему положению напоминают роль ключа к двери, которую он открывает. Самый термин здесь, очевидно, основан на этой аналогии. Для западной индустрии характерен пример текстильной и красочной промышленности Англии. До войны ценность ввозимых (главным образом, из Германии) красителей равнялась почти точно одному проценту ценности продукции, потребляющей эти красители текстильной промышленности. При этом речь идет об отраслях производства, находящихся в минимуме не вследствие непреодолимых географических условий, а лишь вследствие исторически обусловленной отсталости. Таким образом, ввоз сырья для нашей резиновой промышленности, напр., не относится к рассматриваемому нами случаю. Зато сюда могут быть отнесены ряд отраслей химической промышленности, точное машиностроение, определенные сорта полуфабрикатов кожевенной промышленности (тяжелые кожи) и т. д. Мы бы сказали, что в наших условиях, в отличие от западной промышленности, область таких [1] „ключевых", находящихся в относительном минимуме, отраслей расширяется и переходит в так называемую проблему „узких мест" в нашей индустрии. Эти „узкие места", представляющие частные функции нашей общей технической отсталости, в то же время могут служить причиной серьезнейших нарушений равновесия в народном хозяйстве. Для процесса индустриального развития капиталистического Запада в настоящее время характерно стремление эти „узкие места" по возможности заполнить, зачастую даже вопреки стихийному давлению условий рентабельности. На этот путь становятся и страны молодого капитализма, так, например, Аргентина стремится не только наладить собственную переработку кожевенного сырья, но и производство необходимых материалов для этого, которые раньше ввозились из Европы. Австралия пытается направить развитие химической промышленности таким образом, чтобы иметь возможность использования своих запасов руды. Примеры легко можно было бы умножить. В мировом хозяйстве этот процесс, естественно, встречает противодействующие тенденции в виде углубления и качественного улучшения затронутых им производств в странах старого индустриального развития.

В том толковании проблемы индустриальной экспансии, которое дается В. А. Базаровым, развитие таких „ключевых" [отраслей

[1] На Западе к таким отраслям относятся относительно небольшие по об'ему, но существенные, производства. „Речь идет об относительно малых отраслях производства готовых фабрикатов, от которых зависят более крупные отрасли индустрии и которых нет в стране, несмотря на то, что имеются данные для их развития" (Harms, „Strukturwandlungen der Weltwirtschaft", стр. 293).

в значительной мере оказывается противоречащим принципу массовости, как основному критерию реконструкции. Ведь с самым понятием „ключевой" отрасли связан относительно небольшой об'ем ее. Если бы речь шла об отраслях, не имеющих существенного значения для равновесия нашего производственного организма, то отрицательный признак — „отсутствие достаточно широкой базы внутри СССР",—само собой разумеется, был бы налицо, и тем самым, их судьба была бы предрешена! Но в случае, рассматриваемом нами, база внутри СССР является достаточно широкой уже хотя бы потому, что без пропорционального развития таких „узких мест" в народном хозяйстве немыслимо устойчивое развитие отраслей, „потребность в которых уже носит достаточно массовый характер".

Таким образом, с точки зрения устойчивости народного хозяйственного организма создание отдельных отраслей, может быть и несоответствующих западно-европейским представлениям об оптимуме размеров и массовости производства, является совершенно неизбежным. И это относится не только к узкому кадру специфически оборонной индустрии, но и к целому ряду отраслей, играющих роль „ключа" в системе построения гармоничного и независимого народного хозяйства.

Во всяком случае, если с этой точки зрения конкретно рассмотреть задачи индустриализации по отдельным отраслям нашего народного хозяйства, то совершенно очевидно будет их значение для создания условий равновесия и устойчивости. Поскольку задача построения такого устойчивого материального базиса производства неразрывно связана с курсом на экономическую независимость, упрек в поверхностном характере нашей индустриализации отпадает. Если же этот упрек относится не к стремлению заполнить бреши и узкие места, а к установке на развитие решающих, опорных пунктов индустриализации (металл, машиностроение электрификация), то речь идет уже не о типе индустриализации, а о самом ее содержании. В таком случае это возражение можно рассматривать лишь как своего рода „дымовую завесу" для атак, направленных на существо нашей современной экономической политики.

Как уже отмечалось выше, и содержание и направление строительства экономически независимой базы хозяйства основано на решительном противопоставлении экономической структуры нашего хозяйства структуре капиталистического мира. Если считать, что факт нашего существования в капиталистическом окружении неизбежно связан со включением в сферу действия законов мирового хозяйства, то и ответ на все постановленные проблемы должен быть иным. Однако, чрезвычайно сложный вопрос о том, в какой мере законы мирового капитализма воздействуют на наше хозяйство, выходит за рамки настоящих заметок.

С. Г. Струмилин

Расслоение советской деревни[1]

I. О методах изучения

Социальная структура советской деревни и те динамические процессы, какие в ней происходят за последние годы, представляют для нас интерес первостепенной важности. Но, к сожалению, несмотря на многочисленные попытки изучения этой структуры, мы еще очень недалеко ушли в указанной области. У нас нехватает для этого не только достаточно надежных статистических материалов, но и твердо установленных научных методов и приемов.

У нас пользуется широким правом гражданства расчленение деревни на бедняцкие, середняцкие и кулацкие социальные группы. Но кого и по каким об'ективным признакам следует относить к той или иной из этих групп, никем не установлено. Классовый подход требует от нас группировки по признаку эксплоатации. К беднякам следовало бы относить все эксплоатируемые группы деревни, к кулакам — эксплоатирующие, к середнякам — промежуточные, не эксплоатирующие и не эксплоатируемые. Теоретически это, казалось бы, очень четкий и ясный критерий. Но практически указать точные границы между разными слоями деревни по признаку эксплоатации чрезвычайно трудно.

Прежде всего, можно было бы использовать для такого разграничения формальный признак найма или отпуска рабочей силы. Но, во-первых, сроковый наем рабочей силы в нашей деревне распространен очень слабо, а поденный далеко не всегда может служить надежным признаком эксплоататорского хозяйства. А затем не следует забывать, что найм найму рознь. В деревне у нас до сих пор очень мирно уживаются рядом с элементами нового коллективистического хозяйства и старые элементы капитализма и даже пережитки еще более архаических докапиталистических укладов. На ряду с капиталистическим наймом ради эксплоатации вы встретите здесь и чисто потребительский наем батрака какой-нибудь бобылкой или солдатской женой в таких хозяйствах, которые отнюдь не производят каких-либо товарных излишков на широкий

[1] Настоящий очерк представляет собою извлечение из коллективного сборника „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г. по данным налоговых сводок", который в настоящее время находится в печати в изд. НКФ.

рынок. Кроме того, как это указывал еще В. И. Ленин, необходимо строго различать и такие диаметрально противоположные виды найма, как „наем батрака или поденщика и наем соседа хозяина, который должен своим инвентарем обработать землю нанимателя".[1] В первом случае эксплоатируется наемник, а во втором, по общему правилу, совсем наоборот, — сам наниматель. Наконец, не мало затруднений представят для исследователя и те весьма многочисленные крестьянские дворы, которые в разные сезоны, а то и одновременно и отпускают и нанимают рабочую силу. Куда их отнести — к эксплоататорам или эксплоатируемым?

На ряду с формальным признаком найма для изучения социального расслоения деревни может служить и материальный признак — обеспеченность средствами производства, т.-е. землею, скотом, инвентарем и т. д. Недостаток этих средств для полного использования наличной в хозяйстве рабочей силы является необходимой предпосылкой для возникновения тех или иных форм зависимости этого хозяйства от других хозяйств; избыток их, наоборот, является первейшей предпосылкой для предпринимательства и эксплоатации чужого труда. Отсюда, именно, берут свое основание многочисленные попытки исследователей использовать для изучения социальной структуры деревни имеющиеся у нас группировки крестьянских хозяйств по посеву, рабочему скоту и тому подобным натуральным признакам. Но и эти попытки, к сожалению, нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными.

Основное достоинство группировок по натуральным признакам заключается в их элементарности и доступности. Статистически это наиболее простая и дешевая операция. Но не всегда наиболее дешевая операция может быть признана и наиболее эффективной. В самом деле, какие у нас имеются пути, чтобы перейти, скажем, хотя бы от посевных группировок к социальным. На первый взгляд представляется совершенно бесспорным, что с возрастанием посева на двор возрастает и его хозяйственная мощность. Однако, на деле даже это представляется очень спорным. Большой посев при отсутствии рабочего скота и инвентаря иной раз дает гораздо меньше, чем меньший посев при наличии собственного скота и инвентаря. Кроме того, гектор посева льна или хлопка совсем не равен гектору ржи или овса. Точно также гектор посева на Кубани далеко не эквивалентен такому же гектору в Псковской или Костромской губернии.

В 1925 году ЦСУ произвело опыт социального расчленения деревни по посевным группам в своем хлебофуражном балансе, и этот опыт оказался столь неудачным, что теперь едва ли кто захочет его повторить в ближайшем будущем. Но группировка по скоту и сейчас находит еще весьма авторитетных защитников. Ее и сейчас

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. III, М. 1923 г., стр. 118.

многие находят вполне пригодным методом для изучения социальной структуры деревни. И действительно, она имеет целый ряд преимуществ по сравнению с посевными группировками. В особенности, если ее осложнить рядом других признаков. Но даже в весьма усложненном виде, т.-е. в комбинации с другими натуральными признаками, группировка по скоту может стать лишь суррогатом социальной группировки.

Натуральные признаки хозяйственной мощи двора в условиях товарного хозяйства вообще приходится рассматривать в нашей статистике как атавистический пережиток какого-то другого более примитивного уклада. Во времена крепостного права и соответствующего ему патриархального быта пользование ими, конечно, было бы более уместным. Но теперь, благодаря рынку, мы прекрасно знаем, что, скажем, рабочая лошадь в кулацком и бедняцком хозяйстве и по своей силе и по хозяйственному использованию и по рыночной цене, отражающей в себе все другие качества, совсем не одно и то же. При этих условиях уже простой учет скота числом голов является довольно скверным суррогатом ценностного учета. А социальная группировка хозяйств по числу голов скота, где эта единица измерения для каждой группы заведомо имеет разное значение, и вовсе мало пригодна.

Конечно, средства производства могут быть даны и в ценностном выражении для группировки хозяйств по обеспеченности скотом, инвентарем, хозяйственными строениями, семенами и т. п. производственными ценностями.[1] Но все же достигнуть расчленения деревни на классовые группы этим приемом чрезвычайно трудно. И прежде всего потому, что недостаток или избыток средств производства является только необходимым условием возможности эксплоатации, но далеко еще не достаточным для констатации ее наличия. Избыток средств производства отнюдь еще не превращает их автоматически в капитал, т.-е. орудие эксплоатации чужого труда. В полунатуральном хозяйстве крестьян каких-нибудь сибирских окраин такой избыток средств производства и теперь нередко может быть назван, говоря языком Глеба Успенского, скорее „пропиталом," чем капиталом. Он лежит у него в виде многолетнего запаса хлеба или ходит на ногах в виде лишней лошади и коровы, выполняя роль известного производственно-потребительского резерва, но отнюдь не превращаясь в активное средство извлечения прибавочной ценности. Хозяйства с такими резервами „пропитала" отнюдь не следовало бы еще зачислять в категорию кулацких.

К тому же, если бы мы решились даже вовсе не считаться с такими моментами, то откуда взять численную меру для определения наличия „избытков" или „недостатков" средств производства в том или ином хозяйстве. Мы можем легко разделить деревню на группы со средствами производства до 200 руб. на двор, от 200 до 500, от 500 до 800, от 800 до 1.400 и от 1.400 руб. и выше, как это сделал тов. Гайстер, или как-угодно иначе, но сказать, где в этих группировках кончается „бедняк" и начинается „середняк" или „кулак" гораздо труднее. Во всяком случае, если разуметь под этими понятиями классовые группировки, то установить конкретные цифровые грани между ними по размеру средств производства едва ли возможно без крайнего произвола.

[1] См. очень интересный в этом отношении опыт А. Гайстера, „Расслоение советской деревни", М. 1928 г.

Мне кажется, однако, что возможен еще один прием классового расчленения деревни, гораздо более свободный от условностей и произвола. В условиях крестьянского хозяйства, конечно, не следует ожидать слишком четкого разделения на классы. Мы присутствуем здесь лишь при самых начальных процессах образования классов. Формы классовой эксплоатации, какие здесь можно наблюдать, довольно сложны и многообразны. Вы здесь встретите и наем, и арендные отношения, и неэквивалентный обмен, и прямое ростовщичество в таких запутанных комбинациях, что не всегда даже возможно установить, кто именно из контрагентов, в конечном счете, явится эксплоататором и кто эксплоатируемым. Но если исходить из принципа, что судить надо по результатам хозяйственного процесса, т.-е. по величине общего дохода от всех операций данного хозяйства, то отнести его к той или иной социальной группе будет гораздо легче. Если данное хозяйство чаще выступало в роли эксплоататора, чем эксплоатируемого, то в его доходе должно заключаться сверх необходимого продукта еще известное количество продукта прибавочного, а стало быть и прибавочной ценности. Если же, наоборот, мы имеем дело с эксплоатируемым хозяйством, то никакой прибавочной ценности в его доходе не обнаружится.

Говоря иначе, мы выдвигаем на обсуждение в качестве метода изучения социальной структуры деревни идею подоходной группировки хозяйств.

Еще В. И. Ленин при изучении разложения дореволюционной русской деревни весьма решительно отвергал ничего не дающую в этом отношении группировку по наделу и высказывался за пользование „исключительно группировкой по хозяйственной состоятельности".[1] Правда, по состоянию нашей тогдашней земской статистики ему приходилось пользоваться в качестве мерила „состоятельности" крестьянства все теми же натуральными признаками наличия скота и посева. Но там, где ему представлялся выбор, как, например, при изучении американского фермерства, В. И. Ленин отдавал явное предпочтение группировке по суммарной продукции хозяйств в ценностном

[1] Собр. соч., т. III. М. 1923 г. стр. 69.

ее выражении.[1] Кстати отметим, что в указанном случае речь шла не о валовой, а о более или менее очищенной продукции этих хозяйств (за вычетом кормов), что весьма приближает данную группировку к подоходной.

Предлагая подоходную группировку для изучения классового расслоения деревни, мы, конечно, прежде всего должны указать какими методами мы сможем расчленить доход на необходимый и прибавочный продукт, ибо без этого у нас не будет критерия для отделения эксплоататорских групп от эксплоатируемых.

Правомерно ли, однако, такое расчленение дохода крестьянина на необходимый и прибавочный продукт или, говоря иначе, на заработную плату, с одной стороны, и ренту и прибыль — с другой, имея в виду всю массу крестьянства как такового? Ведь в своей основной массе — это самостоятельные производители, не применяющие наемного труда.

На первый взгляд это представляется весьма дискутабельным. Тем не менее, абстрактный анализ экономики любого общества в эпоху господства отношений найма не может сложить своего оружия и отступить перед самостоятельным производителем, исключая его вовсе из своей теоретической схемы. С точки зрения этой схемы, говоря словами К. Маркса, „в капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник распадается на два лица. Как владелец средств производства, он — капиталист, как рабочий, он — свой собственный наемный рабочий. Он платит себе, следовательно, свою заработную плату как капиталист и извлекает свою прибыль из своего капитала, т.-е. он эксплоатирует себя сам как наемного рабочего и платит себе в виде прибавочной ценности подать, которую труд должен платить капиталу. Быть может, он платит себе также и третью часть, как землевладельцу (ренту), совершенно так же, как промышленный капиталист, если работает с собственным капиталом, платит самому себе процент и рассматривает его как нечто, что он платит себе не как промышленному капиталисту, а просто как капиталисту". И дальше К. Маркс добавляет: „В действительности этот способ представления, как он ни кажется иррациональным на первый взгляд, правилен, однако, в следующем отношении: производитель, правда, создает в вышеуказанном случае свою собственную прибавочную ценность (предполагая, что он продает свой товар по его ценности), т.-е. весь продукт овеществляет только его собственный труд. Но тем, что он может присвоить себе весь продукт своего собственного труда и что излишек ценности его продукта над средней ценой его дневного труда не присваивается третьим лицом, он обязан не своему труду,— который не отличает его от других рабочих,— но владению средствами производства. Следовательно, только благодаря собственности на

[1] Там же, т. IX. М. 1923 г., стр. 239 и след.

последние он овладевает своим собственным прибавочным трудом и, таким образом, относится как свой собственный капиталист к самому себе, как к наемному рабочему. Такое разделение является нормальным отношением в этом обществе. Таким образом, где оно фактически не происходит, там оно предполагается и, как выше было показано, предполагается по праву." [1]

Теория уполномочивает нас, стало быть, разлагать на зарплату и прибавочную ценность доход даже такого самостоятельного производителя-крестьянина, весь продукт которого овеществляет только его собственный труд. Тем более это законно в отношении тех верхушек крестьянства, где мы по праву можем преполагать в суммарном его доходе и элементы присвоенного чужого труда. К. Маркс указывает нам и вполне пригодный метод для такого разложения. К прибавочной ценности мы должны относить весь излишек продукта и соответствующего ему дохода крестьянского хозяйства сверх средней нормы оплаты труда, необходимого для производства этого продукта.

Нормы оплаты батрацкого труда в деревне нам в достаточной степени известны. Батрацкий труд заведомо эксплоатируется. Нормальный доход батрацкой семьи определяется, согласно теории, минимумом средств существования, необходимых при данных общественно-бытовых условиях. Этот прожиточный стандарт заключает в себе только „необходимый продукт". Стало быть, все крестьянские хозяйства, с доходом не выше этой нормы, мы смело можем отнести в группу бедняцких, т.-е. в группу пролетарского типа.

В следующую, середняцкую, группу следовало бы отнести те хозяйства, которые, кроме батрацкой нормы дохода, т.-е. зарплаты, располагают в своем доходе и прибавочной ценностью, однако, при условии, что этот доход в целом не превышает ценности полного продукта труда данной семьи. Как некий двуликий Янус, эта промежуточная социальная группа совмещает в себе черты и рабочего и хозяина, но ее все же нельзя отнести к паразитически-эксплоататорским слоям крестьянской буржуазии, ибо она „эскплоатирует" только свой труд.

Тогда в такую паразитически-эксплоататорскую кулацкую группу попали бы только те хозяйства, которые в своем доходе получают не только полную оплату и необходимого и прибавочного труда своей семьи, но и некий излишек сверх этой нормы за счет присвоения результатов чужого труда. Если известны нормы оплаты батрацкого труда соответствующей квалификации и средняя норма эксплоатации в стране, то нетрудно определить и ту полную норму трудового дохода для крестьянского хозяйства, сверх кото-

[1] К. Маркс, „Теории прибавочной ценности", Киев. Изд. Горской, стр. 276—277, курсив наш.

рой мы будем иметь дело уже с капиталистическими доходами и стало быть, с капиталистическими верхушками деревни.

Чтобы судить о масштабах предельных доходов „бедняка“ и „середняка“ в условиях русской деревни, приведем следующую справку. В довоенное время средний годовой заработок батрака-мужчины на своих харчах достигал по Европейской России в 1910 г., примерно, 140 руб., батрачки — 86 руб. золотом, в среднем — около 113 руб. Таких зарабатывающих батраков на среднюю батрацкую семью в 4,3 души приходится 1,62 человек. Годовая зарплата их, стало быть, составит около 183 руб. золотом. К этой сумме можно еще прикинуть на натуральные приработки батрацкой семьи (от собственного производства, от самозаготовок топлива и т. п.) около 20%, т.-е. 36 р. 60 к. Весь годовой доход батрацкой семьи, стало быть, не превышал 220 руб. золотом. Норма эксплоатации наемного труда в довоенной России, по имеющимся данным, была не ниже 100—150%.[1] Говоря иначе, полный доход батрацкой семьи при отсутствии эксплоатации составил бы до 550 руб. в год. И, стало быть, применяя эти нормы для подоходной группировки крестьянских хозяйств нашей довоенной деревни, мы могли бы, говоря грубо, к бедняцким хозяйствам отнести все хозяйства с доходом до 220 руб. в год, к середняцким — с доходом от 220 руб. до 550 руб. и к кулацким — с доходом свыше 550 руб.[2]

Конечно, эти нормы можно было бы уточнить и в соответствии с разным составом семьи в каждой группе, и с различиями в квалификации и оплате труда разных групп, и с разницей в индексах дороговизны жизни по различным районам. В частности, можно было бы учесть, что квалификация труда в высшей по зажиточности крестьянской группе несколько выше квалификации рядовых батраков, среди которых много молодежи и подростков. Но все эти уточнения не меняют общего подхода к разрешению указанной задачи.

Переходя к условиям советского сельского быта, можно отметить, что оплата батрацкого труда в деревне при поденном найме достигала в 1926 г. по номиналу 187% от норм 1910 г.[3] О годовом найме батраков в современной деревне у нас еще нет надежных данных. Но можно допустить, что они изменяются в том же соотношении, что и поденные нормы оплаты батрацкого труда. В какой мере изменились нормы эксплоатации батрацкого труда, сказать труднее. Но если исключить совхозы, где наемный труд оплачивается значительно выше приведенных норм, и иметь в виду только крестьянские хозяйства, то для них едва ли пришлось бы вносить существенные поправки и в довоенные нормы эксплоатации.

[1] В промышленности эта норма достигала в 1913 г., примерно, 100%, на транспорте — 120%, а в сельском хозяйстве—даже 163%. С. Струмилин, „Очерки советской экономики“. ГИЗ, 1928 г., стр. 95, 201, и его же „Условия производства хлебов в СССР“, „План. Хоз.“, 1926 г., № 2, стр. 353.

[2] Для перевода на современную червонную валюту эти лимиты пришлось бы повысить, примерно, в 1,8 раза (по крестьянскому индексу дороговизны жизни).

[3] Ср. А. Кизяев, „Поденные цены на рабочие руки в сельском хозяйстве“. „Стат. Обозр.“, май 1927 г., стр. 47, и С. Струмилин, „Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве“. „На аграрном фронте“, 1926 г., № 1, стр. 47.

Таким образом, установить конкретные лимиты для подоходной группировки хозяйств в целях изучения социальной структуры советской деревни было бы вполне возможно.

Можно было бы использовать условно в качестве одного из лимитов, отграничивающих середняка от кулака, и прожиточный стандарт индустриального рабочего. Индустриальный рабочий вследствие своей более высокой, по сравнению с батраком, квалификации оплачивается у нас ныне раза в 2,5 выше батрака. Стало быть, если доход крестьянина выше этой нормы, несмотря на гораздо более низкую его квалификацию, то в этом доходе имеются все основания усматривать элементы прибавочной ценности за счет чужого труда. С другой стороны, тех крестьян, доход которых ниже средней зарплаты индустриального пролетариата, едва ли было бы правильно и целесообразно зачислять оптом в категорию его классовых врагов — эксплоататоров этого пролетариата.

Удобство этого лимита по сравнению с другими заключается в его конкретной осязательности. Каждый крестьянин весьма охотно и, я бы сказал, очень ревниво сопоставляет свой уровень жизни с уровнем жизни рабочего. Этот аршин и общедоступен и всем понятен. Тогда как, скажем, исчисления средней нормы эксплоатации в стране, даже в капиталистических условиях хозяйства, весьма трудны и мало убедительны. А в советских условиях само понятие „нормы эксплоатации“ теряет свой смысл в отношении всего обобществленного сектора хозяйства. Поэтому установить четкую грань между середняком и кулаком, пользуясь столь условными нормами и неустойчивыми в условиях момента понятиями, было бы гораздо труднее.

Кроме того, расчленение крестьянства на социальные группы меркою батрацкого и рабочего уровней жизни имеет для нас огромный интерес и с точки зрения изучения аграрного перенаселения деревни и городской безработицы.

Крестьянские хозяйства, которым земля не обеспечивает даже батрацкого прожиточного минимума, не могут длительно существовать в качестве таковых. Эта группа, как уже вполне созревший плод аграрного перенаселения, готова каждую минуту навсегда оторваться от своего корня и пополнить собою ряды батрацкого или индустриального пролетариата. Совсем иначе обстоит дело с той группой крестьянских хозяйств, уровень жизни которых выше, чем у городских рабочих. По общему правилу эти группы вовсе не испытывают на себе мощной экономической тяги города. Неземледельческие промысла, правда, и для них очень часто служат весьма существенным подспорьем в хозяйстве. Но пополнять собою на-

долго ряды батрацкого или городского пролетариата они отнюдь не склонны. Эти группы крепче всего привязаны к земле. Промежуточное положение занимает середняцкая группа крестьянства. Она достаточно привязана к земле, чтобы не питать собою кадры батрацкого пролетариата, но городской рабочий быт представляется для нее уже гораздо более заманчивым. В порядке сезонного отхода она регулярно посылает избыточные кадры своей рабочей силы „промышлять" в городах. И те элементы из этих кадров, которым там удается приобресть необходимую квалификацию, оседают в городах не только на время, но и навсегда.

2. Налоговые данные

Применимость того или иного метода лучше всего испытывается на конкретном материале. К сожалению, мы не располагаем в настоящий момент вполне пригодным для этого материалом. Тем не менее, и тот материал, которым мы располагаем, представляет собою громадный интерес для изучения социальной структуры деревни. Мы имеем здесь в виду оперативные данные Наркомфина по обложению деревни сельхозналогом.

Несомненно, эти данные в некоторых отношениях дефектны, как все данные, собираемые в фискальных целях. Крестьянство отнюдь не всегда спешит с полной откровенностью в своих показаниях навстречу интересам органов фиска. Но, вместе с тем, эти данные обладают и многими достоинствами. И прежее всего здесь следует указать на почти исчерпывающий по своей полноте охват материала. Ежегодно Наркомфин в порядке обложения производит сплошную перепись всего сельскохозяйственного населения страны с подробнейшим учетом всех об'ектов обложения.

Это обстоятельство было бы особенно ценно с точки зрения динамических сопоставлений. Но, к сожалению, в связи с постоянными новеллами в системе обложения и ежегодными изменениями в программе разработки налоговых данных мы лишены возможности каких-либо динамических сопоставлений о социальной структуре деревни. Мало того, программа разработки налоговых данных до сих пор не была унифицирована даже в пределах одного года для разных республик и районов нашего Союза. Так, например, за 1926/27 г. мы имеем для РСФСР группировку по посеву на едока, для Туркменистана и Узбекистана тоже по посеву, но на хозяйство, а не на едока, а для УССР не по посеву, а по площади всей пашни и сенокоса на едока. Кроме того, в одних республиках мы находим 10 посевных групп, а в других 12 или 13. Возможность общей сводки такого материала для обозрения по всему Союзу, конечно, чрезвычайно затрудняется.

Более сводимой является группировка по количеству голов крупного скота на хозяйство. Общие итоги этой сводки по всему Союзу представляют следующую картину (см. табл. 1).

Таблица 1

Общие итоги группировки по скоту по СССР (без Якутской АССР) за 1926/27 г.

А. Абсолютные данные

Группы по числу голов крупного скота на двор	Число хозяйств (в тысячах)		Население (в млн. душ)	Посевная площадь (в тыс. гектаров)	Крупный скот (в тыс. голов)		Облагаемый доход (в млн. черв. руб.)		Исчисленный налог (в тыс. черв. рублей)
	Всего	С неземледельч. заработк.			Рогатый[1]	Рабочий	Всего	От неземледельч. заработков	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Земледельческие районы									
1. Без скота	4.169	390	14,37	7.814	—	50	451,2	20,14	18.343
2. С 1 гол. скота	5.118	855	22,03	13.429	3.760	1.430	854,3	42,59	41.889
3. „ 2 „ „	6.660	1.398	34,51	24.203	6 795	6.588	1.599,1	68,02	94.569
4 „ 3 „ „	3.637	884	20,99	15.988	5.685	5.269	1.078,8	45,97	76.326
5. „ 4 „ „	1.689	383	10,70	9.297	3.540	3.242	591,1	21,59	47.022
6. „ 5 „ „ и более	1.843	348	12,92	15.232	6.625	6.149	875,2	23,85	89.724
Итого	23.116	4.258	115,52	85.963	26.405	22.728	5.449,7	222,16	367.873
Б. Скотоводческие районы	636	33	2,95	338	1.506	1.746	83,8	1,88	5.239
В. Прочие нераспределенные [2]	448	45	2,35	469	366	372	38,9	3,37	—
Итого по частному сектору:									
РСФСР	16.573	3.475	84,23	62.078	21.377	17.648	3.814,9	182,82	250.628
УССР	5.014	557	24,06	19.614	3.773	3.953	1.281,6	28,88	95.186
ЗСФСР	899	78	4,50	1.214	1.237	1 124	140,0	5.69	6.477
БССР	788	197	4,23	2.317	1.408	855	178,0	7,32	9.538
УзбССР	769	26	3,10	1.309	364	967	126,4	2,34	9.066
ТуркССР	156	3	0,70	238	128	297	31,2	0,36	2.227
СССР	24.200	4.336	120,82	86.770	28.277	24.846	5.572,4	227,41	373.122
Коллектив. хозяйства по СССР	14	—	0,7	808	96	91	42,0	—	3.575
Совхозы	9	—	—	1.130	49	139	69,0	—	4.863
Всего	24.223	4.336	121,52	88.708	28.422	25.076	5.683,4	227,40	381.560

[1] Без волов.

[2] Нераспределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

Приведенные итоги охватывают не сельское, а сельскохозяйственное население страны, независимо от места его жительства, так как сельхозналогом облагаются и жители поселений городского типа, занятые земледелием, но зато им вовсе не облагается фабрично-заводский персонал, железнодорожники и тому подобные группы сельского населения, поскольку они не занимаются сельским хозяйством. В силу этого итоги нашей сводки не вполне сопоставимы с данными ЦСУ о сельском населении Союза. Тем не менее, напомним, что все сельское население страны, учтенное ЦСУ по переписи на 17/XII 1926 г., достигало 120,7 млн. душ, посевная площадь 1926 г. в крестьянских хозяйствах исчислялась в 109 млн. гектаров, рабочий скот — в 27,3 млн. голов, коров — 29,2 млн. штук.[1] Исчисления ЦСУ в отношении скота и посевов едва ли особенно точны, но все же они указывают на определенный недоучет в налоговых данных скота и в особенности посевов. Но особенно преуменьшенной в учете налоговых органов является цифра облагаемого дохода. По исчислениям Госплана СССР сумма доходов земледельческого населения СССР за 1926/27 г. должна составлять не менее 12.250 млн. черв. рублей, т.-е. примерно в 2,2 раза больше суммы, облагаемой по сельхозналогу.[2]

Переходя от абсолютных цифр к относительным, мы получаем следующую картину (см. табл. 2, стр. 45).

На долю двух средних групп по обеспечению скотом из шести падает 48,3% населения, 49% дохода и 46,5% налога. На две низших группы при 31,4% населения падает только 24% дохода и 16,3% налога, на две верхних при 20,3% населения приходится 27% дохода и 37,2% налога. Названные показатели, несомненно, в достаточной степени отражают собою факт известного, правда, весьма умеренного расслоения деревни. Правильно возрастающий процент из'ятия налога тоже весьма показателен для нашей классовой политики в деревне. Но мы уже указывали, что группировка по скоту может рассматриваться лишь как известный суррогат классовой группировки. Она не дает возможности вполне четкого расчленения крестьянства на классы по признаку эксплоатации.

С другой стороны, не мало сомнений вызывает и выявленная в таблице прогрессия обложения. В какой мере она соответствует действительности? Ведь облагаемый доход, исчисляемый налоговыми органами нормативным методом по числу гекторов посева, голов скота и т. д., едва ли учитывается с одинаковой точностью для разных социальных групп. Поскольку и доходность скота и урожайность посевов в высших по размеру хозяйствах, несомненно, всегда в среднем выше, чем в низших, расценка их по одним и тем же нормам должна привести к максимальному недоучету доходности именно

[1] „Итоги десятилетия советской власти в цифрах". Изд. ЦСУ. М., 1927 г., стр. 35, 171, 189.

[2] „Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.", М. 1928 г., стр. 495.

Таблица 2

Общие итоги группировки по скоту по СССР (без Якутской АССР) за 1926/27 г.

Б. Относительные данные

Группы по числу голов крупного скота на двор	Хозяйств.		Население		Посевная площадь в гектарах на 1 хоз.	Крупный скот на 1 хоз. (голов)		Облагаемый доход в черв. руб.		% облаг. дохода от неземлед. заработков	Исчисленный налог в черв. руб.		% изъятия дохода
	В % к итогу	% хоз. с неземлед. заработком	В % к итогу	Душ на 1 двор		Рогатый[1]	Рабочий	На 1 хоз.	На 1 душу		На 1 хоз.	На 1 душу	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
А. Земледельческие районы													
1. Без скота	18,1	9,3	12,4	3,45	1,88	—	0.01	108	31,35	4,46	4,39	1,27	4,07
2. С 1 гол. скота	22,2	16,7	19,0	4,31	2,63	0,73	0,26	167	38,78	4,98	8,19	1,90	4,92
3. С 2 „ „	28,8	21,1	29,9	5,20	3,64	1,02	0,98	240	46,19	3,88	14,21	2,73	5,91
4. С 3 „ „	15,7	24,3	18,4	5,78	4,41	1,56	1,44	297	51,40	4,26	21,00	3,64	7,08
5. С 4 „ „	7,3	22,8	9,2	6,33	5,53	2,09	1,89	350	55,26	3,65	27,84	4,39	7,95
6. С 5 „ „ и более	7,9	19,0	11,1	7,02	8,29	3,60	3,33	476	67,73	2,72	48,63	6,94	10,25
Итого	100	18,8	100	5,01	3,73	1,14	0,98	236	47,18	4,07	15,93	3,19	6,75
Б. Скотоводческие районы	2,7	5,2	2,5	4,67	0,53	2,37	2,75	132	28,30	2,24	8,23	1,76	6,24
В. Прочие нераспределенные[2]	1,9	10,0	2,0	5,25	0,96	0,96	0,83	87	16,55	8,66	—	—	—
Итого по РСФСР	68,5	21,0	69,7	5,08	3,87	1,87	1,06	230	45,25	4,80	15,10	2,97	6,56
„ „ УССР	20,7	11,2	19,9	4,80	3,91	0,91	0,79	256	53,27	2,25	18,98	3,96	7,42
„ „ ЗСФСР	3,7	8,7	3,7	5,01	1,24	1,24	1,25	156	31,11	4,06	7,20	1,44	4,63
„ „ БССР	3,3	25,0	3,5	5,37	2,94	1,94	1,09	226	42,03	4,12	12,10	2,25	5,35
„ „ УзбССР	3,2	3,4	2,6	4,03	1,71	0,71	1,26	164	40,70	1,86	11,80	2,93	7,18
„ „ ТуркССР	0,6	1,9	0,6	4,49	1,69	0,69	1,90	190	42,30	1,15	14,26	3,18	7,50
Всего	100,0	17,9	100,0	5,00	3,59	1,17	1,03	230	46,07	4,08	15,42	3,08	6,70

[1] Без волов.

[2] Нераспределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

высших групп. Но, с другой стороны, достаточно взглянуть на средние цифры дохода на двор в низших группах, чтобы удостовериться в том, что и их доход, несомненно, сильно преуменьшен. Ведь даже прожиточный стандарт батрацкой семьи определяется нами в сумме 300—400 черв. руб. в год. Таков минимальный предел средств существования в современных условиях деревенской жизни. Можно ли в таком случае поверить, что целые миллионы хозяйств могут длительно существовать на уровне в три—четыре раза ниже этого предела.

Разумеется, это совершенно неправдоподобно. Деревня наша не вымирает, а совсем напротив дает такой высокий естественный прирост населения,—и притом именно за счет снижения коэфициента смертности,—каких мы в дореволюционные времена еще никогда не наблюдали. Очевидно, недоучет доходности в низших группах крестьянства очень значителен. И мы это можем подтвердить двумя соображениями.

Прежде всего, в беднейших хозяйствах роль заработков в общем доходе значительно превышает среднюю норму для всех хозяйств. [1] А между тем, налоговые органы в облагаемый доход по действующему закону включают лишь самую незначительную долю заработков, так как большинство их обложению не подлежит. А, с другой стороны, утайка об'ектов обложения от налоговых органов в беднейших хозяйствах несравненно выше, чем в более зажиточных. И это тоже ведет к относительному преуменьшению доходов в беднейших группах.

Чтобы не показаться голословным в последнем утверждении, приведем следующую цифровую иллюстрацию. В распоряжении Госплана имеется такое сопоставление налоговых данных с бюджетными, произведенное в ЦСУ В. М. Обуховым (см. табл. 3, стр. 47).

Бюджетные данные вследствие взаимной балансовой их проверки одних другими можно, по общему правилу, считать в достаточной степени точными и достоверными. Вследствие этого сопоставление их по одним и тем же хозяйствам с налоговыми данными, несмотря на относительно небольшое число обследованных дворов, чрезвычайно показательно. Оказывается, что утайка посева при обложении практикуется во всех группах. Притом по абсолютной величине эта утайка в беднейших трех группах составляет всего 0,73 *га* на двор, в следующих трех повышается до 0,84 *га* и в последних трех достигает 1,02 *га* на хозяйство, т.-е. в общем возрастает с увеличением хозяйства. Но зато в относительных величинах эта утайка, наоборот, резко падает с возрастанием хозяйства. Происходит это, разумеется, не потому, что кулаки правдивее в своих показаниях налоговым органам по сравнению с средняками и бедняками, а потому, что их строже контролируют эти органы и чаще выправляют неверные показания.

[1] Так, например, по крестьянским бюджетам 1924/25 г. доходы от заработков в низшей бюджетной группе (с доходом до 20 р. на душу в год) достигали 60% всего „условно чистого" их дохода, а в среднем по всем бюджетам они не превышали 25% всего дохода.

Таблица 3

Утайка посевов при обложении сельхозналогом за 1925 г.

№№	Группы хозяйств с посевом на двор в гектарах	Число обследованных хозяйств по СССР	Посевная площадь в гектарах				Отношение бюджет. данн. к налоговым
			По налоговым данным		По бюджетам		
			Всего	На 1 двор	Всего	На 1 двор	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	от 0,00 до 1,14	652	501,5	0,76	843,4	1,29	1,68
2	„ 1,15 „ 2,22	1.274	2.236,3	1,76	3.217,4	2,52	1,44
3	„ 2,23 „ 3,32	1.277	3.626,0	2,84	4.646,4	3,64	1,28
4	„ 3,33 „ 4,41	1.059	4.146,0	3,91	4.897,7	4,62	1,18
5	„ 4,42 „ 6,60	1.322	7.205,0	5,45	8.450,5	6,39	1,17
6	„ 6,61 „ 8,78	632	4.831,0	7,65	5.384,9	8,52	1,11
7	„ 8,79 „ 10,97	350	3.455,6	9,88	3.836,9	10,96	1,11
8	„ 10,98 „ 17,52	329	4.500,0	13,68	4.901,0	14,89	1,09
9	„ 17,53 и более	117	2.888,6	24,69	2.949,8	25,21	1,02
1—9	Итого . . .	7.012	33.390,1	4,76	39.127,9	5,58	1,17
1—3	от 0,00 до 3,32	3.203	6.363,8	1,99	8.707,2	2,72	1,37
4—6	„ 3,33 „ 8,78	3.013	16.182,1	5,38	18.733,1	6,22	1,16
7—9	„ 8,79 и выше	796	10.844,2	13,66	11.687,6	14,68	1,08

Это, конечно, не заключает в себе ничего неожиданного. В одной из комиссий РКИ, еще в 1925 г. было удостоверено следующее обстоятельство. „Представитель НКФ, который принимал участие в нашей работе,—пишет тов. Яковлев,—сначала спорил, а потом согласился, что в данных НКФина точность учета хозяйств падает по мере перехода к группе, которая не вносит налога, потому что НКФин, конечно, прежде всего заинтересован в тех, кто вносит налог". [1] И особенно в тех, добавим мы от себя, кто при довольно крупной прогрессии обложения вносит его в наибольшем количестве. Но едва ли даже в НКФине представляли себе до сих пор вполне отчетливо, в каком широком диапазоне — от 2% до 68% — колеблется точность налоговых данных для различных социальных групп деревни.

Приведенная справка, между прочим, показывает, насколько рискованно пользоваться таким признаком, как посев, для изучения социального расслоения деревни. Помимо всяких других соображений, уже один только факт столь значительного и притом колеблющегося процента утайки посевов в разных группах может привести вместо уяснения исследуемой проблемы к пущему ее затемнению.

[1] Я. А. Яковлев, „Ошибки хлебофуражного баланса". ЦСУ. М. 1926 г., стр. 1[illegible].

В самом деле, при изучении расслоения нас, прежде всего, интересует удельный вес различных социальных групп. Допустим, что для „бедняцкой" группы мы установили предел в 3,32 гектара посева на двор. Тогда по хозяйствам, учтенным в табл. 3, вес бедняцкой группы по числу хозяйств составлял бы, исходя из налоговых данных, около 46% общего их итога. Но, сделав поправку на утайку, мы увидим, что очень большая группа из наемных бедняков в 1.277 хозяйств имеет в действительности на круг по 3,64 гектара, т.-е., очевидно, почти целиком должна быть перенесена из бедняцкой группы в середняцкую, что сразу понизило бы удельный вес бедняцких хозяйств с 46 до 28%, или около того. Спрашивается, можно ли, однако, пользоваться в указанных условиях группировкой, столь извращающей действительность уже в основном для нас вопросе об удельном весе различных социальных групп?

Ответ на такой вопрос не вызывает сомнений.

Конечно, зная меру неточности наших данных, можно, было бы избежать такого рода ошибок, путем внесения соответствующих поправок в исходные данные или в определение намечаемых пределов для расчленения на группы. Например, понизив в нашем случае предельную норму посева для „бедняков" с 3,32 до 3,32 : 1,28 = 2,59 гектара, мы тем самым уравновесили бы вероятную для соответствующей группы хозяйств норму утайки посевов. Но при группировке по натуральным признакам мы не гарантированы, независимо от точности имеющихся данных, от других гораздо более для нас существенных промахов и ошибок.

Вот, например, комбинационная группировка налоговых данных за 1926/27 г. по посеву и скоту. В некоторых отношениях она очень показательна (табл. 4 см. стр. 49).

Мы не могли бы дать такую сводку по всему СССР вследствие уже отмеченной выше некоторой пестроты в программах разработки налоговых данных по отдельным республикам. Но и одна РСФСР, обнимающая свыше 70% всего сельскохозяйственного населения Союза, представляет собою достаточно мощный массив для изучения социальной структуры нашей деревни. О чем же говорит приведенная таблица?

Чрезвычайно дробная группировка — на целых 60 групп — прежде всего еще ярче, чем вышеприведенная группировка по скоту, свидетельствует о неполноте налогового учета доходности крестьянских хозяйств. Нам известно, что одни батрацкие харчи оцениваются у нас ныне не ниже 60 руб. в год на человека. А здесь мы встречаем целые сотни тысяч хозяйств, у которых весь годовой доход из расчета на душу раз в семь ниже этой нормы. Мы уже знаем, что облагаемый сельхозналогом доход крестьянства и в среднем для всех групп не превышает 45% полного их дохода. Надо думать,

Таблица 4

Число земледельческих хозяйств, размер двора и облагаемый доход по сельхозналогу в РСФСР за 1926/27 г.

Группы по посеву на едока	Подгруппы по числу голов крупного скота на двор						Итого
	Без скота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 гол.	С 5 гол. и бол.	
1	2	3	4	5	6	7	8
А. Число хозяйств (в тыс.)							
1. Без посева	376	227	98	38	17	24	779
С посевом (*га*)							
2. 0,00—0,27	344	562	614	363	139	126	2.148
3. 0,27—0,55	513	863	1.284	709	286	228	3.883
4. 0.55—0,82	548	838	1.255	522	242	221	3.626
5. 0,82—1,09	364	541	895	377	199	212	2.587
6. 1,09—1 64	194	301	574	333	211	293	1.907
7. 1,64—2,19	39	57	124	107	83	159	570
8. 2,19 - 2,73	11	16	35	40	34	86	221
9. 2,73—3.28	4,8	6,2	13	17	16	48	104
10. 3,28 и выше	5,5	5,9	12	19	19	80	141
Итого	2.399	3.417	4.904	2.524	1.245	1.476	15.965
Б. Число душ на 1 двор							
1. Без посева	3,12	3,83	4,28	4,61	4,83	5,18	3,65
С посевом (*га*)							
2. 0,00—0,27	3,84	4,48	5,34	6,07	6,63	6,99	5,18
3. 0,27—0,55	3,62	4,38	5,32	6,01	6,72	7,38	5,24
4. 0,55—0,82	3,54	4,51	5,54	6.05	6,71	7,27	5.25
5. 0.82—1,09	3,22	4,27	5.36	5,93	6,53	7,25	5,16
6 1,09—1,64	2,93	3,83	4,78	5,44	6,03	7,02	5,04
7. 1,64—2,19	2,34	3,21	4,00	4,80	5,45	6.82	4,95
8. 2,19—2,73	2,02	2,79	3,48	4,34	4,98	6,55	4 93
9. 2,73—3,28	1,73	2,50	3,20	4,01	4,66	6,45	4,92
10. 3,28 и выше	1,53	2,14	2,71	3,43	3,98	5,70	4,60
В среднем	3,40	4,29	5,24	5,81	6,34	6,97	5,10
В. Доход на 1 душу в руб.							
1. Без посева	8,66	16,31	23,19	28,25	31,27	44,65	16,54
С посевом (*га*)							
2. 0,00—0.27	16,05	24,45	31,28	34,03	34,36	37,51	29,22
3. 0,27—0,55	24,52	32 14	39 36	42,99	43,37	45,20	38,28
4. 0.55—0,82	31,30	37,46	43.46	47,16	48,18	50,74	42,66
5. 0,82—1,09	39,15	44,81	49,65	52,50	53,88	57,56	49,69
6. 1,09—1.64	50,42	55,35	59,79	62,87	64.62	69,83	62,07
7. 1,64—2,19	71,77	75,11	78,15	80,66	81,73	86.08	81,83
8. 2,19—2,73	90,51	93,62	96,66	98,86	99.78	103,51	100,77
9. 2,73—3,28	112,52	111,78	115,46	116,32	116,53	121,04	118,87
10. 3,28 и выше	158,48	151,91	152,58	155,79	156,41	176,56	170.30
В среднем	27,32	35,98	44,56	49,08	53,49	67,74	45,90

однако, что в беднейших группах этот недоучет еще значительнее.[1]

Как бы то ни было, в облагаемом доходе учтены не только посевы и крупный скот, но и более мелкие об'екты обложения и даже некоторая часть промысловых заработков. И потому, если не в абсолютной мере, то относительно этот доход, конечно, несравненно точнее отражает в себе норму состоятельности различных хозяйств, чем, скажем, только посевы или крупный скот, взятые в отдельности. Если же обратиться к этой обобщающей подоходной мерке, то станет совершенно очевидным, как мало пригодны группировки по скоту или посеву в качестве социальных группировок. Дело в том, что каждая из этих групп, взятая в отдельности, отнюдь не однородна в своем составе. Диапазон колебаний состоятельности в пределах одной и той же посевной группы по подгруппам достигает иной раз целых сотен процентов. И все же посевные группы, — поскольку здесь группировка проведена из расчета посева на душу, а не на двор, — отражают в себе большую уравнительность, чем группы по скоту. В последних зачастую об'единены хозяйства с диапазоном колебаний состоятельности в несколько сот процентов. Говоря иначе, здесь заведомо об'единяются в каждой группе, хотя и в разных пропорциях, и эксплоатируемые и их эксплоататоры.

Такие об'единения, взамен необходимого нам расчленения указанных социально-разнородных элементов, разумеется, ни в какой мере удовлетворить нас не могут.

Вот почему мы можем только приветствовать решение Госналога разрабатывать впредь данные, собираемые им ежегодно по сельхозналогу, в подоходной группировке. Это, несомненно, будет значительным шагом вперед. Но данные за 1926/27 г. уже разработаны по натуральным признакам. С этим приходится считаться. Нам, кажется, однако, что и эти данные можно использовать после некоторой их перегруппировки для изучения расслоения деревни по предложенной нами схеме.

В самом деле, благодаря детальной комбинационной группировке по скоту и посеву мы можем с полным правом предполагать, что в пределах каждой отдельной подгруппы мы имеем дело с довольно однородным составом хозяйств. Средний доход по каждой из этих подгрупп типичен, стало быть, не только для всей подгруппы в целом, но и для подавляющего большинства составляющих ее отдельных хозяйств. И, стало быть, группировку отдельных хозяйств по их индивидуальному доходу мы без особо больших погрешностей можем заменить группировкой уже целых совокупностей этих хозяйств по среднему их доходу. При этом в виду слишком большого диапазона колебаний в размере хозяйств по числу душ мы

[1] Необходимо отметить, что зарплата батраков вовсе не подлежит обложению, а в наиболее низких группах эта необлагаемая и потому неучтенная здесь статья составляет, вероятно, львиную долю общего дохода.

предпочитаем за мерку их состоятельности принимать средний доход на душу, а не на хозяйство.[1]

Из имеющихся у нас данных Всеработземлеса мы установили, что средний месячный заработок батрака в крестьянских хозяйствах составлял в 1926 г., включая натуру, 16 руб. 80 коп., батрачки — 12 руб. 78 коп., в среднем 14 руб. 80 коп. Средний доход батрацкой семьи из расчета на душу составит тогда, включая 20% приработков в своем хозяйстве, около 80 руб. в год. Индустриальный рабочий в 1926/27 г. зарабатывал на круг около 60 руб. в месяц. Дороговизна жизни рабочего в городах, по исчислениям ЦСУ, может быть принята в 1,35 от сельской нормы в условиях крестьянского быта. С этой поправкой на индекс дороговизны жизни заработок индустриального рабочего составит около 44,5 „сельских" рублей, т.-е. реально раза в три выше заработка батрака и 2,5 раза выше полного его дохода, включая приработки в своем хозяйстве (от огорода, самозаготовок топлива и т. п.)

Таким образом, мы должны бы установить для бедняков предельной нормой душевого дохода 80 руб. и для середняков — 200 руб. в год. Конечно, с ростом зарплаты в городе и деревне эти нормы тоже должны соответственно изменяться. Но для 1926/27 г. их можно считать вполне приемлемыми. Нужно только еще учесть применительно к налоговым данным средний масштаб недоучета в них душевого дохода. Тогда наши предельные нормы по облагаемому доходу понизятся в 2,2 раза, т.-е. для бедняков придется принять за такую норму 36 руб. и для середняков 90 руб. на душу в год. Конечно, эти нормы весьма приблизительны и условны. Их можно бы уточнять и диференцировать в зависимости от района и других условий. Однако, в порядке первого приближения мы считаем возможным использовать их и без дальнейших уточнений.

Применяя наши нормы к данным табл. 4, мы видим, что в группу бедняков у нас попадают по РСФСР из беспосевных и малопосевных (с посевом до $^1/_4$ дес., или 0,27 *га*, на душу) все подгруппы с числом голов крупного скота на двор не свыше четырех при посеве от $^1/_4$ до $^1/_2$ дес., или 0,55 *га*, на душу — все хозяйства с 1 головой скота и при посеве от $^1/_2$ до $^3/_4$ дес. или 0,82 *га*, на душу — только хозяйства вовсе лишенные скота. Выше этих норм начинаются середняки, а начиная с посевной группы от 2 дес., или 2,19 *га* на душу и выше — зажиточные с преобладанием кулацких элементов. Разумеется, по другим республикам, да и в пределах РСФСР по разным районам эти границы охватывают весьма различный состав посевно-скотских подгрупп. Но если принять за общую мерку один и тот же денежный аршин среднего душевого дохода, то сводка этих мелких посевно-скотских подгрупп в большие группы социального значения по любой республике или району не представит уже никаких затруднений.

[1] Еще лучше было бы принять за единицу измерения средний размер дохода на 1 работника.

3. Расслоение деревни

Проделав вышеуказанную перегруппировку данных Госналога по каждой республике, а в пределах РСФСР по каждому району в отдельности, мы получили такие сводные итоги по всему Союзу в целом:

Таблица 5

Расслоение деревни в 1926/27 г. по СССР [1]

Показатели	Бедняки	Середняки	Зажиточные	Итого
1	2	3	4	5
1. Число хозяйств				
а) в тысячах	8.152	15.236	812	24.200
б) в %% к итогу	33,9	62,7	3,4	100
2. Население				
а) в млн. душ	35,5	81,6	3,7	120,8
б) в %% к итогу	29.4	67,5	3,1	100
в) в среднем на 1 хоз.	4,36	5,36	4,56	5,00
3. Посевная площадь				
а) в млн. *га*	11,13	65,87	9,90	86.90
б) в %% к итогу	12,8	75,8	11.4	100
в) в *га* на 1 двор	1,37	4,33	12,2	3,59
4. Крупный рогат. и рабочий скот				
а) в млн. голов	10 83	38,49	3,80	53,12
б) в %% к итогу	20,3	72,5	7,2	100
в) на 1 двор	1,33	2,53	4,68	2,20
5. Облагаемый доход				
а) в млн. руб.	881,6	4.239,8	450,7	5.572,2
б) в %% к итогу	15,8	76,1	8,1	100
в) в руб. на двор	108	279	553	230
г) в руб. на душу	24,8	52,0	121,2	46,7
6. Исчисленный налог				
а) в тыс. руб.	26.253	280.792	66.075	373.120
б) в %% к доходу	3.0	6,6	14,7	6,7
в) в руб. на 1 двор	3 22	18,45	81,40	15,36
7. Число хозяйств с промыслами				
а) в тысячах	1.235	3.037	65	4.337
б) в %% к общ. числу хозяйств	15,1	19,9	8,0	17,9
8. Доход от промыслов				
а) в млн. руб.	65,77	156,16	5,47	227,40
б) в %% от всего дохода	7,5	3,7	1,2	4,0

[1] Включая скотоводческие районы и хозяйства с доходом ниже облагаемого минимума.

Как и следовало ожидать на долю середняцкой основы советской деревни падает свыше двух третей всего крестьянского населения. Вся эта масса живет беднее индустриального рабочего, но все же выше батрацкого уровня жизни. Это самостоятельные производители, как и городские кустари и ремесленники. В своей основной массе они располагают только трудовыми доходами, т.-е. не эксплоатируют чужого труда. Ниже этого уровня живет у нас до 30% населения деревни, а выше — только около 3%!

Это последнее обстоятельство заслуживает особенного внимания. Несколько лет под ряд нас пугали возрастающим засильем кулака, обвиняли в явном попустительстве в отношении кулацкой верхушки, требовали, чтобы мы в порядке „первоначального социалистического накопления" выкачивали миллиарды из этой верхушки и строили на этой основе социалистическую индустриализацию страны. И что же? Все это кулацкое „засилье" выражается на поверку более чем скромными цифрами. Из общей массы посева на долю этой верхушки падает всего 11,4%, по скоту еще меньше — всего 7,2%, а по населению—3,1%.

Облагаемый доход этой группы составляет все же около 450 млн. руб., или 8% общей его массы, а полный мы можем считать, примерно, в 2,2 раза выше, т.-е. до одного миллиарда рублей в год. Цифра значительная. Но если принять из нее к учету только ту долю, которая превышает установленный нами предельный трудовой доход середняка (198 руб. на душу в год по полному доходу или 90 руб. по облагаемому), то вся масса нетрудовых доходов крестьянской верхушки составит всего около 223 млн. руб. в год, из которых мы уже изымаем только в порядке сельхозналога 66 млн. руб. Однако, по данным 1925/26 г. мы знаем, что сельхозналог составляет не свыше 45% общего налогового бремени, падающего на социальную верхушку деревни.[1] Стало быть, к 66 млн. руб. сельхозналога мы должны еще прибавить около 80 млн. руб. всяких иных налоговых из'ятий. И тогда, за вычетом из 223 млн. руб. нетрудового дохода 146 млн. руб. налоговых из'ятий, получим свободный остаток нетрудового дохода деревни всего в 77 млн. руб., что дает едва 20 руб. такого дохода на душу зажиточной группы в год.

Конечно, весьма возможно, что при известном усовершенствовании наших весьма далеких от точности приемов налогового учета доходов этот остаток окажется несколько большим. И это нам позволит путем повышения налогового давления из'ять еще десяток другой миллионов из нетрудовых доходов этой группы. Но совершенно ясно, что даже при полном раскулачивании данной группы мы отнюдь не смогли бы добыть из этого источника необходимые нам миллиарды.

[1] В группе, нанимающей сроковых рабочих, общий итог налогов на душу составлял за 1925/26 г. 16 р. 74 к., в том числе сельхозналог—7 р. 51 к. (см. „Доклад Комиссии СНК по изучению тяжести обложения..." М. 1927 г., стр. 45—47).

Доля учтенного здесь дохода от промыслов, выраженная в процентах от всего облагаемого дохода, как и следовало ожидать, падает с возрастанием состоятельности группы. Но недоучет по этой статье доходов деревни особенно велик. По расчетам „Контрольных цифр Госплана на 1927/28 г." (стр. 478), основанным на бюджетных материалах, доходы деревни от неземледельческих занятий достигали в 1926/27 г. 2.252 млн. руб., а по сельхозналогу из них учтено всего 227 млн. руб., т.-е. едва десятая часть. Поэтому данные Госналога в этой части малопоказательны. Столь же не показательны и проценты числа хозяйств, занятых „промыслами", по каждой социальной группе. Вследствие из'ятия от обложения батрацких заработков, наиболее частых в бедняцкой группе, общее число хозяйств, имеющих приработки по этой группе, конечно, значительно больше учтенного в данной таблице.

Очень показательно среднее число душ на двор в разных группах. В вышеприведенной группировке по скоту (табл. 2) оно все время возрастало параллельно с возрастанием числа голов скота. Такие группировки, несомненно, питают собою довольно распространенные народнические иллюзии о том, что вся наблюдаемая нами диференциация деревни является лишь прямой функцией различного числа ртов и рабочих рук в разных хозяйствах, т.-е. определяется факторами естественно-физиологическими, а не социальными. „Хозяйственный мужичок" крепок, мол, потому, что он держится хороших патриархальных традиций и воздерживается от разделов, а не потому, что он эксплоатирует чей-нибудь чужой труд. Тем более интересна наша группировка по состоятельности, которая явно противоречит этим слащавым иллюзиям. Оказывается, что оплотом семейной патриархальности, поскольку она сказывается в противодействии дроблению семьи, является середняцкая основа деревни, а не кулацкая ее верхушка.

Это вполне гармонирует с тем полунатуральным типом хозяйства которое, как показывают нам крестьянские бюджеты, сохранилось в наибольшей неприкосновенности как раз в середняцкой массе деревни. Но с ростом товарности и промысловости крестьянских хозяйств рушится и та база, на которой держались старые патриархальные традиции. Естественным главой семьи становится не тот, кто старше, а тот, кто больше „промышляет" и является фактическим кормильцем семьи. Идеи коммерческого расчета все чаще разрушают узы кровного родства. От середняцкого материка деревни постепенно отслаиваются, с одной стороны, предпринимательские, с другой — пролетарские прослойки. При чем и те и другие в равной мере отходят и от своей прежней экономической базы натурального хозяйства и от авторитарной надстройки над ней — семейно-патриархального быта.

Семейный состав зажиточной семьи по нашей таблице значительно ниже середняцкой, а между тем, и по скоту, и по посеву

и по общему благосостоянию эта социальная группа в два — три раза богаче середняцкой. Очевидно, стало быть, что эту разницу никак уж нельзя отнести за счет одних лишь семейных добродетелей сравниваемых групп.

Превосходство предложенной нами группировки по состоятельности в сравнении с группировкой по скоту в указанном отношении достаточно осязательно. Но еще нагляднее оно сказывается в другом. Сравнивая степень расслоения деревни в обеих группировках, мы без труда заметим, что группировка по скоту очень существенно смазывает, затушевывает и умаляет изучаемое явление расслоения. В самом деле, хотя по скоту у нас дано шесть групп, а по состоятельности только три, но отношение верхней группы к самой иизкой по душевому доходу в группировке по скоту достигает всего 2,16 : 1 в то время как в группировке по состоятельности оно составляет 4,90 : 1, т.-е. в 2,2 раза выше.

Приведенное сопоставление не может еще, однако, служить достаточно точной мерой расслоения для той или другой группировки, Надежной мерой расслоения будет только такой коэфициент, в котором учитывается не только расхождение в состоятельности различных групп, но и удельный вес каждой группы. Мы предложили бы в качестве такой меры среднее арифметическое отклонение душевого дохода в каждом хозяйстве (или каждой группе хозяйств) от средней нормы этого дохода по всей массе изучаемых хозяйств, выраженное в процентах к этой последней. [1]

В применении к группировке по скоту, в табл. 2, где средняя норма душевого дохода по всем шести группам равна 47,2 рубля, среднее взвешенное отклонение от этой нормы по всем группам исчисляется в 7 р. 55 к., или 16%. А для нашей группировки по состоятельности, в табл. 5, средний коэфициент расслоения, исчисленный тем же методом, равен 27,7%, т.-е. несравненно выше. Но, конечно, и эта последняя цифра, несомненно, еще заметно увеличилась бы, если бы при исчислении коэфициента расслоения мы исходили из данных о каждом хозяйстве в отдельности, а не из очень суммарной групповой их сводки, приведенной в таблице.

Впрочем, если коэфициент расслоения деревни, исчисленный нами по данным табл. 5, и не может претендовать на абсолютную точность, то в качестве относительной мерки для сопоставления различных степеней расслоения деревни по различным республикам

[1] Если среднюю норму душевого дохода для всех изучаемых хозяйств обозначить буквой d, арифметическое значение разности между d и средним доходом каждой группы, независимо от знака этой разности, назовем r_1, r_2, r_3 и т. д., а удельный вес этих групп в общем итоге обследованного населения выразим буквами n_1 n_2, n_3 и т. д., то общий коэфициент расслоения R получится по формуле:

$$R = \frac{(n_1 r_1 + n_2 r_2 + n_3 r_3 + \ldots)\ 100}{(n_1 + n_2 + n_3 \ldots)\ d}$$

и районам, при одном и том же методе его исчисления для всех районов, он вполне пригоден.

Было бы еще интереснее использовать этот коэфициент для изучения динамики расслоения за ряд лет. Но за отсутствием нужного для этой цели цифрового материала обратимся к изучению изменений в диференциации советской деревни в географическом разрезе:

Таблица 6

Показатели расслоения деревни по отдельным республикам за 1926/27 г.

Республики	Население				Облагаемый доход в рублях на душу				Коэфициент расслоения по душевому доходу
	Всего в тысячах душ	В %% к итогу							
		Бедняки	Середняки	Зажиточные	Бедняков	Середняков	Зажиточных	В среднем	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Земледельческие районы									
УССР	24.062	16,3	79,5	4,2	24,70	55,74	116,09	53,26	17,4
РСФСР	81.388	28,6	68,4	3,0	25,92	50,91	124,10	45,78	25,2
БССР	4.234	46,4	52,5	1,1	29,97	50,82	128,21	42,03	26,6
ТуркССР	613	34,4	64,6	1,0	23,90	54,66	112,42	44,68	31,9
УзбССР	3.076	37,6	61,0	1,4	21,25	51,62	99,28	40,87	36,1
ЗСФСР	4.502	57,7	40,8	1,5	18.05	47,25	97.38	31,11	48,6
Итого	117.875	28,1	68,8	3,1	25,20	52,00	121,10	46,50	25,4
Б. Скотоводч. районы	2.953	80,0	17,3	2,7	19,34	51,10	144,80	28,40	50,5
Итого по СССР	120.828	29,4	67,5	3,1	24,83	52,00	122,00	46,10	27,7

Если судить по средней состоятельности крестьянства, то на первом месте окажется Украина с душевым облагаемым доходом 53 р. 26 к., за ней следует РСФСР, ТуркССР, БССР, УзбССР и на последнем месте стоит ЗСФСР, где в 1926/27 г. свыше 52% крестьянского населения пришлось вовсе освободить от сельхозналога, так как их доход лежал ниже облагаемого минимума. Трудно сказать, в какой мере такой рекордный процент бедноты в Закавказьи об'ясняется специфическими условиями учета доходности в этой республике и в какой общими условиями местной экономики. Но во всяком случае можно отметить, что ниже Закавказья уровень доходности мы находим лишь в немногих чисто скотоводческих областях РСФСР, Узбекистана и Туркменистана, выделенных по способу взимания налога в особые районы.

Высокое благосостояние Украины сказывается и в том, что в ее пределах мы находим максимальный процент середняков и зажиточных при минимальном проценте бедноты. Минимум середняков (17,3%) мы находим в районах полукочевого скотоводства,

минимум кулаков — в Туркменистане; максимум бедноты падает на Закавказье (57,7%) и скотоводческие районы (80%).

Общий коэфициент расслоения, измеряемый, как выше было указано, по среднему масштабу отклонений доходности различных групп от средней нормы доходности в данном районе или республике, дает наименьшую величину по УССР,[1] наибольшую — по Закавказью (48,6%) и скотоводческим районам (50,5%). Наименьший коэфициент расслоения дают, конечно, те районы, где всего выше удельный вес середняцкой группы. С возрастанием числа бедняков и зажиточных, наоборот, возрастают и коэфициенты расслоения. Но бедняки по всем республикам гораздо многочисленнее зажиточных, а потому возрастание расслоения означает (при прочих равных условиях), прежде всего, высокий процент бедняков и, стало быть, пониженный общий уровень благосостояния крестьянства в данной республике.

Переходя к данным о нормах обеспечения скотом и посевами разных социальных групп в тех же республиках получаем такую картину:

Таблица 7

Обеспеченность посевом и крупным скотом по отдельным республикам за 1926/27 г. в среднем на 1 хозяйство

Республики	Посевная площадь в гектарах				Крупный скот			
	Бедняков	Середняков	Зажиточн.	В среднем	Бедняков	Середняков	Зажиточн.	В среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Земледельч. районы								
УССР	1,39	4,09	9,36	3.91	0,54	1.67	2,84	1.54
РСФСР	1.52	4.64	14,45	3,87	1,19	2,70	4,87	2,24
БССР	1.83	3,78	6,32	2,94	2,26	3.41	3,02	2 88
УзбССР	0,54	2,57	8,38	1,71	0.84	2,41	4.22	1.72
ТуркССР	0,64	2 30	9,71	1,69	1,53	2,68	7,87	2 26
ЗСФСР	0,90	1,94	2,63	1,24	1,46	4,04	8,54	2,63
Итого	1,43	4,36	12,37	3,68	1,18	2,47	4,27	2,12
Б. Скотоводческие районы	0,49	0,72	0,81	0,53	3,47	11,10	31,30	5,12
Итого по СССР	1,37	4,33	12,20	3,59	1,33	2,53	4,68	2,20

[1] Приведеный в таблице коэфициент 17 4% исчислен по итоговой группировке для всей УССР. При более дробном расчленении УССР на 9 районов этот коэфициент расслоения повышается по Украине до 21%, оставаясь все же минимальным в пределах Союза. Процент бедняков при этом повышается до 21, а зажиточных до 5,4, а процент середняков падает до 73,6.

Как видим, для разных республик эти нормы чрезвычайно резко колеблются. И в то время как в Закавказье среднюю норму посева зажиточной группы составляют уже 2,63 *га* на двор, в Украине эта норма повышается до 9,36 *га*, т.-е. в 3,5 раза. Но зато в Украине скота на зажиточный двор приходится только 2,84 голов, в то время как в Закавказье — 8,54, т.-е. в три раза больше, чем в Украине. В одном месте, стало быть, хозяйственная мощь крестьянина определяется одним из этих признаков, в другом — другим. Это еще раз свидетельствует о том, сколь мало пригодны каждый из этих натуральных признаков, взятый в отдельности, для изучения социального расслоения деревни.

В скотоводческих районах посевная площадь, разумеется, и вовсе не играет сколько-нибудь существенной роли в определении состоятельности данной группы хозяйств. Но зато здесь обнаруживается весьма резкое расслоение по числу голов скота. В зажиточной группе в среднем на каждый двор приходится здесь свыше 31 головы крупного скота, не говоря уже о мелком. Более дробная группировка показывает, однако, что сюда входят и такие хозяйства, которые насчитывают свыше 280 голов скота (в переводе на крупный) и „облагаемый" доход которых исчисляется в сумме до 4 тыс. руб. на двор. Это бросает некоторый свет на вопрос о том, почему в скотоводческих районах так велик исчисленный нами коэфициент расслоения.

В земледельческих районах Октябрьская революция произвела, как известно, „черный передел" всей земли, а в скотоводческих районах такое генеральное поравнение по скоту, конечно, не могло иметь места. В них, стало быть, мы и теперь еще наблюдаем ту высокую степень расслоения и разорения, какая выросла из прежних дореволюционных условий частнокапиталистического хозяйства. В земледельческих же районах мы наблюдаем гораздо большую уравнительность, созданную самой революцией.

Республиканские итоги, однако, слишком еще суммарны для изучения порайонной диференциации деревни. Во всяком случае, такая большая республика, как РСФСР, нуждается в дальнейшем порайонном расчленении. Пользуясь материалами Госналога, мы можем предложить здесь, прежде всего, следующую таблицу (табл. 8, см. стр. 59).

В приведенной таблице районы расположены в порядке возрастающих показателей расслоения. При чем на первом месте оказался Северный район, а на последнем Крым. Вместе с тем, не трудно заметить, что вместе с севером наименьшее расслоение отмечается в западных и северо-западных районах, в то время как возрастающие показатели расслоения распространяются не только к югу России, но и к востоку и на юго-восток. Говоря иначе, расслоение деревни возрастает в направлении от потребляющих к производящим хлеб районам. Весьма вероятно, что это об'ясняется более высокой

Показатели расслоения деревни по районам РСФСР за 1926/27 г.

Районы	Население				Облагаемый доход в рублях на душу				Коэфициент расслоения по душевому доходу
	Всего в тыс. душ	в %%% итогу							
		Бедняки	Середняки	Зажиточн.	Бедняки	Середняки	Зажиточн.	В среднем	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Земледельч. районы									
1. Северный	1.601	9,1	90,4	0,4	27,30	49,78	100,20	47,94	7,8
2. Московско-Промышл.	11.166	17,8	87,7	0,5	30,45	51,20	116,60	49,00	9,1
3. Крайний север	741	11,0	82 8	0,2	27,96	41,30	109,60	39,10	9,8
4. Западный	3.975	15,7	83,3	1,0	30,83	50,78	117,00	48,25	12,5
5. Северо-Западный	4.261	21,6	77 8	0,6	30,80	47,28	113,60	43,88	13,4
6. Рязано-Тульский	4 048	22.4	77,3	0,3	31,62	47,65	130,70	44,32	13.6
7. Центрально-Землед.	12 583	26,8	72 9	0,3	29,55	45,42	115,20	41,42	15,3
8. Волжско-Камский	6.587	28,0	71,3	0,7	28 38	47,36	104.80	42.52	18,4
9. Низовье Волги	300	52,4	46,6	1,0	28,60	46,10	129,50	37,82	25.4
10. Уральская область	5.568	24,5	68,2	7,3	22,68	54.75	110,60	50,95	27,2
11. Волжский	7.644	42.1	95,4	2,5	28,71	51.24	117,90	42,22	32,8
12 Бурято-Монгол. АССР	274	43,4	54,1	2.5	25,12	53,00	111,40	42,35	35,3
13. Башкиро-Оренбург.	2.985	41.0	54,8	4,2	24,52	52,70	122,60	43,96	36,6
14. Сибирь	7.207	42,2	54,2	3,6	23,70	56,40	125.50	45,20	39,9
15. Дальне-Восточ. край	1.252	42,8	53,5	3,7	22,61	54,18	121,10	43,10	40,2
16. Северный Кавказ	6.879	33,4	53,8	12,8	20,15	60.95	127,75	55,85	42 7
17. Казакско-Киргизск.	3.953	51,3	44,0	4,7	22,23	56,20	130.00	42,46	48,2
18. Крымская АССР	364	22,0	47,0	31,0	29,40	54,85	170,25	84,25	62,3
Итого	81.388	28,6	68,4	3,0	25,92	50,9	124,10	45,78	25,2
Б. Скотоводческ. районы	2.840	80,4	16,9	2,7	19,20	51,11	142,20	27,93	50,2
Всего по РСФСР	84.228	30,4	66,6	3,0	25,30	50,80	124,75	45,30	26,8

товарностью этих последних. Во всяком случае, для таких районов, как Сев. Кавказ, это об'яснение более чем правдоподобно. Но для ряда национальных автономных республик, тоже отмеченных показателями повышенного расслоения, это об'яснение нуждается еще в дополнительной проверке.

Северный Кавказ довольно резко выделяется в ряду других районов своим высоким процентом зажиточных хозяйств (12,8%). Выше его в этом отношении стоит только Крым с 31% зажиточных. Здесь зажиточная группа даже превосходит по своему удельному весу группу бедняцкую. И это на ряду со всеми остальными районами, где высокая степень расслоения достигается, главным образом, за счет высокого процента бедноты, создает здесь совсем особый и притом весьма своеобразный тип расслоения.

Само собой разумеется, что в советских условиях, где организованный пролетариат, опираясь на деревенскую бедноту и вступая в прочный союз с середняком, стремится тем самым изолировать и обезвредить социально-опасную для него кулацкую верхушку, такие районы, где эта верхушка получает особенно пышное развитие, заслуживают и особливого с нашей стороны к ним внимания.

Во всяком случае, эти районы заслуживают пристального за собой наблюдения и изучения. Одних налоговых данных для этого, разумеется, совершенно недостаточно. Массовые данные Госналога выполняют свое назначение, давая нам хотя бы только самое общее освещение проблемы расслоения в порайонном масштабе и вскрывая наиболее для нас опасные его очаги. Для более же углубленного, монографического изучения причин и результатов расслоения в том или ином районе могут быть использованы лишь материалы бюджетных исследований.

Налоговые данные позволяют нам сопоставить между собою в порайонном масштабе лишь нормы обеспеченности разных социальных групп скотом и посевами (см. табл. 9, стр. 61).

В приведенной табличке мы расположили районы в порядке убывающей обеспеченности их посевами из расчета на одно хозяйство. И очень любопытно, что на первом месте в этом списке оказались как раз Крым и Северный Кавказ, т.-е. те районы, где особенно сильны кулацкие группы крестьянства при высоких нормах общего расслоения. Зато на последних местах нашего списка, т.-е. среди наименее обеспеченных посевами районов, оказались все те районы, какие отличаются у нас наименьшей расслоенностью и наиболее высоким процентом середняков. Характерно при этом, что на севере в зажиточную группу попадают хозяйства с посевом всего в 2—3 *га* на двор, тогда как на юге для этого требуется 17—18 *га* на одно хозяйство. Конечно, многопосевные хозяйства являются в то же время и наиболее товарными. В их среде легче всего, стало быть, ожидать развития и товарно-капиталистических отношений, т.-е. выделения кулацких элементов на одном полюсе,

пролетарских и полупролетарских—на другом. Но такого рода теоретические соображения отнюдь еще не раскрывают перед нами всех тех конкретных путей, по каким у нас идет расслоение деревни, и тех скрытых пружин, которыми оно приводится в действие в разных республиках и районах.

Наша настоящая работа не претендует на такое углубленное исследование проблемы расслоения. Мы даем лишь известный методологический подход к ее разрешению. Предложенный нами метод группировки, конечно, подлежит еще дальнейшей разработке и уточнению. Но он, конечно, может дать нам весьма плодотворные результаты. Приведенные выше конкретные показатели расслоения для разных районов может быть и недостаточны. В виду дефектов основного материала по учету доходности отдельных групп крестьянства, мы придаем всем нашим цифровым показателям лишь

Таблица 9

Обеспеченность посевом и крупным скотом по отдельным районам РСФСР за 1926/27 г.

(В среднем на 1 хозяйство)

Районы	Посевная площадь в гектарах				Крупный рогатый и рабочий скот			
	Бедняков	Середняков	Зажиточн.	В среднем	Бедняков	Середняков	Зажиточн.	В среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Земледельч. районы								
1. Крымская АССС	0,80	4,07	17,86	7,38	0,42	2,39	4,93	2,75
2. Сев.-Кавказский	1,25	6,73	17,32	5,90	1,31	3,11	4,89	2,66
3. Волжский	2,46	6,60	19,83	5,08	1,24	2,27	5,48	2,03
4. Башкиро-Оренбургск.	1,90	6,11	14,25	4,57	1,41	3,11	5,80	2,59
5. Сибирский	1,73	6,22	14,32	4,53	2,43	4,66	5,86	4,20
6. Волжско-Камский	2,28	4,92	7,88	4,42	0,90	2,20	1,83	1,79
7. Дальне-Восточный	1,51	5,71	17,90	4,15	1,62	5,16	5,03	3,98
8. Центрально-Землед.	2,11	4,88	9,85	4,04	0,64	1,69	2,32	1,48
9. Уральский	0,71	4,27	10,80	3,76	1,12	3,14	4,75	3,06
10. Рязано-Тульский	1,70	4,39	6,15	3,64	0,55	1,78	1,15	1,38
11. Казакский	1,30	5,23	14,88	3,63	2,26	4,74	6,70	3,87
12. Бурято-Монгольский	1,56	4,43	8,59	3,21	2,55	5,62	7,73	4,78
13. Западный	0,92	3,07	6,71	2,73	1,18	2,47	2,88	2,25
14. Моск.-Пром.	0,74	2,66	5,83	2,39	0,49	2,10	2,37	1,77
15. Северо-Западный	1,29	2,07	6,54	2,00	2,10	2,42	3,64	2,58
16. Северный	0,65	2,10	3,50	1,92	0,57	2,90	2,72	2,59
17. Низовье Волги	0,62	2,92	18,75	1,74	1,10	5,65	9,43	4,36
18. Крайний север	0,40	0,93	2,16	0,80	0,75	2,93	3,23	2,20
Итого	1,52	4,64	14,45	3,87	1,19	2,70	4,87	2,24
Б. Скотоводч. районы	0,49	0,73	0,82	0,53	3,51	11,40	35,9	5,13
Итого по РСФСР	1,43	4,61	14,15	3,74	1,39	2,78	5,46	2,35

иллюстративное значение. Данные налоговых списков подлежит еще проверке материалами бюджетных исследований. Лишь при достаточно хорошо продуманном комбинированном использовании налоговых списков и бюджетных данных, проверяя точность первых последними, сможем мы дать достаточно точную и достоверную географию расслоения советской деревни. А из сопоставлений накопляемых за ряд лет данных этого рода мы построим со временем и динамику этого расслоения.

Это не легкая задача, но она стоит труда. Лишь при наличии ясной картины того, в какую сторону и какими темпами изменяется расслоение деревни под влиянием нашего планового воздействия на ее экономику, мы сможем не только рационально намечать самый план такого воздействия, но и с уверенностью судить о его результатах.

Кто кого?— вот вопрос, который нам надлежит разрешить на этом важнейшем для нас сермяжном фронте.

А. Сегаль

О трудоемкости промышленных капиталов

В двух очерках (в №№ 2 и 10 „План. Хоз.“ за 1927 г.) мы дали картину стоимости (оценки), структуры и рентабельности капиталов общесоюзной промышленности по отчетным данным за 1925/26 г. Для полноты картины в настоящей статье приводятся результаты исследования трудоемкости капиталов, инвестированных в советской промышленности в том же об'еме общесоюзной промышленности и за тот же год. Этому вопросу почти не уделяют обычно внимания, а между тем, он имеет и теоретический и практический интерес; аграрное перенаселение страны и питаемая им безработица делают вопрос об использовании свободного потенциального труда чрезвычайно актуальным, а это придает существенный интерес и вопросу о сравнительном спросе той или иной отрасли производства на рабочую силу, т.-е. о соотношении между инвестированными в данной отрасли капиталами и количеством используемого труда, короче говоря, о сравнительной трудоемкости промышленных капиталов.

Для анализа мы воспользовались: 1) В отношении определения капиталов промышленности — отчетными данными о величине основного капитала (по активу) и оборотных средств трестов (именно ликвидных реальных ценностей плюс дебиторы) на 1 октября 1925 г. и данными о происшедших в течение 1925/26 г. изменениях. Среднегодовые величины основного капитала и оборотных средств совпадают с данными нашей статьи в № 10 „План. Хоз.“ за 1927 г. о рентабельности капиталов, при чем по нефтяной промышленности внесены коррективы, вытекающие из постановления СТО от 16 октября 1926 г. об оценке нефтяных скважин. 2) Для определения использования труда в тех же предприятиях мы воспользовались данными ежемесячных бюллетеней ЦОСа ВСНХ за 1925/26 г., суммируя рабочее время в „человеко-днях“. Это дало возможность определить отношение затраченного труда к задолженному капиталу, выраженное в табл. 1 в виде годового числа „человеко-дней“ на 100 рублей капитала в среднем. Кроме того, используя данные ЦОСа о средне-дневной оплате труда в соответственных отраслях производств (но не всегда строго в тех же трестах), мы получили и относительную величину годового фонда зарплаты (без дополнительных расходов по оплате рабсилы) в черв. коп. на один

рубль задолженного капитала в среднем. Этот второй показатель трудоемкости в цифровом выражении, как видно из сказанного, в нашем случае не так точен, как первый (человеко-дни на единицу капитала), но он все же дает более или менее надежное приближение к действительности и, кроме того, он интересен тем, что реагирует на квалификацию занятого в производстве пролетариата.

Таблица 1

Отрасли промышленности	Средне-годовая сумма (в млн. черв. рублей)		Всего задолж. капитала	Выработано за год		Годовой фонд зарплаты в коп. на 1 рубль капитала
	Основн. кап. по активу	Оборотн. средств		Всего тыс. чел.-дней	Чел.-дней на 100 р. капитала	
Бумажная	41.8	54.2	96,0	3.252	3,38	7,4
Лесная	29,6	92,3	121,9	3.506	2,88	6,0
Нефтяная	361,5	238,8	600,3	12.742	2,12	5,3
Каменноугольная	236,0	98,1	334,1	36.901	11,05	24,1
Электротехническая	74,4	155,6	230,0	6.915	3,01	10,5
Пищевая:						
Сахарная	410,5	491,6	902,1	14.028	1,56	3,8
Центроспирт	77,6	112,3	188,9	2.335	1,24	
Химическая[1]	109,5	124,4	233,9	6.417	2,75	7,7
В том числе Резинотрест	78,7	91,6	170,3	4.881	2,87	—
Текстильная:						
Хлоп.-бумажная	952,8	599,4	1.552,2	95.511	6,15	12,3
Шерстяная	102,1	151,6	253,7	13.502	5,34	10,7
Льнопеньковая	108.6	90,9	199,5	15.384	7,62	11,6
Вся текст.	1.163,5	841,9	2.005,4	124.397	6,2	12,0
Металлургия (черн. и цветн.)	368,0	303,8	671,8	42.544	6,34	14,8
Машиностроит.	265,3	256,5	521,8	25.094	4,81	
Производ. электрическ. энергии около	150,0[2]	49,0	199,0	981	0,49	прибл. 2,5
Всего в среднем	3.287,7	2.818,5	6.106,2	279.112	4,57	10,4

Как видно из табл. 1, средняя годовая трудоемкость капитала, выраженная в рабочем времени, была 4,57 человеко-дней на 100 рублей капитала, а в зарплате — около 10,4 коп. на рубль задолженного в производстве капитала.

Полученные выше данные мы считаем, однако, несколько ниже тех истинных показателей, какие должны получиться при исправлении балансовых оценок капитального имущества промышленности, — в общем преувеличенных, на наш взгляд, а равно и по мнению некоторых авторитетных работников Госплана (см., напр., статью С. Г. Струмилина в „План. Хоз.“, № 9 за 1927 г.).

[1] Резинотрест, Севхимтрест и Анилтрест.

[2] Могэс и Ленинградский Электроток.

Поэтому в табл. 2 мы даем сопоставление показателей, полученных по табл. 1, с теми, какие получились бы в условиях, предложенных нами общих оценок основного капитала (см. нашу статью в „План. Хоз.“, № 2 за 1927 г.), при чем в табл. 2 отрасли промышленности расположены в порядке высоты трудоемкости их капиталов.

Таблица 2

Отрасли промышленности	Трудоемкость в чел.-днях на 100 р. капитала		Отрасли промышленности	Трудоемкость в копейках зарплаты на рубль капитала	
	При трест. оценках осн. капитала	При наших оценках		При трест. оценках осн. капитала	При наших оценках
Каменноугольная	11,05	11,05	Каменноугольная	24,1	24,1
Льнопеньковая	7,62	9,77	Металлопромышленная	14,8	15 9
Металлургия	6,34	6,5	Хлоп.-бумажная	12,3	15,8
Хлоп.-бумажная	6,15	7,89	Льнопеньковая	11,6	14,9
Шерстяная	5,34	6,85	Шерстяная	10,7	13,7
Машиностроит.	4,81	5,3	Электротехнич.	10,5	10,9
Бумажная	3,38	4,07	Химическая	7,7	9,0
Электротехнич.	3,01	3,12	Бумажная	7,4	8,9
Лесная	2,88	2.88	Лесная	6,0	6,0
Химическая	2,75	3,22	Нефтяная	5,3	5,3
Нефтяная	2,12	2,12	Пищевая	3,8	4,4
Сахарная	1,56	1,77	Производство электр. энергии	2,5	2.5
Центроспирт	1,24	1,4			
Производство электр. энергии	0,49	0.49			
В среднем	4,57	5,14	В среднем	10,4	11,7

Сезонные производства, как сахарное, имеют, естественно, пониженную трудоемкость капитала при измерении в годовом масштабе. Максимальную трудоемкость обнаруживает каменноугольная промышленность, а за ней — текстильная и металлопромышленность. Остальные отрасли дают близкую к средней или более низкую трудоемкость. Минимальный показатель этого рода дает эксплоатация электрических централей. Еще меньшую трудоемкость мы получили бы для капиталов, инвестированных в гидроэлектрические централи, в нефтепроводы и водопроводы, если бы выделить их для особого анализа, но самостоятельные предприятия этого рода в числе анализируемых предприятий общесоюзного значения пока отсутствуют.

Заметим, что приведенные выше показатели характерны для эксплоатации того или иного рода предприятий, но отнюдь не для их создания. Само капитальное строительство характеризуется вообще гораздо более высокими коэфициентами трудоемкости, но для определения их, а следовательно, для определения трудоемкости строительных капиталов промышленности, в нашем распоряжении не имеется достаточных материалов.

Для практических целей интересно также иметь ориентировку относительно трудоемкости капиталов вновь создаваемых промышленных предприятий. Соответственные показатели можно получить из приведенных выше таблиц, подменяя балансовые оценки основного капитала „восстановительными“ (но не архаическими, первоначальными, что ведет вообще в наших условиях к снижению показателей трудоемкости).

Используя как трестовские цифры восстановительных оценок (дающие, к сожалению, именно начальные оценки, что, в частности, приводит к особенно большой ошибке по нефтяной промышленности в связи со специфическими условиями эволюции ее капиталов), так и наши цифры, приведенные в статье в „План. Хоз.“ № 2 за 1927 г., мы получили следующие два ряда показателей трудоемкости для новых предприятий (табл. 3),— с оговоркой, что точность их только приблизительна, так как реальные показатели будут возрастать в меру наших достижений в удешевлении капитального строительства и в ускорении оборота ценностей в производстве и распределении, а для второго вида показателей — также и в меру роста номинальной зарплаты,

Таблица 3

Трудоемкость новых предприятий

Отрасли промышленности	При трестовск. оценках осн. кап.	При наш. оценках	Отрасли промышленности	При трестовск. оценках осн. кап.	При наш. оценках
	В чел.-днях на 100 руб. капитала			В коп. зарпл. на руб. капитала	
Каменноугольная . .	7,0	7,82	Каменноугольная . .	15,3	17,1
Льнопеньковая . . .	6,3	7,32	Хлоп.-бумажная . . .	9,6	12,5
Хлоп.-бумажная . . .	4,82	6,25	Льнопеньковая . . .	9,6	11,1
Шерстяная	4,5	4,63	Металлопромышленная	9,4	10,7
Металлургия	4,0	4,35	Электротехническая.	9,6	9,7
Машиностроение . .	3,13	3,72	Шерстяная	9,1	9,4
Бумажная	2,77	3,15	Химическая	6,0	7,1
Электротехническая.	2,76	2,78	Бумажная	6,0	6,9
Химическая	2,16	2 56	Лесная	4,9	5,1
Лесная	2,38	2,48	Нефтяная	2,2	4,2
Нефтяная	0,87	1,66	Пищевая	2,9	3,1
Пищевая	1,12	1,22	Производство электр. энергии	1,8	1,8
Производство электр. энергии	0,36	0,36			

Средне-взвешенная величина к данным табл. 3 была бы не показательна, поскольку нас интересует в этом вопросе перспектива эксплоатации будущих предприятий, а не история существующих.

Заметим, что эксплоатация каждого нового предприятия сопровождается изнашиваемостью и обесценением состава имущества, и следовательно, их показатели трудоемкости — по крайней мере, выраженные в рабочем времени — будут стремиться расти от цифр табл. 3

к цифрам табл. 2. Технический прогресс, сопровождающийся механизацией и массовостью производства, должен дать тенденцию снижения рабочего времени на единицу задолженного капитала, что само по себе при росте номинальной зарплаты не всегда будет означать снижение второго показателя, т.-е. годового фонда зарплаты на рубль капитала; но при стабилизации номинального уровня зарплаты трудоемкость и в этом своем выражении должна обнаружить тенденцию падения. Интересно будет, разумеется, проследить динамику этого явления в последующие годы.

Указанные в таблицах 2 и 3 измерители трудоемкости капитала, выраженные в относительном рабочем времени и в относительной высоте заработка, могут служить в качестве первых приближений и для сравнительной оценки соотношений между задолженным капиталом и величиной производимой на нем „чистой продукции“, поскольку суммарная ценность последней изменяется приблизительно пропорционально затрате рабочего времени или фонду зарплаты (отражающему в себе и квалификацию труда). Следовательно, подобными методологическими приемами можно приблизительно определять и продуктивность новых капитальных вложений в той или иной отрасли производства, понимая под этим большую или меньшую возможность создания новых ценностей.

С. Киселев

Бюджетные проблемы [1]

Очень трудно сравнивать структуру современного бюджета Союза ССР с довоенным бюджетом, поскольку и суб'екты обложения и самый характер последнего подверглись коренному изменению в силу огромного роста в составе нашего хозяйства обобществленного сектора. Тем не менее, мы попытаемся здесь сделать некоторые сопоставления в наиболее доступной для сравнения системе налоговых источников государственных доходных поступлений.

Если мы просмотрим динамику прямого и косвенного обложения за 1897—1913 гг., то мы обнаружим, что последнее до 1910 года имело более быстрый рост, особенно если к акцизам, таможенным пошлинам и винной монополии присоединить поступления по промысловому налогу (перелагавшиеся также по существу на потребителя) и сравнить их общую динамику с развитием остальных прямых налогов (в млн. руб.):

Таблица 1

Годы	Прямые налоги		То же без промыслового налога		Косвенные налоги с таможенн. пошлинами и винной монополией		То же с промысловым налогом		Итого доходов обыкновенных	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1897	97,8	100	53,7	100	618,3	100	662,4	100	1.318 4	100
1900	131,9	134,9	62,1	115,6	776,0	125,5	845,8	127,7	1.704.1	129 2
1906	163.2	166,9	80,8	150,5	1.191,7	192,7	1.274,1	192,3	2.271,7	172,3
1910	216,1	221,0	97,7	181,9	1.359,7	219,9	1.478,1	223,1	2.780,9	210,9
1913	272,5	278,6	122,4	227,9	1.607,4	260,0	1.757,5	265,3	3.417,4	259,2

При этом косвенное обложение вместе с промысловым налогом все время составляло, примерно, половину всех обыкновенных государственных доходов (в % к общему итогу доходов; см. табл. на стр. 69).

Таким образом, косвенное обложение играло у нас до войны роль главнейшего доходного источника. Как известно, такое же важное значение косвенное обложение играет и в бюджетах других европейских стран. Об'ясняется это развитие косвенных налогов

[1] В дискуссионном порядке. Ред.

Таблица 2

Годы	Прямые налоги	То же без промыслов	Косвенные (акциз + таможн. + винн.моноп.)	То же + промысловый	Итого обыкновен. доходов
1897	7,4	4,1	46,9	50,2	100,0
1900	7,7	3,6	45.5	49,6	100,0
1906	7,2	3,6	52,4	56,1	100,0
1910	7,8	3,5	48,9	53,2	100,0
1913	7,9	3,6	47,0	51,4	100,0

удобством и дешевизной их взимания, а также возможностью широкого охвата при их посредстве самых распыленных доходов населения, при чем эффективность в последнем случае достигалась двумя путями: или посредством налогов на предметы потребления широких слоев населения, где расходы плательщиков по природе своей отличаются устойчивостью (питание, одежда, расход по жилищу), или же путем обложения предметов потребления, диференцированного в зависимости от уровня дохода отдельных групп населения, в силу чего представляется возможность применение здесь и шкалы налоговых ставок, приноровленных к качеству облагаемых предметов потребления. Та или иная форма косвенного обложения, применявшаяся в налоговой практике отдельных стран, находилась в зависимости от общего состояния их экономической жизни: страны с более низким уровнем доходов населения пользовались преимущественно первой группой налогов, переходя по мере роста средних по доходности групп населения к налогам второй категории.

Несмотря на широкое распространение косвенных налогов, этот вид обложения подвергался за последнее время самой резкой критике, особенно по первой схеме его построения, что и вполне естественно, так как в этом случае тяжесть государственного налогового бремени падала преимущественно на плечи малоимущего населения, поражая нормальное развитие его основных потребностей: питания, одежды и жилища. Более приемлемыми были в этом отношении косвенные налоги второй категории, где тяжесть обложения уже несколько диференцировалась в зависимости от уровня доходов плательщика; благодаря этому лучше и полнее настигались обложением группы населения с средней доходностью. Однако, система косвенного обложения никогда не развивалась до такой степени, чтобы сколько-нибудь ощутительно охватить высшие по доходности группы населения. Правда, такие финансисты, как Нитти, утверждали, что „крупные доходы образуют лишь незначительную часть всего национального дохода каждой страны, тогда как средние доходы умножаются в числе, а низшие, составляющие главную

массу, количественно уменьшаются",[1] — и тем самым стремились оправдать целесообразность структуры буржуазной налоговой системы. Примерно такую же мотивировку развивал у нас в 1916 году член государственного совета, крупный капиталист Бобринский, предлагавший заменить вводившееся тогда подоходное обложение подушной податью в 10 руб. с человека, что, по его расчетам, обеспечило бы правительству в три раза большую сумму новых доходных поступлений. Между тем, борьба за привлечение к более активному участию в бюджете представителей высших по доходности групп населения требовала именно развития прямого обложения в виде прогрессивного подоходного налога. Крайнее течение научной мысли в этом вопросе выдвигало, как известно, даже проект полной отмены косвенного обложения и введения единого прямого налога. Однако, учет индивидуальных доходов и организация взимания прямых налогов настолько сложны и громоздки, что решение этой последней проблемы, идеальной по своей сущности, встретило бы в текущих условиях непреодолимые практические трудности.

Хотя советский хозяйственный строй с его мощным обобществленным сектором значительно облегчает решение бюджетных проблем, так как весь реальный доход по этому сектору поступает непосредственно в распоряжение государства, тем не менее и у нас, при наличии раздробленного на мелкие индивидуальные единицы крестьянского хозяйства, кустарных промыслов и т. д., построить бюджет на одних прямых налогах было бы сейчас невозможно. Для привлечения к более полному участию в бюджете плательщиков по частно-хозяйственному сектору мы должны и не можем не пользоваться косвенными налогами, строя, конечно, их, главным образом, на обложении потребления, допускающего известную диференциацию ставок. Надлежащее настижение частного дохода и в наших условиях возможно только при помощи достаточно густой сети прямых и косвенных налогов. Самое принципиальное отношение к косвенному обложению в условиях советской экономики должно несколько измениться, так как у нас наблюдается безусловно меньший разрыв уровня доходности отдельных групп населения, в силу чего и косвенные налоги будут ложиться более равномерно, чем это имеет место в условиях буржуазного строя. Конечно, косвенное обложение и у нас продолжает страдать некоторыми дефектами, которые вообще ему присущи, поскольку потребление определяется не только об'емом дохода, но и составом семьи и т. д. Но и в наиболее развитом виде прямого обложения — при подоходном налоге — мы можем вносить смягчающие коррективы пока также лишь в грубой, условной форме.[2] Поэтому, учитывая целый ряд других положительных

[1] Нитти, „Основные начала финансовой науки", стр. 125.

[2] Эти отрицательные стороны косвенного обложения и должны сглаживаться прогрессией подоходного налога и разного рода добавочными к нему „поправочными" коэфициентами.

Таблица 3[1]

Наименование статей	1913			1926/27							1917/28				
				В черв. руб.			В товарн. руб.				В черв руб.		В товарн. руб.		
	Абсолютно	На 1 жителя в год	На 1 жителя в месяц	Абсолютно	На 1 жителя в год	На 1 жителя в мес.	Абсолютно	На 1 жителя в год	На 1 жителя в мес.	%%(10 к 4)	Абсолютно	На 1 жителя в мес.	Абсолютно	На 1 жителя в мес.	%%(15 к 4)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1. Все прямые налоги	272,5	1,56	0,13	896,5	6,12	0,51	510,8	3 49	0,29	223,0	205,1	0,46	120,4	0,27	207,6
2. Все косвенные налоги вместе с таможен. доход. и винной монополией .	1.607,4	9,23	0,77	1.371,8	9,37	0,78	781,6	5,34	0,44	57,1	361,0	0,80	211,8	0,47	61,0
3. То же + промысловый налог . . .	1.757,5	10,09	0,84	1.712,8	11,69	0,97	975,9	6,66	0,56	66,6	394,17	0,88	231,3	0,52	61,9
4. Доход от кредитн. операций . . .	—	—	—	308,3	2,11	0,17	175,7	12,00	1,00	—	199,7	0,44	117,2	0,26	—
5. Пошлины	231,2	1,33	0,11	167,0	1,14	0,09	95,2	0,65	0,05	45,4	46,0	0,10	27,0	0,06	54,5
6. Все налоговые доходы	2.112,1	1,33	0,01	2.435,3	16,63	1,39	1.387,6	9,48	0,79	78,2	612,2	1,36	359,3	0,80	79,2
7. Доход от почт и телеграф.	119,7	0,69	0,06	155,9	1,06	0,09	88,8	0,61	0,05	83,3	42,6	0,09	25,0	0,06	100,0
8. Всего доходов (вместе с НКПС и НКПиТ)	3.431,8	19,71	1,64	5.076,7	34,68	2,89	2.894,5	19,76	1,65	100,6	1.415,0	3,15	830,6	1,85	112,8
9. Все доходы без кредитных операций	3.431,8	19,71	1,64	4.768,4	32,57	2,71	2.718,8	18,57	1,55	94,5	1.215,6	2,71	713,4	1,59	97,0

[1] В графах 2, 5, 8, 12 и 14 — в млн. рублей; в графах „на одного жителя“ — в рублях.

качеств, присущих косвенному обложению, надо признать его все же весьма ценным рычагом в системе государственного налогового обложения, особенно по сравнению с менее совершенными видами реального прямого обложения, как, например, наш сельскохозяйственный налог и т. д. Особенно же важно применение косвенного обложения и в наших условиях в тех случаях, когда необходимо усилить густоту налоговой сети с тем, чтобы увеличить более гибкий и полный охват индивидуального дохода.

Посмотрим теперь, насколько удовлетворяет этому последнему требованию действующая система нашего налогового обложения (см. табл. 3 на стр. 71).

Приведенная таблица дает сравнение (в товарных рублях) относительной тяжести государственных доходных поступлений современной и довоенной, приходящейся в среднем на одного жителя. Мы видим, что при почти одинаковом об'еме общей (средне-месячной) суммы доходных поступлений, падавших на одного жителя в 1913 г. (1,64 руб.) и в первом квартале текущего года (1,59 руб.), сумма налогов прямых и косвенных составляла в 1913 году 1,01 руб. и в этом году 0,80 руб., или на 21% менее. В том числе косвенное обложение давало до войны 0,77 руб., а теперь только 0,47 руб., или же менее на 39%; если к косвенному обложению присоединить промысловый налог, то итог получится такой: для 1913 г. мы будем иметь цифру 0,84 руб. и для 1927/28 г. — 0,52 руб. (т.-е. только 62%). Если для сравнимости мы вычтем из довоенных доходных поступлений по винной монополии операционные [1] расходы, не проходящие сейчас ни по доходной, ни по расходной части бюджета, то и тогда соответствующие цифры для 1913 г. будут по косвенному обложению (на одного жителя в месяц) 0,65 руб., а вместе с промысловым обложением — 0,72 руб., т.-е., другими словами, уровень текущего косвенного обложения будет ниже на 28%, а вместе с промысловым налогом — на 36% (в %% к общему итогу доходов, принятых за 100).

Таблица 4

	1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	Общая сумма в год	Общая сумма в год	Общая сумма за кварт.
Все прямые	7,9	18,8	16,9
Все косвенные (акц. + там. + вин. моноп.)	46,8	28,7	29,7
Все косвен. (акц. + там. + вин. моноп. + промысловый)	51,2	35,9	32,4
Налоговые доходы	61,5	51,0	50,4
Все доходы	100,0	100,0	100,0

[1] Мы исключаем 255 млн. руб., составлявших расходную смету Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей.

По отношению к общему итогу доходных поступлений мы имеем в настоящее время более низкий коэфициент удельного веса налоговых поступлений, при большей доле прямого обложения и пониженном уровне косвенного обложения. Доля прямого обложения в первом квартале 1927/28 г. оказалась также ниже средне-годового удельного веса прямых налогов в доходном бюджете прошлого года.

Если мы станем расценивать текущую структуру налоговой системы на фоне общей хозяйственной кон'юнктуры, то мы, очевидно, должны прийти к такому выводу. Несмотря на повышение в 1927/28 г. доходов частного сектора, давящих, как известно, на рынок и приводящих к напряженному состоянию процессы обмена и, в частности, нашу денежно-кредитную систему, прямое обложение не дает соответствующего увеличения налоговых поступлений, а косвенное хотя и показывает прирост, однако, он оказался относительно недостаточным для санирования частно-хозяйственного денежного рынка. Эти обстоятельства не представляют собой случайного явления, так как сущность прямого обложения и состоит в том, что оно настигает текущий доход населения лишь через известный промежуток времени, а следовательно, неизбежно запаздывает. Взиманию прямых налогов должна, как известно, предшествовать длительная процедура учета полученного дохода, вычисления ставок и окладов, рассылки уведомлений плательщикам и т. д. Следовательно, между моментом получения дохода и его обложением протекает около полугода или года, что в наших условиях, при массовом приросте ежегодного сельскохозяйственного дохода в течение трех-четырех месяцев и невозможности учета его об'ема, заранее лишает неизбежно прямое обложение должной эффективности (во времени).

Своевременно настигнуть этот прирост частных доходов могла бы только развитая система косвенных налогов при условии соответствующего усиления ее удельного веса в общей системе государственных доходных поступлений. Так как именно в период реализации урожая на рынке развивается и максимальный потребительский спрос, то косвенные налоги и являлись бы в описанных условиях нашей народнохозяйственной кон'юнктуры наиболее действительным средством не только своевременного и более полного охвата потребительских доходов, но и санирования товарооборота и денежного рынка. В частности для этой цели можно было бы рекомендовать ввести более высокий и, главным образом, дифференцированный акциз на ткани в зависимости от их качества и применительно к прогрессии дохода тех категорий населения, которые пред'являют на них преимущественно спрос. Кроме того, самые ставки косвенного обложения гораздо легче поддаются регулированию, и путем периодического их пересмотра возможно достичь

весьма эластичной и гибкой системы налогового охвата доходов населения.

В настоящей краткой статье мы позволим себе ограничиться приведенными замечаниями, относящимися к вопросу желательного усиления гибкости доходной части бюджета, что, в свою очередь, должно отразиться благоприятно и на об'еме доходных поступлений. Переходя к расходной части бюджета, мы также остановимся лишь на некоторых наиболее важных сейчас проблемах, стоящих перед советским бюджетом, как одним из рычагов распределения.

Особенность структуры расходного бюджета СССР заключается, прежде всего, в доле затрат бюджетных ресурсов на финансирование народного хозяйства, по сравнению с непроизводительными административно-хозяйственными расходами. В этом можно очень легко убедиться, хотя бы из обзора двух следующих таблиц.

Таблица 5

Годы	Административные бюджетные расходы (с НКПС, НКПиТ и финансир. военной промышленности)			Финансирование по бюджету народного хозяйства (без военной промышленности)		
	В млн. руб.	На одного жителя в рублях (по номиналу)	То же в товарных рублях	В млн. руб.	На одного жителя в рублях (по номиналу)	То же в товарных рублях
1913	2.346	13,48	13,48	—	—	—
1925/26	1.893	13,22	7,12	494	3,45	1,86
1926/27	2.387	16,31	9,29	861	5,88	3,35

Таблица 6

Кварталы	Итого расходов без НКПС и НКПиТ	В том числе финансирование народного хозяйства		
		а) общая сумма	б) на сельское хозяйство	в) на промышл. [1]
	В миллионах рублей			
1926/27 — I	716,7	193,5	21,7	124,2
1926/27 — II	723,1	233,6	40,7	137,5
1926/27 — III	740 6	234,8	41,1	138,4
1926 27 — IV	815,3	230,9	33,3	119,1
1927/28 — I	874,8	245,6	23,6	155,2

Прохождение у нас по бюджету крупных кредитов на финансирование народного хозяйства, что по существу представляет собой вложение этих средств в основной капитал страны, — не является случайным. Наоборот, необходимость участия бюджета в этом перераспределении части наличных ресурсов на нужды капитального строительства вытекает с логической необходимостью прежде всего из того, что бюджет является у нас аккумулятором прибылей

[1] Включая военную промышленность и заем хозяйственного восстановления.

огромного обобществленного сектора (госпромышленность, госторговля, банковский кредит, транспорт и т. д.); кроме того, при существующей еще кассовой разобщенности обобществленного и частнохозяйственного сектора бюджет выполняет также и роль принудительного из'ятия и обобществления известной доли частно-хозяйственных накоплений (налоги, государственные займы). Отсюда ясно, что в наших советских условиях роль финансового капитала, регулирующего в современном частно-капиталистическом хозяйстве развитие основного капитала, должна выполняться в организованном плановом порядке государственным бюджетом и представляет собой одну из важнейших его функций, чем советский бюджет, как мы уже указали, и отличается от структуры бюджета в буржуазных странах.

То обстоятельство, что технический процесс непосредственного распределения кредитов на финансирование народного хозяйства предоставляется банкам, не играет существенного значения: поскольку ежегодно происходит организованное из'ятие излишка прибылей по обобществленному сектору через бюджет, постольку, очевидно, он и является главнейшим источником финансирования капитального строительства, банковская же кредитная система по природе своих основных пассивов может выполнять у нас лишь функцию краткосрочного финансирования народного хозяйства, опираясь на свободные оборотные ресурсы предприятий и денежную эмиссию. В этом заключается второе основное отличие финансовой советской системы от буржуазно-капиталистической, где банковский кредит выполняет самостоятельно обе функции и краткосрочного и долгосрочного финансирования народного хозяйства.

Перераспределение среди клиентуры наличных оборотных денежных средств нашими банками, которые по существу являются об'единенной кассой обобществленного сектора, может естественно носить только краткосрочный характер; в случае необходимости для сбалансирования взаимных расчетов банк может выпустить добавочные средства обмена — свои банкноты. Все активные операции банков в силу природы их пассивов связаны непосредственно с текущим производством и процессами обмена, так что ссуды рассчитаны на скорый возврат, на постоянную безостановочную циркуляцию тех денежных ресурсов, которые обслуживают товарный оборот страны. Действительно, рост банковских вкладов, отражающий процесс реального накопления, хотя и происходит, однако, он носит у нас особый характер — до из'ятия части текущего накопления в бюджет или обращения его по промфинплану самими же предприятиями на капитальное строительство, — так что в пределах чисто банковского оборота у нас все же сосредоточиваются, главным образом, только оборотные ресурсы предприятий. Ясно отсюда, что в этих условиях банковский кредит есть момент, исключительно сопутствующий товарному обращению, и является скорее его отражением, но не первопричиной; по этому же кредит не имеет

непосредственной связи и с потреблением: он является только функцией обмена в секторе производственно-торгового спроса и предложения. Совсем иной характер носит бюджетное финансирование, которое сохраняет присущий бюджету характер распределения. Источником расходов по финансированию являются здесь те же бюджетные поступления, т.-е. из'ятие части денежных доходов обобществленного и частно-хозяйственного сектора; природа последних состоит в том, что взамен произведенных и реализованных на рынке реальных благ суб'екты бюджетного обложения не пред'являют на всю вырученную ими сумму денег соответствующего спроса на рынке, т.-е., другими словами, они сохраняют за собой право на этот потенциальный спрос в виде денежного накопления, позднее переходящего в распоряжение государства. Разассигновывая бюджетные ресурсы на нужды финансирования народного хозяйства, мы производим тем самым фактически только перераспределение производственного и потребительского спроса на те избыточные реальные ценности, которые должны корреспондировать в развитом товарообороте процессу денежного накопления, — бюджет не создает нового спроса (в его массе), а лишь изменяет его суб'екты. Это надо твердо помнить, так как сейчас приходится слышать и иногда очень часто огульные обвинения бюджетного финансирования во всяких текущих рыночных затруднениях. [1]

Когда говорят о том, что усиленное финансирование капитального строительства привело во второй половине 1926/27 г. к рыночному напряжению вследствие усиленной выплаты заработной платы строительным рабочим, то, принимая этот факт, как осложняющее кон'юнктурное явление на данном узком отрезке времени, мы едва ли можем согласиться с этим мнением с точки зрения принципиальной, так как надо было бы раньше доказать, что оставление этих ресурсов у населения или иной способ их расходования привел бы вообще к другому положению на рынке; в частности, расходывание в этот период бюджетных сумм в большей степени на нужды сельского хозяйства, за счет соответствующего сокращения финансирования промышленности, имело бы, вероятно, еще более неблагоприятные последствия в сфере рыночного обращения, чем это наблюдалось сейчас. Поэтому, безоговорочное отнесение бюджетного финансирования капитального строительства к факторам, повлекшим в 1926/27 г. нарушение хозяйственного равновесия, приходится отвести, как совершенно необоснованное. [2] Конечно, может быть эти

[1] Это, конечно, не лишает важности вопрос о более целесообразном распределении бюджетных расходов попредметно и во времени, соответственно кон'юнктурной обстановке.

[2] Гораздо более существенным для кон'юнктуры является внеплановая затрата отдельными промышленными предприятиями на капитальное строительство собственных ресурсов, что ведет к естественному напряжению их оборотных капиталов. Об этом свидетельствует следующая динамика вкладов и текущих счетов промышленности (по пяти главнейшим банкам): на 1 октября 1926/27 г. остаток их составлял 246 млн. руб., к 1 декабря он поднялся до 277 млн. руб. и вслед затем стал падать, достигнув минимума на 1 августа — 206 млн. руб.; на 1 октября 1927/28 г. остаток вкладов и текущих счетов промышленности составляет 221 млн., руб., т.-е., другими словами, при росте производственных программ мы имеем уменьшение совых резервов промышленности. Это напряжение оборотных средств промышленности, сокращая базу и для развития банковского кредита, побуждало прибегать для снабжения той же промышленности необходимыми оборотными ресурсами — к эмиссии.

ассигнования можно было бы в отдельных случаях использовать и более рационально, но это уже quaestio facti и его надо решать в плоскости более узких и конкретных вопросов. Так, например, основные факторы нарушенного сейчас рыночного равновесия коренятся в общей структуре наших процессов производства и распределения и в частности, в недостаточной организации взаимоотношений обобществленного и частно-хозяйственного (особенно крестьянского) секторов нашего хозяйства. Здесь, в этом комплексе причин. конечно, играет известное значение и общая структура приходо-расходных статей бюджета, поскольку он, ложась неравномерно на отдельные группы, может соответствовать усилению частичных рыночных разрывов, как это имело место осенью 1926/27 г. в стыке между обобществленным и частно-хозяйственным сектором. Однако, придавать более общий характер этому явлению было бы неправильным.

Но если мы должны отвергнуть, как принципиально необоснованное, отнесение финансирования капитального строительства по расходному бюджету к основным факторам рыночных затруднений, то нельзя все же сказать, чтобы бюджет нельзя было вообще упрекнуть в этом отношении ни в чем. Помимо сказанного уже здесь надо иметь в виду следующее обстоятельство: если бюджет есть аккумулятор денежных накоплений, то в народнохозяйственном плане на него, а не на кредит (располагающий преимущественно только оборотными средствами) должна лечь целиком специальная функция финансирования процесса образования товарных запасов. Между тем, поскольку этой проблеме (кроме хлебных запасов) до сих пор в бюджете уделялось мало внимания, постольку она остается нерешенной, несмотря на абсолютную неотложность этого вопроса для придания устойчивости всей нашей хозяйственной системе. Решение вопроса о товарных запасах требует прежде всего ежегодного внесения специальной крупной статьи в разделе финансирования народного хозяйства. Однако, это еще не решит целиком всей проблемы и вот по каким соображениям. Оплачивая стоимость приобретенных в фонд товаров и иммобилизуя их, бюджет произведет эту операцию без влияния на рыночную кон'юнктуру лишь в том случае, если истраченная для этой цели сумма не будет превышать отрицательного сальдо частно-хозяйственного сектора и бюджета по расходным и приходным статьям последнего.

Другими словами, если приходные статьи в бюджете по этому сектору равны n, а расходные [1] m, если $n > m$ и если сумма (x) ассигнований на образование товарных запасов (предметов потребления) $\leqslant n - m$, то можно предположить, что в этой операции происходит фактически только подстановка на рынке бюджета вместо потребителя.

Иное положение получится в том случае, когда $n \leqslant m$ или когда $x > n - m$. Тогда снятие товарной массы с рынка уменьшит товарную массу, не сократив потребительского спроса, и, следовательно, может отрицательно влиять на рыночную кон'юнктуру. [2] Во избежание таких последствий необходимо в этих случаях для равновесия рекомендовать: сократить на соответствующую сумму [3] общий итог бюджетных расходов и образовать соответствующий свободный бюджетный денежный резерв. В текущих условиях, как корректив к нашим условным и недостаточно еще точным плановым расчетам, образование такого свободного денежного бюджетного резерва было бы вообще целесообразно не только как реальное средство санирования рынка от излишнего напряжения, но и как резерв на случай депрессии рынка (неурожай и т. д.). Только опираясь на бюджет и используя его для образования товарно-денежных резервов, мы можем в дальнейшем обеспечить себе вообще более спокойное и плавное развитие хозяйственной кон'юнктуры, укрепляя одновременно позицию и нашего планового сектора.

[1] Зарплата, финансирование сельского хозяйства и т. д.

[2] При образовании товарного запасного фонда за счет кредита будет происходить сокращение рыночного предложения и оседание свободной денежной массы в каналах обращения, что также будет неблагоприятно отзываться на рыночной кон'юнктуре. Исключением явится здесь случай значительного превышения рыночного предложения над спросом, когда при помощи кредита возможно провести финансирование торговых запасов и привести в большее соответствие предложение и спрос торгово-производственного характера (поднятие до уровня наличного предложения потребительского спроса достигается в этом случае очень легко путем использования денежного бюджетного резерва, т.-е. при помощи под'ема заработной платы и т. д.).

Другой вопрос, насколько целесообразно может быть использован кредит для финансирования кратковременных товарных остатков. Здесь одновременное введение в оборот денег против иммобилизуемой товарной массы по существу выполняет обратную задачу, способствуя общему оживлению оборота и более быстрому рассасыванию товарных масс. Следовательно, при отсутствии достаточно мощных свободных товарных масс эта мера может даже способствовать обострению рыночной обстановки (на этом основана роль подтоварных ссуд при рыночной спекуляции). Поэтому при использовании кредита для финансирования кратковременных товарных запасов требуется вообще ограничить размер ссуд лишь некоторой долей рыночной их стоимости (30—50%), что является гарантией оседания вне каналов обращения лишь действительно избыточной товарной массы.

[3] $x - (n - m)$.

А. Гордин

Перспективы госбюджета в доходной части на 1927/28—1931/32 гг.

Задачей государственного бюджета на предстоящее пятилетие в области доходов является извлечение из народного дохода максимума средств, одновременно не нарушая здорового поступательного движения народного хозяйства и содействуя осуществлению поставленных планом общих социально-экономических целей.

Если в условиях капиталистической хозяйственной системы бюджет обычно должен заботиться об обеспечении лишь известного минимума, необходимого на содержание государственного аппарата и удовлетворяющего нужды армии, то в наших условиях положение кардинально меняется. Здесь бюджет выступает в роли аккумулятора материальных ресурсов, направляемых в значительной доле обратно в народное хозяйство, и является важнейшей финансовой базой осуществляемой индустриализации страны. Бюджет представительствует уже не столько „накладной расход“ народного хозяйства, сколько один из организующих и питающих центров последнего. Отсюда и вытекает тот „максимализм“, который мы выдвигаем как бюджетную программу.

Аккумуляция средств, осуществляемая бюджетом, частично протекает в форме привлечения, так сказать, добровольных вкладчиков, помещающих свои сбережения в государственные предприятия (через госзаймы) анологично вложениям в кредитную систему; частично в виде принудительного накопления, путем отчислений, частично налогов и т. д. Каждый из этих источников, находясь в постоянном взаимодействии, располагает своеобразными возможностями, охватывает специфическую область дохода, мало доступную для иных методов извлечения средств, производит совершенно отличное действие на отдельные социальные слои и группы, имеет свои внутренние закономерности развития, с которыми приходится считаться бюджету и которые определяют эффективность каждого из них в определенной экономической обстановке, наконец, в различной степени соответствует общим экономическим задачам, подлежащим разрешению.

Бюджетная пятилетка, оставаясь на почве общехозяйственных планов, должна была найти меру возможного и желательного про-

движения по каждому из указанных двух путей, учитывая общеэкономические, социальные и узко фискальные последствия избранного курса.

Далее, важно было установить степень необходимого вмешательства бюджета в перераспределение капиталов между отраслями народного хозяйства, в доходах которых бюджет является непосредственным дольщиком (отчисления от прибылей). В силу бездействия в условиях нашей экономики закона средней нормы прибыли (достаточно взглянуть на направление капитальных вложений, значительнейшая часть которых идет в малорентабельные отрасли) и замены стихийного переливания капиталов их плановым перераспределением, бюджет играет здесь крупную организационную роль, будучи наиболее реальным и в то же время жестким планом указанного перераспределения.

Из внутрибюджетных организационных проблем предстоящее пятилетие должно окончательно консолидировать взаимоотношения союзного бюджета и республиканских, государственного и местного. Но так как этот вопрос связан не столько с изысканием новых ресурсов, сколько с определением об'ема и цели расходов, которые следует связать с каждым видом бюджета, то его необходимо рассматривать в аспекте расходной части бюджета.

Методологические замечания, которые необходимо предпослать изложению основных моментов намечаемого пятилетнего плана, сводятся к следующим наиболее существенным моментам:

а) Экономические основания проекта связаны с пятилетками по отдельным отраслям народного хозяйства и, таким образом, наши расчеты обусловлены отраслевыми планами; лишь при отсутствии необходимых данных делались собственные расчеты, но опять-таки применительно к имеющимся планам.

б) Поскольку бюджетный доход имеет специфическую форму связи с народным хозяйством для каждого отдельного доходного источника, план развития бюджета должен был носить характер анализа каждой доходной строчки, но не только общей линии бюджетных из'ятий.

в) Характер бюджетного воздействия на народное хозяйство, т.-е. финансовая политика, должен был соответствовать не только непосредственно бюджетным интересам, но обязательно укладываться в рамки общей социально-экономической политики, положенной в основу пятилетки в целом.

г) По тем же мотивам, которыми была обусловлена целесообразность параллельного построения отправного и оптимального варианта для всего народного хозяйства,— явилась необходимость отразить оба проекта в бюджете, одновременно видоизменив и бюджетную позицию, приспособив ее к большим экономическим возможностям, фиксированным в оптимальном плане, с одной стороны, и с другой — потеснившись несколько по линии фиска, чтобы дать простор добавочному развертыванию важнейших секторов хозяйства.

Прежде чем перейти к анализу более конкретных условий, в которых предполагается развитие бюджета, приводим таблицу, характеризующую общие контуры бюджета[1] за период 1924/25 — 1926/27 гг., и тот результат, к которому нас приводит проектируемая пятилетка: (см. стр. 82).

Общая сумма доходов выросла, таким образом, в течение истекших трех лет на 74,8%, а для предстоящих пяти лет намечен рост в 50,4% по отправному варианту и 60,6% по оптимальному. Естественно, что в пятилетке темп годового прироста заметно снижается, и это связано как с общими условиями нашей экономики (конец восстановительного периода), что нашло свое отражение во всех отраслевых планах, на которые и опирается бюджет, — так и со специфически бюджетной позицией в намечающейся обстановке.

Здесь наиболее существенны четыре момента: 1) доходная часть бюджета по линии косвенных налогов, промналога и др. своих частей не может быть, как правило, форсирована без повышательного влияния на цены; в интересах политики снижения цен бюджет должен был ограничить свои запросы в этом направлении; 2) усиление из'ятий из доходов государственных и кооперативных предприятий в обстановке их быстрого роста предполагает компенсацию в значительной доле за счет кредитной системы; ныне, когда оборот насыщен деньгами и эмиссия будет поставлена в достаточно узкие рамки, было бы неосторожно усиливать из'ятия из обобществленного сектора; 3) заметное свертывание частной торговли, запроектированное в пятилетке, безусловно скажется на падении темпа роста промыслового и подоходного налогов, так как процент из'ятия у преемника частного торговца — кооперации — гораздо ниже, а поднять его, по изложенным выше соображениям, можно будет лишь частично; 4) ускоренное развитие тяжелой промышленности, предусмотренное планом с точки зрения непосредственно бюджетной, несколько сужает фискальные возможности, так как легкая индустрия является наиболее выгодным контрагентом бюджета, обеспечивая, обычно, более высокий уровень прибылей, добавочные порции промналога (более высокая налоговая ставка и большая звенность в обороте), повышенный тариф на железных дорогах, а часто также возрастание акцизного и таможенного дохода. Важнейшим стимулом бюджетного плана, на ряду с быстрым ростом промышленности и сопутствующим под'емом городской жизни, служит быстрое повышение товарности сельского хозяйства (без внутрикрестьянского оборота — с 21,1% в 1926/27 г. до 27,6% в 1931/32 г. по отправному варианту), что должно обеспечить здоровый рост сельхозналога и в боль-

[1] Детальная таблица приведена в приложении.

Основные линии развития госбюджета (млн. руб.)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	% роста 1926/27 г. к 1924/25 г.	Удельный вес	Отправной вариант		Удельный вес	Оптимальный вариант		Удельный вес
						1931/32 г.	% роста к 1926/27 г.		1931/32 г.	% роста к 1926/27 г.	
Прямые налоги[1]	595,4	641,2	905,7	52,1	17,5	1.192	31,5	15,4	1.268	39,8	15,2
Косвенные налоги	609,7	992,1	1.392,7	128,4	26,9	2.107	51,2	27,1	2.150	54,3	25,9
Пошлины и сборы	118,3	151,2	168,1	42,0	3,3	270	60,7	3,4	316	88,0	3,8
Итого налоговые	1.323,4	1.784,5	2.466,5	86,3	47,7	3.569	44,7	45,9	3.734	51,4	44,9
Изъятие из прибылей государственных предприятий (промышл. торговля, банки)	121,4	168,9	303,8	50,2	5,9	507	66,9	6,6	629	106,9	7,5
Леса	104,8	214,7	220,1	110,0	4,3	335	52,2	4,3	370	68,1	4,4
Недра	8,5	20,7	42,6	401,1	0,8	84,8	99,0	1,1	93	118,3	1,1
Прочие неналоговые	230,3	142,3	134,3	— 41,7	2,7	163,0	21,6	2,0	173	29,1	2,1
Итого неналоговых	465,0	546,6	700,8	50,4	13,5	1.089,8	55,5	14,0	1.265	80,4	15,2
Кредитные операции	130,5	146,0	308,1	136,0	6,0	660,0	113,6	8,4	850	175,9	10,2
Транспорт и связь	1.037,3	1.481,6	1.680,1	61,9	35,1	2.454,9	46,1	31,6	2.455	46,1	29,5
Разные	—	27,6	12,9	—	0,3	—	—	—	—	—	—
Всего в черв. рублях	2.956,2	3.986,3	5.168,4	74,8	100	7.773,7	50,4	100	8.304	60,6	100,0
Всего без транспорта и связи	1.918,9	2.504,7	3.488,3	81,8	67,5	5.318,8	52,4	68,4	5.849	67,6	74,3
Всего в довоенных рублях[1]	1.629	2.101	2.794	71,5	—	4.859	73,9	—	5.357	91,7	—

[1] По оптовому индексу ЦСУ.

шей мере включить крестьянство в сферу влияния нашей налоговой системы в целом.

Иллюстрацией этого положения может служить, например, тот факт, что Узбекистан дает в 1926/27 г. 3,4% налогового из'ятия к валовой продукции против 3% по РСФСР и 3,3% по УССР, поскольку товарность сельского хозяйства равна 67% против 22,5% по РСФСР. Здесь заложена одна из важнейших движущих пружин под'ема бюджета. Если, как отмечалось, доход возрастает за пятилетие медленнее, чем за прошлые годы, то безотносительно к прошлому темп роста все же намечен достаточно стремительный, в значительной мере опережающий рост народного дохода. На ряду с повышением товарности сельского хозяйства, в качестве основных факторов, определяющих ведущую роль бюджета, выступают усиление роли промышленности в народном хозяйстве (в первую очередь обобществленной ее части, наиболее тесно связанной с бюджетом), бурное развитие внешней торговли (импорт растет на 117—127%) и не менее быстрое развитие государственного кредита, опирающееся на рост благосостояния населения и возрастающую рентабельность государственного и кооперативного хозяйства. Кроме того, пришлось считаться с экспансией потребления хлебного вина за счет самогона. Поставленное в порядок дня вытеснение самогона безусловно вызовет заметное расширение сбыта в деревне и следовательно, акцизный доход будет на этом участке показывать быстрое нарастание. Вот в основных чертах те причины, которые определяют динамику доходных строчек, приведенных в предыдущей таблице.

Не затрагивая пока частных проблем, ограничимся указанием на два специальных момента, характеризующих причины угнетенной линии развития прямых налогов.

Развитие прямых налогов, принятое нами в замедленном темпе (снижение удельного веса с 17,5% до 15,4%), все же гораздо более значительно по существу, чем это вытекает из таблицы, так как поступления 1926/27 г. включают в себя некоторые суммы, перешедшие с 1925/26 г. Очистив 1926/27 г. от случайных элементов, мы получим нормальный рост не в 31,5%, а в 42,7%. Однако, в отношении сельхозналога можно думать, что для отправного варианта запроектированный темп преуменьшен и по существу для ближайших лет, так как не были учтены в полной мере решения самого последнего времени о передвижках в сроках платежей и необходимости дополнительных из'ятий у деревенской верхушки. Изменив внутреннюю структуру налога, это должно будет стабилизировать общий уровень налогового из'ятия из деревни, примерно, на линии 1927 28 г. То, что намечалось в нашем плане как мероприятия на ряд лет, было передвинуто на 1927/28 г. и 1928/29 г., что, естественно, увеличивает и общий доход по сельхозналогу за пятилетие. Именно по линии селхозналога лежит наиболее существенное расхождение

проекта пятилетки с фактически утвержденным бюджетом. Остальные расхождения носят характер уточнения плана (в оптимальном варианте) и отчасти связаны с необходимостью учесть в реальном бюджете 1927/28 г. некоторые кон'юнктурные моменты, побудившие форсировать ряд налоговых источников, что, естественно, не может быть предусмотрено планом и не меняет его установки в перспективе.

Косвенные налоги возрастают в большей мере, чем прямые, при чем акцизы дают рост на 42,2% и таможенный доход на 109,3%. Первые, как уже было указано, опираются на доход от хлебного вина и тем не менее идут в темпе несколько меньшем, чем бюджет, что обусловлено намеченной программой снижения ставок. Как ни скромна сама по себе эта программа, все же она должна будет обойтись казне за пятилетие в 600 млн. руб. и это, естественно, несколько снижает темп роста акцизного дохода. Рекордный рост таможенного дохода связан с не менее рекордным ростом импорта, о чем уже упоминалось выше.

Как же в результате указанных сдвигов меняются основные черты нашей налоговой системы?

Роль косвенного обложения поднимается за счет таможенного дохода с 56,5% до 59,1%. Казалось бы, что здесь можно говорить об ухудшении структуры налогов. Однако, если вспомнить, что в 1913 г. косвенное обложение (включая водочную монополию) составляло 76,2% и что наш таможенный доход с учетом индекса равен около 100 млн. руб. против 353 млн. руб. довоенных, то можно с уверенностью сказать о вполне здоровой тенденции развития, тем более, что параллельно идет процесс вытеснения частной торговли и ослабляется диференциация доходов, что понижает возможности и выгоды прямого обложения.

Соответственно с динамикой косвенного обложения, прямые налоги, пошлины и сборы падают в своем удельном весе с 43,5% до 40,9% (в 1913 г. лишь 23,8%, а без гербового сбора —12,9%).

Здесь следует подчеркнуть, что ценность приведенной градации налогов на прямые и косвенные весьма относительна, ибо отнюдь не дает точного представления о совершенстве системы обложения и нужном распределении налогового бремени. Вопрос о переложимости тех или иных налогов (а в особенности в условиях советской экономики) остается далеко не решенным, и позволительно сомневаться, что в большей мере падает на широкого потребителя — таможенный доход (например, обложение ввозимых машин) или промысловый налог. Относительно надежным орудием социальной политики в области налогов остаются подоходный налог и сельхозналог,— на их судьбе мы остановимся особо.

Неналоговые доходы несколько повышают свой удельный вес, главным образом, по линии отчислений от прибылей, что связано с повышением рентабельности промышленности и проектируемым увеличением процента из'ятий по торговле.

Наиболее высокий рост показывают кредитные операции; этот рост, с одной стороны, обусловлен увеличением прибылей государственных и кооперативных предприятий, резервные капиталы которых участвуют в заемных операциях казны, а с другой — значительным повышением благосостояния населения (средняя зарплата возрастает на 26—27% в червонном выражении).

Опыт первого полугодия 1927/28 г. (если он будет столь же удачно завершен как начат) показывает, что намеченные темпы являются достаточно жизненными.

Показатели, обусловившие относительно замедленное развитие дохода от транспорта и связи, будут приведены в дальнейшем.

Когда мы говорили об общем темпе роста бюджета, мы оперировали червонными рублями. Поскольку, однако, намечается значительное снижение индекса, реальный рост бюджета составит уже не 50,4%, но 73,9%. Обратное явление наблюдается за истекшее трехлетие — повышение индекса привело к тому, что червонный рост в 74,8% реально дает 71,5%, т.-е реальный бюджет за пятилетие должен дать больший прирост чем, истекшее трехлетие (при годовых темпах, меньших, естественно, чем в восстановительный период).

Вес бюджета в народном хозяйстве и оценка предлагаемой пятилетки с точки зрения ее соответствия общим перспективам плана, могут быть установлены на основе сопоставления бюджетного плана с генеральными линиями народнохозяйственного развития: народным доходом, валовой и товарной продукцией. Прежде всего, приводим соответствующие цифры (см. табл. на стр. 86).

Данная таблица позволяет нам, прежде всего, констатировать, что государственный бюджет растет быстреее всех трех основных показателей народнохозяйственного развития. В еще большей мере это относится к сводному бюджету, ибо местные доходы развиваются быстрее государственных.

Если мы обратимся к доле бюджета в народном доходе, то окажется, что бюджет с 1924/25 г. непрерывно повышает свой удельный вес, бюджетный плацдарм непрестанно расширяется и государственный бюджет, показав за три года рост в 75%, достигает в 1926/27 г. 20,7% к народному доходу (сводный—25,9%) против 19% в 1924/25 г. (сводный 23,8%).

Немаловажную роль в этом росте, на ряду с экономическими причинами (оздоровление промышленности, рост оборота и потребления и т. д.), сыграло повышение налогов, тарифов и ставок, т.-е. чисто бюджетные мероприятия.

Для предстоящего пятилетия мы не проектируем повышения нормы из'ятия, и тем не менее значение бюджета вновь повышается. Основная причина может быть легко обнаружена, если одновременно посмотреть на бюджетную позицию со стороны товарной продукции Здесь бюджет почти стабилизирует свою долю и это показывает, что государственные доходы, связанные в большей степени именно

Бюджет и перспективы развития народного хозяйства
(Абсолютные цифры в млн. черв. руб.)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1931/32 г. (отправн.)	% роста к 1926/27 г.	1931/32 г. (оптимальный)	% роста к 1926/27 г.
Народный доход	15.589	20.252	24.993	34.749	+ 39,0	36.763	+ 47,0
Бюджет государств. . .	2.956	3.986	5.168	7.774	+ 50 4	8.304	+ 60,6
„ сводный[1] . . .	3.715	5.066	6.455	10.253	+ 58,8	10.837	+ 67,8
Налоги по госбюдж. . .	1.323	1.785	2.467	3.569	+ 44,7	3.734	+ 51.4
„ „ сводн. . . .	1.573	2.148	2.937	4.288	+ 46,0	4.499	+ 53,2
% к народн. доходу							
Бюджет государств. . .	19.0	19,7	20,7	22,4	—	22.6	—
„ сводн.	23,8	25,0	25,9	29,5	—	29,5	—
Налоги по госуд. бюдж.	8,5	8,8	9,9	10.2	—	10,2	—
„ „ сводн. . . .	10,1	10,6	11,8	12 3	—	12.3	—
Валовая продукция . .	22.352	30.985	32.160	43.050	+ 33,9	45.074	+ 40,2
% к валовой продукции							
Бюджет государств. . .	13,2	12.8	16.1	18,1	—	18,4	—
„ сводн.	16.6	16.3	20,1	23,8	—	24.0	—
Товарная продукция . .	9.654	13.953	15.239	22.870	+ 50,0	24.374	+ 59,9
% к товарн. продукции							
Бюджет государств. . .	30,6	28.6	33,9	34.0	—	34,1	—
„ сводный . . .	38,5	36,3	42,3	44,8	—	44,5	—

с товарной частью народного дохода, закономерно обусловлены в своем естественном росте. В той мере, в какой бюджет опирается на валовую продукцию (в значительной мере, например, сельхозналог), которая растет лишь на 34% против 50% товарной ее части, он, конечно, задерживается в своем развитии. Компенсацией здесь служат добавочные ресурсы от тех источников, которые, как это отмечалось выше, получают повышенный темп роста.

Таким образом, из сопоставления бюджета с народным доходом мы можем заключить о росте значения бюджетного плана в хозяйственной жизни страны; из сопоставления с валовой продукцией вытекает вывод о достаточной напряженности плана (бюджет + 50,4%, валовая продукция + 33,%); сравнение с товарной продукцией позволяет говорить о реальности бюджетного плана.

В 1913 г. государственный бюджет составил 20% народного дохода; в 1926/27 г. мы имеем 20,7% и в 1931/32 г. проектируем 22,4%. Если довоенный „фискальный“ (исключая жел. дор. и связь) бюджет занимал в народном хозяйстве почти такое же место, как наш бюджет, в значительной доле опирающийся на хозяйственные доходы, то мы полагаем, что говорить о перенапряженности плана нет оснований.

[1] Сводный бюджет получен путем суммирования государственного бюджета с местным, при чем последний был очищен от главнейших поступлений, уже учтенных в госбюджете.

Излишне либеральным в своих основных установках также план не может быть назван. Иллюстрацией этого тезиса служит приведенное выше сопоставление с валовой продукцией и народным доходом. Следует также помнить о том, что мы считаем бюджет в „больших рублях“ и реальный темп роста равен 74%, т.-е. около 12% в среднем за год против среднего прироста бюджета довоенной России за 25 лет (с 1889 г. по 1913 г.) в 5,2%. Достаточно убедительны и абсолютные суммы прироста. За период 1924/25—1926/27 гг. в среднем за год бюджет давал в довоенных рублях 2.175 тыс. руб., а в предстоящее пятилетие[1] должен давать 3.977 тыс. руб., т.-е. среднегодовой прирост оказывается равным 82,8%.

До сих пор мы не касались вопроса о тяжести бюджета, ибо значительная доля бюджетных доходов является непосредственно составной частью народного хозяйства, а не фискальной над ним надстройкой, и поэтому не может быть учитываема как „тяжесть“ для народного хозяйства. Для суждения о тяжести бюджета наиболее удобно пользоваться его налоговой частью, и здесь мы можем констатировать повышение из'ятия по сводному бюджету с 10,1% в 1924/25 г. до 11,8% в 1926/27г. и до 12,3%, согласно плану, в 1931/32 г.

Сопоставление с довоенным временем как для СССР, так и для иностранных государств[2] приводит к следующим цифрам (в %% к народному доходу):

		Государ. бюджет	Сводный бюджет			Государ. бюджет	Сводный бюджет
СССР	1913 г.	12,3	14,1	Германия	1913/14 г.	3,9	11,4
	1926/27 г.	9,9	11,8		1927/28 „	13,6	24.6
	1931/32 „	10,2	12,3	Япония	1913/14 „	14,4	20,0
Англия	1913/14 „	7,2	11,3		1927/28 „	18,3	27,8
	1927/28 „	17,3	21,3	С.-А.С.Ш.	1913/14 „	1,9	6,4
Франция	1913 г.	10,2	13,7		1925/26 „	4,3	8,6
	1927 „	20,5	23,1				

Оказывается, что СССР единственная страна, понизившая после войны свое налоговое бремя, в то время как все крупные государства резко повысили обложение. Это, конечно, связано с социальным строем СССР, с ликвидацией государственного долга и нивеллировкой доходов населения, но тем не менее может служить достаточно веским аргументом в пользу возможности повышения нормы налогового из'ятия, запроектированного в пятилетке. В абсолютном выражении мы уже достигли довоенного душевого дохода[3] и, следовательно,

[1] Так как для промежуточных лет (1927/28—1930/31 гг.) индекса в нашем распоряжении не имелось, мы условно считали его снижающимся равномерно.

[2] Данные заимствованы из статьи в „Вестнике Финансов“, № 8, стр. 129 (Соловей, „Бюджеты главнейших государств“).

[3] Тов. Струмилин в № 11 „План. Хоз.“ приводит для 1913 г. душевой доход в сумме 104 р., в 1926/27 г.— 107 руб. (дов.) и в 1931/32 г.— 144 руб. (отправн.).

отпадает тот аргумент, что меньшее из'ятие при абсолютно меньшем доходе может оказаться более тяжелым. В еще большей степени это относится к плану, который намечает для 1931/32 г. по отправному варианту увеличение душевого дохода на 38% сравнительно с 1913 г.[1], и поэтому намеченный рост из'ятия не окажется обременительным, тем более, что в связи с продолжающимся процессом выравнивания доходов, тяготы лягут более равномерно (даже регрессивные акцизы).

Ограничив вышеизложенным характеристику общих основ проектируемого пятилетнего плана, перейдем к установлению тех тенденций, которые намечаются для отдельных доходных источников, и к оценке тех мероприятий финансовой политики, которые мы связываем с этими тенденциями.

Предположения по сельхозналогу сделаны до появления тех добавочных материалов, которые побудили нас в начале статьи отметить возможное преуменьшение в плане, особенно для ближайших лет. Однако, это не меняет нашего общего подхода к вопросу о характере развития сельхозналога на пятилетие, но лишь исходные данные.

Основные ряды цифр, положенные в основу проектировки таковы:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1931/32 г. (отправ.)	1931/32 г. (оптим.)
Валовая с.-х. продукция	15.612	18.004	17.739	17.560	21.891	23.069
Неземледельч. заработки	1.630	2.035	2.288	2.400	3.450	3.800
Всего	17.242	20.039	20.027	19.960	25.341	26.869
Сельхозналог	332	252	353	315	425	465
% из'ятия	1,93	1,25	1,75	1,58	1,70	1,74
Корректив	—	—	—	375	475	510
% из'ятия	—	—	—	18,7	1,87	1,9

По плану намечалось повысить проценты из'ятия из валового дохода крестьянства с 1,58% в 1927/28 г. (меньше 1926/27 г. в связи с льготами беднейшему крестьянству, по скоту и технич. культурам) до 1,70—1,74% в 1931/32 г. за счет усиления обложения деревенской верхушки и внеземледельческих заработков, а также в результате перехода от обложения по пашне к обложению по посеву и от едоцкого принципа к обложению по хозяйствам. Если же исходить из предполагаемой в бюджете 1927/28 г. цифры в 375 млн. руб. и намечающейся для 1928/29 г. в 400—425 млн. руб., то нам представляется, что следовало бы построить ряд на принципе стабильности процента из'ятия, т.-е. так, как это показано в таблице последней строчкой.

Переходя к промналогу следует отметить, что стабилизация процента из'ятия по промналогу (равно как по налогу с обращения ценностей, отчасти дохода от недр и т. д.) является даже более желательной, чем в отношении акцизов. Промналог падает в

[1] Остаток за вычетом налога в таком случае составит 90,2 р.; 96,2 р.; 127,8 р.

известном проценте на продукцию или оборот всей промышленности и торговли, безусловно в значительнейшей части перелагается и, следовательно, непосредственно влияет на общий уровень цен, в то время, как варьирование акцизных ставок вносит нужные коррективы лишь на отдельных участках рынка, и в условиях нашей централизованной организации производства может служить немаловажным рычагом регулирования рыночных процессов.

Однако, запроектировать полную стабилизацию существующих ставок и льгот не представилось возможным, так как вытеснение частной торговли ведет к заметному снижению процента из'ятия и хотя бы отчасти должно быть компенсировано сокращением льгот потребительской кооперации.

На основании отчетных материалов НКФ СССР и применительно к расчетам Госплана СССР была сделана попытка установить, каково же это понижающее влияние падения частной торговли. Для двух конечных дат пятилетки цифры оказались таковы (млн. руб.):

	1926/27 г.				1931/32 г.			
	Госуд.	Кооп.	Частн.	Итого	Госуд.	Кооп.	Частн.	Итого
Валовой оборот	—	—	—	37.827	—	—	—	63.052
Обложен. оборот	11.218	5.382	6.200	22.800	16.250	12.500	4.600	33.350
Исчислен. уравн. сбор (после зачета патентн. сбора)	111,8	67,2	83,8	262,8	163,0	156,0	63,0	382,0
% к валов. обор.	—	—	—	0,7	—	—	—	0,6
% к облож. „	1,0	1,25	1,35	1,15	1,0	1,25	1,35	1,14

Таким образом, если исходить из стабильности ставок, то одно лишь падение роли частной торговли понижает процент из'ятия к валовому обороту на 14%. Принять столь значительное ослабление промналога представлялось невозможным и пришлось поднять процент из'ятия по кооперации с тем, чтобы из'ятие снизилось не более, чем на 5%.

В результате намеченное поступление промналога в целом сравнительно с товарной продукцией дает следующий цифровой ряд (млн. руб.):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1931/32 г. (отпр.)	1931/32 г. (оптим.)
Товарн. прод. промышл.	7.474	10.406	11.495	12.504	16.817	17.516
Товарн. продукц. сельского хозяйства	2.180	3,547	3.744	3.926	6.053	6.858
Всего	9.654	13.953	15.239	16.430	22.870	24.374
Промналог	157,3	229,2	344,7	345,0	465	490
% из'ятия	1,6	1,7	2,25	2,10	2,03	2,01

Повышение процента из'ятия для 1926/27 г. об'ясняется, во-первых, реформой налога и повышением ставок и, во-вторых, перешедшими с 1925/26 г. платежами. Последнее делает этот процент не характерным, и исходной базой мы принимаем 1927/28 г.

Итак, намеченный рост промналога связан с некоторым падением общего процента из'ятия и одновременным сокращением льгот кооперации.

Подоходный налог в условиях быстрого вытеснения частной торговли не может расти особенно интенсивно, так как замещающая частника кооперация облагается значительно ниже его и центр тяжести налога перемещается с так называемого третьего расписания на подотчетные предприятия. Цифры таковы (в целях упрощения таблицы приводим лишь поступление налога и процент из'ятия):

	1926/27 г.		1927/28 г.		1931/32 г. (отпр.)		1931/32 г. (оптим.)	
	Поступ. налога (млн. руб.)	% исч. налог. к исч. дох.	Поступ. налог. (млн. руб.)	% исч. налог. к исч. дох.	Поступ. налог. (млн. руб.)	% исч. налог. к исч. дох.	Поступ. налог. (млн. руб.)	% исч. налог. к исч. дох.
Подотчетн. предприятия	77	8,0	84	8,0	144	8,0	156	8,0
Расп. № 1 (зарплата)	11	1,12	12	1,2	18	1,3	20	1,3
Расп № 2 (личн. труд)	16	3,7	24	3,8	28	4,0	30	4,0
Расп. № 3 (частн.).	30	11,8	120	13,2	100	14,0	94	15,0
Всего . . .	194	—	230	—	290	—	300	—

Таким образом, проектируется стабилизация ставок для первых трех рубрик; увеличение нормы из'ятия, по расписанию № 1 и № 2, к концу пятилетия об'ясняется увеличением доходов этих групп и соответствующим усилением прогрессии. Для частного сектора предположено некоторое повышение процента из'ятия. Характерно, что в оптимальном варианте размер налога с частного сектора ниже, чем в отправном, ибо в первом случае происходит большее его вытеснение, с чем сообразуется повышение из'ятия.

Гербовый сбор и налог на обращение ценностей в их динамике сообразованы с развитием товарооборота, при чем учтена реформа 1927 года.

Прочие налоги и пошлины дают столь высокий коэфициент роста (109—160%) в связи с переходом на госбюджет в 1927/28 г. дохода от внебиржевых сделок, от палаты мер и весов и др., при чем крупное расхождение в темпах для двух вариантов об'ясняется недостаточной выясненностью эффективности новых источников.

Переходя к акцизам остановимся, прежде всего, на тех принципах финансовой политики, которые намечаются для них пятилетним планом. Основной проблемой здесь является установление необходимых передвижек в ставках, чтобы, с одной стороны, не затормозить роста подакцизной промышленности, и с другой—обеспечить содействие политике снижения цен. В самом деле, если откажаться от содействия снижению цен, то бюджет может быть запроектирован в гораздо более высоком темпе и во всяком случае минимально может сказаться значительно выше приводимых цифр. Однако, даже в этом случае необходимо считаться, напр., со значительным ростом подакцизной промышленности, которая при повышении акцизных ставок и, следовательно, цен может столкнуться с недостаточной емкостью рынка или вступить на путь ухудшения ассортимента. Весьма наглядный урок в этом отношении дает обложение папирос, когда в результате проведенного в 1926 г. повышения ставок средне-сложный акциз упал с 3 р. 24 к. непосредственно после реформы (апрель 1926 г.), до 2 р. 80 к. к настоящему времени, а ассортимент выработки заметно ухудшился. Конечно, в связи с теми или иными кон'юнктурными условиями, возможно придется стать на путь частичных повышений ставок, но в программу финансовой политики мы повышения акцизов не ставим. Если при недостатке, скажем, ячменя, выработка пива должна резко упасть и спрос при данных ценах окажется не покрытым, то иногда может оказаться целесообразным поднять акциз и цену; если, например, сахарная промышленность не будет в состоянии обеспечить удовлетворение быстрорастущего спроса на сахар и создания необходимых запасов, то снижение цен может оказаться не желательным, но можно будет снять излишки прибылей (поскольку таковые будут иметь место) путем увеличения акцизной ставки без изменения цены. Таким образом, мы не исключаем возможности бюджетного маневра при проведении намечаемой финансовой политики, но это должны быть лишь эпизоды, но не линия. Приходится считаться также и с тем подчас совершенно неприемлемым уровнем цен, который имеется в данное время для ряда подакцизных товаров, при чем значительная доля „вины" за превышение данной отраслью нормального индекса лежит на акцизе. Здесь можно привести достаточно красочные иллюстрации: напр., водка стоила в 1926/27 г. на 102% дороже, чем в 1913 г. (акциз +109%); пиво — на 131% (акциз +336%); сахар — на 134% (акциз +124%); папиросы — на 124% (акциз +89%); махорка — на 63% (акциз +127%) и т. д.

Естественно, что если предположено увеличить продукцию сахарной промышленности на 70—80%, то соответствующий акциз необходимо несколько снизить, чтобы облегчить снижение цены.

Исходя из намеченного развертывания отдельных отраслей промышленности, материалов о емкости рынка и учитывая влияние существующих акцизных ставок, предположено следующее их изменение (в руб.):

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1931/32 г. (отпр.)	1931/32 г. (оптим.)
Хлебн. вино	7,29[1]	23,0	19,35	15,20	15,40[2]	13,80	13,40	13,40	13,40
Пиво (*кг*)	0,11	0,62	0,44	0,44	0,44	0,44	36,65	29,3	29,3
Сахар (*кг*)	0,11	0,24	0,24	0,24	0,24	0,20	0,17	0,15	0,15
Спички (ящ.)	5,0	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0	3,0[3]	3,0
Махорка (*кг*)	0,22	0,32	0,32	0,50	0,50	0,40	0,40	0,40	0,40
Чай (*кг*)	—	2,20	1,80	1,75	1,75	1,75	1,25	1,25	1,25

Таким образом, снижение акцизных ставок намечается в достаточно умеренных дозах и охватывает, преимущественно, группу „питьевых" продуктов. Расширение указанной программы представляется затруднительным, прежде всего, по соображениям чисто бюджетным, ибо в связи с обширными задачами по индустриализации страны к доходным источникам будут пред'являться все время повышенные требования. Кроме того, форсирование снижения ставок может затруднить накопление необходимого минимума товарных резервов, что существенно как для нормализации товарооборота, так и для обеспечения бесперебойного поступления акцизов.

Если исходить из перспектив производства и сбыта подакцизных продуктов, как это вырисовывается из отраслевых планов, и принять изложенную выше программу снижения ставок, то возможное поступление акцизного дохода представится в следующем виде (в млн.руб.):

1913 г.[4]	1924/25 г.	1926/27 г.	1931/32 г. (отправн.)	% к 1926/27 г.	1931/32 г. (оптимальн.)	% к 1926/27 г.
890,4	507,8	1204,4	1712,0	42,2	1755,0	45,5

Наибольший рост дохода даст актиз на галоши, что обусловлено не только быстрым ростом продукции (50—60%), но и увеличением ставки, произведенным в 1927 г., но не сказавшимся еще полностью в 1926/27 г. Далее, идут нефтяные продукты, хлебное вино, текстиль и т. д. Весьма замедленный рост обнаруживает табак под влиянием ухудшения ассортимента и снижения средне-сложного акциза, что не может быть признано нормальным явлением в особенности применительно к предмету второстепенной необходимости. Если, однако, будут реализованы намеченные меры борьбы с этим процессом (пересмотр ставок), то темп удастся несомненно поднять. Быстрое увеличение акцизного дохода, намеченное по целому ряду акцизов, в наших условиях теряет в значительной мере свои отрицательные социальные свойства, ибо при мощном коррективе в виде пря-

[1] Условная величина полученная путем вычета из монопольного дохода соответствующих расходов.

[2] Фактически — 16 р. 40 к.

[3] Снижение проектируется лишь для отправного варианта.

[4] Применительно к территории СССР. Для хлебного вина принята условная цифра за вычетом расходов по монополии, исходя из показанной ранее ставки акциза и исчисленного размера потреблений на территории СССР.

мых налогов в обстановке усиливающейся однородности доходов населения и прибегая к известной диференциации акцизных ставок имеется возможность весьма сильно ослабить регрессивный характер акцизного обложения. С другой стороны, именно в наших условиях, когда имеется возможность наладить централизованное обложение продукта, особенно оттеняется положительная черта акцизов— дешевизна их взимания. Так, по материалам НК РКИ РСФСР стоимость взимания налогов в процентном отношении к сумме поступлений составила в 1925/26 г. для сельхозналога 11,3%, подоходного налога—9%, промналога — 3,61%, местных налогов — 8,67% и, наконец, для косвенных налогов — 1,23%. Это обстоятельство нельзя упускать из виду и при оценке запроектированного на пятилетие дохода.

Группируя акцизы в зависимости от того, падают ли они на предметы первой необходимости (пищевые продукты, одежда, освещение) или так называемого непроизводительного потребления (водка, табак, парфюмерия и т. д.), мы получаем следующую табличку (в %% к итогу):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1931/32 г. (отправн.)
Производ. потребл.	49,8	43,5	38,6	31,8
Непроизводит. потребл. . . .	50,2	56,5	61,4	68,2

Увеличение доли второй рубрики не является сугубо положительным явлением, ибо знаменует, в первую очередь, рост потребления водки; тем не менее, динамика по первой рубрике дает нам основание утверждать, что пятилетка представляет относительное облегчение обложения предметов действительно насущной необходимости — это может быть признано бесспорным плюсом. В заключение отметим, что пятилетка предполагает некоторое увеличение доли акциза, падающего на деревню,[1] в 1924/25 г.—32%, в 1926/27 г.—42%, к концу пятилетия намечается свыше 50%. Это поможет установлению большей равномерности в распределении акцизного обложения между городом и деревней.

Размеры таможенного дохода, несмотря на весьма высокие ставки, остаются пока далеко недостаточными, будучи более чем в три раза сниженными против 1913 г., что связано с заметным отставанием внешней торговли от общего темпа восстановления народного хозяйства.

В наших условиях таможенный доход помимо обычных „бюджетных" функций и содействия охране внутреннего рынка имеет также значение своеобразного регулятора для ослабления вредных последствий разной покупательной способности червонца внутри страны и за границей, причем он должен несколько срезать нездо-

[1] Главным образом, за счет вытеснения безакцизного самогона подакцизной водкой. В 1926/27 г. город потреблял до 50% всего выпуска водки, к 1931/32 г. предполагается снизить его долю в общем потреблении до одной трети.

ровые импортные прибыли. Если учитывать это обстоятельство, то наш таможенный тариф оказывается достаточно умеренным, ибо таможенный доход составит в 1926/27 г. 27% [1] к ценности ввоза при 26% в 1913 г., когда столь резкого разрыва наших внутренних цен с мировыми не было. Поскольку на ряду с повышенным уровнем таможенного дохода казна оплачивает ныне крупные убытки по экспорту, об'ем таможенного дохода оказывается по существу даже меньшим, чем то показано формально. Естественно, что в пятилетке он обнаруживает особенно бурный рост, опираясь на соответствующее развитие импорта. Цифры за истекшие три года и предположения на пятилетие таковы (млн. руб.):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1931/32 г. (отправн.)	В %% к 1926/27 г.	1931/32 г. (оптимальн.)	В %% к 1926/27 г.
Импорт	720,3	755,8	699,0	1517	+116,8	1585	+126,8
Тамож. доход . .	101,9	150,5	188,5	395	+109,5	395	+109,5

Таким образом, таможенный доход растет несколько медленнее импорта и это вполне закономерно, если учесть возможные сдвиги во внутренней структуре импорта. В 1926/27 г. пошлина на чай и бумагу составила около 100% к их стоимости, а одновременно на машины 6—7%. При таком диапазоне колебания ставок строение импорта оказывает серьезнейшее влияние на размеры таможенного дохода и приводит к тем результатам, которые показаны второй строчкой нашей таблицы.

Таможенный тариф предположено сохранить на пятилетие без существенных изменений. Необходимость его снижения в связи с падением цен внутри страны созреет, можно думать, лишь к концу пятилетия и на планируемом периоде не отразится.

В отношении отчисления от прибылей госпредприятий следует говорить не столько о бюджетных из'ятиях, сколько о перераспределении совокупной прибыли нашей промышленности, торговли и банков между отдельными отраслями. Как уже отмечалось ранее, роль бюджета здесь очень велика и имеет крупное народнохозяйственное значение, определяя ход развития отдельных отраслей народного хозяйства и, следовательно, владея ключом к народнохозяйственному равновесию.

Можно думать, что на протяжении пятилетия этой своей функции перераспределения капиталов бюджет не сможет передать целиком на ОДК (внутрипромышленное перераспределение капиталов) ни какому-либо другому органу и поэтому представляется целесообразным сохранить существующие размеры отчислений, которые пойдут, следовательно, параллельно росту прибылей. При этом отправной

[1] После того как полностью скажется действие нового таможенного тарифа, указанный процент несколько повысится.

вариант исходит из стабилизации уровня рентабельности (промышленная пятилетка дает 9,85% к товарной продукции в начале пятилетия и 9,65% в конце его), а оптимальный—из повышения прибыльности, что должно быть признано необходимым (и возможным), так как норма прибыли у нас недостаточна для принятых темпов развития. Против того, чтобы увеличивать процент отчисления от прибылей промышленности говорит некоторая громоздкость бюджета в роли перераспределителя капиталов, и поскольку бюджет уже обеспечил себе достаточно серьезные позиции в этом отношении, дальнейшее их расширение не вызывается необходимостью. Если организационные условия потребуют усиления перекачки средств, то эту функцию сможет выполнить ОДК.

Лишь в отношении торговли запроектировано некоторое усиление из'ятий, поскольку здесь должны будут образовываться на отдельных участках избытки средств, а с другой стороны—недостаточно организовано внутреннее перераспределение капиталов.

Доход от лесов, столь бурно возросший от 1924/25 г. к 1926/27 г. (на 110%), в связи с повышением цены древесины в 1925/26 г., должен согласно плану, развиваться по более плавной кривой, находясь под воздействием роста емкости рынка, усиления роли деловой древесины, некоторого ограничения предоставляемых населению льгот и значительных вложений на лесные мелиорации по линии расходной части бюджета (отношение расходов на лесное хозяйство по СССР к доходам от леса непрерывно возрастает, составив в 1925/26 г. 18%, в 1926/27 г.—19,0% и в 1927/28 г.—20,4%; вместе с спецсредствами: в 1926/27 г.—21,7% и в 1927/28 г.—25,1%).

Отпуск древесины в 1926/27 г., по данным НКЗ РСФСР и НКФ союзных республик, составляет 125.522 тыс. *куб. м*, из которых на деловую приходится 48.320 тыс. *куб. м* (38,5%) и дровяную 77.202 тыс. *куб. м* (61,5%). Отпуск 1927/28 г. предположен в 135.565 тыс. *куб. м*, и, таким образом, рост по отношению к отпуску 1926/27 г. составляет 7%.

Количества потребной древесины и лесной доход на пятилетие составят в свою очередь:

Годы	Всего (*куб. м.*)	В том числе Делов.	Дров.	В %% Делов.	В %% Дров.	Лесной доход
1926/27	125.522	48.320	77.202	38,5	61,5	215
1927/28	135.565	56.394	79.171	41,6	58,4	230
1928/29	145.059	64.406	80.653	44,4	55,6	251
1929/30	155.220	72.953	82.267	44,0	53,0	276
1930/31	159.644	84.591	75.053	51,0	49.0	304
1931/32	177.480	93.201	84.279	52,8	47,2	335

Доход от недр растет в прямой зависимости от производственных планов, главным образом, по нефти и углю. Ставки принимаются стабильными, если не считать учтенного в плане повышения ставок по Азнефти, начиная с 1927/28 г.

Прочие неналоговые обнаруживают замедленный рост в связи с ожидаемым снижением дохода от реализации госфондов и несколько ослабленным притоком возвращаемых казне ссуд, поскольку оформляются при банковской системе специальные фонды, которые отвлекут, очевидно, часть возможных бюджетных доходов.

Доход от транспорта определяется следующими основными показателями, установленными Транспортной секцией Госплана (отправной вариант):

Основные показатели работы ж.-д. транспорта

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1931/32 г.
Пассажиро/км. (мрд.) . . .	25,2	19,04	23,37	21,50	28,2
Ставка (коп.)	0,762	1,033	1,169	1,350	1,34
Груз мал. скор. коммерч. тонно/км. (мрд.)	58,8	40,58	58,97	70,22	105,16
Ставка (коп.)	1,195	1,331	1,36	1,369	1,372
Доход (млн. руб.)	992,4	942,0	1.332	1.532,3	2.231,6

Аналогичные транспортным показатели по доходу от почты и телеграфа таковы (отправной вариант):

Развитие почтово-телеграфного обмена (млн. отправл.)

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1931/32 г.
Письма и карточки	424,0	295,4	435,5	503,0	702,2
Бандероли	70,3	22.8	38,4	44,9	60,1
Заказные	69,1	32,5	44,8	44,8	85,3
Письма с об'явл. цен. . . .	3,89	2,45	2,56	2,43	2,56
Переводы	40,1	13,8	23,7	29,0	45,2
Посылки	12,3	4,5	8,4	11,0	18,8
Период. издания	358,1	472,5	541,6	597,4	747,8
Всего почт. отправл. . . .	977,7	844,0	1.096,3	1.233,8	1.634,2
Телеграмм	31,3	22,0	25,3	20,8	24,8
Доход (млн. руб.)	97,3	95,9	136,3	155,9	219,5

Так же, как и на транспорте, здесь проектируется стабилизация тарифных ставок, а следовательно, доход будет расти в соответствии с ростом почтово-телеграфного обмена. На вопросе о причинах отставания этого дохода и об эксплоатационном коэфициенте, резко ухудшившимся сравнительно с 1913 г., мы останавливаться не будем, ибо это должно быть предметом особой статьи, равно как и транспортные вопросы.

По государственному кредиту намечается для отправного варианта следующая линия развития валового дохода и сальдо (млн. руб.):[1]

[1] В расход погашение займа хозяйственного восстановления, как не учтенного в доходах, не включено.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1931/32 г. (отправн.)	За 5 лет
Доход . . .	130,5	146,0	308,1	450	660	2.705
Расход . .	69,7	117,6	99,4	247,5	265	1.182
Сальдо . .	60,8	28,4	208,7	213,5	395	1.523

Таким образом, на протяжении пятилетия проектируется увеличить валовой доход от займов на 114% (по оптимальному — 176%), а чистое сальдо на 89%.

За невозможностью по условиям журнальной статьи привести все те громоздкие расчеты, которые определяют намеченные темпы, придется ограничиться лишь общими соображениями, которые частично были изложены уже ранее. Отметим лишь, что вопрос о форсировании данного источника разрешается пятилеткой в положительном смысле, несмотря на его дороговизну и некоторые дополнительные неудобства с бюджетной и денежно-кредитной точки зрения. Мотивами принятой установки являются: во-первых, нежелательность отказа от достаточно мощного аккумулятора мелких сбережений, которые бесспорно образуются в стране, в связи с ростом зарплаты, под'емом сельского хозяйства и т. д., и привлечь которые для осуществления задач нашей экономической политики иными путями представляется затруднительным; во-вторых, угроза создать в бюджете значительную брешь, тем более чувствительную, что платежи по старым займам будут давить на расходную часть; в-третьих, той особенностью кредитного дохода, что его здоровое развитие не только не связано с повышательным влиянием на цены, но, напротив, содействует санированию денежного обращения; в-четвертых, необходимостью использовать те капиталы частного сектора, которые будут вытеснены из оборота и не успеют распылиться; вообще торможение частнохозяйственного капиталистического предпринимательства должно выделить добавочные средства для госкредита как в городе, так и в деревне; в-пятых, госкредит может рассчитывать на те возможные излишки средств в государственном, а особенно в кооперативном секторе, которые могут образоваться на отдельных его участках (помимо обязательного помещения в госзаймы резервных капиталов). Презумпцией нашей установки является, однако, обязательное удлинение сроков займовых операций, удешевление кредита и разрешение проблемы „твердого держателя".

Республиканские бюджеты в доходной своей части исчислены следующим методом. Для прямых налогов основной вехой служит единый бюджет, расчеты по которому опирались на достаточно проработанные материалы и поэтому являлись более или менее солидной базой для проектирования соответствующих цифр по республиканским бюджетам в целом. Дальнейшая диференциация материала основана на показателях роста народного хозяйства каждой

республики по республиканским же материалам, а также непосредственно на бюджетных планах республик. Однако, поскольку республиканские расчеты не всегда являлись достаточно обоснованными и исходили из народнохозяйственного развития в иных темпах, чем то запроектировано Госпланом СССР, явилась необходимость в установлении весьма существенных коррективов. Важнейшим основанием для последних на ряду с общесоюзными отраслевыми планами являлись материалы по исполнению республиканских бюджетов за 1924/25 г., 1925/26 г. и 1926/27 г. Неналоговые доходы исчислялись с упором в местные материалы, при чем цифры единого бюджета служили лишь для ориентировки. Однако, поскольку представленный республиками материал оказался недостаточным и неоднородным, а корректирование его не всегда могло быть проделано с достаточной точностью, мы рассматриваем нижеприводимые расчеты не как твердый план, но лишь как иллюстрацию к оценке бюджетных возможностей отдельных республик.

Доходы республик базируются в основном на прямых налогах, а также на доходе от недр, лесов и прочих госимуществ, и рост бюджетов обусловлен темпом роста указанных доходов (без гербового сбора и дефицита). Развитие доходных источников запроектировано в следующем виде (млн. руб.):

	1926/27 г.	1931/32 г.	% роста
Сельхозналог	349,1	420,8	20,5
Промналог	341,0	460,4	35,0
Подоходный налог	191,1	287,1	50,2
Прочие налоги и сборы	24,5	43,7	98,8
Итого налогов	903,7	1.212,0	33,7
Леса	220,1	335	52,2
Недра	42,6	84,8	99,1
Промышленность	20,8	45,9	120,6
Торговля и банки	12,2	24,3	99,9
Прочие неналоговые	61,8	78,4	26,8
Итого неналоговые	357,5	568,4	58,9
Всего	1.263,2	1.780,4	40,9

Сопоставление с единым бюджетом в целом и с его союзной частью показывает, что республиканские бюджеты, возросшие на 40,9 %, обнаруживают меньший рост, чем единый (50,4%). Однако, этот результат в значительной степени лишь кажущийся, так как 1926/27 г. дал именно по республиканским бюджетам (прямые налоги) ненормально высокий доход. Принятие за основу для сопоставления 1927/28 г. дает уже иные показатели: республиканские бюджеты растут на 36,8 % против 36 % по единому бюджету и 35,7% по союзному. Таким образом, следует признать, что республиканские бюджеты располагают возможностью роста в степени даже несколько большей, чем союзная часть единого бюджета. Успешный ход развития, запроектированный для республиканских бюджетов, покоится на значительном увеличении неналоговых поступлений, которые, несмотря

на падение лесного дохода в БССР и УССР, постепенную ликвидацию дохода от реализации госфондов и стабилизацию ставок обложения недр, дают рост на 58,9%. Для отдельных республик их доходные бюджеты представляются в следующем виде:

	1926/27 г.			1931/32 г.			% прироста		
	Налог.	Ненал.	Всего	Налог.	Ненал.	Всего	Налог.	Ненал.	Всего
РСФСР	640,7	242,1	882,8	875,0	406,0	1.281,0	36,8	67,7	45,1
УССР	189,3	56,2	245.5	228 9	69,5	298.4	21,1	23,7	21,8
БССР	17,7	26,6	44,3	24,9	30.5	55,4	40,7	14,7	25,0
ЗСФСР	29,2	27,7	56,9	39.8	50,0	89.8	36,5	80,5	57,5
УзбССР	24,3	3,1	27,4	35 5	8,9	44,4	46,1	187,1	62,0
ТуркССР	4,7	1,8	6,5	7,9	3,5	11,4	68,1	94,1	75,3
Всего	905,9	357,5	1.263,4	1.212,0	568,4	1.780,4	33,7	58,9	40,9

Для РСФСР характерен быстрый рост неналоговых доходов, что обусловлено быстрым развитием лесного дохода и дохода от недр (главным образом, Грознефть).

По УССР наблюдается медленный рост как налоговых, так и неналоговых доходов. Первое связано с крайне слабым ростом сельхозналога, что об'ясняется незначительным количеством вновь привлекаемых к обложению земель и быстрым развитием польгоченных технических культур. Если, однако, учесть тот корректив, о котором мы говорили в первой главе, то положение, конечно, несколько изменится и сельхозналог, а следовательно, и вся налоговая группа, дадут больший рост.

Второе вызвано падением лесного дохода, упирающегося в окончательное истощение лесов. Последнее в равной мере накладывает свой отпечаток и на бюджет БССР, неблагоприятное положение которого усугубляется благодаря слабому развитию дохода от промышленности и отсутствию дохода от недр. Рост бюджета ЗСФСР основан на развитии Азнефти (недра), а также на общем экономическом под'еме края, который достаточно реален в связи с усиленным финансированием народного хозяйства Закавказской федерации (прирост продукции республиканской промышленности запроектирован Госпланом ЗСФСР на 212%).

УзбССР дает весьма высокие показатели роста, что вытекает из намеченных темпов роста хозяйства (продукция сельского хозяйства + 48,4% и пром. + 162,8%). Аналогичны в общем условия в ТуркССР (сельского хозяйства + 59,2% и пром. + 72,3%). Для двух последних наиболее культурно отсталых районов имеет значение также экстенсивный рост за счет освоения еще недостаточно выявленных доходных источников. Расхождение с бюджетными планами тех трех республик, которые представили свои расчеты, видны из следующих цифр (млн. руб.):

		Планы республик 1931/32 г.	Планы республик % роста к 1926/27 г.	Госплан СССР (отпр.) 1931/32 г.	Госплан СССР (отпр.) % роста к 1926/27 г.
РСФСР	Налогов. . . .	916,5	42,9	875,0	36,8
	Неналог. . . .	430,8	78,0	406,0	67,7
	Всего . . .	1.347 3	52,5	1.281,0	45,1
УССР	Налогов. . . .	223,4	18,0	228,9	21,1
	Неналог. . . .	66,3	18,4	69,5	23,7
	Всего . . .	289,7	18,1	298,4	21,8
БССР	Налогов. . . .	26,2	48,0	24,9	40,7
	Неналог. . . .	32,8	23,3	30,5	14,7
	Всего . . .	59,0	33,2	55,4	25,0

Как показывает таблица, по РСФСР и БССР республиканский план выше нашего расчета и приближается к оптимальному варианту. Украина дает темп роста ниже, чем то установлено в результате проработки вопроса.

Разная методология исчисления доходов и лежащих в их основе народнохозяйственных факторов не позволяет считать цифры, показанные республиками, вполне сравнимыми как между собой, так и с расчетами Госплана СССР; они приводятся лишь как материал для сравнения наших предположений с оценкой бюджета в республиках. Если от вышеприведенных расчетов, основанных на отправном варианте, перейти к оптимальному, то темп роста республиканских бюджетов поднимется с 40,9% до 52%, при чем РСФСР дает 55% , УССР — 29%, БССР — 37%, ЗСФСР — 66%, УзбССР — 72%, ТуркССР — 98%. Налоговые доходы возрастают с 33,7% до 42% и неналоговые с 58,9% до 75%.

При отсутствии данных о народном доходе по отдельным республикам мы не можем установить процента бюджетного из'ятия. В качестве паллиатива может служить удельный вес бюджета в валовой продукции, при чем следует учитывать, что при некоторой искусственности выделения республиканских бюджетов (согласно существующему бюджетному закону) из единого бюджета, а также при известном преувеличении республиками роста валовой продукции, результат не может служить показателем тяжести бюджета и тем менее тяжести обложения. Приводимая таблица может лишь показать в общих чертах соотносительную роль бюджета в хозяйстве отдельных республик.

Процентное отношение бюджета к валовой продукции пром. и сельского хозяйства

	РСФСР	УССР	ЗСФСР	БССР	УзбССР	ТуркССР	Всего
1926/27 г. . . .	4,3	4,5	5,9	6,1	3,8	4,7	4,5
1931/32 г. . . .	4,1	4,0	5,1	4,8	3,4	4,8	4,1

Наиболее значительной роль бюджета оказывается, как этого и следовало ожидать, в тех районах, где доходы неналогового характера преобладают и, следовательно, значение бюджета в народном хозяйстве отдельных республик может быть признано более или

менее нормальным. Быстрый рост продукции, запроектированный республиками на пятилетие, обгоняет рост бюджета, и процент из'ятия падает. Хотя в значительной доле это есть результат преувеличенного исчисления продукции, но все же является дополнительным косвенным указанием на реальность наших расчетов, что является для отправного варианта наиболее существенным (в оптимальном варианте процент бюджетного из'ятия стабилизируется). Достаточная напряженность исчисления, с другой стороны, видна из того обстоятельства, что Госплан СССР проектирует рост народного дохода на 39% и валовой продукции на 34%; в то же время бюджеты республик, несмотря на падение лесного дохода в УССР и БССР, растут на 40,9%. Напряженность плана, отражаемая данной цифрой, станет понятной, если вспомнить, что республики лишены тех основных источников дохода, быстрый рост которых компенсирует единому бюджету задержку роста прямых налогов (кредит, таможенный доход, акцизы).

Приложение 1

Доходы государственного бюджета по перспективному плану на пятилетие 1927/28—1931/32 гг.

(В млн. руб.)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Всего за 5 лет	1931/32 г.	Всего за 5 лет	% % прироста за 5 лет
	Отправной вариант								Оптимальный вариант			
I. Налоговые доходы												
1. Прямые налоги												
а) Сельхозналог	326,2	251,7	352,6	315.0	335,0	370,0	400,0	425,0	1.845,0	465,0	1.970,0	31,9
б) Промналог	157,3	229,2	344,5	340,0	365,0	405,0	435,0	465,0	2.010,0	490,0	2.120,0	42,2
в) Подоходный налог	94,3	151,4	193,1	225 0	240.0	255.0	270,0	290.0	1.280,0	300,0	1.325,0	55,3
г) Проч. прямые	17,6	8,9	15,5	8,0	9,0	10,0	11,0	12,0	50,0	13,0	55,0	16,1
Итого прямых налогов	595,4	641,2	905,7	888,0	949,0	1.040,0	1.116,0	1.192,0	5.185,0	1.268,0	5.470,0	40,0
2. Косвенные налоги												
а) Акцизы	507,8	841,6	1.204,2	1.335,0	1.433,0	1.526,0	1.616,0	1.712,0	7.622,0	1.755,0	7.725,0	45,7
б) Таможен. доход	101,9	150,5	188.5	210,0	245,0	300.0	340,0	395 0	1.490,0	395 0	1.490,0	109,5
Итого косвенных налогов	609,7	992,1	1.392,7	1.545,0	1.678,0	1.826,0	1.956,0	2.107,0	9.112,0	2.150.0	9.215,0	54,4
3. Пошлины и сборы												
а) Налог на обращ. ценн.	98,9	131,9	146,6	165,0	178,0	200,0	213,0	225,0	981,0	260,0	1.072,0	77,3
б) Гербовый сбор												
в) Прочие пошлины и сборы	19,4	19,3	21,5	25 0	32,0	37,0	41,0	45,0	180,0	56,0	215,0	160,5
Итого пошлин и сбор	118,3	151,2	168,1	190,0	210,0	237,0	254,0	270,0	1.161,0	316,0	1.287,0	88,0
Итого налоговых доходов	1.323,4	1.784,5	2.466,5	2.623.0	2.837.0	3.103,0	3.326,0	3.569.0	15.458,0	3.734,0	15.972,0	51,4
II. Неналоговые доходы												
1. Промышл.	63.8	93,4	198,1	250,0	269,0	285,0	307,0	330,0	1.441,0	447,0	1.677,0	125,6
2. Торговля	32.8	28,6	38,1	33,0	40,0	50,0	62,0	72,0	257,0	72,0	257,0	89,0
3. Банки	20,3	46,9	67,6	80,0	83,0	88,0	95,0	105,0	451,0	110,0	461,0	62,7
4. Леса	104,8	214,7	220,1	230,0	251,0	276,0	304,0	335,0	1.396,0	370,0	1.496,0	68,1
5. Недра	8,5	20,7	42.6	59,0	66,0	70,3	78,4	84,8	358,5	93,0	388,0	118,1
6. Прочие неналог. [1]	230,3	142,3	134,3	130 0	140,0	147,0	155,0	163,0	735,0	173,0	769,0	28,8
Итого неналогов	465,0	546,6	700.8	782,0	849,0	916,3	1.001,4	1.089,8	4.638,5	1.265,0	5.048,0	80,5
III. Кредитные операции	130,5	146,0	308,1	450,0	485,0	525,0	585,0	660,0	2.705,0	850,0	3.310,0	175,9
IV. Временные ресурсы	—	27,6	12 9	17,1	—	—	—	—	17.1	—	17,0	—
Итого доходов	1.918 9	2.504,7	3.488,3	3.872,1	4.171,0	4.544,3	4.912,4	5.318,8	22.818,6	5.849,0	24.347,0	67,7
V. Транспорт	944,0	1.345,0	1.524,2	1.687,9	1.822,3	1.962,5	2.102.0	2 235,4	9.810,1	2.390,0	10.155,0	56,8
VI. Связь	93,3	136,6	155,9	168,0	181,6	193,7	206,2	219,5	969,0	239,8	1.020,0	53,8
Всего доходов	2.956,2	3.986,3	5.168,4	5.728,0	6.174,9	6.700,5	7.220,6	7.773,7	33.597,7	8.478,8	35.522,0	64,0

[1] В гр. прочие неналоговые показаны доходы от концессий, проч. госимуществ и предприятий, от реализации госфондов, возмещение госрасходов, доходы разного рода, доходы от выпуска серебр. и медн. монеты (для 1924/25 г.—80 млн. руб., 1925/26 г.—15 млн. руб. и 1926/27 г.—15 млн. руб.). Позаимствования из поступлений в золотые фонды для 1924/25 г.—35 млн. руб.

Отправной вариант *Приложение II*

	Процент роста								Удельный вес									
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1931/32 г. к 1926/27 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Всего за 5 лет	Процент прироста за 5 лет по оптим. вар.
I. Неналоговые доходы																		
1. Прямые налоги																		
а) Сельхозналог	−22,8	40,1	−10,7	6,3	10,4	8,1	6,2	20,5	11,0	6,3	6,8	5,5	5,4	5,5	5,5	5,5	5,5	31,9
б) Промналог	45,7	50,3	1,3	7,3	10,9	7,4	6,9	35,0	5,3	5,7	6,7	6,0	5,9	6,0	6,0	6,0	6,0	42,2
в) Подоходный налог	60,6	27,5	−16,5	6,7	6,2	5,9	7,4	50,2	3,2	3,8	3,7	3,9	3,9	3,8	3,8	3,7	3,8	55,3
г) Прочие прямые	−49,4	74,1	−48,4	12,5	11,1	10,0	9,1	−22,6	0,6	0,2	0,3	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1	−16,1
Итого прямых налогов	7,7	41,1	− 2,0	6,9	9,5	7,3	6,8	31,6	20,1	16,0	17,5	15,5	15,3	15,5	15,5	15,3	15,4	40,0
2. Косвенные налоги																		
а) акцизы	65,7	43,1	10,9	7,4	6,5	5,9	5,9	42,2	17,2	21,1	28,3	23,3	23,2	22,8	22,4	22,0	22,7	45,5
б) таможен. доход	47,7	25,2	11,4	16,6	22,4	13,3	16,2	109,5	3,4	3,8	3,6	3,4	4,0	4,5	4,7	5,1	4,4	109,5
Итого косвен. налогов	62,7	40,4	10,9	8,6	8,8	7,1	7,7	51,3	20,6	24,9	26,9	27,0	27,2	27,3	27,1	27,1	27,1	54,4
3. Пошлины и сборы																		
а) налог на обращ. ценности	33,4	11,1	12,5	7,9	12,3	6,5	5,6	53,5	3,3	3,3	2,9	2,9	2,9	3,0	2,9	2,9	2,9	77,3
б) гербовый сбор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
в) прочие пошл. и сборы	− 0,5	11,3	16,3	28,0	15,6	10,8	9,7	109,3	0,7	0,5	0,4	0,4	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	160,5
Итого пошлин и сборов	27,9	11,2	13,0	10,5	12,8	7,2	6,3	60,6	4,0	3,8	3,3	3,3	3,4	3,5	3,5	3,5	3,5	88,0
Итого налоговых доходов	34,8	38,2	6,3	8,1	9,4	7,2	7,3	44,7	44,7	44,7	47,7	45,8	45,9	46,3	46,1	45,9	46,0	51,4
II. Неналоговые доходы																		
1. Промышленность	36,7	112,0	26,2	7,6	5,9	7,7	7,5	66,6	2,3	2,3	3,9	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	125,6
2. Торговля	−12,8	33,2	−13,4	21,2	25,0	24,0	16,1	89,0	1,1	0,7	0,7	0,6	0,6	0,7	0,8	0,9	0,8	89,0
3. Банки	131,0	44,1	18,3	3,7	6,0	7,9	10,5	55,3	0,7	1,2	1,3	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	62,7
4. Леса	104,8	2,5	4,5	9,1	10,0	10,1	10,2	52,2	3,6	5,4	4,3	4,0	4,1	4,1	4,2	4,3	4,1	68,1
5. Недра	143,5	105,8	38,5	11,9	6,5	11,5	8,2	99,1	0,3	0,5	0,8	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	118,1
6. Прочие неналоговые	−38,2	− 5,6	− 3,2	7,7	5,0	5,4	5,2	21,6	7,8	3,6	2,7	2,3	2,3	2,2	2,1	2,1	2,2	28,8
Итого неналоговых	17,5	28,2	11,6	8,6	7,9	9,2	8,8	55,5	15,8	13,7	13,5	13,6	13,8	13,7	13,8	14,0	13,8	80,5
III. Кредитные операции	11,8	111,0	46,0	7,8	8,2	11,4	12,8	114,2	4,4	3,7	6,0	7,9	7,9	7,8	8,1	8,5	8,1	175,9
IV. Временные ресурсы	—	−53,3	32,5	—	—	—	—	—	—	0,7	0,3	0,3	—	—	—	—	—	—
Итого доходов	30,5	39,3	11,0	7,7	8,9	8,1	8,3	52,5	64,9	62,8	67,5	67,6	67,6	67,8	68,0	68,4	67,9	67,7
V. Транспорт	42,5	13,3	10,7	8,0	7,7	7,1	6,3	46,7	31,9	33,8	29,6	29,5	29,5	29,3	29,1	28,8	29,2	56,8
VI. Связь	46,4	14,1	7,8	8,1	6,7	6,4	6,4	40,8	3,2	3,4	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,8	2,9	53,8
Всего доходов	34,8	29,6	10,8	7,8	8,5	7,8	7,7	50,4	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	64,0

П. Старков

Перспективы расходной части государственного бюджета

(1927/28 — 1931/32 гг.)

Перспективные наметки государственного бюджета, опубликованные в „Материалах“ Госплана весной прошлого года так же, как и перспективы бюджетов, переработанные вновь в ноябре 1927 г., не опирались и не составляли части проработанного общего финансового плана. Этот дефект сознавали работники центра и периферии всей госплановской сети. Об этом четко сказано было в сентябре 1927 года на совещании президиумов госпланов, когда в сознании всех трудностей, стоящих перед огромной задачей построения перспективного плана, в одном решении говорилось: „Перспективному хозяйственному плану должен корреспондировать общий финансовый план, охватывающий собою все финансовые отношения пятилетнего плана“. Неполнота материалов перспективного планирования, с одной стороны, неразработанность самой методологии построения финансового плана — с другой, заставляют остановиться только на перспективах бюджета, об'ем которого, конечно, меньше, чем об'ем финансового плана. Тем не менее, задача построения финансового плана поставлена, внимание финансовых работников фиксировано. С своей стороны заметим, что в ближайших номерах „Планового Хозяйства“ мы надеемся посвятить статьи вопросам этого плана, а также вопросу о роли государственного бюджета, как стержня этого плана.

Переходя непосредственно к теме настоящей статьи, т.-е. к перспективам расходной части государственного бюджета, принципиально важным представляется выяснить, какова же будет роль государственного бюджета для ближайшего периода в общей системе народного хозяйства. Обычными приемами в характеристике роли бюджета, как известно, является выяснение того значения его, какое он занимает в различных народнохозяйственных показателях: народном доходе, валовой и товарной продукции народного хозяйства. Оставляя в стороне эти сопоставления бюджета с отдельными народнохозяйственными показателями, отметим, что из года в год удельный вес бюджета в народном доходе, в валовой и товарной продукции народного хозяйства неуклонно повышается. Такое положение советского бюджета обусловлено специфическими особенностями его связи с нарастающим процессом индустриализации народного хозяйства.

Так как эта особенность ярче всего заметна в расходной части бюджета, то с нее и следует нам начать свой анализ.

Расходную часть государственного бюджета — нетто [1] можно представить в следующих трех разрезах: 1) потребительские расходы бюджета (все наркоматы и бюджетные фонды); 2) капиталонакопление; 3) расходы по государственным займам.

Следующая таблица дает цифровое выражение этих трех групп в бюджетных перспективах Госплана (в млн. черв. руб):

Таблица 1.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г. [2]	1927/28 г. [2]	1931/32 г.	За 5 лет 1927/28 г. — 1931/32 г.	% прироста 1931/32 г. к 1926/27 г.
Потребительские расходы	1037,0	1379,9	1.521,3	1.743,4	2.143,0	9.668	+ 32
Капиталонакопление							
Фин. нар. хоз., вложения по транспорту и связи и резервы	636,1	751,6	1.364,8	1.882,5	2.564,0	10.690	+ 88
То же по оптимальному варианту . .	—	—	—	—	3.010,0	11.800	+ 120
Расходы по займам .	69,7	117,6	99,4	247,5	265,0	1.182	+ 167
Итого . . .	1742,8	2249,1	2.985,5	3.873,4	4.972	21.540	+ 67

Взаимоотношения двух первых групп расходов (в %%)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1931/32 г. отпр.	1931/32 г. оптим.
Потр. бюджет . . .	62	65	53	48	45	42
Капиталонакоп. . .	38	35	47	52	55	58
	100	100	100	100	100	100

Если расходы по займам зависят исключительно от размеров займов и условий, на каких они выпускаются, то эволюция двух первых групп расходов является результатом общей целеустановки, которая по природе свойственна советскому бюджету. В особенности показательно соотношение этих двух групп расходов между собою. С 1924/25 г. по 1927/28 г. расходы потребительской группы с 62 % удельного веса в общей сумме двух групп снижаются до 48 %. И, наоборот, расходы хозяйственного порядка — капиталонакопление — с 38 % поднимаются до 52 %. В 1927/28 г. группы эти поменялись местами. В перспективной ориентировке для 1931/32 года капиталонакоплению отводится уже 55 % по отправному варианту и до 58 % по оптимальному.

[1] Без эксплоатационных расходов транспорта и связи и средств, передаваемых в местные бюджеты (отчисления, дотации и субвенции).

[2] По предварительному отчету 1926/27 г. и по проекту СНК СССР для 1927/28 г.

Таким образом, бюджет Союза с каждым годом все увеличивает ту часть расходов, которая стимулирует дальнейший рост народного хозяйства. Усиление хозяйственных расходов в бюджете это — усиленный возврат в народное хозяйство тех ресурсов, которые берутся из него через доходную часть. А это совершенно меняет характер взаимоотношений бюджета к народному доходу. Кроме того, весьма важно, что подавляющая масса всех средств бюджета направляется на финансирование индустриальной части народного хозяйства и при этом в его обобществленный сектор. Так как индустриальная часть развивается значительно более быстро, чем другие отрасли и все хозяйство в целом, и так как процент роста вложений бюджета из года в год возрастает и будет возрастать в течение всего пятилетия, то ясно, что бюджет в своей судьбе будет теснейшим образом связан с процессами индустриализации.

Состав доходной части бюджета распадается на две части: податную и неподатную. Особую группу занимают доходы от кредитных операций. Неналоговые доходы имеют своим источником, главным образом, обобществленную часть народного хозяйства, т.-е. индустриальную часть, и этим определяется судьба их развития. Доходы от кредитных операций также в значительной мере используют ресурсы хозрасчетных предприятий, а в остальной части как в настоящее время, так и в перспективе, будут развиться путями, сходными с податными доходами.

Податная же часть доходов в бюджете по преимуществу связана с индустриальной частью народного хозяйства. Все доходы от акцизов базируются на размерах промышленной продукции. То же самое следует сказать о промысловом налоге и о доходах от пошлин, так как обложение оборота этими видами налогов, по преимуществу, касается об'ектов индустриального происхождения. Однако, этот признак связи налоговой части с индустрией является формальным признаком.

Чтобы экономически обосновать зависимость роста податной части бюджета от роста индустрии весьма существенным представляется выяснить вопрос, какая из групп населения, в какой мере и с какой тенденцией роста своих доходов участвуют в платеже этих налогов. Совершенно понятно при этом, что деление налогоплательщиков в данном случае важно не в смысле экономической мощности отдельных групп (что важно для вопроса о тяжести налогового бремени), а в смысле определения роста тех отраслей народного хозяйства, от участия в которых отдельные группы населения получают свои доходы. Важность именно такого подхода совершенно очевидна, так как преобладающая масса налоговых доходов в советском бюджете складывается из налогов на потребление. Темпы роста доходов и их развитие в отдельных группах населения определяют рост покупательского фонда.

Рост общей массы доходов по отдельным группам населения в червонном выражении за период с 1924/25 г. представляется в следующем виде: [1]

Таблица 2

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Весь доход рабочего населения . . .	4.054	6.034	7.089	7.583
В %% к 1924/25 г.	100	149	174	187
Денежный доход крестьянского населения (весь)	3.548	4.428	4.792	5.034
В %% к 1924/25 г.	100	125	135	142

Двумя приведенными группами доходов, само собою разумеется, не исчерпывается общая масса доходов населения, но, во всяком случае, они составляют основную их часть. Доходы рабочего населения, т.-е., главным образом, конечно, доходы индустриального пролетариата за четыре года выросли на 87 %, в то время как доходы денежные — крестьянского населения — на 42 %. При этом следует иметь в виду, что в доходах крестьянского населения занимают значительную долю доходы от внедеревенских занятий, темп роста которых значительно более высокий, чем темп доходов от реализации сельскохозяйственных продуктов. Последнее, несомненно, в значительной степени обусловлено тем, что в части крестьянских доходов от внедеревенских занятий имеют преобладающее значение доходы индустриального происхождения.

Приведенная картина роста доходов двух групп населения находит себе полное соответствие и в росте продукции тех отраслей народного хозяйства, от участия в труде которых они в основном получают свои доходы. Для оценки роста индустриальной части следует взять рост товарной продукции промышленности в сравнении с ростом товарной же продукции сельского хозяйства (в млн. черв. руб.):

Таблица 3

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Товарная часть промышленности . .	7.474	10.437	11.439	12.441
В %% к 1924/25 г.	100	140	154	167
Товарная часть сельского хозяйства	5.565	6.366	6.672	6.950
В %% к 1924/25 г.	100	115	120	125

Бесспорно, что приведенные данные о динамике доходов населения не разрешают на 100 % поставленного вопроса. В них нет еще основного ответа на то, каков удельный вес налоговых поступлений в бюджете, падающий на доходы индустриального и сельскохозяйственного происхождения. А в этом настоящее зерно ответа. Тем не менее, думается, что уже этих данных вполне достаточно, чтобы безошибочно разрешить поставленную задачу.

Показанное на опыте последних четырех лет опережение доходов индустриального происхождения, несомненно, будет еще продолжаться, хотя и не так интенсивно, и в перспективе ближайшего

[1] „Контр. цифры на 1927/28 г.“, стр. 468.

пятилетия. Продолжить те же показатели на проектируемый период по состоянию материалов не представляется возможным. Тем не менее, в показателях, близких по содержанию, все же можно констатировать отмеченную тенденцию. Относя промышленность, строительство, транспорт и связь к индустриальной части народного хозяйства, мы имеем следующие показатели:

Таблица 4

Народный доход в млн. черв. руб. соответствующего года [1]	1926/27 г.	1931/32 г. отправ.	1931/32 г. оптим.	% прироста 1931/32 г. к 1926/27 г. отправ.	% прироста 1931/32 г. к 1926/27 г. оптим.
Сельское хозяйство	12.134	15.439	16.290	+ 27,2	+ 34,3
Индустрия (промышл. строит., транспорт. и связь)	7.862	12.012	12.849	+ 52,8	+ 63,4
Валовая продукция (то же) [1]					
Сельского хозяйства	17.739	21.891	23.069	+ 23,4	+ 30,0
Индустрия (промышл., строит. транспорт. и связь)	17.280	26.332	28,079	+ 52,4	+ 62,5
Товарная продукция (то же)					
Сельское хозяйство	2.932	4.919	5.554	+ 67,7	+ 89,4
Промышленность	10.546	14.170	17.100	+ 34,4	+ 62,1

Таким образом в развитии народного дохода и валовой продукции в предстоящем пятилетии намечаются те же самые линии, которые отмечались и за последние четыре года. Правда, в товарной продукции темп роста сельского хозяйства несколько опережает промышленность, тем не менее, имея в виду незначительность удельного веса его в общей массе товарной продукции (25%), следует признать, что развитие этой линии не изменит общего характера взаимоотношений бюджета и народного хозяйства.

Общая хозяйственная линия — линия индустриализации страны — отводит доходам бюджета индустриального происхождения еще большее значение. Все это говорит за то, что доходы индустриального происхождения, как об'ект податного обложения, и в настоящее время и в особенности в будущем будут доминировать в бюджете. Их рост, в полном соответствии с ростом индустриальной части народного хозяйства, в будущем явится определяющим фактором для роста податной части доходов в бюджете Союза.

В своей связи с индустриальной частью хозяйства бюджет берет на себя функцию перераспределения ресурсов из одних ветвей индустриальной части хозяйства в другие, т.-е. ту функцию, которая в иных условиях осуществляется иным, не бюджетным порядком. Вместе с этим, советский бюджет берет на себя функцию капиталонакопления и опять-таки, по преимуществу, по линии индустриальной части хозяйства. В расходной части эта функция выражается финансированием нового хозяйственного строительства, в доходной

[1] С. Г. Струмилин, „Наши перспективы на 1927/28—1931/32 гг.“ „План. Хоз.“, № 11 за 1927 г.

части собиранием ресурсов, базирующихся на индустриальной продукции. При этом хозяйственные связи бюджета не ограничиваются достигнутым уровнем — от года к году количественное значение их увеличивается.

Формулируя опережающий все народнохозяйственные показатели рост советского бюджета, как закон советской экономики, следует, однако, оговориться, что действие этого закона не беспредельно.[1] Оно будет продолжаться до тех пор, пока продукция индустриальной части будет развиваться более быстро, чем все народное хозяйство в целом. Сближение роста продукции индустриальной части с ростом всего народного хозяйства, естественно, должно сблизить росты бюджета с ростом всего народного хозяйства в целом.

Итак, анализ советского бюджета устанавливает, что наиболее живая и тесная связь его была с индустрией и что именно рост продукции индустрии и рост зарплаты индустриального труда определяют собою огромные росты бюджетов восстановительного периода. Поэтому весьма существенным представляется решить, в чем заключаются основные характерные черты финансовых отношений бюджета с индустрией в пройденном пятилетии и чем будут характеризоваться эти отношения в проектируемом периоде.

Главной задачей восстановительного периода была активизация старого основного капитала. На эту цель были брошены средства бюджета, кредитной системы и средства самой индустрии. Старый основной капитал служил руслом, по которому направлялись эти средства как по плану, так и подчас самочинно и самотеком. Быстрый рост продукции оправдывал все, давая ежегодно бюджету и кредитной системе огромные добавочные средства. Этими ресурсами перекрывались вложения в новое строительство, расходы по которому занимали относительно небольшое место в финансовом плане. Чтобы показать удельный вес нового строительства, достаточно привести следующую справку о вложениях в промышленность: [2]

Таблица 5

Годы	Общая сумма вложений (в млн. руб.)	Из них на нов. строит. (в млн. руб.)	В % %
1925/26	811,0	100	12
1926/27	975,0	206,0	21
1927/28	1.166,0	280,0	24

В 1923/24 и 1924/25 гг. роль средств, направленных на новое строительство, была еще меньше. Направление средств на восстановление, главным образом, старого капитала за три последние года дало рост валовой продукции промышленности на 160%. Тот же процесс нарастания нового строительства за последние годы можно констатировать и на транспорте.

[1] Выводы, изложенные выше, приведены из работы А. М. Неусыпина.
[2] Данные по „Контрольным цифрам на 1927/28 г.“

Годы 1926/27 и 1927/28 являются уже переходом от восстановительного периода к реконструкционному, который характеризуется именно тем, что в нем начинают преобладать вложения средств в новое строительство,[1] т.-е. вложения долгосрочные, рентабельность которых, независимо от ее размера, будет ощутима для бюджета не скоро. Отсюда возникают самые трудные моменты для финансового плана реконструкционного периода и для его бюджетов, так как одновременно с этим бюджеты и кредитная система в предстоящем пятилетии не будут иметь тех двух источников ресурсов, которые были использованы в восстановительном периоде, а именно: экспансии акцизных доходов и роста денежного обращения в начальном периоде твердой валюты. Пути искания новых ресурсов бюджета реконструкционного периода ведут к необходимости более интенсивного использования прямых налогов и государственных кредитных операций. Лучшей иллюстрацией этого положения является бюджет текущего года, который, несмотря на максимальное использование именно этих источников, дает уже меньший рост, чем бюджеты предыдущих лет.

Поскольку наш бюджет направляет значительную долю своих расходов на стимулирование процесса индустриализации страны и в своей доходной части наиболее тесно связан именно с этим процессом — следует ожидать, что в период больших строительств и долгосрочных вложений в тяжелую промышленность и в транспорт темпы ежегодных ростов бюджета будут замедляться. Этот вывод обязывает с особенной осторожностью приступить к запроектированию расходной части государственного бюджета.

Расходы бюджета, строившиеся в течение второго пятилетия революции, отразили в себе новый государственный строй и восприняли те цели и устремления, которые стоят перед Союзом в области государственного строительства, культуры и быта.

Поскольку в расходной части бюджета нашли свое отражение реконструкционные моменты и тенденции, представляется возможным найти точки опоры для проектировки пятилетних перспектив в изучении наметившихся уже тенденций роста отдельных групп расходов. Таким образом, перспективы основных расходных линий (кроме расходов по финансированию народного хозяйства) могут быть в значительной степени приняты как линии, продолжающие ранее начатое развитие.

Основные задачи, стоящие перед расходной частью государственного бюджета, укладываются в три следующие формулы:

1) снабдить необходимыми средствами государственный аппарат для обеспечения внутренней и внешней безопасности Союза и для выполнения управленческих функций государства;

[1] Так, по второму исправленному варианту ВСНХ на пятилетие (1927/28—1931/32) из общей суммы капитальных вложений в 7.087,0 млн. руб. на новое строительство направляется 2.727,0 млн. руб., т.-е. в среднем 38,5% (без жилстроительства), при чем этот процент возрастает: в 1927/28 г. — 24,3%, в 1931/32 г.— 46,4%.

2) выделить достаточные средства для обслуживания населения по линии социально-культурных и оперативно-хозяйственных нужд, отнесенных на государственный бюджет;

3) наконец, выделить максимум средств на капитальные вложения в народное хозяйство и на образование резервов.

В развернутом виде перспективы расходного бюджета намечаются в следующем виде (см. табл. 6, стр. 114).

Разрешение указанных выше трех задач вносит значительную напряженность в расходную часть проектируемых бюджетов всего реконструкционного периода. Более того, разрешение полностью всех трех задач, в варианте государственного бюджета, предлагаемом Госпланом, нельзя считать достигнутым. Рамки бюджетного баланса и необходимость выделить значительные суммы на оборону Союза не дают возможности ответить в перспективном бюджете на все запросы по капитальным вложениям, пред'явленные республиками и районами в пятилетних планах отдельных отраслей народного хозяйства. Поэтому продолжает оставаться актуальной проблема либо о расширении рамок доходного бюджета, либо о жестком ограничении финансовых и строительных планов развития отдельных отраслей народного хозяйства определенными лимитами с целью увязки их в общем финансовом плане Союза. Третий путь, т.-е. снижение запроектированных расходов по госаппарату, вряд ли был бы реальным и во всяком случае размеры возможной экономии не разрешат поставленной проблемы.

Первая из указанных выше задач расходного бюджета, а именно, снабдить средствами союзный аппарат (табл. 6, п. 1) разрешается на основе анализа пройденных лет и той тщательной проверки этих расходов, которая была сделана в связи с проведением режима экономии. В качестве общей директивы принимается максимальное их снижение. Однако, учитывая, что в составе этих расходов зарплата занимает около 65% и что она должна расти в соответствии с общим ростом зарплаты в Союзе, что рационализация аппарата потребует повышения квалификации состава сотрудников, и, наконец, что в эту группу расходов входит управление всех наркоматов (в том числе и Просвещения, Здравоохранения, НКЗем, ВСНХ и т. д.), работа которых обусловливается ростом сети их учреждений и ростом их операционных функций,— расходы этой группы проектируются с незначительным повышением против 1926/27 г. Необходимо отметить, что входящие в состав этой группы расходы по содержанию суда и органов охраны внутренней и внешней безопасности запроектированы так, что в перспективе учтено снижение административных расходов (уже произведенное к 1927/28 г.) и не снимается проблема дальнейшего снижения и рационализации чисто управленческих расходов.[1]

[1] Более подробно перспективы наркоматских и фондовых расходов изложены в „Перспективах развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 — 1930/31 гг." изд. Госплана СССР, 1927 г. в разделе „Государственный бюджет".

Таблица 6

Перспективная ориентировка по расходной части госбюджета на 1927/28—1931/32 гг.

(В млн. руб.)

	1926/27 год	1931/32 г.		Итого за 5 лет		% прироста 1931/32 г. к 1926/27 г.	
	Назначение	Отправ.	Опт.	Отправ.	Оптим.	Отправ.	Оптим.
1. Администр. расходы ведомств, суд и охрана внутр. и внешней безопасности. .	1.005,9	1.328,4	—	6.065,1	—	+ 32,1	—
2. Социальн.-культурн. расходы	277,1	505,0	—	2.068,0	—	+ 82,0	—
3. Операц.-хозяйств. расходы	113,5	185,0	—	809,0	—	+ 63,2	—
4. Резервные и спец. фонды	133,1	125,0	—	2.617,0	—	— 6,1	—
5. Ведомства и фонды (без обороны, транспорта и связи) . . .	830,4	1.126,0	1.126,0	4.896 0	4.896,0	+ 35,6	+ 35,6
6. Платежи по займам	99,1	265,0	300,0	1.160,0	1.260,0	+ 167,4	+ 202,7
7. Финанс. нар. хоз.[1] .	949,4	2.176,4	2.618,6	8.610,5	9.865,9	+ 129,2	+ 175,8
8. Помощь местн. бюджету							
Отчисления	442,4	662,0	715.0	2.877,0	3.050,0	+ 49,6	+ 61,6
Субвенц. и дотац. .	36,6	22,0	22,0	145,0	145,0	— 39,9	— 39,9
Итого	479,0	684,0	737,0	3.022,0	3.195,0	+ 42,8	+ 53,9
9. Резервы (денежный, металлич., хлебный) .	155,0	50,0	50,0	467,0	467,0	— 67,7	— 67,7
Итого по бюджету нетто . . .	3.212.1	5.318,8	5.849,0	22.818,6	24.347,0	+ 65,3	+ 82,1
10. НКПС (собств. сред.)	1.674,4	2.235,4	2.390,0	9.810,1	10.155,0	+ 33,5	+ 42,7
В том числе:							
Эксплоатац.	(1.339,8)	(1.870,8)	—	(8.253,2)	—	+ 39,6	—
Нов. вложения . .	(291,5)	(302 1)	—	(1.282 2)	—	+ 3,6	—
Цутранпрос	(43,1)	(62.5)	—	(247.7)	—	+ 45,0	—
11. НКПиТ (соб. сред.).	(159,0)	219,5	239,8	969,0	1.020,0	+ 38,1	+ 50,8
В том числе:							
Эксплоатац.	(131,8)	(183,5)	—	(815,9)	—	+ 39,2	—
Нов. вложения . . .	(27,2)	(36,0)	—	(153,1)	—	+ 32,4	—
Всего . . .	5.045,5	7.773,7	8.478,8	33.597,7	35.522,0	+ 53,9	+ 68,0

[1] Включая бюджетные дотации НКПС и НКПиТ.

Вторая задача государственного бюджета формулируется как задача оказания населению ряда услуг социально-культурного и хозяйственного порядка. Обобществленная форма обслуживания потребностей населения является конкретно поставленной проблемой в плане развития экономики, культуры и быта Союза, и потому размер роста расходов, стоящих перед всею бюджетною системой по этой группе, представляется почти неограниченным. Обычно указывают, что размах начинаний этой отрасли государственного строительства ограничен исключительно финансовыми ресурсами. В действительности, особенно на ближайший перспективный период, вопрос стоит не совсем так, если говорить о темпе развития этих расходов, финансируемых из всех бюджетных и внебюджетных источников и даже совсем не так, если говорить о тех задачах, которые возложены на государственный бюджет. Расширение сферы обслуживания населения в обобществленной форме требует не только финансовых средств, но и соответствующего роста кадров квалифицированных работников, значительного увеличения потребности в строительных материалах, использование которых должно быть увязано с общими материальными ресурсами Союза и, наконец, с общим ростом производства техники, транспорта и т. д. В частности же, мероприятия этой категории, отнесенные на государственный бюджет (высшее и специальное среднее образование,[1] научные и показательные учреждения, социальное обеспечение), должны развиваться в ногу с развитием низовой сети местных бюджетов, и диспропорция в росте их вряд ли будет рациональной. В настоящее время расходы государственного бюджета на социально-культурное обслуживание населения составляют $^1/_3$ часть затрат местного бюджета и других обобществленных источников (соцстрах, профсоюзы, промышленность и т. д.). На пятилетие, когда главная масса их, конечно, будет находиться на местном бюджете, по государственному бюджету запроектировано на эти расходы 2347,7 млн. руб (вместе с Цутранпросом), что составляет около 10% бюджетов — брутто.

В основу расчетов положены следующие предпосылки, вытекающие из общего плана: 1) усиленный рост зарплаты преподавательского и лечебного персонала, 2) усиление строительных, лечебных и учебных расходов всей сети госбюджетных учреждений и 3) развитие сети промышленных и, в особенности, педагогических техникумов.

Ежегодный рост в среднем равен 10%, а за все пятилетие составляет 79,8%, значительно обгоняя рост всего бюджета. (53,9%). Росты расходов по просвещению, здравоохранению и социальному обеспечению различны в зависимости от специфических задач этих

[1] Контингент учащихся в этих учреждениях по сравнению с 1914 г. к 1926/27 г. возрос на 153—156% „План. Хоз.“, № 12, 1927 г. „Соц.-культ. строительство“ М. Л. Астерман.

отраслей в данном пятилетии (с 1928/29 года, например, должно быть начато страхование стариков беднейшего крестьянства). [1]

В отдельную группу взяты операционно-хозяйственные расходы, главным образом, расходы НКЗемов (в 1926/27 г. из общей суммы госбюджетных операционно-хозяйственных расходов в 113,5 млн. руб. расходы наркомземов составляли 99,0 млн. руб.). Группе оперативных расходов НКЗема (землеустройство, опытное дело, лесное хозяйство) обеспечивается рост в 12—15% ежегодно, что за пятилетие дает 750,0 млн. руб. Сумма эта покрывает потребности по пятилетнему плану лесного хозяйства в размере 300 млн. руб. (из них 100 млн. руб. составляют капитальные вложения) и до 450,0 млн. руб. по сельскому хозяйству (из них 250 млн. руб. капитальных вложений). Расходам этой группы по остальным наркоматам резервируется погодный рост в среднем в 6%.

Из перечисления деталей проектировки расходов на социально-культурные и оперативно-хозяйственные нужды можно заключить, что общие размеры резервированных в госбюджете на эти цели средств будут корреспондировать требованиям реконструкционного периода. Во всяком случае бюджет, несмотря на затухание общего своего роста, будет продолжать уже освоенное в предшествующем периоде развертывание и укрепление этой функции государства и будет продолжать те тенденции, которые в расходном бюджете прочно установились.

Иллюстрировать эти тенденции можно следующим анализом.

Пройденное пятилетие характеризовалось тем, что до 1925/26 г. происходил процесс организации государственного аппарата и расходы наркоматской группы из года в год возрастали, достигнув в бюджете 1925/26 г. суммы в 619,0 млн. руб., которая составила 25% к итогу бюджета — нетто (без НКПС и НКПиТ и отчислений в местные бюджеты). С этого года начинается интенсивный процесс рационализации расходов этой группы, который в 1927/28 г. приводит к тому, что общая сумма этих расходов в 738,0 млн. руб. составляет всего 18,2% к бюджету — нетто. Чтобы показать эволюцию затрат бюджетов по отдельным функциям государства во второй половине истекшего пятилетия, приведем следующую таблицу (см. стр. 117).

Из этих цифр видно, что функция управления, несмотря на рост бюджетов, в общем оставалась стабильной, производительные же затраты (соц.-культ. и опер.-хоз.) неуклонно росли. В результате в 1927/28 г. на производительные затраты расходуется почти $^2/_3$ общей суммы наркоматских смет и лишь $^1/_3$ идет на расходы по управлению, которые и являются „накладными расходами“ государства как такового. Опираясь на эту тенденцию, мы имеем возможность с достаточной степенью вероятности намечать перспективы дальнейшего развития бюджета в условиях мирного строительства

[1] См. М. Л. Астерман. „Соц.-культ. строительство“. „План. Хоз.“, № 12 за 1927 г.

Наркоматские расходы в разрезе трех основных функций госаппарата [1]

(В млн. руб.)

	1925/26	Удельн. вес	1926/27	Удельн. вес	% прироста	1927/28	Удельн. вес	% прироста
Расходы по управлению	256,3	41,4	271,2	39,2	5,8	261,4	35,0	—3,6
Расходы соц.-культурные	252,2	40,7	301,8	43,7	19,7	347,2	46,4	15,0
Операц.-хоз. расходы	111,0	17,9	117,9	17,1	6,1	139,4	18,6	18,2
Всего расходов по наркоматам .	619,5	100	690,9	100	11,5	748,0	100	8,4

Союза, а потому имеем основание полагать, что наркоматские расходы не будут давить на бюджетные балансы.

Если к расходам на управление (включая оборону) и социально-культурные нужды присовокупить некоторые суммы для резервных фондов СНКов и других специальных бюджетных фондов на непредвиденные потребности, примерно, в суммах, повторяющихся в бюджетах последних лет, то мы получим общую сумму потребительских расходов государственного бюджета.

В табл. 1 показано общее движение потребительского бюджета Союза как в прошлом, так и в перспективе. Удельный вес его в 1924/25 г. был 35,5% к итогу бюджета — брутто, в 1927/28—28,9%, а к 1931/32 г. проектируется в 27,5%, при чем следует напомнить, что в составе потребительского бюджета львиную долю составляют расходы по обороне Союза.

В табл. 6 особой строчкой даны расходы по кредитным операциям государства. Расходы корреспондируют запроектированным доходам, с учетом предполагаемого характера займов. [2]

Отчисления местам подсчитаны на основе существующего закона и также корреспондируют запроектированным доходам. На субвенции и дотации резервировано на пятилетие 145,0 млн. руб.

Третья и последняя задача расходной части государственного бюджета состоит в максимальном выделении средств для воспроизводства капиталов. Сюда относятся средства, идущие на финансирование народного хозяйства и на образование резервов. На все виды резервов (червонный, металлический и хлебный) предусматривается 467,0 млн. руб. (в 1927/28 г. 22,0 млн. руб. на хлебный фонд).

[1] 1925/26 г. — по назначению.

1926/27 г. — по проекту НКФ с изменениями (сокращение на 15 млн. руб. по разделу — расходы по управлению), согласно принятых ЦИК СССР цифр.

1927/28 г. — в общесоюзной части — по проекту НКФ СССР, по бюджетам республик, — по данным республик, приведенным в проекте НКФ.

Для сравнимости с прошлыми годами операционные расходы увеличены на 15,0 млн. руб. (по НТО ВСНХ СССР и операц. расх. НКФ и НКТорга), перенесенных в 1927/28 г., по проекту Наркомфина, из расхода ведомств в фонды.

[2] См. статью А. М. Гордина в этом же номере „План. Хоз.“.

Движение капиталонакопления за прошлые годы и перспективы его роста даны в табл. 1.[1]

Рост этой группы, за пятилетие составляющий 88%, значительно превышает общий рост бюджета брутто (53,9%) и в два с половиной раза превышает рост потребительского бюджета (32%).

Однако, уже в бюджете 1927/28 г. намечаются существенные поправки к этим цифрам. Так, одной из наиболее крупных задач перспективного бюджета является исполнение плана ж.-д. строительства. По размерам он достигает 5 050 млн. руб. и всей тяжестью ложится на государственный бюджет, поскольку в бюджете учитывается вся смета НКПС. Исполнение этого плана ж.-д. строительства в значительной мере зависит от размеров чистого дохода по эксплоатации железных дорог. Этот доход и коэфициент эксплоатации за минувший период выражается в следующих рядах:

	1924/25	1925/26	% роста	1926/27	% роста	1927/28	% роста
Доход ж. д.	907,6	1.285,8	41,7	1.468,1	14,2	1.636,0	11,1
Экспл. ж. д.[2]	764,0	1.108,0	45,0	1.264,6	14,1	1.307,0	5,0
Чистый доход . . .	143 6	177,8	23,8	203,5	14,4	329,0	62,0
Коэф. экспл.	84,2	86,2	—	86,1	—	80,0	—

Из этого сопоставления видно, что 1925/26 г. был самым плохим годом с точки зрения результатов эксплоатации железных дорог. Тогда эксплоатационные расходы в своем росте (45%) опережали доходы (41,7%) и чистый доход ж. д. возрос только на 23,8%. Это обстоятельство побудило правительство и руководящие органы транспорта приступить к рационализации ж.-д. хозяйства с целью задержать, а затем и снизить рост расходов по эксплоатации. В 1926/27 г. уже отмечается совпадение всех показателей, а в текущем году совершенно отчетливо выявляется перемещение их в благоприятную сторону. Так, доходы ж. д. вырастают на 11,1%, эксплоатационные расходы — только на 5%, в результате — резкое падение коэфициента эксплоатации до 80% и под'ем чистого дохода на 62%.

В перспективном плане Транспортной секции, учтенном в пятилетнем бюджете, чистый доход ж. д. на 1927/28 г. принят в 294 м. р. В результате рационализации ж.-д. транспорта в бюджете текущего года доход выражается в 329 м. р., т.-е. с повышением на 35,0 м. р. В течение пятилетия это дает экономию в 175 м. р. При условии дальнейшей рационализации весьма запущенного ж.-д. хозяйства можно, таким образом, надеяться на снижение эксплоатации ж. д. примерно на 200 м. р. Это значительно усиливает ресурсы бюджета, направляемые на финансирование народного хозяйства.

[1] Сверх показанной цифры капиталонакоплений в сметах имеется, как сказано выше, до 350,0 м. р. расходов по сельскому хозяйству и лесам, которые также носят характер вложений в народное хозяйство.

[2] В эксплоатационных расходах учитывается 1,25% на амортизацию, а в чистом доходе учитывается ост. 1,75% аморт. 3% от основного капитала ж. д., исчисленного в 11.000 млн. руб.

Другая поправка к перспективам бюджета вырисовывается из промфинплана 1927/28 г. Подсчет сдаваемых в эксплоатацию капитальных вложений дает следующую картину:[1]

Годы	Общ. сумма кап. вложен. в пром. ВСНХ	Заканчивается и сдается в эксплоатацию в млн. руб.	в %%
1925/26	811,0	597,7	73 6
1926/27	1.065 9	862,4	80,8
1927/28	1.240,3	1.232,9	99,4

Таким образом, план вложений в промышленность, пересмотренный под углом зрения необходимости ускорить строительный оборот, приводит к тому, что в 1927/28 г. вступят в эксплоатацию и дадут эффекты вложения в сумме, равной затратам того же года на промышленность. Трудно учесть, что может дать пересмотр в этом же направлении пятилетних промышленных перспектив, но несомненно следует видеть в отмеченных результатах 1927/28 г. благоприятные признаки для бюджетных перспектив.

Надо надеяться, что углубление работы по перспективному планированию, подсчеты материальных ресурсов народного хозяйства вплоть до хозяйства низовых советов и улучшения организационного порядка,— внесут еще и другие столь же существенные поправки, в намеченные расчеты. Но независимо от этой работы, приступая к пересмотру и уточнению пятилетних перспектив государственного бюджета, как они вылились в первой наметке Госплана, необходимо подвергнуть самой строгой критике основные проблемы бюджета в периоде реконструкции народного хозяйства Союза.

Мы думаем, что попытка осознания основных линий общего финансового плана, или даже его схемы, является необходимой предпосылкой этой работы. Как было сказано, роль государственного бюджета в финансовом плане предстоящего периода будет весьма велика, поскольку финансовые ресурсы будут напряжены, а финансовые маневры весьма сложны и ответственны. Бюджет, как наиболее удобное и испытанное орудие финансовой политики, будет занимать первенствующее место в финансовом плане и будет привлекать максимум возможных народных средств для их перераспределения в рамках общего народнохозяйственного плана. Отсюда вытекает необходимость высоких и напряженных бюджетов. Поскольку темпы общего роста народного хозяйства предстоящего периода будут для бюджета недостаточными, бюджет будет стремиться итти на гребне волны производственных эффектов индустриализации, опираясь, главным образом, на обобществленный сектор народного хозяйства. Высота этой волны и будет определять собой финансовую мощь Союза.

[1] Статья М. Л. Рухимовича, „Правда“ 23 февраля 1928 г.

Б. Маймин

Перспективы развития местных бюджетов СССР

(1927/28—1931/32 гг.)

I

Весь предшествующий восстановительный период советской системы государственных финансов, несмотря на то, что он протекал в обстановке весьма бурного и скачкообразного развертывания главнейших народнохозяйственных элементов, несомненно, дает богатейший познавательный материал для исходных позиций перспективного планирования. К сожалению, в области местных финансов это положение применимо с весьма существенными оговорками. Процесс оформления системы местных бюджетов сильно затянулся и получил свое более или менее устойчивое законодательное выражение лишь к концу восстановительного периода. Вместе с тем, самое познание всей совокупности экономики местного хозяйства и ее специфических особенностей в отдельных республиках и наиболее типичных районах находится и по настоящее время на крайне невысоком уровне. Существующая система децентрализации местного управления, хозяйства и бюджета, при недостаточно налаженной плановой и регулирующей работе как в центре, так и на местах, крайне усугубляет те трудности, которые неизбежно возникают у составителей перспективной ориентировки пятилетнего развертывания местных бюджетов.

Перед нами поставлена задача — увязать в единый план, отвечающий общей концепции и всему народнохозяйственному замыслу пятилетки, множество распыленных автономных бюджетов местных советов, наметить кривую их поступательного движения, установить критерий для перераспределения огромной массы средств, являющихся результатом мелких и крупных слагаемых, выразить этот план в конкретных величинах, обеспечивающих хотя бы приближенное равновесие между огромными культурными и хозяйственными потребностями мест и их наличными финансовыми ресурсами. Всю сложность поставленной задачи можно видеть уже из простого перечисления количества отдельных бюджетных планов местных советов, которые должны быть вовлечены в орбиту пятилетней проектировки. По предварительным и далеко еще не полным данным ЦСУ, число действующих на территории СССР местных бюджетов к началу текущего

года определяется в 9.606 единиц, их которых на городские бюджеты приходится 658, регулирующие — 459, волостные — 4.394, сельские — 3.977 и поселковые — 118. Именно отсюда вытекают все те специфические особенности в области планирования местных бюджетов, без отчетливого уяснения которых легко впасть в неправильные выводы.

В отличие от государственного бюджета, который строит свою перспективную ориентировку на основе единой целевой установки, богатого предшествующего опыта и планов отдельных отраслей народного хозяйства, составители перспективной ориентировки местных бюджетов лишь в весьма ограниченных пределах владеют всеми перечисленными элементами, в особенности в силу отсутствия синтезированных планов развития экономики районов и главнейших отраслей местного хозяйства. В той части, где местные бюджеты находятся в прямой функциональной зависимости от запроектированной кривой по государственному бюджету, приходилось пользоваться исчислениями последнего, в отношении же непосредственной хозяйственной и налоговой деятельности мест мы вынуждены были опираться на те линии запроектированного развития отдельных элементов местного хозяйства, которые частично находили свое отражение в общих планах важнейших отраслей народного хозяйства в целом. Само собою понятно, что характер такого рода проектировки может рассматриваться лишь как известное приближенное предвидение тех путей, по которым будет протекать вероятное развитие местных бюджетов в ближайшее пятилетие.

В этих условиях приходилось исходить в то же время и из неизменности действия нового закона о местных финансах на протяжении всего пятилетия, хотя и остается несомненно спорным, в ка-кой мере действие этого закона будет в ближайший ряд лет находиться в соответствии с теми усложняющимися отношениями, которые уже сейчас вырисовываются между местным и государственным бюджетами на почве сохранения общего финансового равновесия.

К числу стоящих на очереди организационных проблем в области местных финансов необходимо присоединить еще вопросы, связанные с внутренней диференциацией местных бюджетов и системой их регулирования. Хотя процесс выделения бюджетов города и села развивается довольно усиленно, он может быть завершен лишь на протяжении ближайшего пятилетия, а это выдвигает в порядок дня задачу построения такой системы финансового регулирования, которая действительно обеспечивала бы постепенное выравнивание наиболее отсталых бюджетов отдельных районов, способствуя тем самым более правильному отражению в них специфических социально-экономических особенностей. Применяемая система регулирования, повидимому, далеко не достигает указанной цели, о чем свидетельствует хотя бы такой разительный пример, как одинаковый

почти удельный вес расходов на сельское хозяйство в районах резко выраженного земледельческого типа и в районах типично промышленного характера. Однако, запроектировать на ряд лет вперед возможную передвижку бюджетного рубля от города к деревне или обратно, необходимое изменение во внутренней структуре бюджетов отдельных районов, не имея перед собой определенных очертаний развернутого экономического районирования страны и не покушаясь на пересмотр союзного законодательства в области местных финансов, нам представляется совершеноо невозможным. Считая отсутствие этого разреза проектировки весьма существенным пробелом, мы имеем в виду все же, по возможности, восполнить его при дальнейшей разработке перспективного плана.

Совершенно необходимо особо подчеркнуть ту хозяйственную среду, в которой развиваются современные местные бюджеты и специфическое различие ее взаимозависимости с последними, в условиях советского государства, что целиком оправдывает, с нашей точки зрения, самую идею построения перспективной ориентировки в области местных финансов, несмотря на столь условный ее характер. В отличие от дореволюционных земско-городских бюджетов, советский местный бюджет, являясь органическим продолжением всей системы государственных финансов, опирается на обобществленные в основном элементы местного хозяйства, включенными по различным линиям в общую систему планирования народного хозяйства. Это совершенно исключает возможность существования частных перспективных планов, не увязанных со всей системой перспективного планирования, тем более, что местное хозяйство и бюджет в целом представляют собой весьма крупный материальный фактор в народном хозяйстве страны, ценностное выражение которого исчисляется многими миллиардами рублей.

Более правильное и обоснованное построение перспективного плана местных финансов должно было бы опираться, в первую очередь, на перспективные планы отдельных отраслей местного хозяйства. Эти элементы, к сожалению, как мы уже отмечали, почти совершенно отсутствовали при разработке нашей проектировки, что не могло не отразиться отрицательным образом на более углубленном рассмотрении ряда крупнейших проблем в области местного хозяйства и бюджета. Соответственно общей методологии построения всей пятилетки, в настоящей проектировке находят свое отражение два варианта: отправной и оптимальный. Цифровое выражение доходной части этих двух вариантов построено по методу реального исчисления местного бюджета, без учета всех оборотных и условно оборотных статей. Внутренняя группировка расходной части произведена по функциональному признаку, что дает возможность правильно проследить основные линии развития производительных и непроизводительных затрат местных бюджетов в предстоящем пятилетии (управленческих, эксплотационных и капитальных).

II

Оценка динамики и перспектив развития местного бюджета приводит к тому выводу, что в ближайший к нам ряд лет темпы его нарастания будут находиться на несколько повышенном уровне в сравнении с темпами роста государственного бюджета. Это утверждение находит свое об'яснение, во-первых, в непрерывном росте экономики местного хозяйства и в продолжающемся его восстановлении, во-вторых, в значительном форсировании капитальных вложений в местное хозяйство и, в-третьих, в продолжающемся на протяжении проектируемого пятилетия благоприятном для мест действии нового закона о местных финансах.

Такой общей установке противопоставляется некоторыми специалистами иная точка зрения, берущая под сомнение нашу оценку и характеристику восстановительного процесса в местном хозяйстве. По их мнению, уже к 1926/27 году можно констатировать полный учет и охват элементов местного хозяйства, что предопределяет в основном и завершение восстановительного процесса в нем. Отсюда делается вывод, что в ближайшие годы мы вступаем в полосу резко замедленных темпов нарастания местных бюджетов, тем более, что на их взгляд более интенсивное использование местных неналоговых источников вряд ли реально осуществимо. Если стать на такую точку зрения, то получается, что местному бюджету предстоит опираться, преимущественно, на налоговую базу.

Можно ли с такого рода установкой подходит к проектировке перспектив развития местных бюджетов? Мы ее решительно отвергаем, ибо сама действительность выправляет нас здесь в совершенно обратную сторону. Действительный темп роста местных бюджетов за истекший 1926/27 год (+25%) заметно опережает как первоначальные скромные предположения НКФ (+14—15%), так и более оптимистические расчеты Госплана (+20%). Можно предполагать, что то же самое будет иметь место и в текущем году, который уже сейчас существенно выправлен против предположений контрольных цифр и первоначального варианта пятилетки: вместо 2.025 млн. руб. вероятный баланс местных бюджетов составит около 2.200 млн. руб., что означает против первоначально предположенного роста в 12,5% увеличение на 20—22%.

Действительность несколько опережает наши плановые прогнозы. Как она выправит нас в ближайшем пятилетии, сказать трудно, но во всяком случае, боязнь у составителей перспективной ориентировки в области местных бюджетов заключается скорее в недооценке возможных темпов, нежели в переоценке их. Мы хотели бы также отвести и ту точку зрения, что так как действительность выправляет нас, главным образом, по линии налоговых доходов, то это не может, видите ли, служить аргументом в пользу более широкой проектировки неналоговых доходов местных бюдже-

тов. Во-первых, совершенно очевидно, что налоги есть производная величина от хозяйственной деятельности и свидетельствуют тем самым о ее непрерывно расширяющемся об'еме, и, во-вторых, искусственное задержание кривой развития неналоговых статей будет находиться в прямом противоречии с возрастающими хозяйственными потребностями мест, которые из года в год поглощают много сотен миллионов рублей.

Можно ли всерьез представить такое положение вещей, что государство будет на протяжении ряда лет затрачивать крупного масштаба капитальные вложения в народное хозяйство, не ожидая от него каких-либо возмещений в известные сроки? Такое положение совершенно немыслимо, в особенности применительно к местному хозяйству, где самые об'екты вложения в достаточной мере рентабельны и строительство их рассчитано на сравнительно короткие сроки. За последние три года в основные капиталы местного хозяйства влито только по линии местного бюджета около 600 млн. руб., при чем особо характерно здесь то, что за все годы доля затрат, падающих на капитальный ремонт и восстановление, находится на неизменном уровне ($^2/_3$), в то время как общая масса капитальных вложений во всем народном хозяйстве резко перемещается в сторону нового строительства, которое к началу текущего года достигло, примерно, около $^2/_3$ в общей массе капитальных вложений страны. Это, с одной стороны, несомненно свидетельствует о затянувшемся востановлении основных капиталов местного хозяйства, а с другой — не могло не сказаться на повышении всего уровня местного хозяйства, хотя учет степени эффективности этих вложений и совершенно отсутствует. Нельзя пройти мимо и такого обстоятельства, что продукция местной планируемой промышленности по данным сводного промфинплана ВСНХ Союза составит в текущем году 3.632 млн. руб., что дает против прошлого года рост на 37,4%, при увеличении всей республиканской промышленности на 20,6% и союзной — на 19,6%.[1] Вместе с тем, нельзя признать законченным и самый процесс охвата всего огромного, распыленного имущества местных советов, в котором отсутствуют и по настоящее время достаточно налаженные учет и инвентаризация.

Было бы в то же время неосновательным думать, что при определении исходных моментов проектировки приходилось считаться с какой-либо особо чрезмерной напряженностью местного бюджета. Практика сельского самообложения показывает, что эта напряженность весьма относительна: в прошлом году сельское самообложение дало дополнительно на развитие культурных и хозяйственных мероприятий деревни сумму порядка 100 млн. руб., а в текущем году эта цифра повысится, вероятно, до 150 млн. руб.

[1] См. Л. Сабсович, „Экон. Жизнь", № 37 за 1928 г.

В силу отмеченных выше причин составители предлагаемой проектировки отвергли позицию резко замедляющейся кривой развития местных бюджетов и исходили, таким образом, из презумпции более плавной кривой, которая в оптимальном варианте находит свое наибольшее выражение (см. табл. на след. стр.).

За предшествующее трехлетие темп нарастания государственного бюджета — брутто выразился в 74,8%,[1] а по местному бюджету в 78,7%, т.-е. оба бюджета развивались почти на одинаковом уровне и лишь с некоторым превышением на стороне последнего. Та же, примерно, картина наблюдается и при сравнении по методу нетто-бюджета, принимая в данном случае доходы госбюджета за вычетом транспорта и связи.

В отношении же проектируемого пятилетия наблюдается несколько иная тенденция: в то время как госбюджет возрастает по отправному варианту на 50,4%, а по оптимальному на 60,6%, кривая развития местного бюджета проходит на заметно повышенном уровне, показывая соответственно по двум вариантам прирост за пятилетие на 75,7% и 81,7%. Реальное же выражение прироста местного бюджета по оптовому индексу, учитывая проектируемое его снижение, будет значительно выше. Чрезвычайно показательно также для оценки перспектив местного бюджета по сравнению с динамикой госбюджета то обстоятельство, что в ближайшее пятилетие рост госбюджета запроектирован на значительно пониженном уровне против достигнутых темпов предшествующего восстановительного трехлетия. В то же время совершенно иная тенденция намечается в области местных бюджетов, проектируемый рост которых за пятилетие находится почти на одинаковом уровне с темпами восстановительного трехлетия. Это об'ясняется далеко еще не исчерпанными возможностями местного хозяйства и бюджета, особенно при сопоставлении намечаемых темпов нарастания по группам налоговых и неналоговых источников.

Против необыкновенно бурного роста для местных бюджетов налоговых доходов за предшествующее трехлетие (на 115,4%), что об'ясняется, главным образом, действием в 1926/27 г. нового закона, увеличение этой группы доходов за пятилетие по отправному варианту резко замедляется и падает до 44,3% при одновременном снижении удельного веса с 46,9% в 1926/27 г. до 38,5% в 1931/32 г. Одновременно, заметно форсируется в предстоящее пятилетие группа неналоговых доходов, рост которой намечается 112,6% против 62,8% за прошлые три года, при чем наиболее быстро развертывается кривая собственных местных неналоговых доходов, возрастая на 121,6%, в том числе доходы от коммунального хозяйства растут на 117%. Если учесть при этом сравнительно невысокий темп роста местных неналоговых доходов за прошлое трехлетие

[1] См. статью А. Гордина в этом же номере, стр. 79.

Доходы местного бюджета СССР на 1927/28—1931/32 гг.

(В млн. руб.)

	По исполнению		1926/27 г. по вероятн. исполнен.	% роста 1926/27 г. к 1924/25 г.	Удельный вес 1926/27 г.	Отправной вариант			Оптимальный вариант		
	1924/25 г.	1925/26 г.				1931/32 г.	% роста к 1926/27 г.	Удельный вес	1931/32 г.	% роста к 1926/27 г.	Удельный вес
I. Налоговые доходы											
1. Налоги местные	250,3	362,9	470,0	87,8	26,1	719,0	53,0	22,7	765,0	62,8	23,4
В том числе:											
а) надбавки к госналогам .	179,2	271,4	365,0	103,7	20,3	551,0	51,0	17,4	590,0	61,6	18,0
б) местные налоги	71,1	91,5	105,0	47,7	5,8	168,0	60,0	5 3	175,0	66,7	5,4
2. Отчисления от госналогов .	142,0	169,7	375,0	164,1	20,8	500,0	33,3	15,8	535 0	33,3	16,4
Итого налоговых доходов . .	392,3	532,6	845,0	115,4	46,9	1219,0	44,3	38,5	1300,0	53,8	39,8
II. Неналоговые доходы											
1. Неналогов. доходы местн. .	364,9	473,1	565,0	54,8	31,4	1252,0	121,6	39,6	1260,0	123,0	38,5
В том числе доходы от комм. хозяйства . . .	317,9	396,5	470,0	47,8	26,1	1020,0	117,0	32,2	1020,0	117,0	31,2
2. Отчисления от гос. ненал. доходов	43,5	83,9	100,0	129,9	5,6	162,0	62,0	5,1	180,0	80,0	5,5
Итого неналоговых доходов .	408,4	557,0	665,0	62,8	37,0	1414,0	112,6	44,7	1440,0	116,5	44,0
III. Субвенционный фонд	64,0	105,3	38,2	— 40,3	2,1	22,0	— 42,4	0,7	22,0	— 42,4	0,7
IV. Разные доходы	142,9	244,1	252 ,0	76,3	14,0	508,0	101,6	16,1	508,0	101,6	15,5
Всего местных доходов	1007,6	1439,0	1800,2	78,7	100,0	3163,0	75,7	100,0	3270,0	81,7	100,0

в 84,(5), течение которого казалось бы эти доходы должны были наиболее интенсивно возрасти, то должны будут отпасть сомнения на счет высоты запроектированных темпов этой линии в проектировке. Следует иметь также в виду, что проектировка ряда неналоговых доходов мест учитывает как дальнейшее вовлечение в эксплоатацию новых об'ектов, на базе более полного охвата элементов местного хозяйства и нового строительства, так и постепенного включения в местный бюджет—брутто всех коммунальных доходов, при чем последние исчислены с учетом необходимости некоторого понижения тарифов за коммунальные услуги и ставок арендной платы за торгово-промышленные помещения в отношении предприятий обобществленного сектора. При этом значительный средний годовой темп нарастания коммунальных доходов (на 20—22%) обусловливается общим уровнем развертывания главнейших народнохозяйственных показателей. Из числа других статей местных неналоговых доходов наиболее крупная относится к местной промышленности, отчисление от прибылей которой вместе с арендной платой за промышленные предприятия исчислены за пятилетие в размере около 420 млн. руб.

Проектировка местных неналоговых доходов не подверглась сколько-нибудь существенному изменению в оптимальном варианте. Это об'ясняется, по преимуществу, тем, что в оптимальном варианте дополнительному учету подвергались, главным образом, те группы доходов, которые могли бы быть увеличены в связи с учетом перехода производства на семичасовой рабочий день и других благоприятных факторов. Последнее нашло свое отражение в исчислении налоговых доходов и поступлений по линии местной промышленности; что же касается коммунальных доходов, то полное отсутствие каких-либо расчетов в этой области лишило возможности подвергать эту статью пересмотру в сторону повышения, тем более, что коммунальные предприятия почти повсеместно действуют с достаточным производственным уплотнением.

Особо необходимо остановиться на вопросе о местных займах и линии субвенционных пособий. Существующая практика займов в местных бюджетах ограничивается лишь долгосрочными ссудами, преимущественно, на нужды коммунального строительства, по системе коммунального кредита, при чем удельный вес их в бюджете за истекшее трехлетие даже снизился: с 2,2% в 1924/25 г. до 1,4% в 1926/27 г. Между тем, совершенно бесспорно, что перед местными бюджетами открываются здесь, с нашей точки зрения, некоторые перспективы. Целый ряд показателей свидетельствует о том, что в отдельных районах, начиная от села и кончая крупными городскими центрами, у населения и местных хозяйственных и общественных организаций накапливаются достаточно большие свободные средства, которые с успехом могли быть направлены на нужды культурного и хозяйственного строительства данного района, города,

села. Как довоенный опыт местных облигационных займов, так и западно-европейская практика показывают, что это один из наиболее правильных путей аккумуляции мелких распыленных накоплений, которые особенно легко направить по линии заинтересованности населения в тех или иных жизненных для данного района строительных мероприятиях. Как известно, проблема местных займов по поручению правительства находится сейчас в стадии разработки.

Общая сумма займов, запроектированная за пятилетие в местных бюджетах (проходящая по группе разных доходов), достигает цифры порядка 800 млн. руб., считая в том числе 500 млн. руб. по линии системы коммунального кредита и 300 млн. руб. местных облигационных займов. Конечно, только в зависимости от общих условий развертывания всей системы государственного кредита можно будет решать всякий раз вопрос и о местных займах, тем не менее, такая линия, казалось, бы, не только не нарушает интересов общей финансовой и кредитной политики государства, но, несомненно, способствует, в свою очередь, расширению и укреплению всей системы государственных займов.

Несколько слов о субвенционной системе. Запроектированный ряд дает резко снижающуюся кривую развития субвенционного фонда. Надо сказать, что и внутри Бюджетно-Финансовой секции существуют на сей счет две точки зрения. Одна из них, отраженная в настоящей проектировке и исходящая из факта повышенной кривой роста местных бюджетов, считает, что самая система субвенирования, при существующих взаимоотношениях между местным и государственным бюджетом и в сложившемся виде постепенно изживает себя. Другая точка зрения полагает, что субвенционная система и в ближайший ряд лет должна сохраниться и служить в руках централизованного бюджета необходимым рычагом подтягивания хозяйственных и культурных мероприятий в наиболее отсталых и экономически маломощных районах. Назначения по субвенциям текущего года (52 млн. руб.) показывают, что удержаться на протяжении пятилетия в рамках запроектированной кривой вряд ли удастся, но, во всяком случае, этот вопрос по существу не нашел еще своего окончательного и правильного выражения, а в ближайшем будущем предстоит лишь изучение эффективности системы субвенирования в местном хозяйстве.

Как же вырисовываются для ближайшего пятилетия в свете указанных выше моментов линии развертывания основных доходных групп местных бюджетов отдельных союзных республик (см. табл. на стр. 129).

Оговаривая крайнюю условность проектировки развития различных доходных групп местных бюджетов в отдельных союзных республиках, тем более, что мы вынуждены были пользоваться данными за 1926/27 г. по назначению, мы нисколько не сомневаемся одновременно в правильности общих линий темпов нарастания.

Доходы местных бюджетов союзных республик на 1927/28 — 1931/32 гг.
(Отправной вариант в млн. рублей)

Республики	Налоговые			Неналоговые			Прочие			Итого доходов		
	1926/27 г.	1931/32 г.	% роста	1926/27 г.	1931/32 г.	% роста	1926/27 г.	1931/32 г.	% роста	1926/27 г.	1931/32 г.	% роста
РСФСР	545,2	895,0	64,2	519.7	1.046,0	101,3	146,9	315,0	114,4	1 211,8	2.256,0	86,2
УССР	150,7	224,0	48.6	160,5	267,0	66,4	43,1	109,0	152,9	354,3	600.0	69,3
БССР	18,6	25,0	34,4	15,7	21,0	33,8	5.2	10,0	92,3	39,5	56 0	41,8
ЗСФСР	27,1	37,0	36,5	30,0	42,0	40,0	23,0	61,0	65,2	80,0	140,0	74,8
УзбССР	25,5	31,0	21,6	12,6	31.0	146.0	4,7	28,0	495,7	42,8	90,0	110,3
ТуркССР . . .	5,0	7,0	40,0	3,1	7,0	125,0	1,9	7,0	268,4	10,0	21,0	110,0
Всего по СССР	772,1	1219,0	57,9	741,6	1.414,0	90,7	224,8	530,0	135,8	1.738,5	3.163,0	81,9

Наибольшее отставание показывает БССР, что выдвигает задачу особенно тщательно и углубленно подойти к анализу ее перспектив в области местного хозяйства при дальнейшей проработке настоящей проектировки. В Закавказских и Средне-Азиатских республиках можно ожидать достаточно развернутого поступательного движения, в особеннности в последних, на территории которых отсутствовали дореволюционные земско-городские бюджеты и где отставший процесс организационного завершения местного хозяйства и бюджета будет продолжаться и в ближайшие годы.

III

Общая масса средств за пятилетие, поступающая в распоряжение местных советов в своем абсолютном выражении достигает цифры порядка 12.876 млн. руб. по отправному варианту и 13.244 млн. руб. по оптимальному. Нужно ли говорить о той мере исключительной осторожности, которую необходимо проявить при перераспределении этой огромной массы средств между отдельными отраслями местного хозяйства, в полном соответствии при этом с теми общими предпосылками хозяйственной и финансовой политики государства, которые положены в основу проектировки всей пятилетки. Финансовое выражение расходного плана нашей проектировки, произведенное в общем на основе бездефицитности и баланса, подчинено следующим четырем главнейшим целевым установкам: 1) систематическое сжатие всех непроизводительных расходов, в частности, снижение стоимости управленческого аппарата, применительно к директиве правительства, учтенной в контрольных цифрах Госплана на текущий год; 2) обеспечение дальнейшего усиленного роста ассигнований на социально-культурное строительство как по линии развертывания сети социально-культурных учреждений, так и за счет повы-

шения их качественного обслуживания; 3) форсирование капитальных вложений в местное хозяйство и 4) образование на местах внутренних бюджетных резервов в денежной и натуральной формах для целей обороноспособности, хозяйственного маневрирования и на случай стихийных бедствий (недороды и т. д.). Движение расходного плана местных бюджетов на протяжении пятилетия представляется в следующем виде (см. табл. на стр. 131).

Доля управленческих расходов, включающих все административные затраты местного бюджета, снижается с 21,3% в 1926/27 г. до 12,2% в 1931/32 г., т.-е. почти в два раза. Вместе с тем, при почти полной стабилизации всей группы управленческих расходов, внутреннее движение двух линий запроектировано неодинаково: в то время как расходы „по управлению" показывают — 3,1%, расходы по „суду и охране общественного порядка" намечены с ростом на 9,1%. На самом же деле запроектирован также некоторый рост расходов и по группе „управление", что будет видно при сравнении с 1927/28 г., на который выпало проведение специальной директивы правительства о сокращении административных расходов, сниженных в текущем году по той же группе до 370 млн. руб. Необходимость небольшого повышения в течение пятилетия этих расходов (на 3,8%) диктуется намечаемым общим ростом об'ема местного хозяйства, дальнейшим раскрупнением сельсоветов, укреплением аппаратов горсоветов и необходимостью подтягивания зарплаты отстающих категорий работников низового административного аппарата. Рост социально-культурных расходов намечается за пятилетие несколько выше темпа нарастания всего бюджета в целях усиленного финансирования мероприятий, связанных с проведением планов всеобщего начального обучения, школьного и больничного строительства, мероприятий по борьбе с безработицей и т. д. Общая сумма ассигнований на социально-культурные мероприятия за пять лет достигает цифры порядка 4.900 млн. руб. по отправному варианту и 5.180 млн. руб. по оптимальному, при чем доля этих расходов в отправном варианте поднимается с 35,7% в 1926/27 г. до 39,4% в 1931/32 г. Из общей суммы затрат на социально-культурные нужны около 600 млн. руб. падает на расширение и новое строительство школьно-больничного фонда.

Наиболее быстро возрастают расходы по финансированию народного хозяйства, доля которых в бюджете отправного варианта повышается с 15,1% в 1926/27 г. до 21,2% в 1931/32 г. Общая сумма финансирования народного хозяйства по местному бюджету за пятилетие запроектирована в размере 2.633 млн. руб. По сравнению с 1926/27 г. расходы по финансированию увеличиваются к концу пятилетия почти в 2,5 раза. Из всей суммы финансирования на расширение и восстановление основных капиталов коммунального хозяйства падает свыше 950 млн. руб., жилищного строительства — около 650 млн. руб., местной промышл. — 400 млн. руб., на дорожное строительство — около 500 млн. руб. и на сельское хозяйство свыше 130 млн. руб.

Расходы местного бюджета СССР на 1927/28—1931/32 гг.

(В млн. руб.)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	% роста 1926/27 г. к 1924/25 г.	Удельный вес	Отправной вариант			Оптимальный вариант		
						1931/32 г.	% роста к 1926/27 г.	Удельный вес	1931/32 г.	% роста к 1926/27 г.	Удельный вес
I. Расходы по управлению											
1. Управление	175,3	247,4	272,5	55,4	15,2	264,0	— 3,1	8,4	—	—	—
2. Суд и охрана общест. порядка	73,9	101,0	110,0	48,8	6,1	120,0	9,1	3,8	—	—	—
Итого расходов по управлению	249,2	348,4	382,5	53,5	21,3	384,0	0,4	12,2	374,0	— 2,2	11,4
II. Соц.-культурн. расходы											
1. Народное образование	221,6	315,3	418,0	88,6	23,2	800,0	91,4	25,3	—	—	—
2. Народное здравоохранение	107,2	147,4	192,4	79,5	10,7	375,0	94,9	11,9	—	—	—
3. Социальное обеспечение	13,3	19,1	31,5	136,8	1,8	71,0	125,4	2,2	—	—	—
Итого соц.-культурн. расходов	342,1	481,8	641,9	87,7	35,7	1.246,0	94,1	39,4	1.300,0	102,5	39,8
III. Опер.-хоз. и эксплоат. расходы											
1. Коммунальное хозяйство	177,1	212,9	275,5	55,6	15,3	584,0	112,0	18,5	—	—	—
2. Сел.-хоз. мероприятия	20,5	31,9	45,7	122,9	2,5	85,0	86,0	2,7	—	—	—
Итого опер.-хоз. и экспл. расходы	197,6	244,8	321,2	62,5	17,8	669,0	108,3	21,2	705,0	119,4	21,6
IV. Финансирование народного хозяйства	60,2	149,9	272,5	352,7	15,1	671,0	146,2	21,2	691,0	153,6	21,1
V. Разные расходы	119,2	155,1	142,4	19,5	7,9	148,0	3,9	4,6	148,0	3,9	4,5
Всего местных расходов	968,3	1.380,0	1.760,5	81,8	97,8	3.118,0	77,1	98,6	3.218,0	82,7	98,4
Превышение доходов над расходами и бюджетные резервы	39,3	59,0	40,0	1,8	2,2	45,0	12,5	1,4	52,0	30,0	1,6
Баланс	1.007,6	1.439,0	1.800,0	78,6	100,0	3.163,0	75,7	100,0	3.270,0	81,7	100,0

Проектировка суммы финансирования коммунального строительства основана на следующих расчетах: а) коммунальные предприятия оборачиваются в бюджете, как правило, в одинаковой сумме по доходам и расходам; б) эксплоатационные расходы по коммунальному хозяйству намечены с некоторым снижением за счет рационализации; в) из общей суммы коммунальных доходов за пятилетие в 3.880 млн. руб. сальдо в пользу бюджета составляет сумму порядка 500 млн. руб., что дает заметное снижение общего процента изъятия из коммунальных доходов. Однако, изымаемые 500 млн. руб. в значительной мере возвращаются по линии финансирования жилстроительства. Таким образом, все коммунальные доходы местного бюджета поглощаются почти целиком расходами по коммунальным предприятиям, благоустройству, жилищному строительству и другими элементами коммунального хозяйства. Те же основания приняты при учете взаимоотношений местного бюджета с местной промышленностью. Сальдо в пользу местного бюджета за счет доходов местной промышленности к концу пятилетия сводится к незначительной величине, так как 420 млн. руб. доходов за пятилетие от местной промышленности противостоят 400 млн. руб., намечаемым по ее финансированию.

Высокий ряд финансирования дорожного строительства построен с учетом передачи всего налога с транспортных грузов в дорожные фонды, что в 1927/28 г. почти удваивает общую сумму ассигнований на дорожное строительство, а в дальнейшем удерживает этот ряд на довольно высоком уровне. Наконец, значительное увеличение суммы финансирования капитальных вложений в сельское хозяйство об'ясняется громадными потребностями последнего (в области землеустройства, мелиорации и т. д.) и необычайно низкими ассигнованиями на эту цель, имевшими место в предшествующие годы. Но при этом необходимо иметь в виду, что вся сумма расходов в местных бюджетах по сельскому хозяйству, включая разные с.-х. мероприятия (агросеть, ветеринария и т. д.) и содержание местного земуправления достигает за пятилетие суммы порядка свыше 500 млн. руб.

Вся масса капитальных вложений, включая ассигнования на школьное, больничное, административное и прочее строительство проходящее по соответствующему разделу бюджета сверх группы „финансирование", составляет за пятилетие 1927/28—1931/32 гг. свыше 3 мрд. руб., что дает, примерно, около 25% всей суммы местных расходов за проектируемое пятилетие.

Накопление резервов в местных бюджетах за пятилетие предположено по отправному варианту в размере 175 млн. руб. и по оптимальному — 200 млн. руб. Создание таких резервов мы считаем необходимым для местных бюджетов и эту задачу следует особо заострить и выдвинуть в порядок дня в первую очередь на местах.

Ближайшее пятилетие должно далеко продвинуть вперед на путях социалистического строительства развитие местного хозяйства и бюджета. Целый круг насущнейших хозяйственных и культурных потребностей города и деревни, в особенности в наиболее отсталых районах нашей страны, в которых испытывается особо острая нужда в поднятии хозяйственно-культурного уровня, должен быть полностью или частично удовлетворен на протяжении грядущего пятилетия. Вместе с тем, благодаря коренному отличию принципов перераспределения народных средств в советском бюджете от капиталистического, использование этих средств намечается с максимально возможной эффективностью для дела ускорения всего хода социалистического строительства. Но можно ли из всего сказанного делать вывод об исключительном благополучии в области местных финансов? Ни в коем случае. Финансовое благополучие местных советов с точки зрения непрерывно растущих культурных и хозяйственных потребностей масс и возможности покрытия их в полном об'еме — должно быть признано весьма относительным. В особенности совершенно не представляется возможным сейчас ответить на один из существеннейших вопросов наших перспектив, в какой мере намечаемые вложения в основные капиталы местного хозяйства смогут своевременно и полно обслужить районы нового промышленного строительства.

Генеральная задача предлагаемой проектировки состоит в том, чтобы на почве наличных и реально возможных к изысканию финансовых ресурсов суметь их наиболее производительно использовать с общей народнохозяйственной точки зрения, а это предполагает максимальное укрепление единства плановой воли в такой распыленной и мало изученной еще области, какой является местное хозяйство.

Настоящий прогноз перспективного развертывания местных бюджетов имеет своей целью вызвать критическую оценку основных линий, намеченных в этом важном участке народнохозяйственного плана; основной порок предлагаемой проектировки состоит, по нашему мнению, в том, что на данной стадии познания экономики районов и местного хозяйства, не представлялось возможным трактовать местный бюджет, как производный фактор экономической среды и приблизиться к методике составления единого финансового плана местного хозяйства. Разрешение этой задачи мы считаем наиболее актуальным на протяжении ближайшего года, при составлении Госпланом, на основе руководящих директив, пятилетнего плана народного хозяйства к очередному С'езду Советов.

А. П. Товбина

Перспективы товарооборота на 1927/28—1931/32 гг.

Рыночные процессы, находясь под воздействием целого комплекса производственных моментов, в свою очередь воздействуют на последние.

Товарооборот не только количественно, но и качественно зависит, с одной стороны, от массы продукции, вступающей в сферу рыночного обращения, с другой стороны, от требований, которые народное хозяйство пред'являет к рынку.

За примером далеко итти не приходится, ход хлебозаготовок текущего года служит яркой иллюстрацией к сказанному. Недостаточность промышленной продукции задержала темп заготовок, который, в свою очередь, грозил перебоями в снабжении промышленности сырьем, а частично и промышленного пролетариата хлебом, не говоря уже о том, что это грозит сокращением экспорта, а отсюда и импорта для промышленности.

Однако, в стране планового хозяйства рынок, в противовес капиталистическим странам, является не стихийным регулятором народного хозяйства, а должен быть одним из рычагов, содействующих продвижению СССР к конечной цели — к социализму. Поэтому товарооборот в условиях планового хозяйства не может удовлетворяться лишь фактом рыночного равновесия.

Товарооборот должен содействовать планомерному развитию тех отраслей народного хозяйства и в таком направлении, которое ускоряет строительство социализма.

Отсюда вытекает, что пятилетка по товарообороту, базируясь на гипотезе роста продукции и товарности промышленности и сельского хозяйства, должна, в свою очередь, запроектировать те максимально благоприятные условия, которые обеспечат, а по возможности и увеличат как продукцию, так и товарность отдельных отраслей народного хозяйства и в соотношении, которое может дать максимальный эффект.

Сюда следует отнести следующие вопросы: о ценах, о структуре товаропроводящего аппарата, в частности, о продвижении товара поближе к потребителю, о технической базе торговли, об удешевлении товарообращения.

Учитывая, что внешний товарооборот является основным стыком между страной строящегося социализма и капиталистическим миром, и во многих случаях лимитом развертывания народного хозяйства, план по товарообороту должен быть построен таким образом, чтобы, содействуя максимальному развитию производительных сил Союза, он вместе с тем обеспечит бескризисное развитие взаимоотношений с внешним миром. Здесь речь идет о подготовке торговой базы, о правильном учете и использовании заграничных кредитов, о паритете валюты, о путях направления внешней торговли Союза, о структуре импорта.

В дальнейшем изложении остановимся подробно на выявлении нашей установки в отношении указанных вопросов. Следует, однако, уже сейчас отметить, что план в том виде, как он запроектирован сейчас, не дает еще ответа на все поставленные вопросы. Придется еще много поработать, чтобы они получили достаточное освещение. Заслугою предлагаемого проекта является лишь то, что он их ставит в порядок дня для дальнейшего изучения.

1. Внешняя торговля

Изменилась ли установка в отношении внешней торговли по сравнению с той, которая была изложена в первоначальном варианте?[1] Отнюдь нет, мы и сейчас продолжаем настаивать, что только на базе индустриализации СССР может развернуть свою внешнюю торговлю с максимальным эффектом для развития производительных сил страны. В первоначальном варианте нами уже указывалось, что усиленная капитализация сельского хозяйства привела бы на первых порах к изменению структуры импорта в сторону роста потребительского импорта за счет производственного, что крайне нежелательно.[2]

История заготовок текущего года, о которой мы уже упоминали, целиком подтверждает правильность нашей установки.

Сколько-нибудь значительное капиталовложение в сельское хозяйство пока еще не имело места. Один только факт хорошего урожая хлебов и технических культур, да некоторое, хотя еще слабое развитие животноводства, уже ставит перед нами трудности. Наша промышленность (легкая индустрия) уже не в состоянии вполне справиться с задачами, которые перед ней возникают как в связи с ростом товарности сельского хозяйства, так и в связи с некоторым ростом благосостояния трудящихся города.

Задержка в развитии внешнеторговых оборотов в 1927/28 г. произойдет не из-за отсутствия экспорных ресурсов, а из-за отсутствия возможности их извлечения от производителя, главным образом, из-за недостаточного предложения промтоваров.

---

[1] См. Материалы комиссии по пятилетнему плану.

[2] Весьма ориентировочная прикидка показывает следующее: из ввезенного на 1 млн. руб. хлопка можно выработать мануфактуры по розничной цене на сумму свыше 5 млн. руб., при этом будет занято около 600 рабочих. За ввезенную хлоп.-бум. ткань на 1 млн. руб. можно выручить в рознице около 3 млн. руб.

Однако, опыт текущего года не только подтверждает правильность нашей установки на индустриализацию. Этот опыт говорит еще о необходимости уточнения этой установки в сторону указания на необходимость соблюдения определенной пропорции в темпе развития тяжелой и легкой индустрии. Такая директива преподана и XV с'ездом партии, где мы читаем: „В области соотношения между развитием тяжелой и легкой индустрии равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов".

Это отнюдь не значит, что наша установка отрицает необходимость индустриализации сельского хозяйства. Речь идет лишь о том, что капитализация сельского хозяйства должна в своем темпе несколько отставать от развития промышленности. Здесь тоже должно быть соблюдено определенное соотношение, чтобы изжить, согласно директивам XV с'езда, „диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, которая (диспропорция) далеко не изжита, несмотря на более быстрый, чем рост сельского хозяйства, рост индустрии".

Гипотеза по внешней торговли в своем построении и исходит из указанной установки.

Экспорт. В то время как промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли народного хозяйства достигли довоенного уровня еще в 1925/26 и 1926/27 гг., экспорт достигает этого уровня лишь в 1931/32 г. Согласно отправному варианту экспорт в 1931/32 г. выразится в сумме 1.700 млн. черв. руб. и достигнет в довоенных рублях лишь 97% среднего экспорта за 1909—13 гг., согласно оптимальному варианту экспорт выразится в сумме 2.050 млн. черв. руб. и составит 117,4% довоенного экспорта (несмотря на то, что за это пятилетие темп роста экспорта показывает большой скачек вверх экспорт 1931/32 г. составляет 226% экспорта 1926/27 г. по отправному варианту и 270% по оптимальному в червонных ценах (табл. 1).

Значит ли это, что в области внешней торговли СССР будет находиться вплоть до 1931/32 г. на пути восстановительного процесса? Отнюдь нет. При анализе внешней торговли, под углом зрения восстановительного процесса, приходится взвешивать не суммарные цифры импорта и экспорта, а их структуру. Если же мы рассмотрим структуру экспорта, то увидим, что последний вступил на путь реконструкции до окончания восстановительного процесса.

До войны удельный вес промэкспорта составлял только 19%, в 1926/27 г. он достигает уже 37,5%. В 1931/32 г. экспорт нефти в довоенных рублях по отправному варианту возрастет в 6,3 раза по сравнению с довоенным нефтеэкспортом. Весь промэкспорт в 1931/32 г. достигнет в дов. рублях по отправному варианту 210% довоенного.

В отношении же сельхозэкспорта мы значительно отстаем от довоенного уровня. Весь сельхозэкспорт 1931/32 г. достигнет в до-

Таблица 1

Перспективный план экспорта СССР за 1927/28—1931/32 гг. в сопоставлении с экспортом 1909—1913 гг.

Статьи экспорта	1926/27 г.		1931/32 г.					1931/32 г.				
			Отправной вариант					Максимальн. вариант				
	Тыс. тонн	Млн. руб.	Тыс. тонн	Млн. руб.	В %% к 1926/27 г. по стоим.	Млн. довоен. руб.	В %% к 1909—13 г.г. по стоим.	Тыс. тонн	Млн. руб.	В %% к 1926/27 г. по стоим.	Млн. довоенных руб.	В %% к 1909—13 гг. по стоим.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
С.-х. экспорт	—	471,7	—	1.063	225,3	724,3	68,5	—	1.267	268,6	910	86,1
Хлеб—зерно	2.282	207,2	6.667	500	241,3	383,2	59,7	8.333	600	289,6	480	74,8
Лен	43	22,7	100	72	317.2	29,1	46,4	167	84	370,0	34	54,2
Масло	30	34,2	75	81	236,8	67,6	122	100	108	315,8	90	162,4
Яйца (ваг.)	5.865	28.9	21,0	105	363,3	76,1	111,9	25.000	125	432,5	90	131,0
Пушнина	—	86,1	—	80	92,9	24,8	105,5	—	80	92,9	23	97,9
Проч с.-х. товары	—	82,6	—	225	272,4	153,5	75,1	—	270	326,9	193	94,5
Удельный вес с.-х. экспорта в %%	—	61,2	—	62,5	—	57,1	—	—	61,8	—	59,3	—
В том числе вес хлеба—зерна в %%	—	43,9	—	47,0	—	52,9	—	—	47,4	—	52,7	—
Промэкспорт	—	298,8	—	637	213,2	543	210	—	783	262,0	625,7	242.3
Нефтепродукты	2.122	89,2	5.500	215	242,3	231	629,4	6.283	270	302,7	264	719,3
Лесоматериалы	—	79,7	—	150	188,2	114	134,6	—	180	225,8	120	141,8
Марганц. руда	797	24,1	1.000	40	166	11,9	122,7	1.083	30	124,5	12	123,7
Сахар	123	31 2	200	42	134,6	33,6	96,8	333	63	201,9	50	143,7
Ткани	—	20,6	—	55	267	37,5	128,0	—	75	364,1	51	174,1
Проч. промэкспорт	—	54,1	—	135	249,5	115	—	—	160	295,7	128,7	—
Удельный вес промэкспорта в %%	—	38,8	—	37,5	—	42,9	—	—	38,2	—	40,7	—
Весь экспорт	—	770,5	—	1.700	220,6	1.267,3	96,9	—	2.050	266,0	1.535,7	117,4

военных рублях по отправному варианту 68,5% и по оптимальному 86,1% довоенного сельхозэкспорта, несмотря на то, что этот вид экспорта за указанное пятилетие развивается более быстром темпом, чем промэкспорт. Первый достигнет в 1931/32 г. по отправному варианту 225% и по оптимальному —269% экспорта 1926/27 г., второй соответственно 213% и 262% (табл. 1).

Вывоз хлеба в зерне в 1926/27 г. достиг лишь 20% довоенного экспорта и при значительном хлебном экспорте в 1931/32 г. в 400 млн. пуд. по отправному варианту и 500 млн. пуд. по оптимальному мы достигнем соответственно лишь 58% и 73% довоенного экспорта.

Восстановление экспорта продуктов животноводства идет более быстрым темпом. Экспорт масла в 1931/32 г. составит в довоенных рублях по отправному варианту 122% и по оптимальному 162% довоенного экспорта; экспорт яиц соответственно 112% и 131%.

Индустриализация страны и, в частности, капитальные вложения в экспортные отрасли промышленности, как мы видим, не могли не дать эффекта и в отношении промэкспорта.

С другой стороны, социальные сдвиги, которые произошли в стране, как-то: диференциация крестьянских хозяйств, улучшение материального положения пролетариата и крестьянства, а равно и экономические причины, как диспропорция между промышленной и с.-х. продукцией, „ножницы",— не могли не сказаться на сокращении товарности, а отсюда и на сокращении с.-х. экспорта. Нерентабельность же экспорта, зависящего, главным образом, от „ножниц" между паритетом и покупательной способностью червонца, еще больше сказалась на сокращении сельхозэкспорта. Так, например: в 1913 г. товарная продукция зерновых составляла 20,3% валовой продукции, экспорт —58,5% товарной; в 1926/27 г. соответственно — 14% и 20,4%; таким образом, товарность восстановлена на 69%, экспорт же только на 35%. То же наблюдается и в отношении других сельхозтоваров (табл. 2).

Все сказанное свидетельствует о напряженности гипотезы по экспорту, и для ее осуществления необходим целый ряд благоприятствующих экспорту условий.

Должен быть максимально осуществлен план капитальных затрат в экспортные отрасли народного хозяйства.

Экспорт должен быть обеспечен достаточным, своевременным и дешевым финансированием.

Необходимо добиться, чтобы экспорт стал рентабельным.

В этом отношении не последнюю роль играет развертывание технической базы торговли, дающей возможность экспортировать товар хорошего стандарта.

Валовая продукция,[1] товарная часть и экспорт[2] (тыс. тонн)
(При фактическом урожае)

Таблица 2

Наименование статей	1913 год						1924/25 год					
	Валовая продукция	Товарная продукция	В % к валов.	В том числе экспорт			Валовая продукция	Товарная продукция	В % к валовой продукции	В том числе экспорт		
				Абсол.	В % к валов.	В % к тов.				Абсол.	В % к вал. прод.	В % к тов. прод.
Зерновые	98.268	19.912	20,3	11.667	11.9	58.5	52.768	7.170	13,6	615	1,2	8,6
Лен-волокно[3]	462	317	68,6	243	52,7	76,8	318	140	44,0	57	17,8	40,5
Масличные	2.598	1.127	46,8	213	8,3	17,8	2.262	763	33,7	195	8,6	25,5
Кожсырье (млн. дов. руб.)	322,0	219,4	68 1	65,0	20,2	29,6	269,4	87.8	32,6	15,2	5,6	17,3
Яйца (млн. шт.)	13.000,0	3.990,0	30,7	2.219,0	17,06	55 6	6.400,0	2.074,7	32,4	705.2	11,0	34 0
Мясо	3.568	1.202	33,7	23	0.7	1,9	3.093	1.017	32,9	1,7	0.05	0,16
Птица-мясо	283	97	34,1	23	8 2	24.1	247	47	18,9	6,7	2,7	14.3
Молоко	26.866	6.417	23 9	1.833	6,8	28,6	27.717	5.402	19,5	615	2,2	11,4

Наименование статей	1925/26 год						1926/27 год					
	Валовая продукция	Товарная продукция	В % к валов.	В том числе экспорт			Валовая продукция	Товарная продукция	В % к валов. продукц.	В том числе экспорт		
				Абсол.	В % к вал. прод.	В % к тов. прод.				Абсол.	В % к вал. прод.	В % к тов. прод.
Зерновые	75.792	10.240	13,5	2.117	2,8	20,0	79.612	11.178	14,0	2.283	2,9	20,4
Лен-волокно[3]	367	173	47,3	70	19,1	40,4	340	132	38,7	43	12,7	32,9
Масличные	4.028	1.095	24,2	145	3,6	13,2	2.788	763	27,4	32	1,1	4,1
Кожсырье (млн. дов. руб.)	285,9	88,4	30,9	15.1	5,3	17,1	307,2	100,4	27,1	14,9	4,0	14,8
Яйца (млн. шт.)	8.800,0	2.372,3	26.9	596,1	6,8	25,1	10.008 0	2.600,0	26,0	844,5	8,4	32,5
Мясо	3.385	1.227	36.2	3.3	0,09	0.3	3.608	1.357	37.6	7,0	0,2	0,5
Птица-мясо	247	48	19,6	3,3	1,3	6,9	283	57	20,0	8,0	2,9	14,7
Молоко	30.968	6.843	22,1	608	2,0	8,9	32.200	7.973	24,8	533	1,6	6,7

[1] Контрольные цифры. [2] Фактический экспорт. [3] Вместе с кудряшем.

Должны быть ликвидированы своеобразные „ножницы“ между ценами на союзный товар и одноименный товар других стран.[1]

Если мы говорим о необходимости реконструкции народного хозяйства на повышенной технической базе, то это, в первую очередь, нужно сделать в отношении тех отраслей народного хозяйства, которые являются поставщиками продукции для нашей внешней торговли, являющейся, как уже указывалось, главным местом стыка между нами и капиталистическим миром.

Импорт. В отношении импорта не приходится делать сопоставлений с довоенным, ибо при плановом хозяйстве и, в частности, при монополии внешней торговли, импорт свидетельствует не столько о потребностях Союза в ввозе, которые почти неограничены, сколько о возможностях, лимитом для которых, при отсутствии займов и долгосрочных кредитов, служит наш экспорт.

Благодаря, однако, значительному росту экспорта мы получили возможность довольно широко планировать в гипотезе импорт. Удалось не только удовлетворить заявку промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства, но даже значительно увеличить потребительский импорт: по отправному варианту в 3 раза и по оптимальноиу больше, чем в 4 раза.

Вся гипотеза по импорту носит, однако, резко индустриальный характер.

На сырье, полуфабрикаты и оборудование для всех отраслей народного хозяйства падает в 1931/32 г. 83% по отправному и 78% по оптимальному варианту. Если мы даже отсюда исключим ввоз по группам „авто-мото-вело“, „военвед“ и „концессионеры“,[2] то и тогда на промышленный импорт падает 77% по отправному и 69% по оптимальному варианту (табл. 3).

Сопоставляя отправной и оптимальный вариант импортной гипотезы на первый взгляд бросается в глаза невязка.

Оборудование для промышленности и электростроительства ввозится в 1931/32 г. по оптимальному варианту меньше, чем по

[1] Возьмем на выдержку хотя бы такой пример. В ноябре 1927 г. на лондонском рынке соленое масло котировалось (в шилл. за 1 цент.):

Новозеландское	Австралийское	Французское	Сибирское
188—190	184—186	160—168	156—160

То же явление наблюдается в отношении яиц.

Котировка в ноябре в шилл. и пенс. за 120 штук:

Лондон			Гамбург		
Датские 18 ф.	27—0	27—6			
„ 15½—16 ф.	25—0	26—0			
Голландск. смесь	19—0	24—6	Голландские и датские	17—6	20—0
Французск. „	17—6	20—0	Румынск. и болгарск.	15—3	16—6
Литовск. экстра	14—0	14—6	Галицийские	14—0	15—3
„ отборн.	11—0	11—6	Русские	13—0	14—9
Эстонские	18—0	21—0			
Русские	10—6	15—6			

[2] Такое исключение не совсем правильно, ибо ввоз по группе „концессионеры“ и „авто-мото-вело“ в подавляющей своей части, несомненно, имеет производственное назначение.

Таблица 3

Перспективный план импорта за 1927/28—1931/32 гг.
(В тыс. черв. руб.)

Оборудование	1926/27 г.		1931/32 г.					
			Отправн. вариант			Оптимал. вариант		
	Млн. руб.		Млн. руб.			Млн. руб.		
	Абс.	В %%	Абс.	В %%	В %% к 1926/27 г.	Абс.	В %%	В %% к 1926/27 г.
Промышл.	82,4	11,8	320	21.3	388,3	276	17,4	334,1
Электростр.	12,0	1,7	28	1,8	233,3	30	1,9	250,0
Транспорт и связь	11,8	1,7	56	3,7	474,5	85	5,4	720,3
Проч. оборуд. и комхоз.	4,7	0,7	9	0,7	191,5	15	0,9	319,1
Авто-мото-вело	4	0,6	45	2,9	1125,0	60	3,7	1500,0
Военвед	26,7	3,8	42	2 8	157,3	60	3,7	224,7
Сельхоз.	41,2	5,9	75	4 9	182,0	105	6 7	254,8
Сырье	324,5	46,4	582	38,4	179,0	489	30,9	150,7
Полуфабр.	102,5	14.7	90	5,8	87,8	85	5,5	82,9
Концесс.	6,0	0,8	20	1,3	333,0	30	1.8	500,0
Потреб. импорт.	83,2	11,9	250	16,4	300,4	350	22,1	420,8
Весь импорт	699,0	100	1517	100	216,8	1585	100	226,7

отправному, несмотря на то, что капитальные вложения в эти отрасли народного хозяйства по оптимальному варианту возрастают по сравнению с отправным за пять лет на 1.263 млн. руб. То же явление мы имеем и в отношении ввоза сырья.

Однако, тут противоречий нет. Более значительное вложение в промышленность и в сырьевые отрасли за предыдущие годы дает свой эффект к концу пятилетия: темп роста союзной сырьевой базы и союзного производства средств производства обгоняет темп роста потребностей в том и другом.

Таким образом, согласно оптимальному плану, высвобождается валюта для большего удовлетворения импортных нужд других отраслей народного хозяйства, как, например, транспорта, сельского хозяйства и т. д.

Именинником в пятилетней гипотезе, несомненно, является транспорт, который получает вложений за пятилетие по отправному варианту 6,7 мрд. руб., или 32% всех вложений; больше, чем какая бы то ни была другая отрасль народного хозяйства. То же явление имеет место и в отношении прибавки к капитальным вложениям для осуществления оптимального варианта (транспорт получает прибавку в 1.278 млн. руб., промышленность — только 1.073 млн. руб.). Это отношение к транспорту находит свое отражение и в импортной гипотезе: ввоз для транспорта увеличивается за пятилетие, согласно отправному варианту, в 4,7 раза и оптимальному даже в 7 раз.

Довольно значительный рост импорта запроектирован для сельского хозяйства, в особенности учитывая рост отечественного сельхоз. машиностроения. Годовая мощность новых и отчасти реконструированных заводов будет доведена для одних тракторов до 20 тыс. штук с соответственным количеством запасных частей.

Сальдо. Активное сальдо торгового баланса за 5 лет запроектировано в сумме свыше 350 млн. руб. (в статье тов. Струмилина в № 11 „План. Хоз." ошибочно указано 283 млн. руб.). Как это сальдо может быть реализовано в торговой части расчетного баланса, целиком зависит от состояния заграничных торговых кредитов.

При составлении гипотезы мы исходили из презумпции, что рост кредитов будет соответствовать росту импорта. Если кредиты будут расти быстрее, чем импорт, то расчетное сальдо будет выше торгового и, наоборот, если кредиты будут расти медленнее импорта, то расчетное сальдо будет ниже торгового. Так или иначе, учитывая значительный рост внутренней сырьевой базы и отечественного производства средств производства, это сальдо следует признать вполне достаточным для нормального развития внешней торговли Союза даже при условии снижения кредитных позиций, что трудно ожидать в связи с значительным ростом внешней торговли Союза, обороты которой за 5 лет возрастут на 120%.

2. Внутренний товарооборот

„Одной из острых проблем данной пятилетки является проблема изживания товарного голода", как правильно указывает тов. Струмилин. [1]

Рынок, как таковой, может лишь частично содействовать разрешению этой проблемы как путем соответствующей организации товаропроводящего аппарата, так и путем регулирования цен (при этом следует учесть, что при плановом хозяйстве цены не являются стихийным регулятором рынка. Доказательством служит 1926/27 г., когда во имя сдвижения лезвий „ножниц", значительно были снижены цены на промтовары).

В основании же изжития товарного дефицита лежит товарная продукция, на которой и базируется гипотеза товарооборота.

Товарная продукция промышленности и сельского хозяйства. Товарная продукция промышленности, [2] согласно отправному варианту, по физическому об'ему увеличивается по ценам производителя к концу пятилетия на 83%. При этом цензовая промышленность значительно обгоняет в своем росте мелкую — 92,8% и 37,8%. Товарная продукция сельского хозяйства возрастает на 69%. Следовательно, в физическом об'еме товарная продукция промышленности возрастет больше, чем товарная продукция сельского хозяйства. Отпускные цены промышленности за пять лет снизятся на 17,3%, сельскохозяйственные — остаются стабильными.

[1] „План. Хоз.", № 11, 1927 г.

[2] Без мукомолья и хлебопечения.

Таким образом, в червонных ценах товарная продукция промышленности возрастет на 30%, а сельского хозяйства — на 69%.

По оптимальному варианту товарная продукция промышленности возрастает в физическом об'еме на 100%, в червонных ценах — на 53%, товарная продукция сельского хозяйства — на 96%.

Отпускные цены промышленности снижаются на 21,5%, сельскохозяйственные остаются стабильными (табл. 4).

Однако, под углом зрения рыночного равновесия нас интересуют не отпускные цены, а розничные цены и не вся товарная продукция промышленности, а лишь товарная продукция предметов широкого потребления.

Согласно исчислениям тов. Струмилина, [1] предложение предметов широкого потребления увеличится в 1931/32 г. по отправному варианту в розничных ценах на 33%, спрос же на них возрастет в среднем на 31%. Таким образом, мы должны получить равновесие между спросом и предложением.

Вторым больным местом товарооборота после диспропорции между спросом и предложением является вопрос о „ножницах". Анализируемая гипотеза нашла благополучное разрешение и этого вопроса.

„Ножницы" и цены. По отправному варианту общеторговая накидка на промтовары снижается на 23% (с 30,2 в 1926/27 г. до 23,0 в 1931/32 г.). Уровень торговых расходов в рознице, особенно в городской кооперации, в настоящий момент значительно ниже, чем в капиталистической торговле, — и находится у пределов своего снижения, ибо расходы розницы имеют свои лимиты в торговой нагрузке персонала, в эксплоатации торговых помещений, налогах, тарифах и т. д. Поэтому розничной накидке дано весьма небольшое снижение; основное же снижение общеторговой накидки происходит за счет опта.

По оптимальному варианту общеторговая накидка на промтовары снижается на 30,8%, также в большей своей части падая на опт в силу дальнейшего развития реконструктивных тенденций, намеченных в отправном варианте, но и розничная торговая наценка несколько снижается в силу более полной и равномерной загрузки торговых предприятий.

В области сельского хозяйства общеторговая накидка по отправному варианту снижается на 14,2% (с 63,3% в 1926/27 г. до 54,3% в 1931/32 г.) и распределяется более равномерно, но все же с некоторым перевесом в сторону опта. Здесь снижение издержек обращения в опте достигается, главным образом, массовым строительством технико-вспомогательного аппарата (холодильников, элеваторов, мельниц). По оптимальному варианту наценка снижается на 19,5%.

[1] „План. Хоз", № 11 за 1927 г.

Таблица 4

Товарная продукция промышленности и сельского хозяйства
(В млн. руб. по ценам производителя)

Отрасли	Отправной вариант														Оптимальный вариант			
	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1930/31 г.		1931/32 г.		1931/32 и 1926/27 гг.		1931/32 г.		1931/32 и 1926/27 гг.	
	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.	дов.	черв.
Вся промышл. [1]	6.020,1	10221,3	7.009,9	11203,3	7815,5	12039,3	8794,5	13136,7	9904,1	14312,5	10979,6	15410,0	183,0	130.0	12056,0	16109,1	200	158
В том числе:																		
Госцензовая [2]	4.776,6	8123,3	5.585,4	8961,4	6369 8	9772,1	7251,9	10720,6	8246,1	11775,2	9199.6	12759,4	192.8	157.0	9957,0	12030,5	208	161
Сел. хозяйство [3]	2.041,6	2931,9	2.311,7	3315,3	2591,1	3717,3	2868,5	4114,7	3149,3	4517,7	3429,5	4919,2	168,8	169,0	4037,1	5773,0	196	196
Итого товарн. продукция	8.061,7	13153,2	9.321,6	14518,6	10406,6	15756,6	11663,0	17251,4	13053,4	18830,2	14409,1	20329,2	179	155	15996,0	21882,1	198,4	166,4
Индексы:																		
а) Промышл.	—	1,74	—	1,70	—	1,60	—	1,49	—	1,44	—	1,40	Снижение		—	1,38	Снижение	
б) Сел.-хоз.	—	1,49	—	1,43	—	1,43	—	1,43	—	1,43	—	1,43	цен за 5 лет 17,3%		—	1,43	цен за 5 лет 21,5%	

[1] Без мукомолья и хлебопечения. [2] Без мукомолья. [3] Без лесоводства.

Таблица 5

Социальный состав торгово-посреднического оборота
(В млн. черв. руб.)

Социальные группы	1926/27 г.						1931 год											
							Отправной вариант						Оптимальный вариант					
	Весь оборот		Оптов.		Розничн.		Весь оборот		Оптов.		Розничн.		Весь оборот		Оптов.		Розничн.	
	черв. р.	%	черв. р	%	черв. р.	%	черв. р	%	черв. р.	%	черв. р.	%	черв. р.	%	черв. р.	%	черв. р.	%
Государств.	9.795	34,0	7.640	50.2	2.155	15,9	12.699,8	29,6	10.437.5	43 5	2.262,2	12	13.462,9	29,6	11.081,1	43,5	2.381,8	11.9
Кооперат.	13.780	47,9	6.793	44,7	6.987	51,5	25.708,0	60,0	13.076,8	54,5	12.631,2	67	28.834,6	63,4	13.883,2	54,5	14.951,4	74,7
Частн.	5.200	18,1	780	5,1	4.420	32,6	4.439,0	10,4	479,9	2,0	3.259,2	21	3.191,5	7,0	509,5	2,0	2.682.0	13,4
Итого	28.775	100	15.213	100	13.562	100	42.846,8	100	23.994,2	100	18.852,6	0	45.489,0	100	25.473,8	100	20.015,2	100

Запроектированное снижение издержек обращения обусловливает снижение розничных цен в пределах торговли по отправному варианту по линии промтоваров на 5,8%, а сел.-хоз. — на 5,5%, в среднем 5,7%.

По оптимальному варианту это снижение дает по линии промтоваров 7,3%, по сел.-хоз. товарам — 7,5%.

С учетом снижения цен производителя розничные цены по отправному варианту будут снижены на промтовары на 21,7%, на сел.-хоз. — на 5,5%, по оптимальному варианту — на 27% и 7,5%, что приводит к концу пятилетия к полному изживанию „ножниц".

Однако, подобное снижение цен может быть достигнуто лишь при соответствующем построении товаропроводящей сети и технической базы торговли.

Товаропроводящая сеть. В отношении товаропроводящей сети гипотеза ставит вопрос о дальнейшем обобществлении товарооборота.

Процесс обобществления на предстоящее пятилетие отличается в нашей гипотезе двумя особенностями: а) относительно умеренными темпами по сравнению с истекшим периодом, что вполне естественно, учитывая наличие уже сейчас громадных достижений в этой области обобществленного сектора, и б) усилением качественных сторон работ обобществленного сектора.

Сохраняя за кооперацией руководящую роль, усиливая в особенности ее значение на сельскохозяйственных и кустарных рынках, где развитие кооперации должно явиться важнейшим фактором, стимулирующим обобществление производственных процессов, перспективный план все же сохраняет относительно значительную роль в оптовой торговле и за госорганами (табл. 5).

В согласии с указанной установкой мы получаем дальнейший рост удельного веса кооперации в товарообороте: с 47,9% в 1926/27 г. до 60% в 1931/32 г. по отправному варианту и до 63,4% по оптимальному.

Этот рост происходит как за счет госторговли, удельный вес которой падает с 34% до 29,6% в равной мере по отправному и по оптимальному, так и за счет частной торговли, которая падает с 18,1% до 10,4% по отправному и до 7% по оптимальному.

Вытеснение частного капитала намечается в значительных размерах в сфере оптового оборота, при более замедленном темпе уменьшения его удельного веса в рознице.

Нами запроектирован более быстрый темп роста кооперативного опта (на 78%), чем розницы (возрастающей на 68%), что об'ясняется тенденцией замещения опта государственного кооперативным, главным образом, в области сельскохозяйственных заготовок, где роль кооперации сейчас чрезвычайно недостаточна.

Эти изменения выражают собою линию систематического свертывания госторговли там, где кооперация достаточно сильна, чтобы занять ее место.

Развитие обобществленного сектора должно сопровождаться рядом организационных процессов, направленных на плановую увязку спроса с предложением (система предварительных заказов по линии промтоваров, система контрактаций на с.-х. рынках) и ослабление стихийных процессов в рыночном обороте.

Вообще по линии улучшения процессов обращения предстоит в течение пятилетия проделать большую работу. Прежде всего, необходимо фиксировать четкий курс в строительстве розницы. В области розницы в настоящий момент можно констатировать незначительную плотность торговой сети (одно торговое заведение на 233 чел. в 1925/26 г. против 150 чел. в 1912 г.). Этот факт, а равно как и предусматриваемый пятилетним планом рост норм и фонда потребления ставят перед торговлей задачу расширения розничной торговой сети.

На ряду с расширением торговой сети необходимо зафиксировать в перспективном плане и линию по ее рационализации, которая должна вестись в направлении укрупнения торговых единиц в густонаселенных пунктах и распыления их на периферии с целью приближения товара к потребителю.

Укрупненная розница, дающая ряд преимуществ в смысле значительного ускорения оборачиваемости, допускающая улучшенные и удешевленные пути снабжения товарами (транзит, замена местных складов центральными) и, следовательно, обещающая значительное сокращение издержек обращения, — должна представлять собой часть плана реконструкции всего товаропроводящего аппарата и особенно опта. Необходимо подчеркнуть, что имеющимся у нас высшим формам организации товарооборота (синдикаты, кооперативная система, опирающаяся на кредитную розницу, централизованные в районном масштабе торги) не соответствует еще организационно-техническое содержание товарооборота. Выявление спроса и предложения, производственно-техническая база торговли, географическое размещение промышленности, состояние ассортимента, отсутствие стандартов, многообразие сортов, несоответствие спросу, наконец, самое „уменье торговать", уменье организовать торговое предприятие, продвижение товара, — все это находится на таком низком уровне, что устраняет выгоды усовершенствованных форм торговли. Значительная часть этих дефектов может быть устранена только в порядке широко задуманной перестройки всего аппарата.

При настоящем состоянии товаропроводящего аппарата все крупно-оптовые организации ведут складские операции. При наличии всех предпосылок в розничe для наиболее дешевой организации сбыта, мы идем в ее снабжении наиболее дорогими путями. Здесь лежит максимум возможностей для удешевления торгового аппарата путем планового вмешательства.

С точки зрения сказанного необходимо проектировать в перспективном плане следующие мероприятия по организации оптовой торговли:

а) поставить задачей внедрить в оборот на базе укрупнения розницы не более двух складских операций для деревни и одной для города;

б) ставить в порядке дня по каждому отдельному товару с учетом географического размещения производства и спроса построение систем ассортировочных баз;

в) неуклонно и систематически расширять систему предварительных заказов там, где это возможно (на этот путь уже стала текстильная промышленность).

Только при такой рационализации торговли можно рассчитывать на осуществление запроектированного снижения цен, а следовательно, на ликвидацию „ножниц".

Необходимо в заключение отметить, что ликвидация „ножниц" необходима не только для оздоровления внутреннего товарооборота, но и для максимального увеличения экспорта.

Запроектированная рационализация товаропроводящего аппарата сказывается и на финансовом положении торговли.

Финансовое положение торговли. Тенденция развития госторговли и кооперации и в области их финансового положения различна (табл. 6).

Темп роста оборотов госторговли постепенно замирает, крупный опт (в лице синдикатов) занимает все более доминирующее положение. Прирост товарных запасов для образования некоторых маневренных резервов локализируется в синдикатах.

Некоторое замедление оборачиваемости вследствие накопления товарных запасов компенсируется ускорением оборачиваемости за счет усовершенствования торговой техники, что дает основание запроектировать стабилизацию скорости оборота.

Точно также стабилизуется норма рентабельности госторговли, так как некоторое падение удельного веса более рентабельной розничной торговли компенсируется повышением рентабельности за счет рационализации торгового аппарата.

По отправному варианту товарное накопление в госторговле выразится в сумме 480 млн. руб., денежное же накопление чистой прибыли (за вычетом отчислений в доход казны около — 50%) в 405 млн. руб. (прирост товаров по оптимальному варианту выразится в сумме 582 млн. руб.).

Таким образом, госторговля, несмотря на рост товарных запасов, имеет возможность стабилизовать свою задолженность и вы-

Таблица 6

Отправной и оптимальный вариант

Размеры оборотных средств госторговли и кооперации

(В млн. черв. руб.)

Годы	Оборот по продаже	Оборачиваемость (в год)	Оборотные фонды к концу года	В том числе:		Имущество к концу года	Прибыль		Отчисления в амортизацион. фонд	Отчисления в НКФ
				Товары	Деньги		абсол.	в % % к обороту		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Госторговля [1]										
1924/25	4.703	4,4	1.065	853	212	179,1	78,3	1,66	9,8	32
1925/26	7.183	5,6	1.276	1.134	142	246,6	120,0	1,67	13,6	29,4
1926/27	8.684	5,5	1.580	1.417	163	286,4	143,0	1,64	15,7	29
1927/28	10.190	5,5	1.853	1.640	213	311,9	167,1	1,64	17,1	38,2
1928/29	10.844	5,5	1.972	1.725	247	335.0	177,8	1,64	18,4	40
1929/30	11.376	5,5	2.068	1.789	279	372,8	186,6	1,64	20,5	50
1930/31	11.895	5,5	2.163	1.850	313	406.4	195.1	1,64	22,3	62
1931/32	12.347	5,5	2 245	1.897	348	439,1	202,5	1,64	24,1	72
Оптимальный вариант 1931/32	13.000	5,5	2.364	1.999	365	462,0	213,0	1,64	25,4	—
Кооперация										
1924/25	5 231	6,3	831	735	96	251,1	58,6	1,09	13,8	—
1925/26	9 626	8,1	1.185	1.064	121	310,7	171,7	1,78	17,1	—
1926/27	13.780	8,7	1.591	1.434	157	393,3	161,7	1,17	21,6	—
1927/28	17.450	8,9	1.970	1.743	227	485,8	235,0	1,35	26,7	—
1928/29	19.468	8,9	2.187	1.914	273	546,7	272,5	1,40	30,0	—
1929/30	21.290	9,0	2.365	2.046	319	591,2	315,1	1,48	32,5	—
1930/31	23.478	9,0	2.609	2.231	378	652,2	363,9	1,55	35,9	—
1931/32	25.400	9,1	2.791	2.404	387	697,7	416,5	1,64	38,4	—
Оптимальный вариант 1931/32	28.442	9,1	3.125	2.691	434	781,0	466,4	1,64	42,9	—

[1] В обороты госторговли не включены обороты по продаже товаров кредитными учреждениями.

делить из своих прибылей путем отчислений в другие секторы народного хозяйства 165 млн. руб. (в большей части через госбюджет).

Темп роста оборотов кооперации, идет по возрастающей кривой и значительно обгоняет рост оборотов госторговли.

Скорость оборотов кооперации хоть и незначительно, но все же возрастает. Этот рост запроектирован за счет освобождения кооперации от хранения товарных резервов и рационализации товаропроводящих путей. Последнее обстоятельство позволяет уменьшить технически необходимое количество товарных запасов. В этом же направлении будет действовать и дальнейшее улучшение транспорта.

Норма прибыли, до сего времени отставшая от госторговли подтягивается к последней к концу пятилетия. Современный низкий уровень об'ясняется, главным образом, убыточностью с.-х. кооперации. Улучшение положения последней к концу пятилетия резко отзовется на повышении рентабельности всей кооперации. В том же направлении будут действовать: увеличение удельного веса розницы, рационализация и уменьшение заемных средств.

Прирост товаров за пятилетие, согласно отправному варианту, запроектирован в сумме 970 млн.. руб. (согласно оптимальному варианту прирост товаров выразится в сумме 1.257 млн. руб). Накопление чистой прибыли без учета отчислений в 1.603 млн. рублей, а с учетом 30-процентных отчислений (подоходный налог, Ф. У. Б. Р. и пр.) в 1.120 млн. рублей.

Сумма накоплений, таким образом, превышает потребность вложений на 150 млн. руб. Этот излишек сократит задолженность товаропроводящей сети кооперативной системы промышленности и банкам.

Однако, необходимо, чтобы освободившиеся таким путем средства были бы направлены через кредитную систему на укрепление финансового положения отсталых видов кооперации, главным образом, сельскохозяйственной, по линии ее производственной деятельности.

Финансовое положение кооперации, как мы видим, запроектировано более благоприятно, чем госторговли, что вполне соответствует той роли, которая отведена кооперации в пятилетней гипотезе по товарообороту.

Нами неоднократно указывалось, что запроектированная в гипотезе рационализация товаропроводящей сети мыслима лишь при условии усиления технической базы.

Техническая база торговли. Капитальные вложения в техническую базу торговли за пятилетие запроектированы по отправному варианту в сумме 157 млн. руб., по оптимальному в 238 млн. руб. (с учетом снижения строительного индекса в среднем за пятилетие на 17%).

Сюда входят элеваторы, холодильники, мясохладобойни, бэконные фабрики, станции предварительного охлаждения и т. п.

Существующая сеть холодильных устройств достигавшая (к 1/X 1926 г.) приблизительно 80 тыс. тонн емкости и около 220 тыс. тонн пропускной способности в год является совершенно недостаточной для обслуживания массы скоропортящихся продуктов, нуждающихся в холодильниках, в особенности в виду неравномерного и нецелесообразного распределения последних по районам и понижения, вследствие этого, возможной степени их использования.

На основе перспектив развития производства скоропортящихся продуктов и в связи с ростом внутреннего потребления и экспорта, учитывая также практику холодильного строительства в предшествующие годы, намечается план строительства холодильных сооружений (стационарных), предполагающий вложение в эту отрасль хозяйства 72 млн. руб. по отправному варианту. Осуществление намеченной программы строительства даст возможность довести пропускную способность холодильной сети приблизительно с 240 тыс. тонн (к 1927/28 г.) до 480 тыс. тонн (к 1932/33 г.).

Эта гипотеза предусматривает холодильные устройства преимущественно торгового назначения (заготовительные и распределительные). Изотермический транспорт и стационарные сооружения (льдоделательные заводы, льдохранилища и др.), предназначенные специально для обслуживания изотермического подвижного состава, сюда не входят.

При распределении холодильного строительства по территориям союзных республик учитывались перспективы развития сельского хозяйства в различных районах, современное расположение холодильников, вероятные направления грузовых потоков в потребительские центры и на экспорт, а также осуществление холодильного строительства по республикам в 1926/27 году.

На основании всех этих соображений ориентировочное распределение холодильного строительства по территориям союзных республик представляется в следующем виде (в млн. руб.):

РСФСР	43,2
УССР	16,6
БССР	1,0
ЗСФР	7,1
УзбССР	3,4
ТуркССР	1,0
	72,3

Эти вложения следует признать минимальными, учитывая запроектированный темп роста экспорта скоропортящихся продуктов и увеличение потребления последних городским населением.

В элеваторное строительство гипотеза предусматривает вложения в размере 84 млн. руб. Сюда входит устройство сети линейных, терминальных и портовых элеваторов.

Емкость элеваторной сети в 1918 г. определялась в 960 тыс. тонн и их стоимость составляла 40 млн. руб. На 1 июля 1927 г. емкость

элеваторов уже была доведена до 78 млн. руб., на что было израсходовано (вместе с капитальным ремонтом) 11,6 млн. руб. При этом следует отметить, что в 1924/25 г. некоторое количество элеваторов было уничтожено пожаром.

Наша гипотеза проектирует увеличение емкости элеваторной сети на 960 тыс. тонн. Таким образом, емкость всей сети будет доведена до 2,3 млн. тонн.

Эта емкость, конечно, недостаточна,[1] необходимо будет изыскать дальнейшие средства для расширения элеваторной сети.

Вложения в элеваторную сеть по республикам распределяются следующим образом:

РСФСР	61,4 млн. руб.
УССР	21,6 „ „
Средне-Азиатская республика	1,7 „ „
Итого	84,7 млн. руб.

Согласно гипотезе, средства, необходимые для строительства технической базы торговли, должны черпаться как из госбюджета, так и из собственных средств государственных и кооперативных организаций, расширяющих свою техническую базу. Нами запроектировано, что на долю госбюджета падает 97 млн. руб., или 62% всех ассигнований, на долю средств хозорганов 60 млн. руб.—38%.

Кроме указанных вложений, нами запроектировано 80 млн. руб. вложений в нефтяные инсталляции, из них 20 млн. руб. для постройки инсталляций за границей. Последняя инвестиция крайне необходима, принимая во внимание рост нефтеэкспорта из СССР и тяжелые условия конкуренции, в которых он протекает. Следует учесть, что все инсталляции в капиталистических странах или являются собственностью конкурирующих с нами фирм или ими заарендованы.

Наша гипотеза, следовательно, запроектировала вложения в основную техническую базу торговли. По мере дальнейшей проработки гипотезы, надо углубить работу по выявлению необходимых вложений в другие технические сооружения торговли, как, например, хлебозаводы, складское имущество и т. п.

Следует признать, что область технической базы торговли является наименее изученной.

[1] При этой гипотезе линейными элеваторами будет охвачено только 40% государственных и кооперативных заготовок.

Л. Шанин

Проблема производительности народного хозяйства[1]

I. Гуманизация хозяйства

Мы находимся на такой стадии социалистического строительства, когда вся наша хозяйственная работа, где бы она ни протекала и в чем бы она ни заключалась, должна и может строиться под углом зрения разрешения поставленных перед нею задач.

Вместе с тем работа нашего хозяйственного механизма становится для нас все более прозрачной. Мы так далеко продвинулись вперед в организации, планировании и регулировании хозяйства, что, вообще говоря, уже можем отдельные звенья его приводить в движение, как элементы целостного механизма, работающего на осуществление общей цели. Работа этого механизма чем дальше, тем сильнее охватывается нами в ее целом.

Такой охват мы имеем и в контрольных цифрах каждого года. Именно как целым мы оперируем народным хозяйством, когда конструируем пятилетние перспективы и генеральный план нашего народнохозяйственного развития.

Мы прошли в этом отношении очень большой путь, и наступает время, когда нам следует уточнить смысл, который лежит в основе нашего планирования и регулирования хозяйства.

Перед нами, когда мы сталкиваемся с проблемами планирования, в особенности на длительные сроки, смутно маячит мысль о необходимости максимального повышения производительности нашего народного хозяйства. Мы убеждены, что в зависимости от той или иной экономической политики, от осуществления того или другого плана, от той или иной экономической программы, производительность народного хозяйства может оказаться большей или меньшей.

Проблема повышения производительности народного хозяйства нами пока еще не поставлена вполне отчетливо, но все мы молчаливо предполагаем, что какая-то установка на оптимальный вариант развития, на максимальную производительность народного хозяйства вполне возможна, а следовательно, должна быть положена в основу нашего планирования. Хотя проблема эта неясно, отрывочно, смутно уже стоит перед нами, но мы пока еще ее, как таковую,

[1] Статья дискуссионная. Ред.

не сформулировали, отчетливо не разработали. Больше того, для нас пока остается неясным, каково вообще определенное содержание такого понятия производительности народного хозяйства, и может ли производительность народного хозяйства быть вообще измерена. А между тем совершенно очевидно, что прежде чем ставить вопрос об экономическкких и технических методах достижениях максимальной производительности, необходимо выяснить, что представляет собой это понятие.

У нас все подготовлено для того, чтобы поставить эту проблему, чтобы, с одной стороны, раскрыть содержание понятия производительности народного хозяйства и установить мерило для ее измерения, а с другой, поставить вопрос о типе экономической политики, наиболее благоприятно разрешающей задачу максимального под'ема производительности народного хозяйства.

В этой статье мы хотели бы сделать известный шаг вперед в двух отношениях: в установлении понятия производительности народного хозяйства и в определении критерия для измерения возможных достижений на этом пути, оставляя пока в стороне вопрос об экономической политике, наиболее полно решающей эту задачу.

У нашего народного хозяйства есть своя определенная конечная задача. Она заключается в максимальном под'еме физического и духовного уровня жизни масс, в возможно более полном удовлетворении их потребностей, в повышении социалистического качества их труда и потребления.

Это есть начало того, о чем мечтали великие утописты, Фурье и Оуэн, и подготовляли величайшие революционеры — преобразователи — Маркс, Энгельс и Ленин.

„Когда сорганизуется,— писал Энгельс,— сознательное и разумное пользование современными производительными силами, согласно выясненным их свойствам, общественная анархия производства сменится общественно-планомерным его регулированием, сообразно потребностям всех и каждого, капиталистический способ присвоения... заменится, с одной стороны — непосредственно-общественным присвоением, как средством для поддержания и расширения производства, а с другой стороны — непосредственным индивидуальным присвоением, как средством существования и наслаждения".[1]

„Обобществление производства обеспечит всем членам общества существование не только материальное, вполне достаточное и постоянно улучшающееся, но и гарантирует им также свободное развитие и проявление их физических и духовных дарований... Анархия внутри общественного производства заменится планомерной, сознательной организацией. Законы собственной общественной деятельности (людей), которые до сих пор противоставлялись им, как им чуждые и потому

[1] Фр. Энгельс, „Анти-Дюринг", стр. 249.

господствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами. Об'ективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей. Только тогда люди будут сами вполне сознательно творить свою историю, а приводимые ими в движение исторические факторы станут все в большей и большей мере давать желанные для них результаты. Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы".[1]

Забегая и по сравнению с нашим временем далеко вперед, Энгельс писал:

„Должна возникнуть такая организация производства, при которой производительный труд сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развиваться во всех направлениях и проявлять все свои способности как физические, так и духовные. Труд, следовательно, из тяжелой обязанности должен превратиться в удовольствие".[2]

„Царство свободы, — писал об этом же Маркс, — начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью... Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль... совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое может, однако, расцветать лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие".[3]

В развернутом виде все это — музыка далекого будущего. Но тем не менее первые шаги в этом направлении мы делаем уже сейчас. Семичасовой рабочий день, политическая и производственная рабочая демократия, неслыханный гражданский и интеллектуальный рост миллионов, — пока еще слабо, но все же растущее и меняющееся потребление масс. Двигаться вместе со всей массой, сколько только можно, — в этом основная задача нашего народного хозяйства. Достигнуть на этом пути нам удастся пока чрезвычайно малого. И тем

[1] Там же, стр. 251—252.
[2] Там же, стр. 261.
[3] Капитал, т. III, ч. 2, стр. 357.

не менее, наше продвижение вперед мы должны начать измерять успехами в отношении этой основной для всякого социалистического хозяйства задачи.

* * *

Эта задача является для нашего хозяйства основной. Но для сегодняшнего дня она не единственная задача. На ряду с ней перед нашей экономикой стоят сегодня еще и другие две дополнительные задачи:

1) обеспечить независимость и обороноспособность социалистического государства,

2) обеспечить форсированный рост социалистических элементов самого хозяйственного механизма.

Пока существует капиталистическое окружение, первая задача является необходимым коррективом к основному требованию под'ема жизни масс. Вторая же означает своего рода воспитательный протекционизм по отношению к социалистическим элементам нашей экономики (хотя бы и ценою временных жертв по другим линиям), и, как специальная задача, носит преходящий характер, сохраняя свое значение лишь на период, пока эти элементы хозяйства еще недостаточно окрепли.

Как ни веско самостоятельное значение обоих этих коррективов, они все же не могут лишить основную цель нашего хозяйствования ее длительно определяющего значения.

То или иное соотношение между всеми этими задачами не есть нечто раз навсегда данное. Удельный вес, значение, место занимаемое каждой из них в ходе исторического развития существенно меняются. На определенной стадии развития первое место принадлежит задаче утверждения революционной диктатуры. На другой — на первое место выступает задача обеспечения обороноспособности социалистической страны. На какой-либо третьей стадии в центр всех проблем становится усиление социалистических элементов самого хозяйства. На какой-либо другой ступени центральной становится задача социалистической реорганизации труда и повышения уровня и социалистического качества потребления населения и т. д. Но хотя в историческом разрезе на разных стадиях соотношение между этими задачами существенно меняется (а соответственно с этим меняется и удельный вес их в политике нашего строительства), тем не менее для эпохи в целом главенствующей является только одна из них: задача реорганизации жизни масс, задача социалистического преобразования, труда и потребления, по отношению к которой все остальные задачи занимают подчиненное место.[1]

[1] Как сказано, это не исключает того, что на отдельных этапах эпохи соотношение между этими задачами может быть и прямо противоположным.

Маркс в своем „Введении к критике политической экономии“ говорит: „Анатомия высшего организма является ключом к анатомии низшего. Намеки на высшее у низших видов... могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно“. Экономика высших формаций дает нам ключ к пониманию экономики предшествующих образований, хотя и „не в том смысле, какой (иногда) придают этому..., стирая все исторические различия и во всех общественных формах находя формы“, свойственные высшим образованиям. Анализируя какое-либо общество, „совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу“ в развитой форме общества, „при чем это соотношение прямо противоположно... последовательности исторического развития“ („К критике политической экономии“, стр. 20,22).

Точно также и в нашем случае. Как бы ни менялось на отдельных ступенях развития соотношение между указанными задачами, для всей эпохи в целом характерно доминирующее значение задачи социалистического преобразования труда и жизни масс. И если для того или иного отрезка времени это соотношение из-за привходящих моментов не может быть в чистой форме соблюдено, то необходимые отклонения должны быть expressis verbis выявлены, как отчетливо взвешенные и точным образом мотивированные отклонения. На основной оптимальный (с точки зрения основной задачи) вариант в таком случае должны быть нанесены изменения, исчерпывающие, обоснованные указанными привходящими моментами, изменения, допустимые только в той мере, в какой они могут быть отчетливо мотивированы этими моментами.

II. Производство и потребление

Прежде чем итти дальше, мы должны сделать небольшой экскурс.

Исследователь нашего народного хозяйства должен будет сказать о нем, как и о всяком другом народном хозяйстве, что в построении его „исходным пунктом“ является „общественно-обусловленное производство“. Но как же примирить такой примат производства с нашим утверждением, что преобразование личной стороны труда и обеспечение определенного уровня личного потребления является именно той задачей, которая определяет все построение нашего народного хозяйства.

В самом деле, каково, вообще, марксистское понимание соотношения между производством и потреблением? В „Введении к критике политической экономии“ Маркс дал удивительно яркую характеристику взаимоотношений между производством и потреблением. Маркс констатирует глубочайшее внутреннее переплетение обоих.

„Идентичность потребления и производства проявляется... в трояком отношении.

1) Непосредственная индентичность: производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление.[1]

2) То, что каждое из них является средством для другого и совершается с его помощью. Они вступают в отношения друг к другу, являясь как необходимое условие одно для другого, но оставаясь еще внешними по отношению друг к другу.

Производство создает материал, как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность, как внутрениий предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства...

3) Производство не только является непосредственно потреблением, а потребление — непосредственно производством; производство выступает не только, как средство для потребления, а потребление, как цель для производства, т.-е. каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — воображаемый предмет для производства. Но каждое из них не только заключает в себе непосредственно другое и не только существует через его посредство, но и каждое из них, совершаясь, создает другое“ („К критике политической экономии“, Одесса, 1923, стр. 9—10).

„Потребление порождает производство..., производство... возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт“ (там же, стр. 8—9).

Маркс конструирует соотношение между производством, распределением, обменом и потреблением по типу органического взаимодействия. „Производство, распределение,обмен и потребление... образуют собою части целого, различия внутри единства“ (ib., стр. 15).

---

[1] Маркс поясняет это так: „Производство есть непосредственно также и потребление. Индивид, который развивает свои способности в производстве, также расходует их, потребляет в акте производства. Во-вторых, производство есть потребление средств производства. Поэтому самый акт производства во всех своих моментах есть также акт потребления... Производство, непосредственно отождествляющееся с потреблением... Это определение производительного потребления устанавливается только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственного потребления, которое, наоборот, мыслится, как уничтожающая противоположность...

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому, как в природе потребление химических элементов есть производство растения. Что, например, в процессе питания... человек воспроизводит свое собственное тело,— совершенно ясно; однако, это приложимо ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, воспроизводит человека. Это — потребительское производство. Это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, происходящий из уничтожения продукта первого.

В первом производитель овеществляет себя, во втором — персонифицируется вещь“ (там же стр. 7).

Производство определяет собой распределение, обмен и потребление. Распределение и потребление, в свою очередь, влияют на производство. „Производство в его односторонней форме, со своей стороны, определяется другими моментами... С изменением распределения изменяется производство... Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом“ (ib., стр. 15).

Но несмотря на то, что Маркс конструирует взаимоотношение между всеми этими моментами по типу органического взаимодействия, он за одним из тех моментов устанавливает преобладающее значение и приоритет. Таким доминирующим моментом является производство. Маркс пишет: „Производство в противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него каждый раз начинается снова процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению продуктов. Но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная (форма) производства обусловливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу“ (там же, стр. 15).

Таково построение Маркса. Между тем, мы, поставив во главу угла народное потребление и личные моменты в народном труде, пошли как-будто прямопротивоположным путем. Не представляет ли такой подход разрыва с марксистским пониманием народного хозяйства.

В анализе частнохозяйственной экономики, построенной на обмене, такой подход был бы действительно неправилен, и прежде всего он был бы недопустим в отношении капиталистического общества. Но в отношении социалистического общества (и то лишь в известном аспекте) такой анализ все же правилен.

Во всяком несоциалистическом обществе, построенном на обмене, непосредственная связь между производством и потреблением разорвана. Для производителя продукт есть не предмет потребления, а товар. Целью производства является не потребление, а денежный доход. Между производством и потреблением здесь нет, таким образом, прямой и непосредственной связи.

„В обществе (товаропроизводителей. Л. Ш.) отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к суб'екту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом“.

Но не только этот момент существен. Важно и другое. Если индивидум „производит в обществе, то непосредственное присвоение продукта не составляет его цели. Между производителем и продуктом встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет долю производителя в мире продуктов; оно становится, следовательно, между производством и потреблением“ (там же, стр. 10—11).

„Общественная потребность“, т.-е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обусловливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.), т.-е. общественными производственными отношениями“ (Капитал, т. III, ч. 1, стр. 156—157).

Но не только для отдельного производителя, а и для капиталистического общества в целом, точно также нет непосредственной связи между производством и потреблением. Капиталистическое общество является обществом бессуб'ектным. Уже поэтому здесь не может быть прямой связи между обоими. Непосредственная связь между общественным производством и общественным потреблением имеется только в социалистическом обществе.

Таково основное отличие между социализмом и всеми предшествующими общественными формациями. Но если такая непосредственная связь между общественным производством и потреблением здесь имеется налицо, то этим все же еще не решается вопрос о примате того или иного момента. Какому же из этих двух моментов принадлежит в социалистическом обществе примат? На этот вопрос нельзя ответить однозначаще. Ответ на этот вопрос зависит от плоскости рассмотрения его. Если говорить о материальном ряде, то совершенно очевидно, что производство является первичным и всеопределяющим. Если говорить об общественной мотивации, то в этом аспекте доминирующим в социалистическом хозяйстве является момент потребностей.

Однако, если в этом аспекте задача удовлетворения общественных потребностей и является первичной, то все же самая возможность выдвижения такой задачи обусловлена социалистическим характером производства. И именно этот характер производства позволяет потреблению играть при социализме указанную роль.

Таким образом, даже в социалистическом обществе потребление определяется производством, притом определяется им вдвойне. Один раз в широком смысле этого слова, другой раз в узком, техническом смысле.

Именно общественно-организованный характер производства делает возможной постановку перед последним задачи обслуживания общественных потребностей. Если бы производство не было социалистически организовано, оно не могло бы быть прямо и непосредственно подчинено общественным запросам.

При социализме производство телеологически подчинено общественным потребностям. Но самая возможность такого соотношения между производством и потреблением вызвана к жизни социалистическим характером производства, и в этом смысле определяется последним. При социализме мы имеем телеологический примат потребления над производством. Но возможность такого прямого телеологического примата потребления каузально создана социалистическим характером производства и вне его вообще не была бы дана.

На ряду с этим потребление определяется производством еще и в другом смысле. Совершенно очевидно, что об'ем и состав народного потребления прикованы к реальным производственным возможностям общества и отнюдь не являются независимыми от него. Социалистическое производство определяется общественными потребностями, но тем не менее потребление и здесь очевидным образом стоит в зависимости от производственных возможностей общества. Только в пределах наличных возможностей производства общественное потребление может определять собою об'ем и состав производства. Но в этих границах (только в них) решающее слово может принадлежать заданной программе потребления.

Такая программа при социализме, действительно, играет решающую роль; но только в пределах того, что в качестве возможного заключено в самом производственном аппарате общества. В пределах этих возможностей конкретный об'ем и состав производства определяются прямыми велениями хозяйствующего суб'екта.

Если рассматривать социалистическое хозяйство только как материальный ряд, то и при социализме производство предшествует, конечно, потреблению, а вместе с этим и примат принадлежит производству.

„Если рассматривать производство и потребление, как деятельность единого... суб'екта..., они выступают, как моменты одного процесса... Производительная деятельность есть исходный пункт реализации, а потому и господствующий момент" (ib., стр. 10).

Но в социалистическом планировании, в организованной общественной мотивации (а при социализме она является реальным фактором производства), в этом идеальном ряду приоритет принадлежит общественным потребностям.

„Потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, т.-е. вызывая идеальный, внутренний побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, определяя его цель. И если ясно, что производство предлагает потреблению предмет в его внешней форме, то точно также ясно, что потребление создает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как импульс и как цель. Оно создает предмет производства в его еще суб'ективной форме. Без потребности нет производства" („К критике политической экономии", стр. 8).

Положение это имеет силу при любом общественном строе. Но только при социализме общественные потребности планомерно, прямо и непосредственно подчиняют себе общественное производство.

III. Потребление и накопление

Конечной целью нашей хозяйственной работы является максимально высокий уровень жизни: труда и потребления. Но совместим ли такой под'ем с интересами развития производительных сил,—задачей, как будто бы, конкурирующей с быстрорастущим потреблением и сокращением рабочего дня.

Несовместимыми обе эти задачи могут показаться только на первый взгляд. На деле между ними нет коренного конфликта.

В самом деле, какова задача накопления? Очевидно, развертывание производительных сил. Но само развитие производительных сил имеет конечной целью под'ем национального потребления.[1] При этих условиях не накопление, как самостоятельная задача, конкурирует с потреблением, как другой самостоятельной задачей, а два вида потребления конкурируют между собою: потребление в настоящем с потреблением в отдаленном будущем.

Предположим, что мы работаем над пятилетним планом народного хозяйства. Можно было бы наметить такой вариант его, который был бы построен на основе довольно слабого накопления. Такой вариант на протяжении ближайшего пятилетия мог бы, может быть, дать более высокое потребление, но он не обеспечил бы зато желательного размаха потребления на протяжении дальнейшего пятилетия. С другой стороны, если бы мы построили ближайшую пятилетку по типу замедленного роста потребления и значительно большего роста накопления, то в более отдаленном будущем мы получили бы заметно более бурный рост потребления. В итоге мы имели бы в пределах генерального плана два варианта возможного развития народного потребления, но не конфликт потребления, с одной стороны, и накопления—с другой.

Решая вопрос о том или другом варианте, мы решали бы, в сущности, не столько вопрос о пятилетних программах потребления и накопления, сколько вопрос о десятилетней программе потребления, вопрос о том, какое распределение потребления между отдельными отрезками времени, какая кривая

[1] „Прибавочный труд, вообще, как труд сверх данного количества потребностей, всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д., он имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется... вследствие необходимого соответствующего развитию потребностей и прогрессу населения постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением" (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 356).

его роста является для десятилетнего периода в целом оптимальной; какая комбинация темпов роста по отдельным пятилеткам (и годам) давала бы за весь период в целом (не к концу периода, а за весь период в целом) наиболее благоприятные показатели.

Пятилетняя программа накопления может конкурировать с программой потребления за те же пять лет, но по отношению к потреблению следующих лет это накопление играет роль необходимого условия, а не конкурирующего момента. Если здесь есть какой-либо конфликт, то только между потреблением первого пятилетия и потреблением следующего пятилетия. Но этот конфликт, сводящийся к внутренней борьбе за распределение растущего потребления между отдельными отрезками десятилетия, легко может быть разрешен нахождением оптимального варианта развития потребления для всего десятилетия в целом.

В предыдущем речь шла преимущественно о количественной стороне потребления; но на ряду с этим руководящему органу нужно решать также вопрос о качественном составе его (как в материальной части: питание, жилище, одежда, спорт, так и в духовной части: книги, газеты, учеба, художественное развитие и т. д.). НКЗдрав, Наркомпрос, Наркомтруд и Культурный сектор Госплана (сугубо руководимые здесь партией) должны сформулировать максимальное (и вместе с тем реалистическое) задание по развитию потребления и реорганизации труда на указанный период, определив и количество и социалистическое качество обоих. На долю же экономических секторов Госплана должна лечь наметка возможного хозяйственного решения этой задачи, т.-е. выработка оптимального, с точки зрения этой задачи, варианта народнохозяйственного развития, а после этого окончательное установление уже не желательных только, а реально возможных вариантов программ потребления и труда.

IV. Техника планирования

Первая задача социалистического планирования заключается в наметке директивной программы потребления. Но может ли такая наметка быть вообще произведена? Не наталкивается ли она на непреодолимые технические трудности?

Нам представляется, что задача эта может быть разрешена и что к решению ее следует итти, примерно, следующим путем: во-первых, намечается желательная программа потребления к концу разрабатываемого периода; во-вторых, определяется вытекающая из этой программы наметка народнохозяйственного развития на протяжении данного периода и, в частности, распределения ресурсов между потреблением и накоплением, поскольку без достаточного размаха накопления невозможно будет обеспечить заданную конечную программу потребления. Полученный, таким образом, набросок народнохозяйственного развития даст, скорее всего, крайне неравномерное распределение потребления между началом и концом периода. Такой результат будет тем вероятнее, чем выше намеченный для конца периода уровень потребления. Слишком высокий конечный уровень потребления потребует слишком значительного накопления, а в связи с этим и резкого снижения потребления в течение большей части периода. Такой вариант потребления может и с общекультурной и с народнохозяйственной точки зрения оказаться мало целесообразным. Он может одновременно оказаться и мало приемлемым для населения. По выяснении этого придется, очевидно, выработать какой-то другой компромиссный вариант, построенный на более высоком потреблении в начале и более плавном росте его в конце — вариант, который может оказаться для периода в целом более благоприятным.

Но программа потребления к концу планируемого периода определяется не только указанными факторами. Она определяется еще и тем, какое развитие должно получить потребление в дальнейшем, за пределами рассматриваемого периода. Очевидно, что размах этого позднейшего потребления должен быть подготовлен соответственным накоплением, а следовательно, и соответственной урезкой потребления в предшествующие годы. Таким образом, развитие потребления к концу планируемого периода определяется двумя величинами: желательным потреблением в последующий отрезок времени и развитием потребления в предшествующем отрезке.

Потребление в начале планируемого периода влияет на потребление в конце его совершенно понятным образом. Пути определения второго первым ясны и понятны. Труднее решить вопрос о том, каким образом может влиять на конечную программу потребления возможное развитие потребления за пределами его. Трудность здесь заключается в том, что за пределами составляемого сейчас генерального плана наша плановая работа вообще еще не идет. Отсюда следует, что никаких наметок относительно развития потребления в дальнейшем у нас нет, а между тем, это дальнейшее потребление должно определить собою программу потребления к концу разрабатываемого периода.

Для каждого периода, для которого составляется хозяйственный план, должен быть разработан как план развития потребления, так и план накопления за этот период. Но оба эти плана представляют собою не две самостоятельных задачи, а часть какого-то третьего об'емлющего их обоих плана, а именно — плана развития народного потребления за более длительный период. Следовательно, пятилетнее, скажем, развитие потребления является частью, а пятилетнее развитие накопления является предпосылкой десятилетнего плана потребления и телеологически определяется этим последним.

Эти взаимоотношения относятся в такой же мере и к пятнадцатилетнему и двадцатипятилетнему плану и т. д., из которых каждый должен определяться планом потребления за более длительный период. Решение вопроса ставится, таким образом, в зависимость от моментов все более отдаленного будущего. Мы отсылаем от пятилетнего плана накопления к десятилетнему плану потребления, а от последнего — к пятнадцати- и двадцатипятилетнему и т. д., до бесконечности.

Теоретически из этого положения, как-будто, нет выхода; но практически выход несомненно имеется.

Самый длительный из разрабатываемых к данному моменту перспективных планов будет для конечного своего отрезка всегда предварителен и условен. Если мы разрабатываем пятилетний план, не идя вообще дальше пятилетия, то условными и предварительными будут планы последних, скажем, двух лет пятилетия. Если мы будем разрабатывать пятнадцатилетний план, то условными будут планы третьего пятилетия генерального плана. Уточнить и твердо установить эти последние планы можно будет только позднее, когда планирование захватит более поздние даты и когда данное пятилетие перестанет быть последним планируемым пятилетием. Ибо проектировка последнего отрезка может быть произведена только с точки зрения намечаемого развития за пределами его,— вопрос, который решается только после наметки плана для более длительного периода.[1]

Но поражает ли это положение вещей первый основной отрезок генерального плана? Предположим, что мы одновременно разрабатываем и пятнадцатилетний план и план первого пятилетия. Очевидно, что в этом случае годовые планы последних, скажем, трех или пяти лет пятнадцатилетия будут безусловно дефектными и условными. Это будет так, поскольку они должны определяться развитием потребления за пределами данного генерального плана, между тем как картина развития этого потребления пока еще не ясна. Но все это никак не относится к плану первого пятилетия, ибо этот план, при наличии наметки для дальнейших десяти лет, может быть окончательно разработан, несмотря на условность последнего отрезка пятнадцатилетнего плана. Ведь между первой пятилетней частью и последней, дефектной частью генерального плана лежит промежуток в пять — семь лет, промежуток, могущий

[1] Такое положение вещей имеется не только в отношении потребления и накопления. Когда мы составляем планы железнодорожного строительства, электростроительства, развития общего машиностроения, турбино- и дизелестроения и т. д., то планы эти в части, касающейся последних лет планируемого периода, могут быть установлены только под углом зрения развертывания других, обслуживаемых ими отраслей в следующий период. И совершенно очевидно, что последние годичные планы интересующих нас отраслей не могут быть окончательно разрешены, до тех пор пока не будет составлен план развертывания обслуживаемых отраслей в последующий период. До этого момента последние годичные планы интересующих нас отраслей могут носить только условный и предварительный характер.

быть достаточно полно разработанным. Даже эта более поздняя часть генерального плана стоит только в слабой зависимости от перспектив развития потребления за пределами пятнадцатилетия. От этих перспектив непосредственно зависят только планы последних трех-пяти лет генерального плана. Поскольку же в отношении промежуточного периода имеется достаточно твердая база планирования, совершенно очевидно, что сам он может уже совершенно устойчиво определять собой план первого пятилетия. Таким образом, эта часть плана отнюдь не находится под ударом последней, условной части пятнадцатилетней наметки.

В качестве общего вывода можно поэтому сказать: важно, чтобы неизбежно дефектная (последняя) часть об'емлющего плана была достаточно отдалена от того отрезка времени, для которого план разрабатывается окончательно. При этом условии органическая дефектность последнего отрезка генерального плана практически уже не может иметь решающего значения для устойчивости первой его части.

Таким образом, на деле, задача планирования под углом зрения потребления и реорганизации труда не представляет непреодолимых технических трудностей.

V. Общезначимая программа потребления

Трудности планирования, проводимого под углом зрения народного потребления и организации труда, не ограничиваются одной лишь затруднительностью увязки предстоящего потребления с настоящим и позднейшим потреблением. Возможность такого планирования стоит, прежде всего, в зависимости от другого момента. Я имею в виду вопрос о том, существует ли вообще возможность придать какой бы то ни было программе потребления необходимую общезначимость, независимо от того, есть ли эта программа предстоящего или настоящего или позднейшего потребления.

В самом деле, можно ли вообще установить нормативную средне-взвешенную программу народного потребления, которая могла бы претендовать на общезначимость и на этом основании могла бы лечь в основу производственного плана страны.

Если поверхностный конфликт между потреблением и накоплением может быть разрешен установлением об'емлющей программы потребления для более длительного периода, то ведь лишь при предположении, что независимо от периода планирования такая общезначимая программа, вообще говоря, может быть установлена. Но если такая обязательная программа потребления (из-за глубоко-индивидуального характера всякого потребления) в основе невозможна, то становится неразрешимой и проблема соподчинения потребления и накопления. Она становится неразрешимой не из-за внутренних труд-

ностей самой этой проблемы, а из-за невозможности придать какой бы то ни было вообще программе потребления необходимую общую силу.

Мы, таким образом, вдвойне подведены к вопросу, возможна ли вообще общезначимая программа народного потребления? Подавляющее большинство буржуазных экономистов отвечают на этот вопрос отрицательно, считая задачу эту теоретически неразрешимой. Аргументируется это обыкновенно так. Вопрос об „оптимальном удовлетворении потребностей населения" может решаться только суб'ективно, а это исключает всякую возможность научно-об'ективного или какого-либо иного общезначимого решения.

Очень яркое выражение эта точка зрения нашла у Зомбарта. Полемизируя с Филипповичем, утверждающим, что „задача хозяйства состоит в поддержании жизни и жизнеспособности людей", Зомбарт, в порыве всесокрушающего скепсиса, спрашивает: а из чего все это вытекает? В самом деле, „почему необходимо поддержание жизни людей и содействие ее расцвету? И если необходимо, то какого числа людей? Такого ли количества людей, которое в настоящее время живет, или вдвое большего? Или же неограниченного количества или только половины? В тот момент, когда вы ставите так вопрос, вы выдвигаете всю проблему населения, выдвигаете весь вопрос об ограничении рождаемости, вопрос о культуре масс или культуре отдельной личности и т. п. Но как хотите вы вести научный диспут об ограничении рождаемости, о культуре масс и т. д.? О том, наконец, приятнее ли жить в стране с населением в 100, 50 или 20 миллионов?"

И далее: „Что такое благосостояние? Можно ли вообще притти к единой концепции благосостояния? Присмотримся к этому вопросу. К благосостоянию относится и питание... Можно было бы сказать, что всякое производство средств питания есть производство благосостояния. Также и виноделие? Но тут противник алкоголя скажет, что виноградники не являются производительным помещением в этом смысле, хотя большинство отнесет их, быть может, даже к чрезвычайно производительным помещениям... Перейдем к благосостоянию, как жилищной проблеме. Где жить, в городе или деревне? Я легко могу допустить, что имеется большая группа, утверждающая, что постройка всякой жилой казармы является несчастьем для народа. Действительно ли постройка таких казарм несчастье? Производительна ли она? Содействует ли она под'ему благосостояния?

Пойдем дальше. Постройка церквей. Означает ли она под'ем благосостояния? Верующий человек, конечно, скажет, что постройка церкви содействует под'ему благосостояния не в меньшей степени, чем похлебка, которую мы едим. Атеист же скажет, что позорно строить новую церковь, тратить деньги на подобный непроизводительный расход.

Попробуйте коснуться вопроса об одежде или других потребностей, или всей проблемы богатства, обставленности личной жизни,

или, наоборот, ценности аскетизма. Что же следует признать производительным? Было ли производительно то народное хозяйство, кототое создавало крупный фонд потребительских благ для отдельной личности, или же нет? Или оно было исторически вредно? А всякие увеселительные предприятия? Кто решит, производительно ли строить варьетэ или нет? Я не хочу вдаваться в детали, а можно было бы привести еще более яркие случаи, когда неизбежны сомнения, связаны ли они с под'емом благосостояния общества или нет.

Теперь позвольте вас спросить, как же следует поступать со всеми этими понятиями? Если вы хотите все это научно дискутировать, то на чем мы могли бы сойтись друг с другом? Я не вижу никаких возможностей для этого. Все переходит в суб'ективные оценки, а суб'ективная оценка не поддается об'ективному установлению... Я хочу указать только на следующее — всякая оценка в конечном счете коренится в личном мировоззрении человека. Личное же мировоззрение всегда покоится на метафизическом базисе... лежит по ту сторону эмпирически-данного мира, и этих глубин мировоззрения не может достигнуть никакой лот научного познания. Это мы должны установить с полной ясностью и определенностью. Конечно, это своего рода резиньяция (самоотречение), но в известном смысле всякая зрелость связана с той или иной степенью резиньяции. Конечно, нам хотелось бы узнать, как нам лучше всего жить. Но это — такие вопросы, которые невозможно разрешить научным путем".[1]

Аналогичное говорит и Лифман: „Нет такой науки, которая бы научила, как сделать людей довольными, лучшими и более счастливыми".[2]

„В понятии народного благосостояния заключена вся этика мира",—говорит Макс Вебер.[3] А если так, то какое оно может иметь об'ективное и общезначимое значение.

То же говорит и К. Диль: „Все масштабы для измерения производительности могут быть поэтому: или технически-частнохозяйственными, но тогда они приводят к ясному, бесспорному решению, или же они действительно народнохозяйственные масштабы, и тогда они носят суб'ективный характер и не могут быть единодушно выставлены народнохозяйственными теориями".

„Мы должны признать неразрешимой проблему дать народнохозяйственной производительности качественный масштаб, которому было бы обеспечено всеобщее признание... Наша наука бессильна установить какой-нибудь всеобщий масштаб, потому что здесь играет роль меняющиеся оценки и общественные идеалы".[4]

---

[1] „Die Produktivität der Volkswirtschaft". „Schriften des Vereins für Sozialpolitik", Bd. 132, W. Sombart, S. 567—569.

[2] Ibid. S. 580.

[3] „Die Produktivität der Volkswirtschaft", S. 581.

[4] K. Diehl, „Theoretische Nationalökonomie", Bd. II., S. 31—35.

Или Гольдшейд: „В зависимости от того, ставится ли в качестве задачи и цели хозяйства повышение благосостояния, народное богатство, саморазворачивание личности или национальное могущество, видоизменяется также суждение о том, что следует считать продуктивным".

„Расплывчатость и неопределенность понятия производительности происходит от вторжения хозяйства в другие нехозяйственные[1] сферы, от связанности хозяйства со всей культурной жизнью, от того, что понятие продуктивности включает в себе представление о каком-то оптимуме, что оно представляет собой понятие не чисто экономическое, а лежащее за пределами экономики — понятие метаэкономическое".[2 3]

Подавляющая часть буржуазных экономистов делает отсюда тот вывод, что установление общезначимой программы потребления невозможно.[4]

Если попытаться критически проверить эти утверждения, то следует, прежде всего, поставить вопрос, действительно ли для общезначимости программы народного потребления необходимо, чтобы она была установлена в качестве совершенно об'ективной, исключительно научной программы, лишенной какого бы то ни было суб'ективизма. На деле такой необходимости ни в какой мере нет. Для наших целей важно, чтобы такая программа была установлена, но отнюдь не обязательно, чтобы она пользовалась авторитетом математической достоверности.

Разве общезначимость остальных норм, устанавливаемых государственной властью, опирается на безукоризненную научную их доказуемость? Вспомнить хотя бы нормы гражданского, уголовного и административного права, всякие правила внутреннего распорядка на фабрике, в учреждении, учебном заведении, в доме, в трамвае, правила и нормы, регулирующие народное хозяйство: об'ем и стандарты производства, цены, налоги, тарифы, требования охраны труда и т. д., и т. п. Разве существует хотя бы один пункт относящихся сюда постановлений, который не вызывал бы крупнейших разногласий не только в населении, но и в инстанциях, его проводивших. С точки зрения чистоты научного обоснования, вероятно, ни один из трактуемых в них вопросов никогда не мог бы быть окончательно разрешен. Между тем, на деле эти нормы (заметьте: нормы, чрезвычайно глубоко вторгающиеся в личное поведение и личное хозяйство населения) обладают бесспорной общезначимостью. Все они действуют, а значительное большинство их выполняет свою общественную функцию достаточно хорошо.

[1] В оригинале, очевидно, ошибочно стоит: „хозяйственные".
[2] В тексте стоит „melaökonomisch", это, очевидно, опечатка.
[3] R. Goldscheid, „Die Produktivität der Volkswirtschaft", S. 592—593.
[4] Сам Гольдшейд к этой точке зрения не примыкает.

Но если таково положение вещей с указанными нормами, то в чем теоретическая невозможность распространения его и на программу народного потребления (конечно, при условии, что последняя будет составлена достаточно разумно, с достаточно осторожным учетом желаний самого населения и т. д.). Отмечаемые Зомбартом и другими теоретические дефекты общи, ведь, как такой программе потребления, так и всем вообще регулирующим нормам. До конца обоснованными научно ни один, ни другие не являются. В конечном счете все они берут свою силу не в исчерпывающе доказанных научных положениях, а в суб'ективных оценках и волеиз'явлениях государственной власти. Почему же указание на теоретическую дефектность всякого государственного регулирования направляется только против установления программы народного потребления и минует остальные случаи государственного руководства личной жизнью.

Эту грубую непоследовательность, поразительную для сколько-нибудь вышколенного ума, можно об'яснить только сочетанием рабского преклонения перед фактическим и традиционным, с критическим бесстрашием и нигилистической смелостью в отношении социально-новаторского.

Большинство остальных сфер жизни регулируется государством на протяжении столетий. Вся наша жизнь полна такого рода вмешательства. Оно стало неот'емлемой составной частью наших будней. В результате бесстрашные мыслители слепо проходят мимо этих огромнейших массивов теоретически дефектного вмешательства в жизнь населения. Но вот встает вопрос о замене хаоса частнокапиталистического хозяйствования целеустремленным общественно-организованным производством, поставленным на службу повышенного и рационализированного народного потребления и реорганизованного труда, и те же теоретики неистово штурмуют небо; и посмотрите как геростратовски роскошествуют они в своем скепсисе, как дух захватывающе смело ставят они „последние вопросы": „почему необходимо поддержание жизни людей и содействие ее расцвету? Если необходимо, то какого числа людей". Кто на это может ответить научно? (О, эти вопросы, в отличие от других требуют безукоризненно научного решения, или они вовсе не могут быть решены.) И чистый мыслитель дает взволнованному миру свой решающий приговор. „Это — такие вопросы, которые невозможно решить научно". В отношении данной проблемы остается поэтому только одно: резиньяция.

* * *

Программа народного потребления может быть установлена государственной властью также авторитетно, как и остальные регулирующие нормы.

Мы имеем сейчас определенный об'ем и структуру расходной части крестьянских и рабочих бюджетов. И мы, несомненно, можем выдвинуть программу желательных (на протяжении пяти или десяти лет) изменений в этих бюджетах. Эта программа должна строиться с учетом требований народного здравоохранения, большей рационализации быта, необходимых начатков культурной революции, некоторого усиления общественных форм потребления за счет индивидуальных, т.-е. с учетом необходимого усиления социалистических моментов в народном потреблении. Партия должна выдвинуть определенное задание по интеллектуальному и физическому под'ему жизни масс и необходимому для этой цели развитию народного потребления и реорганизация труда. Именно партия должна решать этот центральный культурно-политический момент, синтезирующий все наше хозяйственное строительство.

В условиях „просвещенного абсолютизма" государственно-установленная средняя программа потребления была бы внешне навязанной; в условиях советской демократии она будет означать организованное волеиз'явление самих масс; а это значит, что она будет программой не только авторитарно данной, но и программой внутренне-авторитетной.

Правда, такого рода программа потребления не будет обладать значимостью какого-либо общепризнанного научного утверждения. Но было бы неправильным делать отсюда вывод, что она поэтому не может быть не чем иным, как совершенно суб'ективным, произвольным и ничем не фундаментированным волеиз'явлением. Она уже по одному тому будет иметь известное об'ективное значение, что является волеиз'явлением не индивидуальным, а общественно-организованным.

„Если отдельному лицу не всегда можно доказать, почему для него более обязательна одна цель, нежели другая, то, наоборот, установление той цели, которую должно ставить себе общество в соответствии с своей внутренней сущностью, является... проблемой, поддающейся... разрешению, подобно всякому иному чисто эмпирическому вопросу". [1]

Поскольку мы имеем дело с волеиз'явлением общественного коллектива, такая программа не может не получить известного об'ективного значения. Разнобой индивидуальных оценок заменен здесь единством организованной общественной оценки. Если бы вопрос решался в последней инстанции каждым членом общества для себя, такая степень об'ективности была бы недостижима. Единство суждения могло бы здесь осуществиться только на основе совпадения решений каждого члена общества. Такого положения нет и не будет. Но если требуемое единство не может быть достигнуто в порядке первичного внутреннего совпадения стремлений отдельных членов общества, то следует ли отсюда, что оно не может быть создано другим, скажем, авторитарным путем? Конечно, не следует.

[1] R. Goldscheid, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik", Bd. 132, S. 598.

С большей или меньшей искусственностью такое авторитарное единство может быть создано при любом строе. С исключительной полнотой и естественностью оно может быть достигнуто в условиях советской системы. Больше чем какой бы то ни было другой строй, именно наша советская система может обеспечить авторитетное для народных масс установление программы потребления.

Мы глубоко взрыхлили сознание масс; в некоторых отношениях наша демократия постепенно становится настолько широкой и подлинной, что такая программа имеет все данные для того, чтобы состояться, как авторитетное для масс их собственное общественно-организованное решение. Вместе с тем, факт обобществления нашего производства делает такое коллективное волеиз'явление не беспредметным, а фактором, прямо и непосредственно определяющим план национального производства. А это значит, что обобществленное производство ставится непосредственно на службу осуществления намеченной программы. У нас, поэтому, обеспечена не только возможность такого волеиз'явления масс, но и всеопределяющее практическое значение его.

Нет ничего невозможного и в том, что у нас со временем будет три—четыре конкурирующих между собой варианта развития потребления и труда, построенных на различном распределении потребления на протяжении (и к концу) скажем, десятилетия, и что мы с этими предложениями пойдем к массам. Руководимые партией массы должны будут решать вопрос об об'еме тех жертв, на которые они готовы итти, скажем, в первые пять лет для того, чтобы компенсировать себя укреплением обороноспособности и расширением потребления в следующее пятилетие. Вместо вороха цифр, необозримых для масс, варианты народнохозяйственного плана, переведенные на понятный язык об'ема и состава народного потребления и количества и качества труда, станут близкими массам. И массы получат действительную возможность по настоящему решать коренные вопросы нашего перспективного планирования.

В капиталистическом обществе массы потребителей не совпадают с массой производителей, а те и другие не совпадают с теми, кто определяет об'ем и состав производства в стране. Широкие массы производителей,—это не те, кто решает, что и как будет производиться; количество и структура фонда потребления определяется не теми, кто на самом деле производит и кто должен был бы потреблять.

В нашем государстве мы имеем единство масс, производящих, масс потребляющих и масс решающих экономические и политические вопросы. Это совпадение, со времени первобытного коммунизма не известное истории, подводит нас к реальной возможности установления общенародной программы потребления и производства. Слияние этих трех функций в одном носителе, в лице трудящихся масс, делает нас единственной страной, могущей по настоящему решить эту задачу.

* * *

Но этого мало. Программа народного потребления, в основе базирующаяся на коллективном волеиз'явлении масс, отнюдь не должна быть поэтому совершенно оторвана от научно-доказательных моментов.

В развитии индивидуальной воли мы идем от инстинкта, влечений, смутных побуждений к более высоким образованиям, постепенно вбирающим в себя элементы очищенного чувства и широкого познания. Последние преобразуют инстинкты в волю, а волю делают все более организованной, превращая ее в устойчивый стержень нашего поведения. Тот же преобразовательный процесс идет и в сфере общественно-организованного волеиз'явления. Даже в условиях классового общества элементы научного познания начинают все полнее (и все же только в определенных допускаемых классовым характером общества границах) определять собой решения соответственно организованного общества и тем самым делают их более устойчивыми. Такие оценки и решения становятся в известных пределах более об'ективными не только в том смысле, в каком общественно-организованные волеиз'явления более об'ективны, нежели индивидуальные, но и со стороны научной обоснованности их внутреннего содержания.

Мы будем определять программу потребления, руководствуясь чем дальше, тем больше данными биологических наук, научной диэтетики, данными психологии, в частности, прикладной психологии и т. д. Научное знание будет в растущей мере определять об'ем и соотношение отдельных элементов социалистического потребления. Этот процесс будет итти в данной области точно так же, как он идет и в разработке и установлении норм гражданского уголовного права. И эти последние не поддаются и никогда не будут поддаваться безостаточному сведению к научно-доказуемым элементам. И тем не менее с ростом культуры они получают все более широкую научную базу, а в бесклассовом обществе научное содержание соответствующих им норм вырастет безмерно.

Вот почему наличие суб'ективно-психологических моментов не исключает возможности растущего научного фундаментирования такой программы народного потребления. Иначе надо было бы сказать, что и научная диэтетика, и гигиена, и санитария, и педагогика и прикладная психология невозможны, поскольку и в них элементы оценки и волеиз'явления присутствуют неистребимо.

Мы имеем здесь, таким образом, второй источник растущего об'ективного значения программы народного потребления.

Мы установили возможность сформулировать общезначимую программу народного потребления. Мы можем поэтому сейчас перейти к основной нашей теме, к вопросу о производительности народного хозяйства.

(Окончание следует)

ОТДЕЛ II

За советским рубежом

А. Д. Гинзбург

Протекционистские уклоны в послевоенной торговой политике капиталистических стран[1]

5. Таможенная защита Испании

Испания является единственной крупной европейской державой, не принимавшей участия в империалистической войне. Констатирование еще раз этого общеизвестного факта крайне необходимо в данный момент, когда под влиянием целого ряда событий происходит трансформация основ примитивной экономики и политики Пиренейской фашистской монархии.

До мировой войны Испания являлась, преимущественно, земледельческой страной, а та относительно небольшая горнодобывающая и металлургическая промышленность, которая имелась в стране, была сосредоточена почти исключительно в Каталонии. В общем же и целом импорт в Испанию значительно превышал ее экспорт.

Находясь в зависимости от своих более развитых в промышленном отношении соседей в области снабжения страны фабричными товарами, Испания не создавала таможенных преград, которые имели бы своим последствием удорожание стоимости жизни внутри страны, тем более, что уже давно обесцененная испанская валюта с трудом удерживалась на паритете.

Когда началась мировая война, сильно дезорганизовавшая и подорвавшая экономику Европы, Испания вынуждена была импровизировать и наспех создать у себя промышленность, которая преследовала цель не только покрывать потребности и спрос внутреннего рынка, но и снабжать различными товарами воюющие страны, предприятия которых работали исключительно на оборону.

Благодаря этому Испания превратилась в поставщика воюющих стран (почти исключительно союзников), при чем об'ектом этих поставок были: оружие, обувь, уголь, разного рода руда. Добавим, что за все эти поставки Испания брала такие высокие цены, которые позволили ей завоевать блестящую и небывалую в ее истории финансовую ситуацию. Финансовое положение Испании, благодаря всем этим поставкам, оказалось настолько прочным, что в 1918 году бумажная пезета котировалась выше (т.-е. с премией) доллара, какового факта до тех пор финансовая история Испании не знала. Необходимо добавить, что внешнеторговый баланс, крайне дефицитный до 1914 года превратился в активный, при чем, начиная с 1915 года, экспорт значительно превышает импорт. Такое

[1] См. „План. Хоз.“, № 2 за 1928 г.

положение продолжалось до 1919 года включительно, притом и в этом последнем году торговый баланс обнаруживает еще активное сальдо в 400 млн. пезет.

После перемирия картина начинает резко меняться в сторону систематического ухудшения. Правда, наспех созданная промышленность принесла большие прибыли испанским магнатам и торговцам, но их промышленные предприятия не имели достаточно усовершенствованного оборудования. Это обстоятельство не позволило им перейти немедленно по окончании войны на новые рельсы, т.-е. на методы работы мирного времени и бороться с конкуренцией аналогичных отраслей воевавших стран, начавших перестраивать свою промышленность на нормальную работу.

Затем, рынки, приобретенные Испанией не только в воевавших, но и в нейтральных странах, которых не могла снабдить во время войны промышленность воевавших держав, начали постепенно закрываться и исчезать для испанской промышленности. В итоге, начиная с 1920 года, торговый баланс Испании делается снова пассивным и дефицитным.

Наспех созданные отрасли, развившиеся и жившие на основе цен военного периода, оказались не в состоянии приспособиться к ценам и условиям мирного времени. С другой же стороны — Испания не могла не учесть опытов и уроков войны. А эти опыты в понимании испанских буржуазных экономистов показывали, якобы, „что независимость страны может быть обеспечена лишь при условии, если все, что необходимо для национальной обороны (а следовательно, вся промышленность) будет находиться внутри страны и ни в какой мере не зависеть от заграницы".

Нужно сказать, что эта формула, получившая после войны широкое распространение во всех капиталистических странах, пришлась особенно по вкусу реакционному испанскому национализму и феодализму. Результатом этих увлечений модными лозунгами явился тот факт, что Испания, практиковавшая относительно умеренный таможенный тариф 1912 года, тариф, построенный более на соображениях фискального, нежели таможенного характера, начала с 1920 года проводить постепенно резко протекционистскую политику. Первым мероприятием в этом направлении явился декрет от 10/VIII 1920 г., согласно которому таможенные пошлины должны исчисляться на основе и в золотой валюте.

За этим декретом последовал вскоре второй — от 20 ноября 1920 г., повышающий ввозные пошлины для целого ряда фабричных товаров.

Декретом же от 21 мая 1921 г. все ставки старого тарифа были повышены на целых 300%, а несколькими днями позже, т.-е. 3 июня того же года, особым распоряжением устанавливается специальный коэфициент для обложения товаров, привозимых из тех стран, где валюта обесценена по сравнению с испанской пезетой. Не трудно будет понять, что все эти протекционистские мероприятия не могли не вызвать внутри страны определенных экономических последствий. И действительно, Испания находилась в 1921 году в довольно парадоксальном положении: несколько отраслей промышленности, недостаточных для покрытия внутренних потребностей, и полное отсутствие ряда других крупных отраслей. Для иллюстрации можно взять угольную промышленность. Продукция

национальных копей была недостаточна, калорийность угля весьма низка, в силу чего рудные и металлургические предприятия желали бы получить право на свободный ввоз высококачественного иностранного угля.

Помещики и сельскохозяйственные круги, наоборот, опасались наплыва более дешевого иностранного зерна и хлеба, но, с другой стороны, они стояли за понижение пошлин на сельскохозяйственные машины и удобрения. Наконец, торговцы и экспортеры фруктов высказывались резко против протекционистских крайностей, опасаясь, что эти крайности неминуемо вызовут в ответ репрессии со стороны иностранных держав, являющихся клиентами испанских фруктов.

Министерский кризис, происшедший в августе 1921 года, передал власть в руки Мора, а министром финансов в его кабинете оказался крайний протекционист Камбо, который и занялся подготовкой нового таможенного закона.

Этот закон установил новую номенклатуру статей, а именно 1.640 параграфов против 718 во временном тарифе от 17 мая 1921 г., при чем были созданы две шкалы тарифов, из которых одна очень высокая, известная под именем „репрессивная", а другая — предназначенная служит основой для торговых переговоров и соглашений. Что же касается тарифов минимум, то они были установлены с таким расчетом, чтобы они не могли превысить 50% стоимости товаров, согласно регулирующему закону от 30/III 1906 г. Но так как эта стоимость определялась так называемой комиссией „ценностей", то ясно к каким практическим результатам могла привести такая политика. Этими фактами и об'ясняются те „тарифные войны", которые выдержала Испания с целым рядом стран и которые в конечном итоге нанесли большой ущерб и без того расшатанному народному хозяйству Испанской монархии.

Как бы то ни было, но этот, как выражаются испанцы, „таможенный тариф голода" или „голодный таможенный тариф" привел к быстрому сокращению экспорта, угрожая Испании полной экономической изоляцией от всего остального капиталистического мира.

Учитывая все это, в 1922 г. (при министерстве Санше Гуэрра) министр финансов Бергамек вынужден был несколько смягчить резко протекционистскую таможенную систему и политику своего предшественника, для чего он провел закон, устанавливающий третью шкалу, дающую возможность уменьшить на 20% тарифы, установленные второй шкалой. Более того, новый закон от 22 апреля 1922 г. представляет правительству право делать и более высокую скидку при непременном условии, однако, чтобы каждая из таких скидок компенсировалась для Испании соответствующими выгодами и льготами со стороны других заинтересованных стран.

Совокупность вышеизложенных актов и мероприятий внесла сильную пертурбацию во внешнюю торговлю Испании. Если резюмировать все вышесказанное, то получается, что до фашистского переворота 13 сентября 1923 г., передавшего власть в руки военной диктатуры, возглавляемой генералом Примо-де-Ривьера, таможенное законодательство и внешнеторговая политика Испании могут быть охарактеризованы следующими моментами и положениями: 1) высшая тарифная шкала или тарифная война; 2) низшая шкала, т.-е. на 300% ниже первой и предназначенная для торговых переговоров и конвенций; 3) шкала, содержащая уменьше-

ние тарифов на 20% по сравнению со второй; 4) шкала, применяемая к товарам, облагаемым пошлинами ad valorem; 5) шкала, вырабатываемая для каждого торгового договора в отдельности; 6) шкала, устанавливающая коэфициенты для товаров тех стран, в которых валюта обесценена до 70% по сравнению с испанской пезетой и которые не заключили торговых договоров с Испанией.

После захвата власти фашистской директорией таможенный тариф не был изменен. И если директория, продолжая применять закон Бергамена, высказывалась против отдельных пунктов последнего, то все же она пользуется этим тарифом для переговоров на предмет заключения торговых договоров с различными странами. С другой стороны, путем создания Совета национальной экономии фашистская директория пыталась расширить свою договорную политику, продолжая в то же время проводить внутри страны политику „экономической национализации" посредством контингенирования импорта и оказания помощи национальной индустрии.

Яркой иллюстрацией этой „экономической рационализации" может служить хотя бы тот характерный факт, что несмотря на значительно более высокие цены, за национальной индустрией резервированы и закреплены все общественные работы, при чем разница в стоимости последних (разница между ценами национальной и иностранной промышленности) покрывается казначейством. Одним словом, протекционизм сильно укрепился в торговой политике господствующих классов испанской монархии.

И само собой разумеется, что ожидать, как это делают некоторые испанские экономисты, ослабления этого протекционизма в итоге происходящего ныне в Испании пересмотра таможенного законодательства и тарифа,— не приходится. Наоборот, все симптомы указывают на то, что надо ожидать нового повышения в оценке товаров и, следовательно, увеличения ввозных пошлин, которыми они облагаются.

В общем и целом, эволюция таможенной политики Испании в послевоенные годы является одной из наиболее ярких иллюстраций того переворота, который произвела империалистическая война в экономике и торговой политике капиталистических государств, как старых и больших, так и малых и второстепенных.

6. Эволюция экономической политики Бельгии

Из всех стран, вовлеченных в мировую войну, Бельгия является, несомненно, одной из наиболее пострадавших. Будучи вся оккупирована во время войны немецкими войсками, эта страна, являвшаяся до войны крупнейшим экспортером, имевшим клиентов во всех частях света, оказалась после заключения перемирия в невероятно тяжелом экономическом положении.

Необходимо подчеркнуть, что вскоре после окончания империалистической войны Бельгия взялась энергично за дело реконструкции и приспособления своего народного хозяйства к новым послевоенным условиям и потребностям. И если, несмотря на ряд чрезвычайных затруднений, главным образом, финансового порядка, Бельгии, в конечном итоге, все же сравнительно быстро удалось восстановить свои разрушенные фабрики, заводы и производство, то все же перед бельгийской промышленностью выплыли две весьма важные и весьма сложные проблемы: 1) необходимость восстановить рынки для сбыта ее промышленной продукции и 2) не менее срочная необходимость приостановить эмиграцию и утечку, под каким бы то ни было видом, бельгийских капиталов и ценностей за границу.

И действительно, оккупированная в течение четырех лет, поставленная в невозможность вывозить в течение еще более длительного срока свои товары, Бельгия оказалась фактически после войны в положении промышленника, который, закрыв на некоторое время свои предприятия, дал возможность своим конкурентам укрепиться и окрепнуть, усовершенствовать методы его производства и захватить клиентуру.

С другой стороны, известно, что сама Бельгия сильно нуждалась после войны в различного рода материалах, необходимых для реконструкции промышленности и восстановления всего народного хозяйства страны, тогда как финансовые возможности были весьма ограничены и неблагоприятны.

Совокупность этих фактов вынудила господствующие классы Бельгии пересмотреть самым радикальным образом основные принципы довоенной экономической и торговой политики.

В то время как до войны Бельгия была всегда одной из наиболее верных и преданных принципу свободного товарообмена стран, не создававшей почти никакой таможенной преграды к доступу в страну иностранных товаров,а таможенные таксы были невысоки и немногочислены,— после войны картина совершенно изменилась. Начиная с 1919 года, бельгийское правительство путем введения высоких таможенных пошлин обнаруживает сперва намерение получать значительные фискальные доходы, а затем создать преграду для экспортизации бельгийских капиталов в виде различных закупок за границей и, наконец, защитить путем этих высоких пошлин начавшую возрождаться национальную промышленность.

В то же время Бельгия вступила в переговоры с Люксембургом на предмет создания таможенного союза. Протокол о создании такого союза был подписан 25 июля 1921 г. До того же момента Бельгия практиковала относительно „либеральный" таможенный тариф, при чем этот таможенный тариф содержал всего 70 статей, не говоря уже о том, что в отношении 40 государств она проводила принцип наиболее благоприятствуемой нации. Следовательно, если рассуждать об'ективно, то можно констатировать, что если Бельгия отказалась от своих традиций свободного товарооборота, то, тем не менее, в своей торговой и таможенной политике она все же проводила, как правило, тариф-минимум. Однако, в 1924 году Бельгийский парламент вотировал таможенный тариф, который уже обнаруживает явно протекционистские уклоны в торговой и экономической политике страны. Этот тариф содержит 1216 статей. Анализ последних не оставляет никаких сомнений в том, что брюссельское правительство решило путем этого тарифа не только защитить национальную промышленность от иностранной конкуренции, но и увеличить фискальные доходы казначейства, а также и воспрепятствовать бельгийцам производить затраты за границей на предметы роскоши. Подтверждением этого может служить хотя бы то обстоятельство, что пошлины, которыми облагаются с тех пор предметы роскоши, вина известных марок и т. д. оказались чрезвычайно высокими.

Основная характеристика и особенность тарифа 1924 года заключается в том, что он не имеет единого и однообразного характера. С одной стороны, мы имеем высокий общий тариф, а с другой — минимальный тариф, являющийся „защитительным барьером" и признанный необходимым для национальной экономии. Между этими двумя крайними тарифными полюсами оставлено место для весьма разнообразных таможенных режимов, применяемых и разрешаемых в отношении различных стран, с которыми Бельгийско-Люксембургский союз может заключать или уже заключил соглашения и торговые договоры.

Нельзя не отметить, что § 2 закона 1924 года устанавливает, что в принципе минимальный тариф применяется ко всем тем товарам, в отношении которых не установлены специальными постановлениями иные таможенные условия.

Так что на первый взгляд кажется, что тариф-минимум является общим правилом, тогда как тариф-максимум, как и промежуточные тарифы, имеет характер репрессивный. Таковыми, по крайней мере, кажутся намерения законодателя, поскольку можно судить на основании большой об'яснительной записки, сопровождавшей проект Тарифного закона 1924 года.

Но если таковы были намерения комиссии, подготовившей закон 1924 года, и основной принцип, легший в основу этого закона, то предоставляемое этим законом правительству право устанавливать коэфициенты увеличения уничтожает тот „либерализм", который приписывают этому тарифу бельгийские политические деятели буржуазного лагеря и сами творцы этого тарифа.

Что это право, предоставленное бельгийскому правительству, усиливало протекционистский характер нового тарифа, в этом можно было вскоре убедиться и, в частности, при заключении торгового договора с Францией. Как известно, на основании этого договора к некоторым французским товарам должен был быть применен привилегированный тариф. Тогда бельгийское правительство увеличило коэфициенты таможенных тарифов в отношении целого ряда других товаров.

Говоря об эволюции бельгийской таможенной политики в послевоенные годы, нельзя не упомянуть также, что как и в Англии, так и здесь существовала теснейшая, если не сказать органическая связь между этим расширением и углублением протекционистских мероприятий и попытками ревалоризации национальной валюты. Еще более яркое подтверждение эта связь между двумя моментами финансово-экономической политики Бельгии получила в 1926 году. Конкретно говоря, когда министр финансов, Франки, начал осуществлять свою стабилизационную политику, он провел в парламенте закон от 7 июня 1926 г., первая статья которого разрешает правительству повысить еще раз коэфициенты увеличения. Это повышение коснулось целого ряда товаров, среди которых можно назвать консервы, некоторые пищевые товары, химические товары, шелковые нитки, шерстяные нитки, кружева, мебель, строительный лес, каучуковые изделия, фаянсовые изделия и т. д.

Не менее характерным показателем связи между валютной политикой страны и протекционистским уклоном бельгийской таможенной политики является тот факт, что накануне подписания самого декрета о стабилизации франка, декретом от 18 сентября 1926 г. было произведено новое повышение таможенных пошлин. Это последнее повышение, давшее, в общем, увеличение пошлин на $^1/_3$, коснулось изделий механической промышленности, изделий из чугуна, железа и стали, железнодорожного материала, электроизделий, обыкновенных автомобилей, мотоциклетов пианино и т. д.

20 же октября 1926 года, т.-е. ровно через месяц, мы имеем новое повышение, при чем коэфициент увеличения возрастает с 3,5 до 5 для автомобилей, отдельных частей и пневматиков, каустической соды, бумаги и картона, паровых машин, чугуна в сыром виде, электрических кабелей и т. д.

Таково в самых общих чертах современное положение бельгийского таможенного законодательства.

Но и из этого нашего, далеко неполного анализа видно, что бельгийская таможенная политика радикально изменилась в послевоенные годы по сравнению с тем, чем она была до империалистической войны, принимая все больше и больше ярко протекционистский уклон.

Одним словом, на примере маленькой, но сильно развитой в промышленном отношении Бельгии ясно видно, какие реакционные сдвиги произвела империалистическая война в торговых взаимоотношениях между капиталистическими нациями и в экономической политике господствующих классов различных стран.

7. Таможенный тариф Аргентины — основа государственного бюджета

В отличие от большинства других рассмотренных нами стран, Аргентинская республика является, главным образом, земледельческой страной, вследствие чего она, казалось бы, должна была придерживаться самой либеральной таможенной политики в отношении ввозимых промышленных товаров.

Однако, исходя из своих финансовых в фискальных интересов, Аргентина как раз, наоборот, проводит строго протекционистскую таможенную политику. И как бы это явление не казалось на первый взгляд странным и непонятным, резко протекционистский характер аргентинской торговой политики считается уже ныне общепризнанным фактом. Остановимся вкратце на таможенной политике Аргентины и проследим эволюцию ее за последние годы.

Известно, что Аргентина располагает огромной земельной площадью, при чем часть земель резервирована для скотоводства, а другая занята под сельское хозяйство. Большую часть своего урожая в своей сельскохозяйственной продукции Аргентина экспортирует, но так как ее промышленность находится пока в эмбриональном состоянии, то она вынуждена, с другой стороны, ввозить большое количество иностранных промышленных товаров и фабрикатов.

Во время империалистической войны и в первые послевоенные годы Аргентина сбывала легко и притом по высоким ценам свои сельскохозяйственные продукты. Конкретно говоря, Аргентина извлекла большую пользу из факта усиленного снабжения ею армий воюющих стран и уменьшения сельскохозяйственной продукции Европы, уменьшения, явившегося, как известно, в свою очередь результатом отрыва многих миллионов мобилизованных от сельскохозяйственной работы.

Столь благоприятно сложившаяся для Аргентины кон'юнктура привела к таким „блестящим" результатам, что аргентинская песа котировалась одно время выше курса американского доллара.

Однако, эта „блестящая" кон'юнктура имела и другие последствия: она дала аргентинскому правительству основание рассчитывать на то, что оно имеет возможность отказаться от всякого таможенного либерализма в отношении других стран. Финансовая история Аргентины за последние 25 лет показывает, что еще до войны, а именно на основании применения тарифа 1906 года, таможенные сборы являлись главным источником бюджетных доходов. Подтверждением этого может служить хотя бы бюджет 1913 года, в котором при общей сумме бюджетных доходов в 342.292.000 пиастров на долю импортных пошлин падало 197.272.000 пиастров, или 60% всех фискальных поступлений.

В послевоенные годы аргентинское правительство начало обращать еще более усиленное внимание на таможенные сборы, составлявшие львиную долю бюджетных поступлений. И в итоге, на ряду с увеличением большинства тарифов и ставок был введен ряд внутренних такс на потребление, которыми облагались импортные товары широкого потребления. Все эти фискальные мероприятия усугублялись и усложнялись рядом специальных требований, условий и актов, сильно ограничивавших возможности импорта в Аргентину. К таким ограничительным мероприятиям относятся например, требование аргентинскими таможнями установления так называемого „фискального сертификата", уничтожение временной декларации и замена последней коносаментом и консульской фактурой, без чего не разрешается выгрузка прибывших товаров, и т. д.

С другой стороны, нельзя не отметить, что недостаточная защита фабричной марки облегчала нелойяльную конкуренцию. Принимая во внимание, что бюджетное равновесие Аргентины зависит, как мы уже указывали, в значительной мере от импортных пошлин, приходится удивляться всем тем препятствиям, которые чинит Аргентина ввозу заграничных товаров.

Но это удивление отпадает, если вспомнить, что неестественное обогащение Аргентины, явившееся следствием чрезвычайно сильного экспорта в период войны, имело своим последствием создание внутренней промышленности и что, с другой стороны, аргентинский экспорт, дававший активное сальдо с 1918 по 1920 гг., оказался дефицитным в 1921, 1922 и 1923 гг.

Этому дефицитному периоду аргентинского экспорта соответствует период денежной и валютной депрессии. А потому когда аргентинское правительство взялось в 1924 году за политику ревалоризации пиастры, то оно начало проводить таможенную политику, преследующую уже не только фискальные, но и протекционистские цели. Подтверждение этого протекционистского уклона таможенной политики Аргентины мы находим в декларации самого президента республики Альвера, заявившего в 1924 г. „что протекционизм является энергичным средством к поощрению национальной промышленности". Правда, в том же послании Альвер сообщал о полном пересмотре таможенной номенклатуры, имеющей целью несколько смягчить некоторые тарифы, не отказываясь при этом от протекционистской политики.

В действительности же, изменения, внесенные в тариф, коснулись 140 статей, при чем если тарифы некоторых статей оказались ниже прежних, то большинство ставок и тарифов были значительно увеличены.

Нельзя не подчеркнуть, что эта ревизия таможенного тарифа, произведенная в 1924 году, базируется на следующих основных принципах.

Сырье и необходимые для национальной промышленности машины освобождены совершенно от таможенного обложения или облагаются минимальной пошлиной, в размере не выше 5%. Товары, могущие оказаться конкурентами аналогичных товаров аргентинской национальной промышленности, облагаются пошлиной в размере 50% их стоимости.

Предметы роскоши и другие товары, наносящие какой-либо ущерб народному хозяйству, могут облагаться пошлиной в размере до 80% их стоимости.

В то же время номенклатура была дополнена 1.000 новых спецификаций, тогда как новое исчисление тарифов было сделано на основе тарифа 1906 года, увеличенного на 50%, не говоря уже о том, что всякая таксация могла быть повышена на 50% по требованию туземных промышленников, после консультации созданного для этих целей специального совещания. Затем необходимо добавить, что правительство оставило за собой право воспользоваться этой возможностью повышения каждый раз, когда та или иная отрасль национальной промышленности окажется под угрозой „дэмпинга" или опасной конкуренции в силу депрессии и обесцененной валюты, низкой заработной платы, субвенции коммерческому флоту и т. д. в той стране, откуда ввозится товар.

Каковы бы то ни были мотивы, толкнувшие Аргентину на путь крайнего протекционизма, несомненно, что эта политика, как это видно из нашего краткого анализа, рискует даже превратиться в запретительную.

Во всяком случае, эта политика преследует цель заменить чисто фискальную вначале таксацию, целой серией мероприятий, реальная задача которых сводится к тому, чтобы предоставить в распоряжение аргентинского правительства не только экономическое, но и политическое орудие борьбы со своими промышленными конкурентами.

А в общем и целом, не смотря на то, что Аргентина не принимала участия в мировой войне и что она находится на совершенно другом континенте, протекционизм сделал в ней в послевоенные годы значительный шаг вперед, не уступая в этом отношении европейским капиталистическим странам, принимавшим активное участие в империалистической бойне.

8. Швейцарский таможенный тариф—орудие экономической борьбы

Без всяких преувеличений можно сказать, что швейцарский таможенный тариф является „орудием экономической борьбы". При этом следует указать, что это выражение, принадлежащее многим видным членам Швейцарского федерального совета, является весьма яркой и точной характеристикой таможенной политики Швейцарии.

До 1885 года Швейцария проводила политику свободного товарообмена, стремясь в то время лишь к расширению своего экспорта.

Справедливость требует отметить, что Швейцария вынуждена была повысить свои таможенные тарифы благодаря протекционистской политике ее мощных соседей. Иначе говоря, так как ее мощные соседи, и в особенности Германия, продолжали окружать себя систематически „таможенными стенами", то и Швейцария была вынуждена „начать защиту ее национальной продукции и в особенности сельского хозяйства". Общий тариф 1902 года, оставшийся в силе после перемирия, принял с тех пор явно протекционистский, а порой даже и запретительный характер.

В экономических условиях современной Швейцарии этот факт находит свое об'яснение в том, что таможенные доходы составляют значительную часть бюджетных поступлений. А отсюда понятно, почему многие экономисты пытаются придавать швейцарскому таможенному тарифу более фискальный, нежели реально протекционистский характер.

Мировая война внесла в экономическую жизнь Швейцарии целый ряд таких же изменений и последствий, которые мы наблюдаем и в других капиталистических или воевавших странах. Большинство торговых договоров и соглашений, регулировавших торговые взаимоотношения швейцарской конференции с остальными странами, были аннулированы в 1917 году, при чем Швейцария подготовлялась с тех пор ввести у себя такой таможенный тариф, который позволил бы ей не только бороться с иностранными тарифами, но и защитить страну от опасных последствий, вытекающих из обесценения валют большинства тех стран, с которыми Швейцария вела торговые операции.

Сперва Федеральный совет получил право повысить некоторые пошлины действующего тарифа. Реализуя эти повышения, тогдашний начальник финансового департамента, Мюзи, намеревался сперва, в согласии со своими коллегами из Федерального совета, защитить в достаточной мере сельское хозяйство и увеличить доход от таможен путем увеличения ставок в соответствии с падением денег. Подтверждением этой тенденции является временный тариф, вошедший в силу 1 июля 1921 года.

Чтобы уяснить себе значение и происхождение этого временного тарифа, достаточно будет напомнить, что в то время вся Европа переживала период сильного кризиса: катастрофическое падение ряда валют усугубило и без того резкое несоответствие между себестоимостью продукции в странах с низкой и падающей валютой и стоимостью швейцарской продукции.

В целях парализования и предотвращения опасных последствий, вытекающих из возможного наплыва в Швейцарию товаров из этих стран, Швейцария ввела в 1922 г. новый таможенный тариф, который содержал вторичное и притом крупное повышение всех ставок, введенных тарифом 1921 г. Характерно, что некоторые из этих тарифов были увеличены в пять раз, тогда как остальные увеличились в три раза, не говоря уже о том, что одновременно был осуществлен ряд ограничивающих импорт мероприятий. Тем не менее, тариф 1921 г. оставался в силе как для стран, связанных с Швейцарией торговыми договорами, так и в отношении стран, согласившихся облагать у себя швейцарские товары тарифом минимум.

„Боевой" характер швейцарского таможенного тарифа 1922 года особенно ярко виден из официального сообщения, сопровождавшего опубликование этого закона.

„Увеличенный общий таможенный тариф, — говорится в этом сообщении, — не вступает пока в силу, но Федеральный совет имеет право применить его в любой момент к товарам тех стран, которые облагают швейцарские товары высокими пошлинами или которые относятся к ним менее благоприятно, нежели к товарам других стран. Тариф является исключительно средством таможенной борьбы".

Необходимо здесь напомнить, что Швейцария имеет один тариф. Следовательно, увеличением таможенных ставок имелось в виду предоставить правительству возможность оказывать давление на другие страны во время торговых переговоров.

Но повышение тарифов преследовало и другую цель: покрыть бюджетный дефицит, вызванный расходами, связанными с всеобщей мобилизацией во время войны.

На основе тарифа 1921 г., ибо тариф 1922 г. никогда не был применен, Швейцария заключила торговые договоры с Италией и Испанией, но в отношении других стран Швейцарии не удалось консолидировать ее права и интересы.

Учитывая это, Федеральное правительство, придя к выводу, что тариф 1921 г. является уже недостаточным средством, представило в 1925 г. на утверждение Федерального совета новый общий таможенный тариф, характеристику которого мы находим в экспозе мотивов, сопровождавшем проект закона.

„Наша торговая политика, которую называют боевой политикой, — говорится в этом экспозе, — сводится к созданию общего тарифа, ставки которого должны стеснять иностранные государства и даже стать для них невыносимыми. Таким путем добиваются открытия переговоров, во время которых в обмен на уступки за счет нашего тарифа могут быть получены выгоды в пользу нашей экспортной промышленности. Таким образом, боевая таможенная политика не означает вовсе таможенный конфликт и тарифную войну; она характеризует лишь торговую политику, преследующую цель — путем заключения договоров, в особенности с соседними странами, подчинить конвенционному режиму возможно большое количество товаров".

Большей ясности не требуется для определения истинного характера таможенной политики господствующих классов маленькой и консервативной Швейцарии.

Из этого официального текста вытекает, что таможенная политика Швейцарии преследует, якобы, одну цель: заключить как можно больше торговых договоров с соседними странами. Однако, на практике эта политика обнаруживает все больше и больше свой протекционистский характер, при чем интересно будет отметить, что в то время как старый тариф содержал всего 100 статей, тариф 1925 г. насчитывает уже 2.000 статей.

Кроме того, этот тариф содержит специальные таксы и, наконец, новый тариф в особенности суров в отношении предметов роскоши и в частности ликеров, вин, спирта и т. д. Если учесть, что новые пошлины в большинстве случаев дают увеличение в шесть раз, а в некоторых случаях увеличение доходит до восьми раз, по сравнению со ставками довоенного времени, и что все пошлины взимаются в швейцарских франках, то станет ясным, что швейцарские таможенные пошлины носят явно запретительный, или, как говорят швейцарские экономисты, „прогибитивный" характер.

Закон, вводящий новый таможенный тариф, был вотирован в окончательном виде сравнительно недавно — несколько месяцев тому назад. Но Федеральный совет опубликовал уже в ноябре 1925 года временный тариф, сильно повышающий ставки по 240 статьям и проводимый в жизнь постепенно. Для иллюстрации последнего можно привести хотя бы тот факт, что в июле 1926 г. пошлина на вино, шипучий сидр в бутылках была поднята с 80 франков по старому тарифу до 120 швейцарских франков за 100 *кг.* брутто.

Можно было бы привести еще и ряд других примеров, характеризующих протекционистский уклон швейцарской торговой политики, но вышеприведенных фактов достаточно для уяснения себе сущности и смысла торговой и таможенной политики швейцарской конфедерации.

Как бы то ни было, таможенная политика Швейцарии, базирующаяся одновременно на соображении фискального характера, на стремлении защитить национальную промышленность, а также на желании располагать орудием экономической борьбы, является ярким показателем, характеризующим то хаотическое экономическое положение, которое мы наблюдаем, начиная с окончания империалистической войны до сих пор во многих капиталистических странах.

Рассмотрением таможенной политики Швейцарии мы заканчиваем наш далеко неполный анализ протекционистских тенденций в послевоенной торговой политике капиталистических стран. Мы говорим неполный, ибо нами опущен ряд крупных стран, как Италия, Германия и Франция. Но это делается нами сознательно по следующим соображениям. Во-первых, в этих странах принципы свободного товарооборота никогда не были сильны, а потому происшедшие в их таможенной политике в послевоенные годы протекционистские сдвиги не являются характерными и показательными. Затем о торговой политике этих и ряда других стран в нашей печати как общей, так и специальной, за последнее время писалось довольно много и весьма подробно.

И, наконец, нашей целью отнюдь не являлось желание выявить протекционистские уклоны во всех абсолютно капиталистических странах. Мы ставили себе более ограниченные задачи: на примере ряда стран показать, какую эволюцию в сторону реакционного протекционизма проделала за последние годы таможенная политика капиталистических стран вообще и торговая политика других стран, где в довоенное время в особенности, весьма слабы были протекционистские принципы.

В этих целях мы были вынуждены об'ектом нашего анализа избрать, ряд больших и несколько второстепенных государств, расположенных как на европейском, так и на американском и азиатском континентах.

Что же нам показывает наш об'ективный анализ?

Ответ на этот вопрос может быть формулирован так: в настоящее время уже не вызывает сомнений тот факт, что мировая война внесла сильнейшую дезорганизацию в экономическую политику и народное хозяйство всех капиталистических стран и, в особенности, тех из них, которые имели прямое или косвенное отношение к войне. Более того, эта пертурбация, внесенная в мировое хозяйство, коснулась и тех стран, которые находятся совершенно на другом континенте, как, например, Аргентина, где реакционные сдвиги в торговой политике чувствуются не меньше, нежели в капиталистической Европе.

Из всего вышеизложенного мы видим, что немедленно после окончания империалистической войны, идеи свободного товарооборота, составлявшие некогда „гордость буржуазного либерализма и пацифизма", начали систематически вытесняться, уступая почти всюду место протекционизму со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими последствиями. При этом надо подчеркнуть, что больше, чем в какой-либо другой области, в послевоенной таможенной и торговой политике капиталистических стран можно наблюдать, насколько „высокогуманитарные" лозунги, с которыми выступали в обоснование своего участия в империалистической войне воюющие державы, и в особенности союзники, оказались простым блефом и насколько эта война оживила старые, отпавшие было, средневековые взгляды господствующих классов на экономические взаимоотношения между народами. Вместо мирного и методического укрепления экономической связи между народами, что диктуется самим ходом экономического развития и интересами трудящихся масс, мировая война привела к усилению экономического эгоизма господствующих классов различных стран и к обострению экономических противоречий между отдельными капиталистическими государствами. Иначе говоря, никогда еще „тарифные и таможенные войны" не имели столь злободневного характера, как в эти послевоенные годы и никогда еще протекционизм не делал столь головокружительных успехов, как именно в послевоенный „стабилизационный" период капиталистического мира, возглавляемого пресловутой Лигой Наций.

Однако, если эти сдвиги, произведенные мировой войной в области торговых взаимоотношений и таможенной политики, выгодны буржуазии различных стран и национальностей, то помимо ущерба, наносимого ими трудящимся массам из-за сильного удорожания жизни,— эти сдвиги заслуживают самого сугубого внимания со стороны трудящихся масс других стран и по соображениям чисто политическим.

Ни для кого не секрет, что послевоенный капиталистический мир представляет собой о полном смысле слова вулкан. Усиление протекционизма, о котором мы говорили выше, как и те таможенные барьеры-рогатки, высокие и запретительные тарифы и другие аттрибуты таможенной политики капиталистических стран, являются несомненно фактами, способными вызвать взрыв и разрушительное действие этого вулкана. Это обстоятельство должны учесть трудящиеся всего мира, памятуя, что дальнейшее развитие протекционистских идей должно привести не только к углублению и без того острых экономических и политических противоречий между отдельными капиталистическими странами, но и к новой войне, симптомы приближения которой делаются с каждым днем все более очевидными.

Абани Мухарджи

Экономическое положение Индии и английская политика[1]

II

Валютная политика. Экономический кризис отнюдь не ограничивается рамками одной промышленности. Он еще значительно острее в экспортной торговле, этой основе индийского капиталистического накопления. Чтобы подрезать капиталистическое развитие Индии в самом корне, чтобы приостановить капиталистическое накопление и являющуюся источником его — экспортную торговлю, империализм применил валютную политику. На основании мнимой гипотезы о золотой гарантии курса, он повысил иностранный курс рупии с 1 шилл. 4 пенсов до 1 шилл. 6 пенсов, т.-е. на 12,5%. Этот курс был очень выгоден для британских экспортеров и для производителей канадской пшеницы и африканского хлопка, в которые британский финансовый капитал вложил огромные суммы денег. Акт, легализирующий 12,5-процентное повышение курса рупии, под названием „Акта о валюте", был проведен при самом отчаянном сопротивлении со стороны буржуазии и при поддержке индийских землевладельцев, большинством 68 голосов против 65. Гибельные последствия его обнаружились тотчас же и именно там, где это предсказывала экспортирующая индийская буржуазия. Сэр Пурушоттамдас Такурдас, председатель Об'единенной индийской торговой палаты и один из немногих крупных экспортеров хлопка, вскоре после издания в 1926 г. билля о валюте, показал с цифрами в руках, что „это 12,5-процентное повышение курса валюты поведет к исчезновению нынешнего несоответствия в ценах между индийским и американским хлопком, и на индийский хлопок при таких ценах не найдется покупателей. От этого курса валюты,— заключил он,— одни лишь крестьяне, занимающиеся хлопководством, теряли бы 450 млн. рупий в год". („Bombay Chronicle" 8/X 1926 г.) Годом позже, в сентябре 1927 г., делая обзор положения экспорта хлопка, „Capital" писал: „Индийские цены превышают американский паритет... Экспорт во все страны уменьшился по сравнению с предыдущим годом... Экспорт в Японию сократился на 28.000 тонн и в Китай на 25.000 тонн... Общее сокращение экспорта индийского хлопка за первые шесть месяцев 1927 г. выразилось в 110.000 тонн". Упадок экспорта повлек за собой сокращение производства хлопка. Площадь посева уменьшилась в этом году по сравнению с прошлым годом, и вычислено, что урожай хлопка в 1927/28 году будет меньше урожая этого года на 1.100.000 кип (по 400 фунтов каждая). Точно также сократилась и площадь посева пшеницы, другого предмета экспорта, на котором тяжело отразился денежный курс. В одной лишь провинции Бихаре площадь посева пшеницы уменьшилась на 8%, а вычисленный урожай на помиллиона тонн („Capital" 8/IX 1927 г.). С другой стороны, благодаря валютному курсу и одинаковым ценам индийского и американского хлопка, Индия отдает крупные заказы на американский хлопок. Так, в первой половине 1927 г. Индия закупила 243.000 кип американского хлопка против 13.000 за тот же период 1926 г. („Capital" 20/X 1927 г.). Общая экспортная торговля уменьшилась следующим образом: в Бомбее на 31%, в Калькутте на 13% и в Карачи на 29% (Бомбей и Калькутта являются двумя главными портами индийского экспорта хлопка и пшеницы).

[1] Окончание, см. „План. Хоз.", № 2 за 1928 г.

Тяжелое состояние торговли отразилось также и на покупательной способности Индии. Благоприятное для Индии сальдо торгового баланса, составлявшее в 1925 г. 538 млн. рупий, упало в 1927 г. до 177 млн. рупий. Соответственно этому, наблюдается и уменьшение импорта машинного оборудования и драгоценностей, и это несмотря на то, что пошлины на ввозимые машины частью понижены, а частью вовсе отменены.

Непосредственное вредное влияние повышения курса валюты на промышленность также весьма значительно. Уже в октябре 1926 г. Ассоциация амедабадских фабрикантов, протестуя против билля о валюте, указывала на то, что „депрессия в торговле хлопком ослабит покупательную способность хлопковода... и, следовательно, положение хлопчатобумажной промышленности будет ухудшаться дальше" („Bombay Chronicle", 29/X 1926 г.). Ассоциация бомбейских фабрикантов указывает на вредные последствия этого закона, приводя при этом конкретные факты и таблицы, относящиеся к продукции и сбыту 79 бомбейских фабрик.

Поворот индийской буржуазии к крестьянству. Счет прибылей и убытков бомбейских фабрик (см. „Capital", 18/VIII 1927 г.) показывает, что хотя в вопросе об имперском предпочтении и т. п. часть индийской буржуазии перешла на сторону империализма, однако, в вопросах валютных она все еще сохраняет единство в своей оппозиции империализму и будет сохранять это и в дальнейшем. Более того, в этом вопросе о валюте буржуазия находит общую почву с некоторыми слоями крестьянства и приближается к тому, чтобы установить с ними единый фронт против империализма. Буржуазия основала „Лигу борьбы с правительственной валютной политикой" (Indian Currency Leaque), в программе которой написано, что „Лига должна об'единять все партии и все экономические интересы страны в своей борьбе с произвольным ограблением крестьянства" („Bombay Chronicle" 16/XI 1926 г.). Программа ее сводится к пробуждению крестьянства, к раз'яснению ему всей убыточности для него нового валютного курса.

В январе 1927 г., на IV сессии Индийского промышленно-торгового конгресса, председатель его, сэр Динто Петит, и организатор, м-р Бирала, оба виднейшие промышленники и коммерсанты Индии, бросили клич: „Деловые люди, об'единяйтесь с крестьянами... в одно прочное целое, для совместной борьбы против агрессивной тактики иностранцев и пагубной политики правительства" („Bombay Chronicle" 3/I 1927 г.). Разумеется, всем этим экспансивным демонстрациям солидарности с крестьянством со стороны реакционной индийской буржуазии не следует придавать большого значения. При первом же признаке революции или при первой кости, которую британские капиталисты бросят ей, она переметнется

в лагерь империализма, как сделала это ассоциация бомбейских фабрикантов в вопросе об имперском предпочтении. Индийская буржуазия не подает признаков самостоятельного существования: без британского кредита она не в состоянии прожить ни одного дня и потому, естественно, должна принадлежать к империалистическому лагерю, какие бы притеснения она ни терпела. Останавливаясь на этом кризисе, мы имеем в виду лишь показать господствующую здесь тенденцию.

Финансовый кризис. Кризис в банковских и финансовых кругах принял еще худший характер. Ряд промышленных крахов и торговых убытков побуждает капиталистов или, вернее, мелких держателей сбережений к сугубой осторожности, и потому вместо торговли и промышленности капиталы широким потоком вливаются теперь в правительственные облигации.

Количество капиталов, не имеющих применения, увеличивается столь быстрым темпом, что это приводит к понижению процента по правительственным займам, и в июле 1927 года индийский денежный рынок был фактически дешевле европейского. Учетный процент в июле составлял в Индии 4% против 4,5% в Лондоне, 5% во Франции и в Германии и 3,5% в Нью-Йорке („Capital" 18/VIII 1927 г.).

В 1921/22 г. правительство едва смогло разместить заем по 6% и фактически вынуждено было прибегнуть для этой цели к помощи Лондона.

Эта дешевизна индийского денежного рынка, при столь исключительной дороговизне денег в Европе, создала для Индии новую угрозу. Она фактически вызвала сильный вывоз индийских накоплений, не к пользе индийского населения, а к выгоде британского финансового капитала и к большой опасности для погибающей индийской торговли и промышленности. Вся банковая деятельность ведется под руководством: 1) имперского банка, 2) учетных банков (Exchange Banks) и 3) индийских банков. Первый представляет нечто в роде государственного банка, и в числе его вкладчиков имеется много банков. Отношение в этих трех банках между основным и резервным капиталом (A) и вкладами (B) за последние несколько лет таково (в млн. рупий):

Годы	Имперский банк		Учетные банки		Индийские банки		Всего	
	A	B	A	B	A	B	A	B
1921	98	726	1,116	752	134	802	1,448	2,280
1922	100	712	1,122	734	118	650	1,340	2,996
1923	102	828	1,401	685	108	472	1,611	1,985
1924	104	842	1,305	706	118	552	1,527	2,100
1925	106	833	1,383	706	118	579	1,607	2,118
1926	108	888	1,500	800	100	434	1,708	2,122

Баланс кассы: имперский банк — 21%; учетные банки — 14%; крупные индийские банки — 19%; мелкие индийские банки — 25% („Bombay Chronicle", 9/XI 1927 г.)

Вышеприведенная таблица интересна в нескольких отношениях. Прежде всего, она дает представление о вкладных возможностях индийских городов, которыми сфера деятельности этих банков ограничивается. Во-вторых, она показывает, что количество вкладов в Индии находится в прямой зависимости от промышленной политики империализма. Количество

вкладов падает до минимума, когда промышленность процветает, как это было в 1923 году, когда был проведен Акт о государственной помощи промышленным предприятиям и когда предполагалось провести билль о покровительстве стальной промышленности в 1924 г. Оно дошло до максимума, когда развернулась во всю враждебная промышленности политика Болдуина. В-третьих, таблица эта показывает то доверие, которое учетные банки встречают со стороны населения Индии. Об'ясняется это тем, что в то время как индийские банки почти не встречают покровительства учетные банки получают двойную поддержку со стороны индийского правительства и лондонского финансового капитала. В-четвертых, она говорит о назначении, получаемом индийскими вкладами. Поскольку главные операции учетных банков производятся за пределами Индии, то естественно, что вклады эти переводятся за границу, при чем индийским вкладчикам приходится довольствоваться ничтожным интересом в 2,5% по текущим счетам и в 4—5% по твердым вкладам.

Положение индийских банков стало еще хуже в 1927 г., когда вследствие сознательного отказа в предоставлении кредита был ликвидирован Бенгальский национальный банк. Эта непрочность положения индийских банков и кредита и полная их зависимость от учетных банков вызвала общее требование создания для Индии государственного банка. Во время проведения билля о валюте правительство, желая отвлечь внимание импортеров от общей атаки на него со стороны буржуазии, обещало создать для Индии Центральный резервный банк, с правом выпуска банкнот. Но действительные намерения его сводились к созданию не государственнного банка, которого требовало буржуазное общественное мнение, а акционерного банка, директоров которого назначали бы акционеры. Это создало новую причину для конфликта между буржуазией и империализмом.

Три основных вопроса текущей индийской политики — это вопрос о банке, о королевской комиссии и о борьбе между индусами и мусульманами.

Националисты возражали против предложения правительства о создании акционерного банка потому, что это подчинило бы их интересы интересам европейцев и части бомбейских капиталистов, которые управляют индийскими финансами.

С своей стороны, правительство возражало против предложения националистов о создании государственного банка, с правлением, избираемым Законодательным собранием, на том основании, что это поставит банк в зависимость от политических влияний и повредит европейским интересам.

Правительство могло бы провести свой проект создания акционерного банка при помощи землевладельцев, как оно сделало при проведении акта о валюте. Но для него выяснилось, что на этот раз трудности будут еще большие и что „банк, созданный, таким образом, будет встречать подозрительное к себе отношение со стороны всех значительных групп индийского общества" (Round Table, № 69). Спор этот был разрешен путем компромисса, найденнго при посредстве Сриниваса Иенгера, президента Индийского национального конгресса и лидера свараджистов. Согласно условиям этого компромисса, „резервный банк должен быть государственным банком, и весь его капитал в 50 миллионов рупий дол-

жен принадлежать правительству Индии. Деятельность банка будет контролироваться комитетом, состоящим из 1 директора, 2 директоров-заместителей (один из них без права решающего голоса), 3 членов, избираемых Об'единенной торговой палатой, 2 членов избираемых Федерацией индийской торговой палаты, 1 представителя от провинциальных кооперативных банков, 4 от правительства Индии и 10 представителей от попечителей (trustees). Попечители являются держателями 5-процентных облигаций Резервного банка правительства Индии, выпускаемых по нарицательной стоимости в 100 рупий, или их совокупности на сумму, не превышающую 10.000 рупий, при чем общая сумма выпускаемых облигаций не должна превышать уставного капитала... Никто не может иметь облигации на сумму свыше 10.000 рупий. Облигации подлежат регистрации, и держателями их могут быть лишь уроженцы Индии или лица, имеющие в ней постоянное пребывание... Эти держатели облигаций избирают комитет попечителей... При этих выборах каждому держателю облигаций предоставляется лишь один голос, безотносительно к количеству принадлежащих ему облигаций" (Round Table, № 69).

Этот проект встретил горячую поддержку как со стороны правительства, так и со стороны националистской буржуазии, и должен был пройти подавляющим большинством голосов, так как правительство и оппозиция голосовали бы вместе. Однако, против него раздался слабый голос протеста со стороны представителей интересов землевладельцев и ростовщиков, в лице таких членов законодательного собрания, как, напр., Пандит-Мадан-Могон-Малавиа, которые являются сторонниками феодалов и „не могут примириться с самой идеей создания резервного банка, каковы бы ни были условия" (Round Table, № 69). В поддержку этого претеста, по приказу из Лондона, законопрект об учреждении банка был в последний момент взят обратно, при чем это было сделано против воли такого ультра-империалиста, каким являлся министр финансов Индии, сэр Бэзиль Блэккет. Этот факт показывает всю реакционность того пути, по которому Биркенхэд и твердолобые идут в своей индийской политике. Свараджисты и националисты присоединились к сэру Бэзилю и провели резолюцию, поддерживающую его. В этой резолюции говорилось: „Палата (Законодательное собрание) намерена поддерживать министра финансов в любом действии, которое он предпримет для того, чтобы законопроект этот был представлен на рассмотрение палаты".

Из этого вопроса о законопроекте возникала важная конституционная проблема. Согласно индийской конституции (по реформе 1819 г.), „в случае согласия между правительством Индии и индийским Законодательным собранием решение их получает силу". Именно это и имело место в данном случае. Но какое значение имеет конституция, этот „клочок бумаги"? Господствующим фактором является империализм, и конституция, естественно, должна ему подчиниться.

Сэр Бэзиль был устранен с своего поста, и заместителем его явился сэр Джордж Шустер, ультра-твердолобый бюрократ из министерства колоний, милитарист, враг Советов (он руководил Мурманской экспедицией против Советской республики) и один из главных приверженцев проекта восточно-африканского развития (Times, 6/XII 1927 г.). В настоящее время главный интерес империализма в Индии сводится к подчинению ее интересам африканского хлопка, являющегося последней

ставкой британских капиталистов, к вовлечению Индии в грядущую войну против Советов и к завершению политики, направленной против индустриализации Индии. Естественно, что Шустер является наиболее подходящей фигурой для роли представителя Биркенхэда и Чемберлена в осуществлении над Индией финансового контроля.

Итак мы видим, что в Индии не только нет никакого процесса „деколонизации", но такой процесс попросту невозможен. Проповедывание теории деколонизации противоречит марксизму и ленинизму. Представители этой теории говорят также о том, что Индия развивается, как огромное поле послевоенного приложения британского финансового капитала. Бросим беглый взгляд и на эту сторону вопроса.

Англия и иностранный капитал в Индии. Согласно анализу „Таймса", британская способность сбережений, равнявшаяся в довоенное время 16% всего дохода, сейчас, при правлении Болдуина, упала до 12%. Фактический доход Англии в 1926/27 г. составлял 2.000 млн. фунт. стерлингов. Из этой суммы 1.475 млн. фунт. стерлингов были „свободно израсходованы", 225 млн. фунт. стерлингов были уплачены в виде налогов и пошлин и только 300 млн. фунт. стерлингов составили чистые сбережения, против 400 млн. фунт. стерлингов сбережений в 1911—13 годах (Times 8/III 1927 г.). Сокращение же сбережений приводит к сокращению экспорта капиталов, тем более теперь, когда Англия предприняла осуществление огромной программы реорганизации собственной промышленности. Фактическое сокращение английского экспорта капиталов выражается в следующих цифрах (в миллионах фунтов стерлингов): 1911—13 гг.—161,5, 1922 г.—130,2, 1923 г.—137,5, 1924 г.—125, 1925 г.—77, 1926 г.—101,7, 1927 г. (первые 11 месяцев)—141 („Economist", 1926/XI 1927 г. и „Statist", 3/XII 1927).

Это сокращение экспорта капиталов, естественно, привело к сужению сферы британских инвестиций, а не к ее расширению. Британский капитал более заинтересован в консолидировании своих прежних (напр., африканских) вложений, которое требует усиленного притока капиталов для того, чтобы они начали оплачиваться, нежели в создании новых.

До войны из всего вывозимого из Англии капитала 58% помещалось вне пределов Британской империи и 42% в самой империи; теперь же 67% помещается в пределах империи и лишь 33% за границей. Это приводит нас к тому же заключению, к какому мы уже пришли выше, а именно, что британский капитал суживает сферу своей деятельности.

Ввоз капитала в Индию начался сравнительно недавно, и расширение вложений там мало вероятно. С другой же стороны, мы видим, что до войны британские вложения географически распределялись следующим образом: Американский материк —53% (Канада только 12%), Африка —14%, Австралия —12%, Европа —5%, Азия —16%, в том числе Индия только —9%.[1] В 1924—27 гг. географическое распределение британских вложений было таково: за границу шло 33%, внутри же империи помещалось 67%, в том числе: в Африке 25,5%, (Восточная Африка —9%, Южная Африка —7%, Родезия —5% и Судан —4,5%, при чем в одни лишь хлопковые плантации помещалось 13%), в Канаде 8%

[1] Сэр Джордж Пайш дает следующий процент уменьшения британского капитала в Индии: 1908 г. - 9,2%, 1909 г. —8,7%, 1910 г.—7,8%, а в среднем 8,6% (Shah — Wealth of Taxable Capacity of India, p. 216).

(разница в 4% по сравнению с довоенной цифрой перешла в руки С.-А.С. Ш.) в Австралии 20,5%, в Новой Зеландии — $5^1/_4$%, в Азии, без Индии, 7,5%, (5% в Палестине и 2,5% в каучуковых плантациях), остаток в $^1/_4$% распределился между Индией, Тринидадом, Ямайкой и Ирландским свободным государством. В абсолютных цифрах британские вложения за 11 месяцев 1927 г. распределились следующим образом (в млн. фунт. стерлингов).

Австралия — 30,6; Канада — 10,4; Южная Африка — 9,6; Новая Зеландия — 6; Восточная Африка — 11; Судан — 4,2; Палестина — 4,5; Малайский архипелаг, Цейлон и пр.— 2,8; Индия — 0,4; Бирма — 0,2; все прочие — 8,9. Всего в империи было помещено 87; за границей — 54. Общий экспорт капитала составил 141 млн. фунт. стерл., из коих на долю империи выпало 62% и на долю других стран 38%. Внутри Англии осталось 150 млн. фунт. стерл., что вместе с вывезенным капиталом составляет цифру в 1.291 млн. фунт. стерл. („The Statist", 3/XII 1927.)

Таким образом, мы видим, что Индия фактически лежит вне сферы приложения британских капиталов. Доля помещаемого в Индии капитала понизилась от 9% довоенного времени до незначительной величины, не составляющей и одного процента. В 1927 г. из всей суммы выпущенного капитала в 291 млн. фунт. стерл. на долю Индии пришлось лишь 600.000 фунт. стерл. При том отнюдь не случайным является то обстоятельство, что „Statist" отделяет Индию от Бирмы. Смысл этого заключается в том, что Бирма, являющаяся индийским Кавказом и наиболее богатой минералами частью Британской империи, представляет для британского капитала особое значение, отдельно от Индии в целом. Британский капитал заинтересован в отделении Бирмы от собственно Индии, для того чтобы политика, применяемая в Индии, не распространялась на Бирму, куда, в силу необходимости, из-за нефтяных интересов, приток британского капитала должен быть больше.

Одной из задач нынешней Королевской статутной комиссии и является отделение Бирмы от Индии. Дорожка к этому проложена уже комиссией 1919 г. Вышеприведенный анализ достаточно ясно показывает, что британский финансовый капитал вовсе не так уж сильно заинтересован в предоставлении Индии „положения доминиона" или в содействии ее „деколонизации". Главные интересы империализма в Индии сводятся к постоянному увеличению повинностей ее по отношению к метрополии, т.-е. ежегодной дани, которая достигла в 1926—27 гг. 37 млн. фунт. стерл. против $20^1/_4$ млн. фунт. стерл. в 1913—14 гг.; к использованию ее в качестве рынка сбыта; к получению хорошо оплачиваемых должностей для детей британской олигархии, к подкупу аристократической верхушки британского рабочего класса путем предоставления ей теплых местечек; наконец, к использованию Индии для сохранения на мировом рынке низких цен на сырье. В настоящее время главное русло потока капиталов из Лондона направлено не в сторону Индии, а в сторону Африки и Австралии, где развиваются крупные плантации и куда можно также экспортировать избыток населения Великобритании. Британский капитал довоенного времени инвестировался в Индии не столько в промышленность, сколько в правительственные займы. Теперь, когда правительственные займы большею частью размещены в Индии, где деньги дешевле, чем в Лондоне, экспорт туда британского капитала уменьшился.

Чтобы дать точное представление о политике, применяемой по отношению к вложенному в индийские предприятия иностранному капиталу, я процитирую следующее заявление индийского Комитета тарифов. Речь идет о спичечной промышленности. „Недавно,— пишет председатель Комитета м-р Гинвила,— иностранные тресты, убедившись в трудности конкурировать своими спичками на индийском рынке, из-за импортных пошлин, частью основали в этой стране, частью купили здесь ряд крупных фабрик. Комитет тарифов указывает на необходимость ответить на это установлением акцизной пошлины на спички, вырабатываемые в Индии на средства иностранного капитала, и введением правительственной монополии или правительственного контроля над производством и сбытом спичек" (Times, 10/XII 1927 г.). Не указывает ли это на продолжение общей антипромышленной политики, будет ли она относиться к индийскому или иностранному капиталу? Смеет ли еще кто-нибудь после этого утверждать, что „послевоенная политика британского финансового капитала направлена к тому, чтобы вывести Индию из состояния аграрной страны и превратить ее в современное промышленное государство и полноправного члена Британского союза наций?" А именно это и утверждают теоретики „деколонизации". Можно указать на то, что в целях поощрения молодой электротехнической промышленности Англии, правительство уделяет много забот развитию в Индии гидроэлектрических установок. Там уже действуют установки с общей производительностью в 600.000 киловатт электрической энергии, и есть проект увеличения этой энергии еще на 1 млн. киловатт. Но энергия эта будет употреблена на частичную электрификацию индийских железных дорог, главным же образом, на производство работ по орошению возвышенных плато и плоскогорий, с целью приспособления их к фруктовым культурам (Times 3/XI 1927 г.) Нынешняя политика „Имперского рыночного комитета" (Impire Marketing Board), назначением которого является распространение сведений о продуктах производимых в Британской империи и содействие их большему потреблению в империи, предпочтительно перед продуктами иностранного происхождения, — направлена к развитию в Индии чайных плантаций, рисовых и табачных культур и садоводства. Этим путем предполагается возместить потери Индии в торговле хлопком и пшеницей и в промышленности („Capital", 8/IX 1927 г.).

Цели империализма. Испытываемые британской политикой затруднения лучше всего выражены в следующей выдержке из журнала „Capital", — торгового и финансового еженедельника Индии: „Британия,— говорится там,— пришла в Индию для того, чтобы обеспечить свою торговлю и остается там, чтобы ее сохранить. В течение шести лет крупнейшие отрасли ее промышленности находятся в полупарализованном состоянии и обнаруживают мало признаков выздоровления. При таких обстоятельствах ослабление, а еще больше — полное поражение британского авторитета в Индии,— было бы для Британии равносильно самоубийству... Сохранение дружественной Индии вовсе не предполагает обязательно ее политической свободы или индустриального ее развития... Враждебное отношение индийской буржуазии настолько сильно, что тариф имперского предпочтения встречает фактическое сопротивление... Индийские политические деятели имеют полное право держаться такой позиции, но пусть они признают за британскими политическими деятелями такое же право

делать отсюда сами собой напрашивающиеся выводы и соответственно этому строить свою индийскую политику... Пусть всякое чувство, индивидуальное или национальное, останется вне нашего рассмотрения... В видах самосохранения, Индия должна остаться в составе империи... Нельзя уйти от того факта, что Британия должна вывозить или погибнуть" (18/VIII 1927 г.). Мы полагаем, что столь откровенное заявление не нуждается в комментариях.

Задачи индийского пролетариата. Картина индийского кризиса для нас ясна. Как сильно ни отразился этот кризис на буржуазии, еще сильнее он отразился на пролетариате. Влияние этого кризиса на пролетариат сказывается в волне беспрерывных стачек в среде как фабричных рабочих, так и железнодорожников, а также в росте классовой солидарности индийского пролетариата. Весьма знаменательным событием, которое теоретики „деколонизации" проглядели, является посылка индийскими профсоюзами в 1927 г. особой делегации на британский с'езд трэд-юнионов, цель которой была показать солидарность индийского рабочего класса с его британскими собратьями в их общей борьбе против империализма. Особенный интерес представила краткая речь товарища Гурудатта Сетхи, индийского делегата, в которой он осуждал британских социал-предателей, Макдональда с компанией, и призывал к солидарности с Советской Россией. В одном можно быть уверенным, в том, что как в аграрном, так и в промышленном и финансовом кризисе основным требованием индийского крестьянина и рабочего является полное уничтожение феодализма. Хотя буржуазия не соглашается и не может согласиться с этим революционным лозунгом, она все же откровенно признает это условие для себя благоприятным. Задачей же империализма является усилить феодализм вопреки оппозиции всех этих сил.

Для борьбы с этим кризисом и была создана Королевская статутная комиссия[1] двумя годами ранее, чем это было предусмотрено конституцией 1919 г. Комиссия эта состоит из 7 человек, долженствующих представлять три политические партии британского парламента — консерваторов, либералов и рабочую партию. Пост председателя занимает сэр Джон Саймон, либерал-унионист и „борец за интересы индийских владетельных князей", как однажды выразилась о нем мисс Уилькинсон, член парламента от рабочей партии (Times, 26/XI 1927 г.). Членами ее являются лорд Бернгэм, ультра-твердолобый собственник газеты „Daily Telegraph", лорд Страткона, полковник Фокс и м-р Коган — от консервативной партии. Этли и Стивен Уолс представляют в ней рабочую партию, которую даже капиталисты называют „фабианской аристократической рабочей партией". Избрание их в эту комиссию ясно доказывает, что они являются либералами и рабочими только на словах, по сути же все ультра-империалисты.

Говоря о той политической линии, которой должна придерживаться комиссия, лорд Уинтертон сделал следующее заявление в палате общин:

„Индийская конституция должна по необходимости отличаться от конституций других частей империи... В индийских провинциальных законодательных собраниях притязали на признание и получили таковое 13 различных сект или групп, об'единенных общностью интересов. Бла-

[1] Автор имеет в виду так называемую комиссию Саймона, которая как раз недавно прибыла в Индию.

годаря расовым, социальным и религиозным различиям, существующим среди ее населения, Индия представляла проблему, для разрешения которой необходимы конституционные реформы, отличающиеся родовыми признаками от всего того, что можно было встретить в любой другой части света" (Times, 26/XI 1927 г.).

„Великий" политик допустил здесь одну ошибку. Он позабыл о примере и уроках Советской России. При диктатуре пролетариата Россия не только согласовала интересы ста наций, говорящих на разных языках, чьи расовые, социальные и религиозные различия были еще более сложны, чем в Индии, но также слила все эти нации в одно прочное целое, борющееся за уничтожение нищеты и за социализм. Это удалось пролетариату потому, что в действиях своих он не был, подобно империализму, связан вложенными капиталами. Итак, мы видим, что „родовые отличия", заключаются не в расовых, социальных или религиозных особенностях, а в империалистической эксплоатации.

В свое время ультра-реакционный премьер-министр царской России Столыпин под таким же предлогом усилил власть тогдашних русских феодалов. Реакционный британский империализм шествует по дорожке, проложенной Столыпиным.

Благородный рыцарь либерализма, председатель комиссии, сэр Джон Саймон, следуя приказаниям своих господ консерваторов, повторил, что „комиссия отправляется в Индию, будучи свободной от малейшего намерения навязывать ей западные идеи конституционных реформ и вне, мы отправляемся в Индию для того, чтобы слушать и в точности передать сделанные нами на основании услышанного заключения, а также различные предложения, исходящие изнутри страны" (Times, 11/XI 1927 г.). Но если конституция не должна быть создана по образцу западной, т.-е. буржуазной демократии, то в чьих еще интересах она может быть, если не в интересах феодализма? Именно в таком направлении и развивается вся индийская политика со времени прихода к власти Болдуина. Комиссия отправляется в Индию для того, чтобы выслушать феодалов и стоящая перед ней задача сводится к тому, чтобы найти лучший способ компромисса с буржуазией. Комиссия не должна и не будет содействовать удовлетворению основного требования момента, т.-е. уничтожению феодализма. В этом заключается коренное отличие будущей конституции от всех конституций прежнего времени, которые давались при либеральном правлении. Кроме того, это первая реформа, даруемая Индии консерваторами. И потому, чтобы ввести народ в заблуждение, председателем комиссии является член либеральной партии, сэр Джон Саймон.

Реформы в Индии. Первая реформа была проведена в Индии в 1833 г. и исходила от капиталистического правительства партии вигов (зародыш либеральной партии), пришедших к власти в 1831 г., после великого билля о реформе. Эта реформа впервые предоставила Индии право собственного законодательства, действие которого распространялось бы на всю Индию. Вторая реформа, исходившая от либералов, последователей Кобдена, была дана в 1853 г., после того как в 1845 г. последовала отмена хлебных законов, и в связи с этим к власти пришли представители промышленного капитала. При этом правительстве в законодательное собрание были допущены индийские элементы, хотя с правом лишь совещательного голоса. Третья реформа была дана Глад-

стоном в 1892 г. Она предоставляла несколько постоянных мест в Законодательном собрании индусам, хотя эти последние не избирались, а назначались правительством; кроме того, реформа эта предусматривала провинциальные законодательные собрания для Бенгалии, Бомбея и Мадраса. Четвертая реформа пришла во время либерального правления Кэмбелля-Баннермана в 1909 г. На этот раз в Индии впервые было применено выборное начало, при чем избирательное право было предоставлено 1,5 миллионам представителей высших классов. Особая заботливость была проявлена для охраны интересов промышленников и образованных кругов. Пятая и последняя реформа была дана в 1919 г., когда премьер-министром был Ллойд-Джордж. Она должна была явиться зародышем парламентарной конституции Индии, прообразом того положения доминиона, которое составляет мечту индийской буржуазии. При этом было обещано, что через 10 лет будет произведено новое обследование, для выяснения того, какие дальнейшие уступки в конституционном направлении могли бы быть предоставлены Индии.

Предполагается, что работу эту выполнит нынешняя комиссия. Все эти пять реформ представляют собою вехи буржуазного и индустриального развития Индии. Во всех этих случаях индийская буржуазия, (а особенно промышленники), сотрудничала с правительством, хотя никогда она не была вполне удовлетворена масштабом его мероприятий. И во всех таких случаях волны недовольства захлестывали землевладельческие слои населения, особенно же мелких земельных собственников, а также ростовщиков, представляющих основное ядро индийской интеллигенции. На этот раз наблюдается обратное явление. Помещики, феодалы, мелкие землевладельцы и ростовщики поддерживают комиссию, тогда как сильнейшая оппозиция и бойкот исходят со стороны промышленников и буржуазии. Это показывает, в чьих интересах собирается действовать комиссия. И действительно, газета „Times“, устами лорда Сайденгэма, сделала предложение ввести в состав комиссии представителя от индийских владетельных князей.

Королевская комиссия и распыление националистов. Наиболее сильную поддержку встречает комиссия в Пенджабе, где слабее всего развита промышленность и сильнее всего власть феодалов-помещиков. Наоборот, самых жестоких противников находит она в Бомбее, где наблюдается наиболее сильное развитие капитализма. Другие провинции примыкают к какой-либо из двух только что упомянутых, в зависимости от их внутренних экономических подразделений.

Все направления бомбейского общественного мнения единогласно осуждают комиссию. В Бенгалии мнения разделяются в соответствии с классовыми подразделениями, то же наблюдается в Соединенной провинции и в Мадрасе.

Мусульмане Индии, являющиеся наиболее отсталым в отношении просвещения и буржуазного развития населением, также расходятся в мнениях относительно участия в работах комиссии. Буржуазная секция, очень, правда, небольшая, во главе которой стоят м-р Джинна и сэр Абдур Рагим, настроена против комиссии, тогда как все помещики поддерживают ее.

Но наиболее сильную поддержку империализм получает со стороны организованных мелких землевладельцев и ростовщиков, этого станового

хребта индийской интеллигенции как индусской, так и мусульманской, со стороны тех самых людей, которые еще недавно были террористами. Эта группа в настоящее время организовалась под ширмой религии и возглавляется в значительной степени духовенством и феодалами. Две главные ее организации,— это „Хинду Махасаба“ (великая ассоциация браминской религии) и „Джамиат-Уль-Улема“ (хранитель правоверного мусульманства). Обе эти организации субсидируются и поддерживаются феодальными помещиками и владетельными князьями и обе одинаково горячо поддерживают комиссию, несмотря на ту смертельную борьбу, которую они ведут между собою из-за политического преобладания.

„Мусульмане,—писала „Джамиат-Уль-Улема“,—не могут позволить себе бойкот комиссии. Индусы ведут пропаганду отмены „Коммунального выборного права“, а без этого слабые, бедные и менее образованные мусульмане будут страдать... Для сохранения этого права мусульмане должны всеми силами поддерживать комиссию“ (Times, 11/XI 1927 г.). „Хинду Махасаба“, опасаясь как бы таким путем мусульмане не получили какого-либо преимущества, также поддерживает комиссию (Times, 5/XII 1927 г.). Таким образом, при помощи феодализма усиливается империализм.

Современная политика британского империализма в Индии. Это „коммунальное выборное право“ является для Индии истинным проклятием. В нем лежит коренная причина нынешней так называемой религиозной розни между индусами и мусульманами, которая раздирает страну. Оно служит главным оружием в руках империализма, который искусно пользуется им для того, чтобы разбивать индийское национальное единство и проводить политику разделения и властвования.

В Индии существует два великих религиозных об'единения, это 240 миллионов индусов и 70 миллионов мусульман. Около 90% мусульманского населения состоит из бедных крестьян и рабочих; 3% составляют бедные торговцы, 5% феодальные помещики и 2% буржуазия, крупные торговцы и интеллигенция. Между тем, 95% помещиков, мелких землевладельцев и ростовщиков, короче говоря—интеллигенция, непосредственно угнетающая крестьянство, состоит из индусов. Уже много десятилетий идет классовая борьба между этими угнетателями и угнетенным населением. В Бенгалии, Пенджабе и Сидхе, где большинство крестьянского населения составляют мусульмане, эта классовая борьба выливалась в форму борьбы религиозной. В Соединенной провинции и Бихаре мусульмане хотя и не составляли большинства населения, но зато составляли большинство беднейшего крестьянства, рабочих и сельского пролетариата. С 1905 г. консерваторы проводили решительную политику использования этой классовой борьбы в своих собственных интересах. Отсутствие среднего класса сделало из этого бедного мусульманского крестьянства легкую добычу в руках их единоверцев — феодалов и мулл, которых империализму нетрудно подкупить. В 1909 г., когда в законодательные собрания впервые было введено выборное начало, мусульманским помещикам, под предлогом „защиты интересов мусульманского меньшинства“, были предоставлены особые привилегии и места в Законодательном собрании. Эти политические привилегии, основанные на религиозной почве и называются „Коммунальным выборным правом“. Реформа 1919 г. соответствующим образом закрепила это право и дала ему более конкретное определение. Избирательное

право было предоставлено лишь 7 миллионам богатых высших классов. В основание избирательного права был положен ценз собственности. Но ценз, который требовался от буржуазии, был в три раза выше, нежели ценз помещиков-индусов, а ценз индусских помещиков был установлен в восьмикратном размере по отношению к цензу помещиков-мусульман. Так, например, для права выборов в верхнюю палату требуется годовой доход в 30.000 рупий, если он не основан на владении землей. Поземельный доход считается достаточным в размере 12.000 рупий, от помещиков же мусульманского вероисповедания требуется доход лишь в 600 рупий. Об'ясняется это тем, что помещики-мусульмане представляют более отсталый и более выдержанный тип феодалов по сравнению с средними индусами, а империализму нужно обеспечить феодальное большинство для проведения своей антииндустриальной политики. Хотя основой избирательного права является ценз собственности, число мест, приходящихся на долю индусов и мусульман, пропорционально той доле, которую они составляют во всем населении. Из 145 членов Центрального законодательного собрания насчитывается 17 чиновников, 23 члена, назначенных правительством, 11 европейцев, 20 мусульман, 70 индусов и 3 парсов, сикхов и буддистов, при чем европейцы, мусульмане, индусы и проч. были избраны.

Среди мусульман фактически не имеется ростовщиков и мелких землевладельцев того интеллигентного типа, который преобладает в среде индусского населения. Для того чтобы вызвать раздоры, правительство стремилось проводить законы, идущие в разрез с классовыми интересами индусов, если только законы эти не затрагивали интересов крупных помещиков или феодалов. Делалось это под предлогом „защиты прав крестьянства". Многие из этих законопроектов, несомненно, являлись отголосками требований крестьянства, но проводились они правительством не из сочувствия крестьянам, а с исключительной целью вызвать внутреннюю рознь между индусами и мусульманами. Это очевидно уже из того, что все эти законы не проведены, хотя правительство могло бы их провести в жизнь, если бы считало это нужным. Индусские члены Законодательного собрания при всей своей мелкобуржуазной реакционности, отвергали эти билли, и теперь правительство ведет пропаганду той идеи, что поскольку крестьяне Пенджаба и Бенгалии являются в подавляющем большинстве мусульманами, то права их не могут быть обеспечены при демократической конституции и потому они нуждаются в попечении со стороны империализма.

Три особенно выдающихся случая такой провокации послужили историческим основанием индо-мусульманской вражды: Бенгальский земельный билль, который должен был ограничить право мелких землевладельцев увеличивать взимаемую с бедных крестьян арендную плату; пенджабский билль о ростовщичестве и билль о введении нынешней реформы в Северо-Западной пограничной провинции, где мусульмане составляют 99% населения. Бенгальские мелкие землевладельцы состоят из индусов, к индусам принадлежат также пенджабские ростовщики, а предполагавшееся проведение реформы в Северо-Западной пограничной провинции противоречило интересам индусских ростовщиков. Как и следовало ожидать, индусское большинство отвергло упомянутые законопроекты, вследствие чего вражда между индусами и мусульманами усилилась. В Бенгалии и

Пенджабе мусульмане составляют большинство населения, и потому они естественным путем получили бы большинство мест в законодательном собрании этих провинций. Но в 1918 г. по взаимному соглашению, под руководством Индийского национального собрания (так называемое Лахнеуское соглашение 1916 г.), они сдали эту позицию для того, чтобы мусульманам было предоставлено несколько мест в Мадрасе и других провинциях, где они составляют ничтожное меньшинство. Это соглашение покоилось на взаимном национальном доверии этих двух религиозных об'единений. Но когда вышеупомянутые законопроекты были индусами отвергнуты, правительство указало мусульманам на то, что они поступили неблагоразумно и что законопроекты наверняка прошли бы, если бы мусульмане положились на свое большинство. По этим причинам и по целому ряду других, как-то: участие мусульман в богослужении, право индусов обращать в свою веру мусульман, которые в свое время были обращены в ислам (эта мера применялась ростовщиками северной Индии с целью уменьшения количества мусульманских мест в Законодательном собрании) и т. п.,—коварному империализму удалось привести оба этих об'единения в состояние войны. Следствием этого явилось полное разрушение какого бы то ни было индийского национального единства, беспрерывные беспорядки и взаимное истребление. Согласно официальным данным, за последние месяцы произошло 2.500 случаев волнений, которые обошлись в 700 убитых, 5.000 раненых и в 6 миллионов рупий убытков.

В свою очередь, империализм пользуется этими беспорядками и т. п., как доказательством непригодности для Индии современного конституционного режима. Именно это и имел в виду лорд Уинтертон, когда указывал на „расовые, социальные и религиозные особенности Индии", которые создают родовое отличие между нею и другими странами света.

Но на ком лежит ответственность за это, как не на империализме? Сам вице-король Индии приложил все старания к тому, чтобы раздуть это пламя в пожар. В своей речи к мусульманам Калькутты он заявил, что „величайшим преступлением против собственной общины явился их отказ от права большинства". И в то же самое время он поддержал попытку правоверного индуизма добиться права вновь обращать в индусскую религию таких мусульман, которые прежде были обращены в ислам,—попытку явившуюся главной причиной религиозной розни индусов и мусульман. Организации ультра-правоверных индусов „Шиду-Дарма-Махамандаль" вице-король заявил, что „доставляет удовлетворение сознание того, что ваша организация, представляющая индусское правоверие, никогда не откажется от своих вековых традиций". А эти традиции есть не что иное, как смертельная вражда с исламом. Выступая перед исламом Синдха, вице-король заверил их, что в случае разрыва с индусами мусульмане могут с уверенностью рассчитывать на особое покровительство правительства. Таким образом, идет непрерывное, прямое и косвенное, раздувание религиозной вражды, одновременно с сохранением экономической базы, с которой не могут примириться мелкобуржуазные реакционные политики. А когда это достигается, то этим пользуются, как предлогом для того, чтобы задерживать буржуазное развитие Индии как в области промышленности, так и в области политики и конституции.

Мы видим эффект коммунального выборного права в индийской политике, того права, которое так старательно культивировалось с 1919 г.

Еще более пагубны последствия его в области промышленности.

Со времени реформы 1919 г. в Индии трижды происходили выборы в Законодательное собрание — в 1920, 1923 и 1924 гг. В первых двух случаях правительство оказалось в решительном меньшинстве.

В первых выборах большинство принадлежало промышленникам и крупной буржуазии. Индийский национальный конгресс выборы эти бойкотировал. Именно это законодательное собрание приняло Акт о государственной помощи промышленным предприятиям и закон о поощрении развития паровозостроительных и железнодорожных предприятий, ассигновав на эти цели 1.500 миллионов. В законодательном собрании второго созыва большинство получили свараджисты. Несмотря на проводившуюся ими решительную политику принципиальной оппозиции и противодействия всем мероприятиям Законодательного собрания, акт о покровительстве стальной промышленности (май 1924 г.) был принят подавляющим большинством голосов. Под настойчивым давлением Законодательного собрания был образован постоянный тарифный комитет, председатель и большинство членов которого были индусы. Именно на этом правительство и постаралось расколоть национальное единство, прибегнув с этой целью к „коммунальному выборному праву".

Когда Законодательное собрание после трехлетней деятельности было распущено, успех империализма был полный. Выборы 1926 г. прошли под знаком „коммунальной борьбы", т.-е. войны индусов и мусульман. После того как мусульмане покинули лагерь националистов и перешли на сторону правитель тва, последнее получило постоянное большинство, и руки его были развязаны.

В нынешнем законодательном собрании силы индийской партии распределяются следующим образом: сварадживтов или партии Конгресса от 40 до 45 человек, националистов — 20, независимых или промышленников — 8. Эти три партии составляют оппозицию. Независимых мусульман, не сорганизовавшихся еще в партию — 20, европейцев — 11, членов по назначению, составляющих правительственной блок — 40.

Иначе говоря, все неправительственные партии, соединившись вместе, образуют оппозицию из 73 голосов, тогда как на стороне правительства имеется прочный блок из 72 голосов. Правительство получает большинство благодаря мусульманам, поддерживающим его всеми голосами, за исключением 3 членов.

Следует к тому же отметить, что у оппозиции, не исключая и сварадживтов, нет никакого единства. Кампания против резервного банка проводилась националистами, а при голосовании билля о валюте, имевшего наиболее жизненное для буржуазного развития Индии значение, об'единенная оппозиция не смогла собрать более 65 голосов против 68 голосов, поданных за правительство. После тщательного рассмотрения тактики оппозиционных партий в сессиях Законодательного собрания, The Round Table (№ 67) приходит к следующему выводу:

„Даже партия сварадживтов обнаруживала во всех сессиях отсутствие дисциплины и определенной линии поведения, что являлось резким контрастом той сплоченности и организованности, которыми эта партия отличалась в 1924 г. Правда, члены этой партии голосовали против правительства, но все же бывали случаи, когда они воздерживались от голосования; известно также, что по вопросу о билле о валюте в партии были сильные расхождения, и только применение дисциплинарных методов воздействия заставило ее голосовать против правительства. В противном случае большинство ее голосовало бы за правительство".

Националисты являются кандидатами об'единения „Хинду Махасаба" (великая организация индусской религии). Как известно, об'единение это представляет организацию мелких землевладельцев и ростовщиков, которые участвуют в борьбе индусов и мусульман. Они являются сторонниками феодализма и относятся к буржуазному развитию страны не менее враждебно, нежели помещики-мусульмане.

Правительство, опираясь на мусульманское большинство и будучи уверено в возможном получении поддержки со стороны националистов, без колебаний провело полностью всю свою программу, а именно, акт о валюте, акт об имперском предпочтении, акт о финансах, акт о повышении жалованья европейским судьям и т. д.

Открытая угроза феодализма бросается в глаза даже случайному наблюдению. „Bombay Chronicle" (22/VIII 1927 г.), зная об этом, забил тревогу под лозунгом: „Новая угроза свободе, индийские помещики поддерживают интересы империализма!"

Стоящая перед Королевской статутной комиссией задача заключается в том, чтобы на долгое время закрепить „коммунальное выборное право" и найти средства для поддержания интересов феодализма, чтобы буржуазия не смогла взять над ним верх. С этой целью и были выдвинуты на сцену владетельные князья, заявившие притязание о предоставлении им „голосов в индийском законодательном собрании и в администрации, на том основании, что конституционное развитие Британской Индии явно затрагивает их интересы, общие с интересами британских провинций" (Round Table, № 68).

Зная о грозящей опасности, индийская буржуазия, как мы уже видели, всеми силами противодействует Комиссии. Индийский национальный конгресс точно так же единогласно принял резолюцию о бойкоте Комиссии. Но этот конгресс, в котором господствующее положение занимает интеллигенция, более способен к излиянию чувств, нежели к проведению твердой экономической линии, и сомнительно, чтобы члены его до конца оставались верными принятому решению. Всеиндийская мусульманская лига также приняла решение о бойкоте. Это имеет более серьезное значение, потому что такое решение может разрушить столь выгодное для британского империализма единство мусульман. Но „Таймс" (10/XII 1927) уже предсказывал, что если м-ру Джинне и сэру Абдур Рагиму (буржуазным лидерам мусульманской общины) удастся провести в Мусульманской лиге программу бойкота, то это приведет к сильному расколу в лагере мусульман, потому что мусульмане севера, по своему убеждению и социальному положению (они являются помещиками), настроены решительно против бойкота. Для империализма это не явилось неожиданностью. Гораздо более серьезное значение имеет резолюция о бойкоте Комиссии, принятая Индийским промышленным и торговым конгрессом, представляющим фактически организацию индийской буржуазии. Это показывает бдительность промышленников и буржуазии и то недоверие, с которым они относятся к империализму, несмотря на то, что без его кредита и под-

держки не могли бы просуществовать и одного дня. Это показывает, что они загнаны в тупик, из которого нет для них иного выхода, кроме решительного сопротивления империализму.

Абсолютно неверно утверждение, что „индийская национальная революция прошла свою буржуазную стадию" („Masses of India", November, 1927 г). Столь же и еще более неверно, что борьбой Индии за освобождение должна руководить народная партия, т. е. нечто в роде индийского „гоминдана". Буржуазия, внешне обнаруживающая оппозицию империализму, реакционна до мозга костей, целиком связана с этим самым империализмом, без которого не может существовать, и в такой же мере связана множеством экономических нитей с индийскими земельными интересами.

Она не только не отважится на революцию, но при первой вспышке ее, если не при первом сигнале, неизбежно перекинется в лагерь империализма. И все-таки, буржуазная оппозиция империализму, существующие между ними экономические противоречия, неспособность империализма помочь буржуазии, помочь индустриализации Индии, не подвергая риску собственной стабилизации,— все это представляет возможность использовать эту самую буржуазию к большой выгоде для нас, и мы будем плохими революционерами, как выразился Ленин, если не сумеем использовать все полезные силы, как бы ни были они недолговечны. Мы проявим „детскую болезнь левизны", если догматически цепляясь за веру в „деколонизацию", упустим этот случай. Но чтобы использовать эту возможность для дела революции, Индии нужна сильная коммунистическая партия, органически связанная с британской компартией, столь же сплоченная, какой была партия большевиков до революции. Подобно тому как большевики руководили борьбой против царизма в России, на Кавказе, в Туркестане и в Сибири, повсюду выступая как единая и единственная партия, так же точно и для индийской и британской компартий наступило время действовать, как одна партия. В Индии нет еще коммунистической партии, если не считать группы эмигрантов, но зато она имеет сильное движение пролетариата и крестьянства, нуждающееся лишь в организации. Империализм не закрывает глаз на этот фактор. Он понимает, что не сегодня — завтра это единство британского и индийского пролетариата придет, что оно неизбежно, и для предотвращения этого империализма ускоряет приход войны с Советской Россией.

После того, как эта статья уже была нами написана, пришло сообщение о том, что Индийский национальный конгресс впервые за сорокалетнее существование открыто провозгласил своим лозунгом „полную независимость Индии". Индийская либеральная лига заявила о готовности сотрудничать с конгрессом, а крупнейшая секция Мусульманской лиги (как уже отмечалось выше, эта лига в настоящее время состоит из двух секций — землевладельческой и буржуазной) приняла новую программу конгресса. Это показывает, что индийская буржуазия развивается именно так, как указывалось в этой статье, а не так, как утверждают теоретики „деколонизации". Для того, чтобы спасти положение, сторонники этой теории толкуют эти события следующим образом: „Независимая резолюция конгресса есть не что иное, как уступка, сделанная буржуазными демократами своим мелкобуржуазным сторонникам" (Inprekor, англ. изд., т. 8, № 1). Но такое об'яснение доказывает лишь их непонимание индийской экономики. Верно то, что за этой „независимой" резолюцией скрывается лишь грубая игра, рассчитанная на то, чтобы запугать империалистов. И действительно, „Forward", центральный орган партии сварадджистов, комментирует эту резолюцию тоном оправдания: „Ответственность за то, что жители Индии доведены до необходимости провозгласить своим лозунгом полную независимость, ложится всецело на твердолобых тори (консерваторов) (9/XII 1927). Такие заявления ясно показывают, что индийская буржуазия не отважится пойти на революцию. И все же резолюция конгресса не есть стопроцентный блеф, как пытаются доказать теоретики „деколонизации". Буржуазия не сделает и не может сделать такой уступки своим мелкобуржуазным союзникам. Последние не имеют ни собственной инициативы, ни собственной организации, а кроме того, в нынешних индийских условиях являются мелкими земельными собственниками, которым правительство собирается предоставить ряд существенных уступок. Что же в таком случае побудило индийскую буржуазию решиться на такой крайний шаг. Ответ на это мы находим в той же газете „Forward", цитирующей следующее заявление, сделанное твердолобыми английскими консерваторами в их газете „Daily Mail". При отсутствии какого бы то ни было родства по крови или по культуре положение доминиона равносильно полной независимости, а такую независимость Британия никогда не сможет предоставить Индии, не жертвуя интересами восьмой части британского народа, существование которой зависит от Индии.

Как мы уже указывали, когда говорили о промышленном и финансовом кризисе, в этом и заключается коренная причина анти-индустриальной политики империализма, направленной к удушению индийской буржуазии. И именно это заставило индийскую буржуазию провозгласить своим лозунгом независимость Индии. Здесь нет никакой уступки мелкой буржуазии. Но та же причина заставила индийскую буржуазию об'явить бойкот Королевской статутной комиссии. Неспособность империализма сделать индийской буржуазии уступки, имеющие для последней самое жизненное значение, делает возможным использование ее в интересах пролетариата. Несмотря на всю свою враждебность к пролетариату, индийская буржуазия предпринимает шаги, направленные к созданию единого с ним фронта. Это мы видим в резолюции конгресса, которая означает отказ индийской буржуазии от поддержки английского империализма в его будущей войне с Советской Россией.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Л. Н. Бернацкий

О железнодорожном соединении Донбасса с Москвой[1]

В виду важности правильного решения вопроса о соединении Донбасса с Москвой, как центральным пунктом главнейшего нашего промышленного района, а через нее — с Ленинградом, особый интерес приобретает статья Н. П. Садикова, помещенная в № 10 „Планового Хозяйства“ и озаглавленная „Электрификация магистрали Москва — Курск — Донбасс“.

Статья эта распадается на две части: в одной формулируются результаты подсчетов, сделанных правлением Московско-Курской ж. д. и касающихся различных элементов проекта введения электрической тяги на участке Москва—Курск—Харьков—Лиман. Другая часть носит полемический характер и доказывает преимущества электрификации перед всяким иным решением вопроса о железнодорожной связи Донбасса с Москвой, в частности — перед постройкой сверхмагистрали Донбасс-Воронеж-Коломна—Москва. Обе части статьи Н. П. Садикова столь различны по серьезности подхода к вопросу, что приходится на каждой из них остановиться отдельно, но несомненно, что действительный интерес представляет собой лишь первая часть, демонстрирующая результаты очень серьезно проделанной работы. Правда, не со всеми выводами можно согласиться, но это не умаляет ценности работы, проделанной Московско-Курской ж. д., и следует приветствовать вынесение на общественный суд хотя бы кратких общих положений по такому важному вопросу, как электрификация огромной по длине и интенсивности движения двухпутной линии Москва — Лиман.

Разумеется, вдаваться в детальный разбор всех цифр и предположений, приводимых автором, невозможно; не надо забывать, что им приводятся лишь выводы, а для проверки самых методов подсчета и верности результативных цифр следовало бы проследить с начала до конца весь проект Московско-Курской дороги, проверяя все, встретившиеся в нем цифры, графики и предпосылки. Этого сделать на основании статьи Н. П. Садикова нельзя, а потому я ограничусь лишь указанием тех ошибок, которые сразу бросаются в глаза при прочтении работы Н. П. Садикова.

Первая из этих ошибок заключается в том, что при колоссальном движении 1935—1940 гг. автор считает возможным остаться при рельсах типа IIа. Даже плавный ход электровоза, при давлении на ось в 22 тонны $\left(\frac{260}{12}\right)$, не позволит хорошо держать путь при рельсах

[1] В дискуссионном порядке. Ред.

столь слабого профиля, если суточное движение достигнет 60 пар поездов, а потому и при электрификации потребуется смена рельсов на тип Ia.

Далее, автор необыкновенно странно подходит к порядку введения 50-тонной вагонной стяжки, думая, повидимому, что возможно будет выделить на Московско-Курское направление угольные и иные вагоны с такой стяжкой, тогда как по прочим дорогам будут путешествовать вагоны с обыкновенной стяжкой (20-тонной). Для эксплоатации дорог подобная комбинация абсолютно неприемлема, так как создаст труднейшие условия сортировки и передачи, а потому надо просто сказать: до тех пор пока весь Донбасс не будет обслуживаться вагонами с 50-тонной стяжкой, куда бы эти вагоны ни шли, приходится все расчеты вести на 20-тонную стяжку. На введение 50-тонной стяжки хотя бы только для угольных поездов нельзя рассчитывать ранее 1940 г., а потому во все предыдущие годы приходится считаться с 20-тонной; для прочих же грузов, кроме угольных, 20-тонная стяжка должна быть принимаема и в 1940 г. Это значит, что вес угольного поезда будет для лет, предшествующих 1940 г., не 3.800 тонн, а 1.520 тонн; в 1940 г. такой же вес придется принять для иных товарных поездов, кроме угольных. Подобная необходимая поправка сразу даст совсем иное количество поездов, иной расход на бригады, иное построение графика, чем предполагает автор, и его радужные предположения о чуть ли не неисчерпаемом запасе пропускной способности потускнеют весьма значительно. Уже вовсе недопустимо предположение о том, что со временем и все поезда смогут получить вес 3.800 тонн, так как при очень большом местном товарном движении между Харьковом и Москвой всегда был, есть и будет неизбежным пуск значительного количества поездов сравнительно малого состава, без чего получается совершенно неприличные простои поездов и, особенно, вагонов в узлах и на станциях.

Надо говорить про то и откровенно: в 1935/36 г. пропускная способность даже электрифицированного Курского направления, в случае сохранения на нем транзитного угольного потока, будет чрезвычайно напряжена и при дальнейшем росте грузооборота только введение 50-тонной сцепки позволит не превзойти эту напряженность в 1940/41 г. и даже несколько сократит ее, правда, очень мало, благодаря добавке лишних пассажирских поездов и росту всех товарных перевозок.

Третья ошибка, чрезвычайно существенная, заключается в исчислении стоимости электровозов. Дело в том, что взяв в долларах цены заграничных фирм и переводя их в рубли, автор упускает из вида валютный коэфициент, благодаря которому все цены станут процентов на 50 дороже, если их перевести в червонные рубли; точно также исчисление таможенных пошлин и прочих накладных расходов (в том числе расходов на торгпредство) явно преуменьшено. Не вдаваясь в детали, можно считать, что общая стоимость электровозов, исчисленная для 1931 г. в 64,5 млн. руб. и для 1940 г. в 109 млн. руб. (округленно), будет для первого случая 96 млн. руб., а для второго — 160, т.-е. на 30 и 50 млн. руб. больше, чем исчислено автором. И, конечно, если поставить постройку механических частей электровозов на наших заводах, то они обойдутся не дешевле, а дороже, вследствие новизны дела и ряда особенностей, отличающих ходовые части электровоза от таковых же для паровоза.

Абсолютно неверно соображение о том, что только при электрификации освобождается для передачи на другие дороги существующий паровозный парк; неужели же автору не ясно, что какое бы решение ни было принято для соединения Москвы с Донбассом, оно не будет базироваться на наших существующих паровозах, а неминуемо повлечет за собой введение локомотивов более мощного типа, будь то паровозы или электровозы, так что существующий паровозный парк Курской дороги уйдет на другие линии с менее интенсивным движением. Правда, при электрификации паровозный парк целиком передастся на другие дороги, а при паровой тяге некоторая часть его останется для обслуживания пассажирских и легких товарных поездов, но основная-то масса паровозов — для тяжелых товарных перевозок, в частности — угольных, уйдет во всяком случае. Таким образом, количество паровозов, передаваемое на другие дороги и подлежащее вычету из единовременных расходов, будет при электрификации больше по сравнению с прочими вариантами не на 880 штук, а примерно на 250—300. Стоимость их, конечно, следует считать не свыше 50% от стоимости новых, благодаря износу, и в этом отношении размеры сбережения будут много меньше, чем предположено Московско-Курской дорогой.

Я не буду касаться некоторых цифр строительной и эксплоатационной стоимости, возбуждающих сомнения, отметив лишь полный пропуск расходов на содержание и ремонт рабочего провода и подстанций. Несравненно серьезней обстоит дело с самой постановкой вопроса о результативной стоимости перевозки угля. Автор подходит к ней столь необычайно, что остается лишь в недоумении развести руками: исчислена не себестоимость перевозки, а принят чистый доход от остальных перевозок и за его счет стоимость угольных перевозок снижена до $^1/_{300}$ копейки на пудо-километр. Решение очень простое, но кто же с ним может согласиться? Почему не пойти обратным путем и не поставить стоимость перевозки угля, скажем, в $^1/_{100}$ копейки, а за счет получающихся прибылей снизить остальные тарифы? Не так надо подходить к решению вопроса, а надо определить себестоимость различных перевозок и тогда уже говорить о том, во что обойдется перевозка угля, прочих грузов и пассажиров. Только на основании таких данных можно правильно подойти к решению вопроса о тарифах, а не на основании соображений о валовой и чистой выручке, последняя из которых может пойти и на другие потребы государства, а не только на снижение угольных тарифов до цифры, которую автору заблагорассудится поставить. Подобный способ — снижение за счет прибылей от других грузов — может быть распространен и шире — за счет прибылей от других дорог, благо они принадлежат одному и тому же хозяину — СССР. Но кто будет покрывать убытки от дорог бездоходных, автор благоразумно умалчивает.

Все эти ошибки досадны сами по себе, но особенное значение их заключается в искажении сравнения с другими вариантами соединения Донбасс — Москва, даже тем, где, по существу, автор прав. Таково, например, сравнение с вариантом введения на существующем Харьково-Курском направлении паровой тяги.

Основной лейт-мотив автора здесь заключается в том, что даже при смягчении уклона до 0,006 легкие паровозы не смогут перевозить потребное число поездов, так что потребуется перейти к паровозам с да-

влением 30 тонн на ось, при коих недопустимо применение рельс типа IIa; малые же пассажирские скорости потребуют больших затрат на подвижной состав, чем при электрической тяге.

Автору, очевидно, неизвестно, что уже через пять лет НКПС предполагает ввести на дорогах паровозы серии Т со сцепным весом в 100 тонн и давлением на ось в 20 тонн, которое принято как-раз для того, чтобы пропускать их по рельсам типа IIa. Такие паровозы по смягченному уклону 0,007 [1] потащат со скоростью 13 *км*/час. составы весом $P+Q=\frac{100000}{5{,}3\ (2{,}25+7)}=2.600$ тонн, из которых вес вагонов равен 2.420 тонн; ограничение усилия в стяжке вынуждает понизить вес вагонов до 2.160 тонн, но и при этом условии он будет, значительно больше, чем при несмягченном уклоне и 20-тонной стяжке может взять электровоз. Таким образом, число поездов при смягченном уклоне и паровой тяге будет значительно меньше, чем при несмягченном и тяге электрической, при чем, вдобавок, расход топлива на тонну будут не особенно сильно разниться для обоих случаев. Вопрос заключается лишь в стоимости переделки уклона и в получаемом при этом удлинении; к сожалению, Н. П. Садиков данных величин не приводит, почему мы лишены возможности судить о том, насколько будет разниться стоимость единовременных затрат и эксплоатации для обоих предположений. А между тем, как-раз именно для периода 20-тонной стяжки выгодность электрической тяги перед паровой, в случае смягчения уклонов для последней, вызывает больше всего сомнений.

Дело повернется определенно не в пользу паровой тяги, как только будет введена 50-тонная стяжка, просто потому, что паровоз не в состоянии использовать всех возможностей, ею предоставляемых. Действительно, при уклоне 0,007 и скорости на под'еме в 20 *км*/час, имеем расчетный вес вагонов $\frac{50000}{2{,}5+7}=5.260$ тонн. Для перевозки такого состава потребуется паровоз сцепным весом около 240 тонн, между тем как при давлении 30 тонн на ось можно дать лишь шестиосный паровоз весом в 180 тонн; паровоз Малетта при 8 осях будет иметь сцепной вес в 240 тонн, но его скорость на предельном под'еме будет не свыше 12—14 *км*/час, а коэфициент сцепления — на 10—15% меньше; в соответствии с последним и вес передвигаемого поезда не достигнет 5.260 тонн. Но, во всяком случае, при смягчении уклона, вес поезда, передвигаемого паровозом в 180 тонн, будет не меньше, чем электрического поезда на несмягченном уклоне, так что и здесь число пар поездов будет одинаково.

Если даже не смягчать уклона, то достаточно несколько переконструировать тип Т паровоза, а именно — увеличить число осей до 6, чтобы сцепной вес повысился до 120 тон и паровоз смог передвигать составы такого же веса, как и электровоз при 20-тонной стяжке. Тут уж нечего говорить о первоначальных затратах, они неизбежно будут меньше при паровой тяге. Зато эксплоатационные расходы будут больше и, в результате, себестоимость перевозок будет менее выгодна при паровой тяге, чем при электрической. В еще большей степени это будет иметь место при 50-тонной стяжке, когда и число поездов окажется большим при паровой тяге, благодаря неполному использованию допускаемого усилия в стяжке, и потребуются значительные единовременные затраты на смену рельс типа Ia (а не IIa) более тяжелыми (50 *кг*/*м*).

[1] Я принимаю смягчение до 0,006 на кривых и добавляю еще приведенный уклон, характеризующий влияние последних.

Таким образом, выводы автора о приемуществе электрической тяги перед паровой на Курском направлении будут правильными для случая 50-тонной стяжки, но разница в пользу электрической тяги будет много меньше. Для случая 20-тонной стяжки будет иметь место очень сходный вывод, если речь пойдет о несмягченном профиле для паровой тяги, но для смягченного профиля, вопрос пока остается открытым.

Мы видим отсюда, что ошибки, допущенные в основных расчетах, резко искажают сравнение варианта электрификации с вариантами, проработанными теми же лицами, хотя и менее подробно — с вариантами улучшения паровой тяги на Курском направлении. Но уже нечто совершенно необыкновенное получается при сравнении с вариантом, который автором не только не проработан, но и вовсе не изучен,— с вариантом постройки новой дороги на Воронеж и Коломну.

Однако, прежде чем говорить по существу о сравнении электрификации Курского направления с этим последним вариантом, не мешает отметить, что ламентации автора, будто вариант электрификации Курского направления был в НКПСе заброшен и затерт вариантом сверхмагистрали, лишены основания. Позволю себе привести краткую историческую справку. Мысль об усилении связи между Донбассом, с одной стороны, Москвой и Ленинградом — с другой, возникла еще до начала империалистической войны, но только последняя показала крайнюю остроту положения, при котором промышленные районы страны связаны с единственным мощным каменноугольным бассейном лишь одной двухпутной магистралью (через Курск и Харьков), в помощь которой имеется только пара слабых линий. Особенно эта острота выявляется потому, что Курская дорога служит одновременно чрезвычайно важной артерией для соединения центра с восточной Украиной, дающей большие потоки иных грузов, кроме угольных, не говоря о значительном пассажирском движении. Именно эта загруженность вызвала к жизни ряд проектов соединения Москвы с Донбассом самостоятельной линией, которая взяла бы на себя угольные перевозки, оставив остальные на существующем направлении; изыскания в поле впервые были произведены для этой линии в 1915 г., но до 1918 г. все проекты углевозной дороги не имели ничего общего со сверхмагистралью и давали просто-напросто разгружающую линию с уклоном до 0,008 и плохим виртуалом. Только после исследований Н. К. Мекка и покойного Б. Д. Воскресенского к углевозной дороге были пред'явлены повышенные технические требования (уклон 0,004), а в 1921 г. мною было добавлено требование наилучшего виртуала, сравнительно легко выполнимое по топографическим условиям района. Выполнение этих требований и создавало сверхмагистраль, изыскания которой были проделаны в 1919—1922 гг.

Одновременно с этой последней работой, начиная с 1919 года в Научно-Техническом комитете НКПСа разрабатывался проект электрификации Курского направления, в качестве эквивалента постройки сверхмагистрали. Беда была лишь в том, что проект последней был закончен,

а проект электрификации так и повис в воздухе, не превратившись в какую-либо удобопонятную форму, несмотря на то, что сидели над ним не менее 5 лет. Основной причиной этого печального явления было, повидимому, то обстоятельство, что проектирование было поручено чистым электротехникам, невинным, как младенцы, во всем, относящемся к железнодорожной эксплоатации, а при электрификации железной дороги основные предпосылки — именно эксплоатационые, тогда как электротехника играет лишь второстепенную роль.

Когда же проблема надежного соединения Москвы с Донбассом встала перед Госпланом СССР уже не как вопрос отдаленного будущего, а как один из актуальнейших вопросов современности, тогда в программу изысканий НКПСа и были включены одновременно: и окончательные изыскания самостоятельной сверхмагистрали, и окончание составления проекта электрификации Московско-Курского направления, и вариант усиления его с паровой тягой.

Таким образом, начиная с 1919 г. всегда шла одновременно разработка различных вариантов соединения Москвы с Донбассом и жаловаться на то, что вариант электрификации был в забросе — не приходится; правда, в его первом воплощении из него ничего не вышло, но это уже, как говорилось прежде, от дьявола.

Обратимся теперь к существу сравнения вариантов электрификации и постройки новой сверхмагистрали в том виде, в каком оно выражено в статье Н. П. Садикова. Я уже указывал ранее, что это сравнение имеет ярко выраженный полемический характер, в отличие от спокойного тона первой части его статьи, где, между прочим, сказаны следующие слова, которые можно только приветствовать: „При решении такого вопроса... должны, конечно, быть подсчитаны и сравнены все возможные варианты и из них должен быть выбран тот, который при минимальных затратах дает максимальную выгоду при эксплоатации. Но для этого необходимо иметь подробно разработанные как первый, так и второй варианты, чтобы от общих предположений перейти к конкретным цифрам“ (стр. 214.)

После такого категорического заявления читатель может ожидать только подробного параллельного сравнения строительных и эксплоатационных расходов в обоих случаях. Ничуть не бывало; автор никаких подсчетов для Воронежского направления не сделал и применяет недопустимый метод сравнения варианта, ему прекрасно известного и проработанного при его участии, и варианта, о котором он имеет лишь поверхностное понятие и для которого он никаких подсчетов не делал.

Полемическая часть статьи начинается претензией автора на то, что „несмотря на такие блестящие результаты, которые получаются после анализа основных данных проекта электрификации Курской дороги, в печати был отмечен ряд дефектов того варианта, который признается нами, как единственно правильно разрешающий поставленную задачу“. Это, поистине, восхитительно! Автор явно обижен на те статьи, которые появились в печати *до* выхода в свет № 10 „Планового Хозяйства“; что же будет с ним, когда ему придется читать инакомыслящия суждения, которые появятся в свет *после* опубликования его статьи? Далее, очень недурна претензия на то, что злокозненные авторы указывают на дефекты того варианта, который Н. П. Садиков считает

единственно правильным. Вероятно, каждый автор считает правильной *свою* точку зрения; ведь есть проект соединения Донбасса с Москвой помощью канала и, надо полагать, автор ее считает именно данное решение „единственно правильным“. Но задача автора заключается не в том, чтобы самому быть убежденным в преимуществах своего труда, а в том, чтобы убедить в этом и других. Попытка в этом направлении Н. П. Садиковым сделана, но уже в силу упомянутой выше полной неверности и пристрастности самого метода подхода, она цели не достигает и достигнуть не может, несмотря на некоторые чисто софистические ухищрения.

Рассмотрим теперь, какими же аргументами защищает Н. П. Садиков преимущество электрификации перед постройкой новой дороги и чем он парирует те указания на дефекты первой, которые приводились в злокозненной печати.

Первое возражение против Курского направления, как известно, сводится к его несравненно худшему профилю и большей длине по сравнению с Воронежским направлением. Автор против этого очевидного факта не возражает, но изрекает, что электрификация вполне справится с поставленной для нее задачей и даже может выдержать нагрузку вдвое большую, чем предвидено для 1940 г. Да ведь не о том идет речь, что электрификация не сможет развить очень высокую пропускную способность, а о том, выгоднее ли будет таскать уголь по профилю, имеющему в 2,5 раза большую сумму преодолеваемых высот и в 2,5 раза более крутые уклоны, чем профиль Воронежского направления. На этот основной вопрос автор никакого ответа не дает и не задумывается о том, что именно наличие подобных благоприятных условий и позволяет паровой тяге на Воронежском направлении успешно конкурировать с электрической на Курском. Скромно умалчивается и о том, что пробег лишних 40 километров повышает полную себестоимость перевозки, которая только и интересна для грузополучателя, и о том, какова будет себестоимость перевозок в пределах Московского узла, т.-е. по Окружной дороге и ее ветвям. Заявление же о том, что провозная способность дороги может быть удвоена по сравнению с 1940 г. столь легкомысленно, что его лучше обойти молчанием.

Итак, первое, и самое главное, возражение против избрания Курского направления, как основной артерии для перевозки угля, осталось не опровергнутым.

Далее, автор считает, что сосредоточение на одной линии очень интенсивного товарного и пассажирского движения очень выгодно, так как повышает коэфициент эксплоатации. Верно, оно выгодно, но только до тех пор пока различные виды движения не станут мешать друг другу; а то, что они в данном случае мешают, видно из отчаянно напряженного „пакетного“ графика и из тех огромных сумм, которые нужны на переустройство узлов и т. д. Именно при подобных обстоятельствах и прибегают к постройке „разгружающих“ линий, а за границей — иногда и к выделению отдельных категорий движения на специальные пути.

Отсюда уже сам собою вытекает третий вопрос — о наличии большого количества узлов; автор вполне правильно говорит, что даже при постройке новой сверхмагистрали узлы Курской дороги придется развивать, но совершенно неправильно его предположение, что это раз-

витие пропадет даром, когда будет снят угольный поток; неправильно также суждение о том, что размеры развития будут одинаковыми. Если угольный поток навсегда останется на Курском направлении, то развитие должно делать с большим запасом, так как недопустимо каждые 2—3 года переделывать узел и станции в силу тех огромных неудобств и лишних расходов для эксплоатации, которые неизбежно сопряжены со всякими перестройками эксплоатируемой дороги. Если предположено будет снять в таком-то году угольный поток на сверхмагистраль, то развитие должно считаться именно с этим годом, притом, что называется, „в притык", в предположении, что после ухода угля путевые устройства для него будут использованы для прочих грузов. Конечно, к стоимости сверхмагистрали должна быть прибавлена стоимость развития узлов Курского направления, но в гораздо меньших размерах, чем при электрификации последнего, при чем деньги эти ни в коем случае не могут считаться затраченными напрасно или преждевременно, как полагает Н. П. Садиков.

Затем следует замечательное соображение о том, что по новой сверхмагистрали не будет сокращения пробега антрацитов, а скорее его удлинение, так как, по мнению Н. П. Садикова, сверхмагистраль сокращает пробег лишь для восточного Донбасса. Это соображение можно об'яснить только тем, что автор не дал себе труда взглянуть на карту и подумать, к каким же станциям Донбассовской сети примыкает сверхмагистраль. Должен довести до сведения Н. П. Садикова, что Шахтинский (Грушевский) антрацитовый район восточного Донбасса вообще не входит в сферу действия свехмагистрали, а другой восточный район — Должанский — дает лишь малое количество угля для нее. Основная масса антрацита на сверхмагистраль пойдет как-раз из того центрального района, который, по мнению автора, не дает сокращения пробега. Цифры говорят иное. Сверхмагистраль примыкает к линиям Донбасса в двух пунктах: в Родакове, для вывоза курных углей, и в Колпакове или Штеровке, т.-е. в самом центре крупнейших антрацитовых районов, для вывоза антрацита. Расстояние от Штеровки до Лимана (начальной точки Курского направления) равно 173 *км*, а до Айдара (начальный пункт Воронежского направления) —116 *км*, т.-е. на 57 *км* меньше. И это — по весьма несовершенным изысканиям 1926 года, которые не учли выгодности применения электрической тяги для линий, ведущих от глубокой долины Северного Донца на высокое Донбассовское плоскогорье, а потому повели к очень значительному увеличению строительной и эксплоатационной длины. При расчете на электрическую тягу и примыкании не к Колпакову (как было сделано по изысканиям 1926 г.), а к Штеровке, расстояние Штеровка — Айдар вряд ли будет больше 95 *км*, т.-е. даст сокращение уже на 77 *км*. Какие бы меры для удешевления перевозок в Донбассе ни были приняты, это сокращение пробега не может не отразиться весьма благоприятно на сумме эксплоатационных расходов.

Из всего сказанного видно, что попытки возвеличить Курское направление, как таковое, по сравнению с Воронежским, оказались покушением с негодными средствами. Посмотрим теперь, как автор реагирует на те сомнения, которые возникали по поводу самой электрификации Курского направления у лиц, осмеливающихся инако мыслить, чем Н. П. Садиков.

Он не отрицает отсутствия у нас какого бы то ни было опыта в деле электрификации магистралей, осторожно умалчивая о том, что мы не обладаем и персоналом, нужным для самого процесса электрификации и для эксплоатации электрифицированной дороги, но опыт в этом отношении считает необходимым, а наиболее подходящим об'ектом для последнего — Курское направление. Никто не возражает против необходимости опыта или точнее, опытов, которые выявили бы и наиболее подходящие для нас системы тяги и те бесконечные детали отдельных элементов электрической дороги, пригодность которых для данных условий может быть определена только опытом; мало того, электрификация опытных участков должна считаться необходимой и потому, что только на них может быть подготовлен необходимый кадр персонала для более широкой электрификации. Этим путем шли и идут всюду за границей, но никто еще не додумывался и, надеюсь, не додумается до такой блестящей идеи, чтобы об'ектом опытов избрать двухпутную дорогу длиной свыше 1.000 *км*,[1] с огромным движением, являющейся чуть не основной жизненной железнодорожной артерией для страны. Если даже плюнуть на опыты с различными системами, как этого хочется Н. П. Садикову, то хороши мы будем, приняв тип подвески на этой линии непроверенным для наших климатических условий, заказав 300 электровозов (из коих 150 двойных) без проверки того, какие типы их наиболее удовлетворительны в наших условиях работы и, вообще, снабдив себя оборудованием, достоинствам которого придется верить лишь на честное слово; но в еще лучшем положении мы окажемся, когда постройка будет кончена какими-то неисповедимыми путями, о которых Н. П. Садиков умалчивает, а обслуживать ее будет персонал, никогда в жизни электрической дороги не видевший. Нет, делать подобных экспериментов не приходится и следует поискать для электрификации более короткие, более простые по условиям работы участки; такими, скорее всего, являются участки в пределах Донбасса как существующие, так и намеченные к постройке. Почему я указываю именно на эти участки, здесь останавливаться не стоит, а желающих ознакомиться с вопросом — отсылаю к своей книге „Сверхмагистраль".[2]

Еще один довод в пользу постройки сверхмагистрали, как дающей наиболее обеспеченное соединение Донбасса с Москвой, благодаря возможности использовать одну линию в случае перерыва или закрытия движения на другой, снисходительно признается со стороны Н. П. Садикова „не встречающим особых (!) возражений", но при этом Н. П. Садиков „имеет в виду", что полной взаимозаменяемости обеих линий быть не может, так как ни одна из них не может выдержать полного грузового потока в случае порчи другой. На этот блестящий аргумент могу только рекомендовать Н. П. Садикову познакомиться хоть в общих чертах с практикой постройки подобных линий, из которой он может узнать, что никто и никогда не строил двух или нескольких линий параллельно-конвергентного характера с таким расчетом, чтобы каждая из них имела двойной и тройной запас пропускной и провозной способности. Когда наступает трагический момент перерыва движения по одной линии, то

[1] Так как не одну линию Лиман—Люблино придется электрифицировать, а и подводящие к ней линии в Донбассе и Окружную дорогу в Москве.

[2] Издание „План. Хоз.", 1925 г.

надо радоваться, что есть другая линия, которая хоть часть прерванного движения может воспринять, пожертвовав для этого, обычно, частью и своего движения. Тогда приходится говорить: „не до жиру, быть бы живу".

После этих рассуждений автор рассматриваемой статьи переходит к тем „громадным преимуществам, которые предоставляет электрификация Курского направления по сравнению с постройкой сверхмагистрали применительно к грузообороту 1931 года"; эта последняя добавка (сделанная, правда, незаметно, в примечании) великолепна, так как автор знает, что к 1931 г. ни электрификация, ни новая сверхмагистраль готовы быть не могут. Поэтому цифры его приходится все изменить хотя бы для 1935 г., т.-е. взять средними между 1930 и 1940 гг.

Первое „преимущество" заключается, якобы, в меньшем количестве единовременных расходов, которые исчислены автором в размере 66 млн. руб. для электрической тяги и 150 млн. руб. для паровой. Первая цифра получена весьма просто: из первоначально исчисленной суммы 158 млн. вычтена стоимость переустройства станций и освобождающегося подвижного состава. Но мы уже видели выше, что обе вычитаемые суммы непомерно преувеличены, особенно — вторая; мы видели, что стоимость электровозов взята явно преуменьшенной. А теперь мы еще добавим, что автором в сумму первоначальных затрат вовсе не включена стоимость специально-железнодорожной Курской централи (около 25 млн. руб., судя по исчисленной им мощности) и что расход приходится брать, как уже упомянуто, не по 1931 г., а по 1935 г. Вот если мы все это учтем, так единовременный расход будет не 66 млн. руб., а побольше 200 млн. Точную цифру я пока умышленно не ставлю; пусть подумают о ней те, кто пытается проделать с электрификацией такую же штуку, которая сплошь и рядом проделывается при составлении смет: пока работа не начата, ее стоимость исчисляется, скажем, в 66 млн. рублей, а потом оказывается, что фактический расход превышает сметный в несколько раз.

Ну, по части того, что провозная способность однопутной сверхмагистрали для перевозки только угля будет ниже, чем пропускная способность Курской дороги для того же угля, позволительно усумниться: поезда-то будут на первой много тяжелее, а следовательно, и число их соответственно меньше.

Второе „преимущество" заключается в том, что себестоимость перевозки угля по „ориентировочному специальному подсчету" равна $^1/_{300}$ коп. с пудо-километра на Курском направлении и может быть значительно понижена за счет дохода от перевозки других платежеспособных грузов и пассажиров, тогда как на сверхмагистрали все расходы, не зависящие от движения, равно как амортизация и капитализация, ложатся почти целиком на угольные перевозки.

Здесь рассыпаны такие перлы и адаманты железнодорожной экономики, что на них следует остановиться поподробнее. „Себестоимость в $^1/_{300}$, определенная специальным подсчетом", очевидно, есть нечто иное, чем определенная выше тарифная ставка, полученная простым использованием на нее снижения доходов с других грузов. Но оказывается, что себестоимость также равна $^1/_{300}$ коп. Удивительно благополучное совпадение, но зато очень откровенно указывающее на какую-то грубую ошибку в методах подсчета. На самом деле: перевозки массовых

транзитных грузов могут обходиться в 1,5 максимум в 2 раза дешевле остальных товарных перевозок по той же дороге; отсюда вытекает, что себестоимость прочих товарных перевозок по Курской дороге, в случае ее электрификации, обойдется в $^1/_{200}$—$^1/_{150}$ копейки с пудо-километра. Ведь это явный абсурд; а если бы потребовались тому доказательства, то, пользуясь без всяких даже коррективов цифрами Н. П. Садикова, помещенными в его таблицах 3 и 4, получаем для 1940 года среднюю себестоимость перевозки всех грузов, включая и уголь, в $^1/_{120}$ копейки [1]

Способ получения чуть не нулевой себестоимости, впрочем, еще не так важен, потому что он, конечно, должен был бы быть примененным Н. П. Садиковым и к сверхмагистрали, так что искажения сравнения здесь не получается; получается только искажение абсолютных цифр. Зато уже самое настоящее искажение сравнения делается автором при его рассуждениях о том, что все расходы по постройке и эксплоатации сверхмагистрали падают почти исключительно на угольные перевозки. Подобное предположение могло бы иметь место только в том случае, если бы Курское направление и сверхмагистраль находились в руках различных владельцев; но раз они находятся в руках одного владельца, которым в настоящее время является государство, то обе дороги должны рассматриваться, в смысле своих доходов и расходов, как единый комплекс. Ведь, на самом деле, чего достигает постройка сверхмагистрали? Да в первую очередь — разгрузки Курского направления. И, очевидно, нам приходится все расходы по капитализации и амортизации неподвижных устройств новой дороги распределять не только на угольные перевозки, но и на перевозки Курской дороги. Расходы по приобретению подвижного состава и все виды эксплоатационных расходов, разумеется, распределяются по отдельным группам перевозок. Для того чтобы еще более наглядно пояснить сказанное, предположим, что угольные перевозки выделены на особый третий путь по Курскому направлению. Очевидно, что расходы по капитализации и амортизации сооружения этого пути всякий отнесет не только на уголь, но и на все остальные перевозки, условия которых облегчились, благодаря выделению угольных поездов на особый путь. Роль сверхмагистрали по отношению к Курской дороге совершенно такова же, как роль третьего пути, с той разницей, что он проложен в несравненно лучших условиях, а потому чисто эксплоатационные расходы, прямо на него относящиеся, будут меньше, чем в случае прокладки действительного третьего пути.

Этим еще не исчерпывается необходимая комплексность сравнения; ведь новая сверхмагистраль не только вызовет к жизни новые грузы, но и снимет с других дорог угольные и прочие грузы, перевозя их по более короткому направлению при несравненно более благоприятных условиях профиля, плана, узлов и т. д. На этом получатся весьма основательные дополнительные сбережения, которые при сравнении двух вариантов также необходимо учесть.

Вот если обратиться к указанному выше комплексному методу сравнения, как единственно правильному с точки зрения общегосудар-

[1] Если взять $^1/_{300}$ для угля, для прочих перевозок получаем $^1/_{80}$: невозможная диспропорция.

ственной экономики, то от всех априорных рассуждений Н. П. Садикова не останется ровно ничего.

Дальнейшее его соображение заключается в том, что электрификация Курского направления улучшит условия местного товарного и пассажирского движения и увеличит пропускную способность „главнейшей ж.-д. магистрали СССР". Первое утверждение верно только отчасти; потому что влияние угольных поездов на остальное движение не может остаться безвредным, чем парализуется очень значительная часть улучшения условий его работы. Второе соображение, конечно, верно, но ведь увеличение провозной способности Курской дороги с таким же успехом достигается при постройке сверхмагистрали, так как в последнем случае потребная пропускная способность Курского направления уменьшится чуть не вдвое.

Наконец, последний довод в защиту электрификации базируется на том, что высоковольтная линия передачи вдоль железной дороги даст огромные выгоды краю, большие, чем то оживление новых бездорожных районов, которое выявится при постройке сверхмагистрали. Нисколько не возражая против крайней важности электрификации района вдоль Курской дороги, я полагаю, однако, что для этого тратить колоссальные деньги на электрификацию самой дороги вовсе не требуется. Высоковольтная линия может быть проведена вдоль дороги для промышленных и сельскохозяйственных целей и стоить это будет, сравнительно, пустяки.

Таким образом, вместо обыкновенного сравнения двух вариантов мы встречаем крайне одностороннее освещение вопроса и предвзятость в пользу только одного из этих вариантов, а именно — электрификации Курского направления. Подобный подход чрезвычайно опасен, так как преждевременные эксперименты огромного масштаба, предпринятые без надлежащей и всесторонней подготовки, неизбежно дискредитируют самую идею электрификации железных дорог. А между тем, если у этой идеи много защитников, то еще больше противников, которыми будет раздуваться всякая неудача электрической тяги, неизбежная в первые периоды ее работы и, конечно, выявляющаяся особо ярко там, где сразу электрифицируется очень длинная и очень мощная железная дорога. К электрификации таких дорог допустимо приступать лишь тогда, когда с полной уверенностью можно ожидать, что эффект введения электрической тяги сразу и всесторонне докажет ее преимущества, а действительная стоимость электрификации будет соответствовать сметной. Поэтому-то я и считаю, что плохую услугу делу электрификации оказывают те, кто предлагает немедленно электрифицировать, без всякой предварительной подготовки, линии огромной длины и огромного значения.

Зато чрезвычайно важным мне представляется немедленный приступ ко всесторонним испытаниям электрической тяги на пробных, т.-е. сравнительно коротких линиях. С этими опытами, действительно, опаздывать нельзя и следует теперь же наметить 2 - 3 участка длиной по 50—100 километров, которые могли бы быть использованы для указанной цели, не считая тех пригородных и перевальных участков, где условия работы и характер оборудования совершенно иные.

А. Горев

Водные ресурсы Закавказья и значение их утилизации в общем плане народного хозяйства [1]

Армения

Возвышенное плато, на котором расположена северо-западная часть Армении, обладает хорошими, по преимуществу, черноземными почвами и отличается, благодаря своей большой высоте над уровнем моря, сравнительно холодным климатом. Это отражается на типе сельского хозяйства, которое здесь имеет зерновой и животноводческий характер. Железная дорога из Тифлиса, после пересечения р. Храм, начинает подниматься на плато, при чем под'ем постепенно возрастает. В районе впадения реки Дзорагет (Каменка) в Дабеда-чай, в двадцати верстах от Калагерана, строится первая большая гидростанция Армении. Река Каменка берет свое начало в так называемых Мокрых Горах, расположенных к западу от железной дороги и тянущихся широким плоскогорьем с севера на юг. Влажный теплый воздух с побережья Черного моря, попадая в сравнительно холодный возвышенный район, выделяет здесь свою влагу, что дает начало ряду ручьев и речек, к числу которых принадлежит и Дзорагет. Эта речка, начинаясь в больших заболоченных пространствах западной части Лори-Бамбакского плато, врезается в него глубоким каньоном, при чем последние 3 *км* течения обладают падением около 100 *м*, каковое и предположено использовать для получения электрической энергии. Минимальный расход реки — около 6,5 $м^3$ сек. несколько повышается устройством небольшого водохранилища при помощи 15-метровой плотины, запирающей выход из расширенного в этом месте каньона. От плотины вода тоннелем, длиною около 3 *км*, выводится на берег реки Дабеда-чай, где и предположено построить гидростанцию. При среднем напоре в 114 *м*, гарантированная в течение круглого года мощность получается около 9.000 лош. сил. На станции предположено установить в первую очередь два аггрегата по 6.400 квт., при чем как тоннель, так и здание станции строятся на 3 аггрегата. Стоимость станции и повышающей подстанции, рассчитанная на все три турбины, составляет 8,3 млн. руб., что дает 430 руб. на установленный квт. Составлен детальный план использования станции; нагрузка распределяется между потребностями района (в 20 верстах от станции расположены Аллавердские медные рудники и заводы; г. Калагеран; сельскохозяйственная нагрузка Лори-Бамбакского района, мельницы и молочное хозяйство), что в общей сложности оценивается в 3.800 квт. Далее, в непосредственном соседстве со станцией располагается циан-амидный завод,

---

[1] Окончание, см. „План. Хоз", № 1 за 1928 г.

в котором предположено установить три печи по 3.500 квт. Эти печи работают не круглый год, а в соответствии с наличием воды в реке, используя так называемую сезонную энергию. Расчет показывает, что при цене энергии в 1,5 коп. за квтч. для района, куда энергия будет отпускаться в течение круглого года, можно назначить среднюю цену энергии для циан-амидного завода в 0,7 коп. за квтч. При этом стоимость тонны продукта оказывается равной для первой печи, которая работает 85% времени года около 112 руб. тонна, для второй (65%) — 100 руб. тонна и для третьей (45%)—124 руб. тонна. Таким образом, работа второй печи на сезонной энергии оказывается безусловно выгодной; однако, и третья печь дает цену продукта, безусловно допускающую выгодное применение его в сельском хозяйстве. (Предельная цена этого удобрения около 150 руб. тонна.) Кроме того, предположено устройство небольшого завода для производства изоляторов из базальта (800 квт.). Нужно отметить, что в данном случае мы имеем пример комбината, который сразу проектируется на возможно полное использование всей энергии, которую может дать река путем сооружения завода, рассчитанного заранее на потребление сезонной энергии. Такая проектировка с предварительным выбором потребителя и назначением для него того режима, который дает максимум рентабельности всего комбината, возможна только при едином хозяине у станции и у потребителя. В данном случае идея использования сезонной энергии для специального завода весьма целесообразна; возможно, что предел такого использования взят несколько выше, чем следовало: может быть, следовало бы ограничиться двумя печами по 4—4,5 тыс. квт. и двумя генераторами на станции по 8 тыс. квт. Это касается, однако, деталей проектировки; удешевление от такого изменения не может быть значительным, так как основные сооружения — плотина, канал, трубопроводы,—остаются почти без изменения.

Потребителем циан-амида должны быть хлопковые плантации Южной Армении и Азербайджана, светлые лессовидные почвы которых имеют азот в минимуме и дают поэтому при азотистом удобрении крупный прирост продукции.

В конце сентября месяца работы были развернуты уже широким фронтом. Русло реки для постройки плотины должно быть осушено путем отвода воды через донный тоннель, который был пройден в скале на 30 *м*. Построена часть бараков для рабочих; самое главное, проложены хорошие шоссейные дороги к месту постройки плотины, что дает удобный подвоз материалов и удобное сообщение с железнодорожной станцией Калагеран. Место постройки станции расположено у самого полотна железной дороги. Относительно места постройки циан-амидного завода существуют два мнения; его можно построить или около самой станции или около гор. Караклиса, находящегося в 20 верстах от станции по железной дороге. Хозяйственно выгодно построить завод около станции; однако, устраивать там же и рабочий поселок нецелесообразно, так как тогда рабочие окажутся изолированными и заброшенными в порядочную глушь. Создавать же на новом месте культурный центр при малочисленности общего персонала станции и завода — дорого. Повидимому возможно такое решение: установить между городом и станцией специальное пассажирское движение для рабочих, которое было бы достаточно дешево, быстро и удобно. В особенности это легко осуществить при электрификации участка дороги Караклис — Санаин, каковая, в виду трудного профиля, окажется необходимой при под'еме грузооборота дороги, долженствующей играть в будущем весьма важную роль, как выход из Северной Персии к берегам Черного моря и по окончании Черноморской дороги — на общую железнодорожную сеть Союза. Электрификация этого участка проектировалась в целях усиления его пропускной способности еще до войны.

Обращает на себя внимание то усердие, чтобы не сказать рвение, с которым работали армянские рабочие на постройке. При этом оказалось, что работают не сдельно, а поденно, и что поденная плата составляет всего 1 р. 20 коп. в день. О причинах этого мы скажем ниже. Пока нужно еще отметить, что строительство пользуется всемерной поддержкой армянского правительства, что реально проявляется на каждом шагу. Руководит работами группа инженеров и техников, только что закончившая сооружение Ширакского канала около Ленинакана и работавшая на постройке заканчивающейся сейчас Ленинаканской гидростанции. И в этой постройке можно надеяться на использование опыта, полученного в аналогичном строительстве в тех же местных условиях.

Приятно поражает обилие и сравнительно хорошее состояние шоссейных дорог. Везде идет ремонт. Дороги допускают быструю езду на автомобиле. И в Грузии и в Азербайджане состояние дорог значительно хуже. Местное население оказывает дорожному делу крупную помощь, чем отчасти и об'ясняется эта разница.

Ленинакан

Первое впечатление от Ленинакана было несколько неожиданным. Мы под'ехали не к самому городу, а к бывшему военному поселению, превращенному сейчас в громадную детскую колонию. Здесь нашли себе приют свыше 20.000 сирот, потерявших своих родителей во время войны и национальной резни или бежавших в советскую Армению из-за границы. Организации воспитания сирот была оказана помощь со стороны американского общества помощи на Ближнем Востоке, которое дало, между прочим, и штат воспитателей. Дети окружили нас целой тучей и засыпали вопросами, о том, кто мы, зачем приехали, и высказывали нам различные пожелания.

Руководители — американцы — невозмутимо играли в бейсболл вместе со старшими ребятами. Веселые здоровые лица, чистое платье, свободное обращение, открытое проявление радости, когда дети узнали, что среди нас находится член правительства, — все это оставило чрезвычайно благоприятное впечатление. В данное время детей осталось около 4.000; остальные уже вышли из этого приюта и бодро пошли строить новую жизнь. После сотен лет рабства и вечной национальной резни, наконец, настало желанное время — время свободного мирного труда без постоянного страха за свою жизнь. Впервые за много сотен лет они имеют, наконец, свое свободное отечество и лихорадочно пытаются построить свою новую жизнь. В Армении среди рабочих и крестьян нет недовольных советской властью. Тому, кто сомневается в целесообразности национальной политики соввласти, следует побывать в Армении.

Многие из этих сирот работают сейчас на новой текстильной фабрике в Ленинакане. Там они проходят сначала подготовительную про-

фессиональную школу, а затем с тем рвением, которое сейчас характерно для каждого труженника — армянина, становятся за новый станок. Другие идут на тяжелую крестьянскую работу на новых полях, только что орошенных новым Советским каналом.

Ширакский канал берет свое начало из р. Арпачай. В русле реки сделан простой бетонный бараж, обеспечивающий правильный забор воды в тоннель, длиною около 3 *км*. По выходе из тоннеля канал, пропускающий 8 *куб. м* воды в секунду, разветвляется; часть воды сбрасывается обратно в Арпачай, который здесь течет в глубоком каньоне, при напоре в 125 *м*. Другая часть идет дальше и через 6 *км* распределяется для орошения 14.025 *га* черноземной земли, страдавшей от засухи. На сбросе устроена гидростанция, которая совсем спряталась в узком, глубоком каньоне. На ней устанавливаются свыше 5.000 квт. электрических машин. Зимой станция обеспечена водой полностью, летом, во время полива, выработка ограничивается, примерно, 2.000 квт. средне-суточной мощности. Общая стоимость всего сооружения, которое теперь заканчивается, укладывается в пределы заранее намеченной сметы в 2.800 тыс. руб. Относя на производство энергии 1.600 тыс. руб., что дает 320 руб. на установленный квт. мощности, получаем на орошение — 1.200 тыс. руб., или около 100 рублей на гектар, что следует признать достаточно низким, в особенности если принять во внимание, что в эту стоимость входит не только сооружение магистрали, но и распределителей. Правда, здесь хотя и прекрасная почва, но зато высоко и сравнительно прохладно, сеют пшеницу, свеклу, лен. При этих культурах искусственное орошение только тогда выгодно, когда оно стоит дешево. В данном случае это так и есть. Следует отметить, что орошенная площадь почти полностью освоена, так как орошены, главным образом, уже поднятые земли. До орошения урожайность, благодаря отсутствию влаги и крайне примитивным способам обработки почвы, стояла очень низко. Орошение удваивает урожайность при тех же способах обработки. Теперь дело за машинами, агрономической рационализацией и искусственными удобрениями, чтобы довести урожайность до той высоты, которая может вообще быть получена при данных естественных условиях.

Стоимость электрической энергии на новой станции, считая, что в среднем в течение года можно будет использовать станцию в течение 4.000 часов, т.-е. получить около 20 млн. квтч., будет около 0,8 коп. за квтч. Возможность разместить энергию налицо. Рядом — Ленинакан, центр новой индустриальной Армении. Здесь частью уже работает, частью достраивается первая половина большой текстильной фабрики. Все сооружение рассчитано на 80 тыс. веретен с последующей переработкой пряжи в ткань и с отделкой ткани. Все предприятие займет свыше 5.000 рабочих. Сейчас фабрика снабжается от временной дизельной станции, которая строится, к сожалению, в слишком фундаментальном здании, хотя дизеля устанавливаются старые. При полном развитии фабрики, энергии гидростанции будет мало даже для одной фабрики. Между тем, в городе существует и строиться и ряд других мелких фабрик. При постройке отделочной фабрики можно будет получить дешевую энергию на пару, который потом пойдет в производство и для увлажнения воздуха. Вообще же, при том лихорадочном темпе, с которым сейчас развивается город, в нем, повидимому, будет недостаток в электрической энергии.

Рабочие для фабрики комплектуются как из учеников профессиональной школы, так и из кустарей, имеющих уже навык в текстильном деле. Приятно отметить то заботливое внимание, с которым все своевременно было предусмотрено.

Недавнее землетрясение в Ленинакане не повредило фабрике. Вообще, здания, не только деревянные, но и каменные, построенные с железными связями стен, при землетрясении, как правило, не пострадали. Однако, таких зданий было не так много; город оказался сильно разрушенным. Сейчас идет лихорадочная работа по его восстановлению. Наличие в непосредственном соседстве с городом прекрасного строительного материала — туфа — благоприятствует новому строительству. В общем получается впечатление крупной коллективной созидательной работы. Новые люди, полные энергии и веры в будущее, дружно строят новый индустриальный город, в темпе напоминающем, а может быть и превосходящем темп строительства американских городов-пионеров. Внешним символом этой параллели является рациональное обозначение улиц цифрами, возрастающими в порядке самих улиц. Благодаря этому любой адрес в городе легко найти без плана и без расспросов.

Озеро Гокча (Севан)

Шоссейная дорога из Караклиса в Эривань идет сначала на восток на Делиджан, поднимаясь от него на перевал, отделяющий бассейн озера Севан. Мы поднялись по зигзагам шоссе на высоту перевала (2.130 *м*), ожидая увидеть на противоположной стороне крутой спуск. Вместо этого, лишь на 200 *м* ниже перевала лежит громадное водное пространство, отдаленный край которого сливается с горизонтом. Красивые, возвышенные берега окружают абсолютно прозрачную темно-голубую воду озера. Площадь озера 1.400 *кв. км*. Глубина доходит до 150 *м*. На берегу озера, в Еленовке, мы встретили научных работников, занятых исследованием. озера как со стороны гидрологии, так и в отношении рыбоводства. Достижения в этой последней области весьма интересны. Из озера Ильмень, с севера, была привезена два года тому назад оплодотворенная икра волховского сига, которая и была пущена в озеро. Оказалось, что условия для развития этой породы рыб в озере Севан весьма благоприятны. Мало того, рыба эта питается мельчайшими организмами, которые не служат пищей для основного рыбного населения озера — форели — и держится в других глубинах. Поэтому мирное сожительство этих двух видов рыбы — своеобразный комбинат в области рыбного хозяйства — обеспечено. Число переселенцев в озере теперь перевалило уже за 1 миллион и старейшие из них достигли уже веса до 3 фунтов. На ряду с ними в озере в громадном количестве водится форель — ишхан, отдельные представители которой достигают пудового веса. Рыбное хозяйство озера имеет, несомненно, громадное значение в экономике края; вопрос в рационализации улова, консервирования и сбыта рыбы.

Гидрологическое обследование озера ведется специальной комиссией Академии Наук под общим руководством академика Левинсон-Лессина. Значение этой работы громадно. Озеро является естественным водохранилищем, расположенным на высоте 1.930 *м* над уровнем моря. Естественные условия таковы, что выпуск 1 $м^3$/сек. из озера может дать около 10.000 лош. сил или в ряде установок, возможных на вытекающей из

озера реки Занге, или в одной установке путем вывода воды тоннелем в приток реки Тарс-чай, которая, в свою очередь, впадает в реку Акстафинку, приток Куры.

Задача исследования озера — выяснения вопроса о том, какое количество воды может быть из него выводимо без существенного изменения климатических и гидрологических условий всего района. Работа сейчас еще не в таком состоянии, чтобы можно было делать выводы. Однако, сейчас уже ясно, что использовать озеро как регулятор мощности путем устройства высоконапорной пиковой станции можно и что это будет выгодно. Такая идея предполагалась к осуществлению в проектировавшейся еще в 1911 г. концессии Стюарта, который предполагал скомбинировать станцию на озере Гокча с высоконапорной станцией на р. Терек, покрывая за счет понижения горизонта озера периодические недостатки воды в Тереке. Интересно отметить, что за счет понижения горизонта озера на 1 *м* можно получить свыше 3 мрд. квт.-часов электрической энергии, т.-е, примерно, столько же, сколько в прошлом году было произведено всеми электрическими станциями Союза. Станция в 10.000 лош. сил могла бы работать в течение 50 лет при полной нагрузке, израсходовав только 1 *м* слоя воды. Отсюда ясно, какое громадное значение имеет вопрос о водном балансе озера для энергетики края. Приход воды в озере дается осадками, которые стекают в озеро с площади около 4.500 *кв. км* (включая и поверхность воды). Возможен, хотя мало вероятен, также приток вод, падающих в виде осадков на смежную с географическим бассейном озера поверхность суши, в виде подземных ключей. Расход воды из озера идет по трем линиям: испарение (свыше 1.000 *мм* в год); надземный сток через единственную вытекающую из озера р. Зангу; подземный сток, попадающий, повидимому, в конечном счете, в ту же реку Зангу. Разность притока и расхода приводит к изменению горизонта озера, который, действительно, подвержен существенным колебаниям. Изучение элементов водного баланса даст тот материал, который необходим для проектов использования его воды. Ясно, что понижение горизонта, помимо возможности использовать верхний слой воды дает существенное изменение режима, так как главный источник расхода воды — испарение — сократится пропорционально сокращению зеркала озера, обусловленному понижением уровня, тогда как приток воды почти не изменится. Избыточный расход воды может быть при этом использован для получения электрической энергии и потом для орошения. Если, напр., принять, что площадь озера сократится на 10%, то 10% испаряющейся с поверхности озера воды может быть использовано. Ежегодно испаряется около 1.000 *мм*; со 140 *кв. км* это даст 140 млн. *куб. мм* воды, или около 5$м^3$/сек. При напоре в 1.000 *м* мы получим около 50.000 лош. сил средне-суточной мощности, что, имея в виду возможность использовать эту воду в любое время, представляет громадный интерес с точки зрения энергетики. С точки зрения орошения такое количество воды не имеет серьезного значения, тем более, что пытаясь извлечь из нее максимальный народнохозяйственный эффект, мы должны будем спускать эту воду, применяясь к запросам энергетики, зимою, когда она для орошения бесполезна. Вопрос требует дальнейшего освещения; однако, и сейчас кажется ясным, что проблему озера Гокча следует рассматривать, главным образом, с точки зрения энергетики.

Эриванская гидростанция

Эта станция—одна из первых гидростанций, построенных при советской власти. Станция стоит в самом городе на берегу реки Занги. Вода подводится из той же реки каналом, рассчитанным на пропуск около 11 $м^3$/сек. Часть воды ответвляется из канала и сбрасывается обратно в Зангу при напоре в 55 *м*. Остаток идет на орошение прилегающего к Эривани района. Сейчас на станции установлено 2.800 лош. сил; предположено в ближайшем времени установить еще столько же или несколько больше. Предельная мощность станции ограничивается пропускною способностью канала, так как запас воды в напорном бассейне очень невелик и суточное регулирование придется осуществлять путем спуска всей воды через станцию. На станции можно поэтому установить не больше 6—6,5 тыс. лош. сил. Стоимость всех работ, включая полностью подводящий канал и турбины на 5.600 лош. сил., определилась в 1.400 тыс. рублей, что составляет около 350 рублей на установленный квт. — цена рекордная у нас не только для гидравлических, но и для паровых станций. Станция загружается полностью потребностями города, карбидной печи, берущей около 800 квт. и только что открытой водокачки на озере Агрегиель, где установлено насосов на общую мощность в 1.200 лош. сил.

Водокачка Агрегиель. Эта водокачка представляет собой большой интерес, как первый у нас опыт насосного орошения в крупном масштабе. Гора Алагез (Арагац), расположенная к северо-западу от Эривани (с юга от нее высятся мощные вершины Арарата, находящегося уже за Араксом, за Турецкой границей) не дает большого стока надземных вод. Зато имеется, повидимому, связанная в одно целое система подземных протоков, частью выходящая на поверхность в 30 *км* к западу от Эривани и образующая небольшое, но глубокое озеро Агрегиель, питаемое частью подземными, частью надземными ключами. На самом берегу этого озера, собственно уже над водой, построена водокачка, которая электронасосами поднимает воду из озера на высоту 10 и 20 *м*, откуда идут два оросительных канала, господствующих над общей площадью в 5.000 десятин прекрасной хлопковой земли. Насосы, общей мощностью в 1.200 лош. сил, могут подавать в каналы 4,5 *куб. м* воды в секунду. Вся работа стоила около 1.400 тыс. руб., что дает около 280 руб. на десятину орошенной земли. При цене в 2 коп. за квтч. стоимость энергии, затрачиваемой на орошение, составляет ежегодно 10—12 руб. Общая ежегодная стоимость орошения 1 десятины 35—40 руб. Принимая во внимание возможность посева хлопка и устройства виноградников, плодовых садов и т. д., такой расход легко покрывается.

Водокачка заканчивалась постройкой во время нашего посещения и вскоре была пущена в ход. Первые эксплоатационные результаты будут получены в будущем году. Первое время водокачка будет питаться электрической энергией от Эриванской станции, с которой она соединена линией передачи в 30.000 вольт. Впоследствии, по осуществлении проекта орошения Малого Сардарабада, питание, возможно, будет переведено на новую небольшую станцию, которая может быть устроена на 15-метровом перепаде, образующемся на одной из ветвей Мало-Сардарабадского канала. Такое соединение может быть интересным в том отношении, что станция на Сардарабадском канале включена последовательно с оро-

шаемыми полями и, следовательно, дает максимум энергии как раз во время полива, когда и водокачка будет иметь максимум нагрузки. Питание же от Эриванской станции, включенной параллельно с оросительным каналом и, следовательно, отнимающий воду от орошения, очевидно не так выгодно, как питание потребителей, имеющих зимний максимум нагрузки.

Малый Сардарабад. Малый Сардарабадский канал расположен еще дальше на восток; проект имеет в виду орошение всего 24.000 дес. земли, из которых новых земель около 8.000 дес. и 16.000 десятин уже орошаются сейчас неудовлетворительными туземными системами. Канал берет воду из реки Аракс, где предположено устроить невысокий бараж для обеспечения забора воды. Самый канал, прорытый уже на всем протяжении, рассчитан на пропуск 25 *куб. м* воды в секунду. Канал разветвляется на два рукава; верхний рукав имеет в виду орошение 8.000 десятин новой земли, а нижний, после перепада в 15 *м*, на котором может быть построена гидростанция, мощностью в 2.500. лош. сил, идет параллельно левому берегу реки Аракса, пересекая ряд туземных каналов и давая им целесообразные головные устройства. Сейчас эти каналы берут воду непосредственно из Аракса, не имея головных сооружений, отчего поступление в них воды не обеспечено. Общая стоимость сооружений — около 2.700 тыс. руб. Часть из них, именно каналы, уже выполнена. Орошаемые земли — красноватые лессовидные суглинки — пригодные для культуры хлопка, винограда и им подобных.

Конакир. До сих пор мы говорили о сооружении уже выполненных или выполненных в своей части. Все они составляют часть общей программы, имеющей в виду постепенное орошение всей Приараксинской низменности в районе Эривани. Вся эта низменность обладает прекрасными хлопковыми почвами и жарким сухим климатом. Для полного использования производительных сил почвы необходима, во-первых, вода, во-вторых, некоторая добавка азотистых удобрений. Вода дается постепенным осуществлением оросительной программы, осуществлением оросительной программы, основанной на использовании рек Аракса, Занги и подземного стока Алагезской возвышенности; азот будет вырабатываться в Калагеране. Приток населения обеспечен полностью; советская Армения является сейчас обетованной землей для каждого крестьянина — армянина, живущего за турецкой границей.

Первым этапом в дальнейшем осуществлении оросительной программы является Конакирский проект. В двадцати километрах выше Эривани из Занги берется каналом 22 *куб. м* воды. Первые 14 *км* канал не имеет ответвлений, поднимаясь над уровнем реки на 175 *м*. Здесь предположено устройство мощной районной станции, рассчитанной на расход в 12 *куб. м*. Остаток воды пойдет на орошение 44.000 *га* земли, из коих вновь орошено будет 33.000, а 11.000 реконструировано. Регулированием естественного расхода воды реки Занги путем устройства головного сооружения в месте ее выхода из озера Севан, без вывода дополнительной воды из озера, может быть обеспечен средний годовой расход на станции в 12 *куб. м*, который дает 21.000 лош. сил средне-суточной мощности. Предположено установить турбогенераторов на 21.000 квт., имея в виду ограниченную возможность суточного регулирования, которая достигается частью за счет запаса воды в канале, частью путем

устройства небольшого напорного сооружения около станции. Затраты на орошение — 10 млн. руб., на сооружение станции — 7 млн. руб.

При наличии подходящего потребителя станция может отдать около 130 млн. квтч. при цене около 0,6 коп. за квтч.

Конакирский проект далеко не исчерпывает земельный фонд Армении, который путем искусственного орошения может быть превращен в хлопковые плантации. Нансен проектировал создание крупного оросительного сооружения на территории Советской Армении для того, чтобы заселить его выходцами из тех стран, где несчастные представители этой нации до сих пор не могут освободиться от кошмара их прошлого. Был составлен проект орошения крупного участка порядка 1.100.000 *га* просьба о финансировании была направлена в Лигу Наций. Ответ, продиктованный Англией, гласил, что никакие инвестиции капитала на советской территории невозможны. Теперь советское правительство на свои средства осуществляет подобный проект как путем постепенного развития оросительных систем, так и путем развития промышленности в Армении.

Выше был приведен ряд данных о стоимости новых сооружений в Армении. Стоимости армянских сооружений оказываются существенно ниже стоимостей подобных сооружений в других районах Союза. Несколько соображений по этому поводу, основанных на расспросах и личных впечатлениях, могут представить интерес, имея в виду, что, как общее правило, наши новые сооружения обходятся нам существенно дороже, чем аналогичные сооружения за границей, дороже, чем это было бы желательно и необходимо для возможности извлечения из них максимального народнохозяйственного эффекта. Во-первых, уровень зарплаты строительных рабочих существенно ниже, чем в соседних республиках того же Закавказья. Поденная плата составляет в Армении 1 р. 10 — 1 р. 20 к. против 1 р. 80 коп. в Грузии. Это обстоятельство, разумеется, нельзя приветствовать. Его психологическая приемлемость и отсутствие вредного политического эффекта об'ясняются общей бедностью армянского населения, на фоне которой эта низкая заработная плата не является диссонансом. Страна во время гражданской войны была разорена до тла. Теперь хозяйство поднимается громадным темпом, но прошло еще слишком мало времени для того, чтобы уровень зажиточности мог подняться на сколько-нибудь приличную высоту. Каменные землянки — жилище армянских крестьян. Скот, угнанный и с'еденный, не успел еще народиться. Орудия земледелия — самые примитивные. Громадная творческая работа идет гигантскими шагами. Благосостояние растет на глазах населения. Однако, хозяйство находится еще в начале кривой под'ема, когда большие относительные приросты абсолютно дают еще слишком мало.

Низкая заработная плата является несомненно временным явлением, которое скоро будет изжито. Но есть другие особенности. Во-первых, нас поразило то, что на постройке Калагеранской станции не было введено сдельных расценок. При поденной плате имеется почти стопроцентное использование рабочего дня и почти предельная производительность труда. В этом пришлось убедиться собственными глазами. На наемной работе работают так, как не всегда работают на своей. Армянский рабочий понимает, что, работая на советской постройке он строит свое

хозяйство. Сознание того, что то, что строится, будет принадлежать или служить на пользу армянским труженникам, несомненно, всеобще и это сознание, укрепленное первыми плодами советской политики, рождает энтузиазм в работе, к которому сдельщина ничего не может прибавить.

Несомненно, на должной высоте находится и технический персонал. В распоряжении советской власти имеется большой кадр инженеров и техников, говорящих с рабочими на их родном языке. Последнее, впрочем, в данном случае не характерно. В Армении русский язык пользуется у населения такой же любовью и признанием, как и родной язык. Хорошая политика привела к отсутствию каких-либо обострений в этой области. В то же время у соседей дело доходит до таких курьезов, что телеграмма технического содержания, поданная на маленькой станции на русском языке, переводится на местный язык, передается в таком виде по железнодорожному телеграфу, приходит в город и затем переводится обратно на русский язык. Не трудно представить себе, что из этого получается.

В назначениях и перемещениях чувствуется твердая воля и здравый рассудок. Опыт, полученный на одной постройке, используется на следующей. Нет склоки между ведомствами; планы электростроительства детально увязаны с планами ирригации, что, как мы видели, часто дает существенные снижения стоимости за счет двойного использования как воды, так и сооружений. Общий бодрый дух творческой работы как бы охватил всю нацию снизу доверху.

После сотен лет, прожитых ею в непрерывном страхе за жизнь и имущество, самая возможность отдать свои силы мирному труду и уверенность в том, что плоды его не будут отняты, создает перманентный национальный праздник, который крепко чувствуется в жизни современной Советской Армении.

Б. Б. Кажинский

Искусственное регулирование погоды при помощи электричества[1]

„В чем заключается главная слабость сельского хозяйства? Она заключается в колоссальной зависимости от стихийных сил природы. Я думаю, что никто из здесь присутствующих не может со всей определенностью сказать, будет ли следующий год урожайным или нет. В этой области мы гадаем до сих пор так же, как и раньше. Мы отнюдь не гарантированы от угрозы повторения такого неурожая, как в 1921 г. И если в результате стихийного бедствия произойдет резкое сжатие сельскохозяйственного производства, то это теперь с гораздо большей силой, чем раньше, ударит по всему хозяйственному положению нашего Союза, в том числе и по промышленности. Главная задача должна заключаться в преодолении ттихийности в сельском хозяйстве. Поэтому перед нами во весь рост стоят две специальные проблемы: 1) борьба с засухой в засушливых районах и 2) работа по восстановлению Центрально-Черноземной области..."

А. И. Рыков

(Речь на совещании земорганов РСФСР 28/II 1926 г., см. „Правда", № 51/3280 от 3/III 1926 г.)

Нарушения барометрического давления, при которых в средину материков Европы и Азии приносится влага с океанских берегов, большей частью весьма кратковременны,— они либо не распространяются далеко вглубь СССР, занимающего одну шестую часть суши, либо приходят в значительно ослабленном виде, создавая тем самым известный своими резкими колебаниями континентальный климат. Именно в этом состоит основной фактор стихийности погоды, устранить влияние которого это значит достичь новой величайшей победы человечества над слепыми силами природы. Эта победа, в первую очередь, важна для нас, для нашего государства, ибо нигде больше интересы трудового с.-х. населения так не страдают от недостатка или от избытка влаги, а временами и от грозных последствий засухи или наводнений, как у нас.

Вот неполная обрисовка положения с выпадением атмосферных осадков у нас и в других пунктах Европы (среднегодовое количество осадков *в мм*): [2]

---

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

[2] Проф. В. С. Смиренномудренский, „Организация сельского хозяйства засушливого юга и юго-востока СССР". Губиздат, Самара, 1926 г.

Константинополь	700	Пенза	472	Херсон	300
Гамбург	660	Ульяновск	443	Уральск	240
Берлин	590	Курск	430	Астрахань	149
Париж	590	Самара	389	Семипалатинск	186
Варшава	580	Саратов	389	Кизил-Арват	129
Киев	490	Сталинград	331	Красноводск	107

Местность считается засушливой, если в ней выпадает за год менее 500 *мм* осадков. Конечно, и у нас имеются районы с высокой нормой осадков.

Некоторые области севера и юга находятся в полосе настолько избыточного увлажения (600—700 *мм*), что могут строить свое полевое хозяйство, лишь применяя методы усиленного осушения почвы.

Украина, расположенная западнее всего, имеет чаще хорошие урожаи, потому что годовые осадки там в среднем держатся на уровне 500—550 *мм*.

Но больше всего вреда приносят периоды засушливости, присущие большинству серединной части нашего континента.

Огромная Центрально-Черноземная область, губернии южные и юго-восточные, Предкавказье, большая часть Тамбовской, Тульской, Курской, южная часть Татреспублики, западная часть Башреспублики, некоторые обширные области Средний Азии и Сибири,— это все районы, где выпадает осадков гораздо менее, чем 500 *мм*. Все эти районы подвержены риску недородов или неурожаев от засухи, особенно в те периоды, когда осадки вообще распределяются по временам года очень неравномерно. Отсюда понятны вообще низкие цифры урожайности, присущие этим засушливым районам.

Столь неблагоприятное распределение осадков по многим частям территории СССР является главной причиной того, что средние урожаи у нас (по статистике Шнейдевинда) всегда были гораздо ниже, чем, например, в Бельгии с ее сравнительно хорошими метеорологическими условиями.

Так, на 1 *га* нивы до войны приходилось урожая в метр. центнерах:

Наименование	В России		В Бельгии
	У крестьян	В имениях	(в среднем)
Пшеница	7,89	8,91	от 21,87 до 22,78
Рожь	6,47	7,61	„ 19,50 „ 23,00
Ячмень	—	7,30	„ 22,00 и выше

Засухи и неурожаи на юге и особенно на юге-востоке СССР и сопровождающие их голодовки являются у нас не случайными и не исключительными, а обыкновенными явлениями. Достаточно напомнить, что наши засушливые районы страдали от засухи и неурожая в 1880/81 г., в 1891/92 г., в 1897/98 г., в 1906/07 г., в 1911/12 г., в 1920/21 и 1924 гг.

Если сравнить за ряд лет средний сбор хлебов с десятины в засушливых районах, в центральных и северных, то получаются следующие данные: за 17 лет — с 1895 по 1912 для Нижне-Волжского района средний сбор был 0,45 тонн с *га* (30 пуд. с десятины), для Средне-Волжского 0,58 тонн с *га* (39 пуд. с дес.), для Центрального (Москва — Нижний) 0,63 тонн с *га* (42 пуда с дес.), для Северного района — 0,69 тонн с *га* (46 пуд. с дес.), для Озерного района 0,75 тонн с *га* (50 пуд. с дес.).

Вот какие сведения дает Наркомзем об урожайности крестьянских полей в пострадавших от засухи в 1924 г. районах юго-востока: по Самарскому уезду на крестьянских полях снимали 0,14—0,23 тонн с *га* (10—15 пуд. с дес.); в Саратовском уезде у крестьян урожаи были от 0,07 тонн с *га* (5 пуд. с десятины) и ниже; в Немреспублике у поселян урожаи колебались от 0 до 0,12 тонн с *га* (8 пуд. с дес.); в Ставропольской губернии у крестьян озимая пшеница уродилась 0,45 тонн с *га* (30 пуд. с дес.) и ниже; в Ростовской губернии озимая рожь 0,45 тонн с *га* (30 пуд. с дес.); в Валуйском уезде, Воронежской губернии, у крестьян озимая рожь родилась 0,19 тонн с *га* (13 пуд. с дес.).[1] Правда, на опытных полях НКЗема в тех же районах урожаи были в несколько раз выше.

Целесообразное употребление средств на борьбу с засухой имеет во всяком случае громадное значение. Миллионы государственных средств употреблены на борьбу с последствиями неурожая, с голодовками и на восстановление крестьянского хозяйства. Но не успевал край оправиться от бедствий одного неурожая, как повторялась новая засуха с ее губительными для населения последствиями и снова страна несла жертвы, которые, однако, шли мимо цели устранения самой причины бедствия — засушливости климата края. Недостаток влаги, скудность весенних и летних осадков при сильной жаре и сухих летних ветрах губительно действовали на произрастание зерновых злаков и вообще всякой растительности. Отсюда, как следствие, — неурожаи.

Между тем, почвы юго-востока настолько плодородны, что при благоприятных метеорологических условиях вознаграждают труд земледельца исключительно высокими урожаями; здесь в урожайные годы совсем не редкость урожаи пшеницы от 3,27 до 4,91 тонн с *га* (200—300 пуд. с дес.), ржи в 2,46 тонн с *га* (150 пуд. с дес.) и без удобрения; урожай проса достигает до 3,1 *га* (1.000 пуд. с сотенника, 100×100 кв. саж.).

Естественно поэтому, что все средства борьбы с неурожаями на юге и юго-востоке должны быть направлены против засухи.

В 1925 г. у нас уродилось хлеба в среднем на 1 десятину 52 пуда, что на гектар составит 8,0 метр. центнеров.

Между тем, при лучшем дождевании даже примитивная крестьянская обработка поля дала бы 12 метр. центнеров, а при хорошей обработке земли, как, напр., в опытных полях НКЗема, урожай может повыситься от 20 до 22 метр. центнеров, т.-е. почти втрое больше, чем в 1925 г.

Что же нужно сделать, чтобы достигнуть такого повышения урожая?

Научными исследованиями установлено, что для полного нормального развития растения, считая на одну тонну сухого вещества его, в зависимости от культур, нужно затратить следующее количество тонн воды:

Для виноградников	500	Для картофеля	600
„ озимых злаков	600	„ луговых трав	670
„ овса	630	„ выгона	770
„ свеклы	600	„ кукурузы, проса от 250 до 350	

При легких песчаных грунтах нужно осадков в общем больше, при тяжелых глинистых почвах, конечно, меньше.

[1] Доклад председателя Совнаркома А. И. Рыкова Центральному комитету РКП (б) „Ленинград. Правда“ от 23—24 августа 1924 г.

Потребность в воде для различных растений, как указано выше весьма значительна, при чем для получения хорошей урожайности особенно важно, чтобы выпадение осадков происходило только тогда, когда этого требуют вегетационные условия.

В СССР летние дожди преимущественно выпадают на северо-востоке; на западе выпадают осенние дожди. Важнейшая зимняя влага почти всюду весьма незначительна. В главный же период вегетации весною, особенно в мае, иногда большие области СССР, в том числе и Туркестан, месяцами не получают дождя.

По данным Главной геофизической обсерватории, в главнейших пунктах юго-восточного края выпадает следующее количество осадков:

Пункты	Число лет наблюдений	Осадки весною и летом (апр. май, июнь)	Осадки за июль	Сад. осенью (авг. сент. октябрь)	Зимние осад. (с ноября по март)	Годовое количество осад., всего *мм*
Ульяновск	25,10	130,5	60,2	142,0	111,7	443,4
Пенза	19,10	137,4	64,1	112,9	157.7	472,1
Самара	5,30	108,8	50,7	102,6	127,2	389,3
Мариин. ферма	12,50	120,7	60,2	99,3	107,2	387,4
Пугачев, Сам. губ.	5,70	90,9	32,5	107,9	104,0	335,3
Саратов	16,30	98,4	46,2	103,2	141,1	388,9
Камышин	14,00	103,7	27,4	106,0	129,2	366,3
Мал. Узень, Сарат. губ.	10,10	81,2	35,4	67,3	88,4	272,3
Сталинград	5,70	99,0	36,6	82,1	113,1	330,8
Урга	5,80	64,9	19,9	53,8	88,4	227,0
Владимировка	2,80	48,2	45,2	53,6	70,8	217,8
Астрахань	44,20	44,5	13,9	36,4	54,5	149,3

Из приведенной таблицы видно, что чем южнее местность, тем менее выпадает годовых осадков и тем менее бывает осадков летних. Так как весенние и летние осадки в большей массе немедленно после их выпадения испаряются, то необходимо озаботиться изысканием других возможностей пополнения недостатка влаги.

Чем южнее местность, тем сильнее жары, тем быстрее испарение, усиливающееся суховеями. Наиболее губительны засухи мая и июня. Осадки этих месяцев обусловливают урожаи яровых хлебов. Если потом и пойдут дожди, яровые все равно пострадают. Меньшее количество осадков, но выпадающих в виде обложных дождей, приносит часто больше пользы, чем большое их количество, ниспадающее в виде ливней и не во-время. С другой стороны, столько же вредно излишнее увлажение почвы дождями, наблюдающееся в некоторых северных и южных областях.

Значит, жизненно необходимо было бы введение какого-нибудь метода регулирования погоды. А этого можно достигнуть, именно, только путем искусственного управления погодой. Какое колоссальное значение имела бы для нас такая возможность управлять погодой по желанию, будет видно из дальнейшего.

В районах засухи увеличенный искусственным вызыванием дождя доступ воды к корням растения в соответствующий момент вегетации

не только уменьшит угрозу недорода в Туркестане и в засушливых районах СССР, но будет прямо способствовать общему поднятию урожайности во всем Союзе, так как вместе с увеличением количества выпадающих осадков в большинстве зернопроизводящих районов прибавится количество удобряющих землю веществ.

Как известно, дождевая влага доставляет растению весьма значительное количество азотистых веществ из воздуха в непосредственно усвояемом для растения виде, а именно, в течение года, в среднем, на гектар выпадает 3,6—6 кило аммиака и нитратов. В этом состоит главное преимущество дождевого орошения перед всеми видами другого искусственного увлажнения почвы.

Согласно известной дождевой диаграмме Цуппана, только некоторая часть поверхности суши земного шара получает в среднем как раз то количество дождевой влаги, которое, по закону Либиха, необходимо для нормального питания корневой системы полезных человеку растений. Меньшинство районов имеет влагу в избытке, а большинство — страдает от недостатка атмосферной влаги.

У нас же в СССР, как мы видели выше, имеются целые обширные районы, где засушливость превосходит всякие пределы наименьшего количества влаги, при котором растение еще может жить. Между тем, на юго-востоке, в Туркестане, в Сибири и во многих других областях Центральной Азии почва представляет собою землю, по своим качествам вполне способную к большой плодородности, но совершенно не использованную. В наших азиатских равнинах, например, около 3.140.000 *кв. км* земли — это большей частью чернозем такой, как в Подолии, только совершенно сухой. Из этого пространства лишь около 105.300 *кв. км*, или около 3,38%, используется человеком при искусственном орошении.

Кочующие племена (номады) в засушливых степях теряют от $^1/_3$ до $^1/_2$ своего скота в зимние месяцы из-за недостатка подножного корма, именно, вследствие летней засушливости.

Господствующие летом суховеи, идущие из Заволжских степей и из песчаных степных пространств Туркестана, иногда в течение немногих дней губят урожаи целых областей и Европейской части СССР.

Все изложенное говорит с неотразимой убедительностью, что нам необходимо все внимание научно-технических деятелей направить на изыскание тех методов, которые могли бы если не уничтожить, то хотя бы ослабить губительное влияние стихийных недочетов выпадения атмосферных осадков.

Является поэтому интересным установить, каковы перспективы и возможности вмешательства человеческого разума и воли в эту столь мало затронутую нашим знанием и столь важную для нас отрасль воздействия стихийных сил природы.

Человек понемногу научается все больше и больше подчинять себе на пользу всякие силы природы. Последние завоевания науки и техники делают и эту победу человека над стихией приближающеюся к реальному осуществлению. Отсутствие выпадения дождей в засушливых местностях люди стараются возместить всяческими способами искусственного орошения: каналами, устройством целой сети труб, выбрызгивающих воду на подобие душа и т. д. Техник В. В. Ерофеев, например, предложил даже довольно трудно осуществимый проект: использовать дорогие громадные

дирижабли для поливки полей с высоты из больших прицепных резервуаров, считая, что все-таки для государства это будет экономически выгоднее, чем терпеть потери от недородов. Известны опыты по обстрелу грозового неба пушками-мортирами для предупреждения градобития, или, например, разбрасывание взрывающихся бомб с аэростата, а также с воздушных змеев, парящих над грозовыми облаками.

В России 40 лет тому назад, а потом в Лозанне в 1904 г., применялась стрельба из мортир специальными ядрами для образования восходящих потоков воздуха, при чем захватывалась часть облака, охлаждавшаяся в верхних слоях, после чего выпадал дождь.

Другой способ, предложенный московским проф. А. П. Соколовым, заключается в том, чтобы стрелять в высоту с разных мест земли бомбами, начиненными горючим материалом для образования дымового облака в высоких слоях атмосферы.

При внезапном возгорании этих веществ в высоте образуется большое количество раскаленных паров, газов, дыма и пыли. Материалами для начинки этих бомб могут служить, например, сера, мелкий угольный порошок, железные опилки, селитра, поваренная соль и проч. Образующиеся при взрыве бомбы пары и газы, имея высокую температуру, будут, как известно из физики, сильно ионизированы, т.-е. молекулы их приобретут положительный и отрицательный заряды. Эти наэлектризованные молекулы будут теми газовыми ионами, которые соединятся с другими наэлектризованными частичками тут же образовавшегося дыма и пыли и наэлектризуют их в свою очередь. Об'единенные и сильно наэлектризованные частицы пыли и дыма будут представлять собою ядра или центры, на которых тогда легко сконденсируются водяные пары облака или тумана, или же водяные частички, невидимо носящиеся в прозрачном воздухе при ясной погоде. Однако, повсеместному применению способов обстрела неба мешает необходимость иметь всюду штаты подготовленных людей, а также этому будет много мешать и некоторая опасность, которая связана с хранением и расходованием взрывчатых веществ и снарядов.

В 900-х годах в Японии[1] искусственным путем были получены дожди при первоначальном отсутствии облаков — помощью передачи электрической энергии по проволокам к воздушным змеям, парящим в воздухе на большой высоте. После 10-часовой электризации в течение последующих затем 12 часов дождь шел шесть раз над холмом, где перед тем производились опыты.

В 1918 г. в двух австралийских провинциях: Новом южном Уэльсе и Виктории были получены искусственные дожди путем электризации облаков. В этих опытах пользовались проводами, поднятыми вверх при помощи привязанных воздушных шаров. Электризация производилась привешенными к воздушному шару рентгеновскими трубками, при чем цепь переменного тока большой частоты находилась в корзине шара.

В 1923 г. в печати впервые появились сообщения в том, что английскому физику Оливеру Лоджу при помощи электризации удалось освободить от тумана военную гавань в Плимуте, осаждая этот туман в виде дождя.

[1] См. П. Иваницкий, „Искусственное вызывание дождя помощью электричества", журн. „Хочу все знать", № 7, 1925 г. стр. 40—41.

Наконец, из американской практики следует упомянуть недавние опыты рассеивания с аэропланов наэлектризованного песка в воздухе. При этом в облаке менее, чем через минуту, открывалось широкое сквозное отверстие — щель. После того как аэроплан несколько раз по всем направлениям проносился над облаком, оно исчезало, преобразуясь в дождь, орошавший землю. При затрате 40 *кг* песку таким способом могло быть орошено 1.600 *га* (1.400 дес.) в $^1/_4$ часа.

Осаждающее действие наэлектризованного песка было проверено и в Москве в лабораторных опытах проф. Виткевича.

Явление электрического осаждения влаги из тумана было открыто около ста лет тому назад, но не получало практического применения, пока на него вновь не натолкнулся Лодж в Англии. Лодж об'яснил это явление тем, что при электризации тумана происходит поляризация отдельных мельчайших водяных частичек тумана, т.-е. на одном конце или полюсе частицы появляется электричество положительное, на другом конце — отрицательное. После этого, по закону магнитного притяжения соседние частицы соединяются своими разноименными сторонами (подобно тому, как северный полюс одного магнита пристает к южному полюсу другого и наоборот).

При соединении нескольких частичек в одну большую образуется более крупный заряд, притягивающий новые частицы, пока не получается водяная капля, падающая вследствие своей тяжести вниз.

Шотландский ученый Айткен установил, что в воздухе, совершенно свободном от пыли, сгущение водяных частичек происходит в несколько раз труднее, чем при наличии пыли. Об'яснить это можно тем, что частички атмосферной пыли при электризации воздуха приобретают отрицательный и положительный заряд сильнее, чем водяные частички, и поэтому частички пыли служат маленькими первоначальными ядрами, к которым тогда прилипают водяные частички скорее, чем они прилипали бы друг к дружке. Вот почему, между прочим, первые капли дождя всегда самые грязные.

Почти все известные до сих пор способы получения искусственного дождя рассчитаны, преимущественно, на осаждение имеющегося в наличии облака или тумана. Гораздо большее значение имел бы способ, дающий возможность искусственного образования дождевых облаков и дождя, именно, при ясной погоде. В этом отношении весьма интересные опыты, повидимому, решающие эту проблему, были сделаны американским физиком Вильям Хэйтом в 1924 г. в Калифорнии, Хэйт представляет свою теорию в следующем виде. Поверхность земли обычно является отрицательно заряженной по отношению к воздушной сфере. Но по временам бывает и наоборот. Во всяком случае, окружающий землю воздух представляет собою среду, несущую электрический заряд обратного знака, чем заряд земли. Ближайшие к земле слои воздуха образуют нейтральную, как бы изолирующую прослойку, отделяющую от земли верхние наэлектризованные слои воздушной сферы. Другими словами, ближайшие к земле слои воздуха представляют собою изоляционную прослойку своеобразного гигантского конденсатора, отделяющую положительную пластинку его от отрицательной. Толщина этой прослойки изменяется только в зависимости от условий погоды. Так, во время бури и грозы эта прослойка тоньше всего и занимает, вероятно, от 150 до 600 метров

высоты, считая от уровня земли. При сухой и ясной погоде эта высота увеличивается, быть может, до 3.000 метров и выше. В ясную погоду влияние столь большого изолирующего слоя сухого воздуха настолько велико, что естественное сгущение имеющейся в воздухе влаги невозможно. Из теории радиоконденсаторов известно, что чем больше толщина изолирующей прослойки, тем длиннее должна быть длина волны, пробивающей прослойку. Кроме того, чем ближе к земле верхний наэлектризованный слой воздуха, тем больший заряд электричества будет скопляться в этом слое и в самой земле.

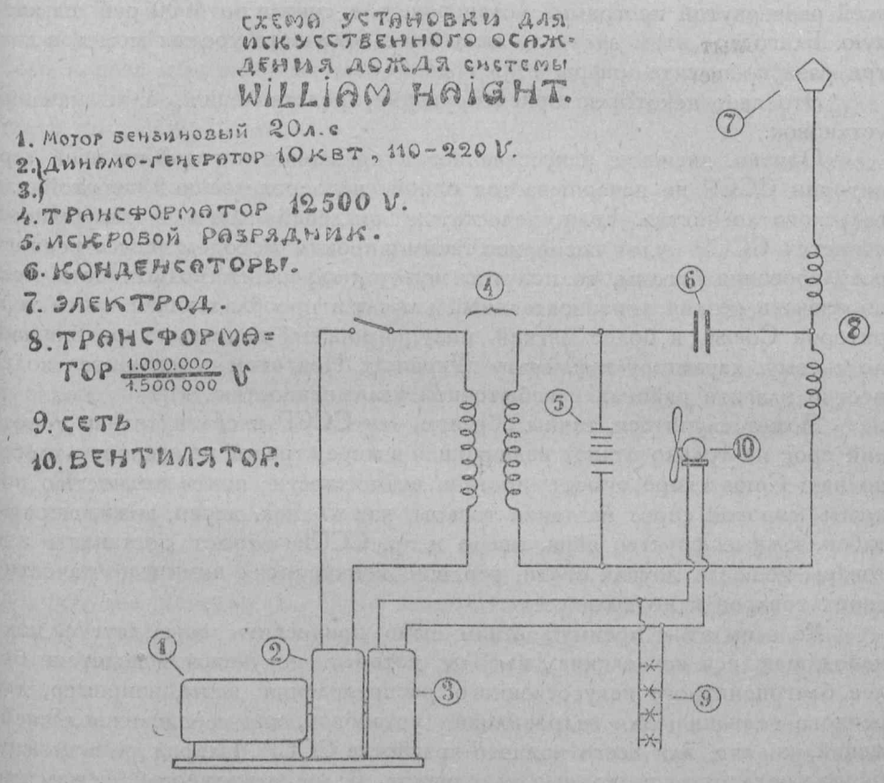
Ряд опытов с электроскопом убедил Хэйта, что при отрицательном заряде земли положительные колебания от электрода полностью исчезают, поглощаясь влиянием земли, отметить же можно было лишь отрицательные колебания, которые восходят к верхним слоям атмосферы. Восходящие вверх колебания и производят ту поляризацию положительно заряженных молекул воздуха, благодаря коей, согласно об'яснению Лоджа, должно произойти осаждение (конденсация) влаги из воздуха.

Хэйт установил также, что при устройстве на высокой башне электрически изолированного от земли и от башни оборудования (передатчика), излучающего электромагнитные колебания, совершенно безразлично, каково будет состояние погоды, а также то обстоятельство, имеет ли земля положительный или отрицательный заряд. Это потому, что в случае изолированного от земли передатчика, земля вбирает в себя от него колебания обратного знака по отношению к знаку своего заряда, а воздух по отношению к своему заряду. Вот в чем состоит основной принцип установки Хэйта и ее положительные свойства.

Опытами Хэйта установлено, что громадное значение имеет мощность установки и высота ее расположения над землею. Тем лучше эффек, чем больше следующие факторы: мощность установки, высота напряжения тока, частота его колебаний, а также высота расположения установки над землею.

Одна из установок вызывателей искусственного дождя Хэйта и его помощника Дэвиса была устроена на верху заброшенной 40-метровой нефтяной вышки. Станция представляла собою сбитое из легких досок небольшое машинное отделение кубической формы, тщательно изолированное от земли и от самой вышки 16 солидными изоляторами. Внутри помещался двигатель, снятый с фордовского автомобиля. Этот двигатель приводил в движение динамо-генератор, мощностью в 10 киловатта. От динамо-генератора получался постоянный ток в 110 вольт и переменный в 220 вольт. Постоянным током пользовались для освещения установки и для вращения вспомогательных моторов (вентилятор и другие), а переменным для возбуждения катушки высокой частоты. По выходе из генератора переменный ток поступал по схеме (рис. 1) в трансформатор, где он доводился до 12.500 вольт. Далее, он проходил через семь масляных конденсаторов и попадал в первичную обмотку большого трансформатора высокой частоты, в котором напряжение тока варьировалось от 1.000.000 до 1.500.000 вольт. Полученный ток сверхвысокого напряжения затем разряжался в воздух помощью электрода, выведенного наружу на вертикальном стержне, изолированном от крыши. Электрод имел форму правильного 12-гранника. Каждая грань его — это правильный пятиугольник. Разряды, исходившие с вершин ребер этого электрода в атмосферу во всех направлениях, создавали волну, электризовавшую воздушное пространство вокруг.

После 1,5—2-часовой работы при ясной погоде наблюдалось понижение давления атмосферы на 3—10 делений барометра. Образовывалась облачная туманность. Туман превращался в тяжелую мглу, состоявшую из мелких водяных капель, и вслед затем шел дождь, выпадение которого удавалось поддерживать в течение двух часов.



Если не мешал сильный ветер (при нем работа была невозможна), то дальность действия установки Хэйта доходила приблизительно до 25 *км*, что соответствует площади около 2.000 *кв. км* или около 200.000 *га*.

По специальному, полученному нами, отзыву австрийского ученого метеоролога Б. Лейнвебера, можно считать вполне осуществимым тот или иной механический прием для управления погодой по желанию на всем пространстве СССР. Но это требует постановки метода в широком государственном масштабе, чтобы действительно можно было достигнуть подобного управления погодой у нас повсеместно. А это, в свою очередь, без планового подхода невозможно.

Применение большого количества установок, осаждающих атмосферную влагу вызовет приход нового количества влаги из районов с избыточной увлажненностью, этим только и можно достичь более равномерного распределения атмосферных осадков.

Если принять обрабатываемую сельским населением земельную площадь СССР равной 150 млн. *га*, то 750 подобных установок могли бы поставить под пролетарский контроль весь наш урожай.

Единовременные затраты на устройство оборудования для искусственного регулирования погоды по всей территории СССР в количестве 750 установок составили бы по грубоориентировочным подсчетам около 22 млн. руб., эксплоатационные расходы около 3 млн. руб. в год при всей развернутой программе установок, т.-е. считая по 4000 руб. на каждую. Благодаря этим затратам ежегодное количесто урожая может в два-три раза превысить цифры 1925 года.

Это дает некоторые ориентирующие представления о с.-х. значении установок.

Однако, значение искусственного управления погодой по всей территории СССР не исчерпывается одной непосредственной выгодой для сельского хозяйства. Если недостаток дождевой влаги в засушливых областях СССР будет восполнен таким широким методом искусственного регулирования погоды, то попутно может получиться возможность преобразовать резкий континентальный климат в преобладающей части территории Союза в более мягкий полуприморский климат, напр., близкий по своему характеру к климату Украины. При этом уменьшится количество влаги в районах с избыточной увлажненностью.

Может случиться, таким образом, что СССР в сравнительно короткий срок не только станет величайшей в мире страной по экспорту хлеба, но наш Союз скоро сумеет достичь возможности почти полностью покрыть мировой спрос на такие товары, как хлопок, зерно, кожи, шерсть, табак, южные фрукты, яйца, масло и пр. СССР сможет поставлять эти товары дешевле других стран, успешно конкурируя с ними и по качеству своих товаров и по количеству.

Ко всем этим преимуществам надо причислить еще другие, пока неподдающиеся исчислению, выгоды, которые получатся вследствие более благоприятного искусственного распределения воды, например, для речного плавания, для гидросиловых установок, для городских водоснабжений, короче, для всего водного хозяйства СССР. Навряд ли возможны будут тогда разрушительные наводнения. Более равномерный режим погоды благоприятно повлияет на здоровье населения СССР и т. д., и т. д.

Как же подойти практически к этому великому делу?

Новизна его говорит за то, что, конечно, должны быть предварительно поставлены специальные опыты с установкой по системе проф. Хэйта.

Всем ясно, какое исключительно громадное значение имела бы постановка этих опытов у нас в нашем Союзе, и поэтому средства на производство опытов должны быть найдены во что бы то ни стало. Эти затраты не будут большими, так как опыты можно будет поставить сначала в небольшом масштабе, например, первую установку можно сделать в Тимирязевской с.-х. академии при ее электротехнической лаборатории, или при другом научном учреждении. Впоследствии можно эти опыты расширить и перенести их на юго-восток или в Туркестан. Для правильной постановки опытов следует не останавливаться перед приглашением таких специалистов из-за границы, как, например, Хэйт и его помощник Дэвис, кстати сказать, давно изъявивших желание приехать в СССР для производства работ в области осаждения искусственных дождей.

Проф. Хэйт работает над этой проблемой свыше десяти лет. Он добился определенных успехов и является одним из наиболее выдающихся специалистов этого дела.

По подсчетам, на основании специально полученных нами данных Хэйта, весь первый опыт, который вместе с подготовкой, установкой и испытанием электростанции, вызывающей дождь, будет длиться не более 9 месяцев, обошелся бы около 25.000 долл. (около 50.000 руб.),[1] включая в это проезд и вознаграждение Хэйта и Дэвиса. Оборудование установки будет выполненно в Америке, с башней, высотою 60—90 метров, и будет иметь мощность 10 квт.

При этом, по контракту, Хэйт обязывается в течение двухмесячного испытания вызвать 6 территориально строго определенных и подробно им специфицированных дождей на пространстве радиусом в 16 километров.

При таких условиях мы довольно быстро получили бы научно-испытанную образцовую установку и опытнейшего руководителя в этой столь новой и такой важной отрасли применения электричества для широчайших государственных целей.

В интересах этого дела необходимо пробудить внимание государственных, общественных и научных деятелей к нему, чтобы каждый принял здесь посильное участие, памятуя о том, какая прекрасная цель стоит в перспективе.

Не забудем также, что если когда-нибудь мы сможем создавать погоду по своему желанию искусственно, и именно так, как это нужно для наших трудовых целей, то кроме всяких практически неисчислимых выгод для страны Советов, мы получим еще своего рода побочный продукт, мы победим наследие прошлого — суеверие. Всякому самому отсталому жителю глухих мест станет тогда ясным, что дождь при засухе есть такое же естественное явление природы, как облака, туман, снег, град, ветер и проч.

Громадное культурно-экономическое значение электрификации, организованной в государственном масштабе в данном случае дает еще одно доказательство необходимости осуществления плана электрификации, завещанной Владимиром Ильичом Лениным. Только на ее технической основе, в линиях единого хозяйственного плана, есть надежда с успехом разрешить и вопрос об управлении погодой в самом широком государственном понимании смысла этого слова.

В этом отношении страна Советов стоит в более благоприятных условиях, чем капиталистические страны, не имеющие единого плана, и поэтому только СССР может стать пионером в этом деле, знаменующем собою величайшее завоевание человечества.

[1] Из общей суммы 25.000 долл.—15.000 долл. являются условными, так как лишь в случае удовлетворительного выполнения контракта Хэйт получает оплату стоимости привозимого им оборудования, что по ценам Америки составляет именно 15.000 долл.

Вопрос о том, выполнено или нет Хэйтом его обязательство, решается правительственной третейской комиссией с участием представителя со стороны Хэйта.

ОТДЕЛ IV

По районам

Е. П. Терлецкий и П. М. Коган

Социалистическое земледелие на Украине

(О советских хозяйствах)

В общей системе мероприятий по социалистическому строительству в сельском хозяйстве роль и значение совхозов определяются поставленными перед нами партией и правительством задачами, которые в основном сводятся к следующему: 1) укрепление и развитие совхозов должно итти по линии превращения их в крупные с.-х. предприятия, ведущие свое хозяйство на основе хозяйственного расчета и рентабельности и выявляющие на практике в деревне все преимущества крупного обобществленного с.-х. производства; 2) производить для снабжения крестьянских хозяйств улучшенные средства с.-х. производства и усиливать агрикультурное влияние на перестройку и кооперирование крестьянского хозяйства; 3) увеличивать государственные фонды с.-х. продукции как для усиления экспорта и внутригосударственного снабжения, так и для увеличения поставки сырья для промышленности и 4) являться производственной базой организации с.-х. пролетариата.

Постановка практического осуществления этих важнейших задач требует широкого и всестороннего освещения работы совхозов до настоящего времени, выявления количественного и качественного состояния и степени их подготовленности к выполнению своей роли.

В настоящее время удельный вес совхозов, по размерам их территории и посевных площадей, в общей системе земледелия на Украине определяется такими данными: всего насчитывается на Украине 1.237 совхозов с общей земельной площадью около 1.011.000 *га*, что составляет 2,4% от всего земельного фонда или 2,7% от площади трудового землепользования Украины. В лесостепной части площадь совхозов равна: на Правобережьи — 4,4% и на Левобережьи — 3% от площади крестьянского землепользования. Средний по Украине размер одного совхоза равен 817 *га* при колебаниях по отдельным категориям совхозов от 206 до 11.270 *га*. Посевная площадь всех совхозов около 550.000 *га*, или 2,4% всей посевной площади Украины.

Основными об'единениями совхозов являются: Сахаротрест (63,6% земельной площади) и Укрсовхозоб'единение (24,5%); остальные 11,9% совхозов находятся в ведении различных организаций, для которых они в большинстве имеют значение подсобных хозяйств, а не самостоятельных производственных предприятий. Эти хозяйства в дальнейшем подлежат постепенной передаче Укрсовхозоб'единению.

Таковы данные о количественном состоянии совхозов на данный момент. Степень качественного развития совхозов за последние 5 лет, их экономическое и производственное состояние мы попытаемся здесь более или менее подробно осветить. Пятилетний период взят нами потому, что организованная и систематическая работа по строительству совхозов на Украине началась только с 1922/23 г. Известно, что в первые годы после Октябрьской революции, в начальный период закрепле-

ния важнейших командных высот пролетарской диктатуры,— совхозы не могли являться об'ектом первоочередных забот советского государства. Особенно это относится к Украине, где мы имели затянувшуюся гражданскую войну, иностранную интервенцию, организованный бандитизм, а затем голод 1921 г.; там совхозы, представлявшие собой остатки уничтоженных революцией панских поместий, не могли в те годы занять какое либо заметное место в новой системе народного хозяйства. И лишь в дальнейшем, когда Украинская республика, вместе со всем Советским Союзом, завоевала для себя возможность мирного хозяйственного строительства, усиленный процесс восстановления сельского хозяйства в целом захватил и совхозы.

Для характеристики условий, в которых началась работа по восстановлению и развитию совхозов,— достаточно указать, что, с одной стороны, в основу совхозного строительства был положен принцип хозяйственного расчета и рентабельности, что вытекает из задачи установления на практике преимуществ крупного обобществленного с.-х. производства, а с другой стороны, полуразрушенные хозяйства, с ничтожным размером наличных средств производства, требовали вложения новых крупных средств, которых государство выделить для этой цели в то время не могло.

Из двух основных об'единений совхозов (Сахаротрест и Укрсовхозоб'единение) в более выгодном положении были хозяйства Сахаротреста, так как более сильный темп их восстановления, как сырьевой базы (свеклосеяние), для сахарной промышленности (отсюда и необходимость значительного финансирования по линии промышленности) обусловливался ускоренным темпом восстановления и развития этой отрасли промышленности. Значительно хуже было положение остальных трестированных совхозов, находившихся в ведении органов НКЗема, так как они были связаны с постепенным развитием общего финансирования сельского хозяйства по линии только нарождавшейся тогда системы с.-х. кредита. К этому следует добавить, что сеть трестированных совхозов Укрсовхозоб'единения (в ведении НКЗема) имела в своем составе значительное количество мелких бесперспективных хозяйств, расположенных в районах аграрного перенаселения (на Правобережьи), где неизбежны были осложнения земельных отношений с местным крестьянством. Такое положение вызывало необходимость решительных организационных мероприятий в направлении рациональной перестройки сети совхозов Укрсовхозоб'единения, максимального использования имевшихся скудных средств и развития такого темпа производства отдельных отраслей, который при наименьших затратах обеспечивал бы скорейший экономический эффект и усилил бы внутреннее накопление средств. В 1923/24 г. было приступлено к концентрации в более или менее крупных и перспективных совхозах наличных средств производства (главным образом, живого инвентаря), при одновременном исключении из сети на Правобережьи Украины мелких хозяйств, переданных для целей производственного кооперирования крестьянства.

Из 416 совхозов, с общей земельной площадью в 227.250 *га*, было оставлено в 1924 г. в твердой сети Укрсовхозоб'единения 137 совхозов, с общей площадью в 207.860 *га*, т.-е. при сокращении количества совхозов на 279 единиц земельная площадь трестированных совхозов сократилась всего только на 19.390 *га* (в среднем около 70 *га* на каждый исключенный совхоз).

Хозяйственное и организационное оздоровление совхозов Укрсовхозоб'единения, в результате этой реорганизации, дало возможность уже со следующего 1925 г. постепенно расширять сеть трестированных хозяйств

за счет так называемых приписных совхозов, включая пахотные площади, сосредоточенные в небольшом количестве крупных хозяйств (бывш. совхозы Донугля, Химугля, Военного ведомства и друг.). Происходившие за пять лет изменения в количестве совхозов и общих размерах землепользования в них видны из следующих цифр по Укрсовхозоб'единению:

Годы	Количество совхозов	Общая площадь в *га*	Пахот. в *га*
1923	416	227.250	115.150
1924	137	207.860	105.386
1925	162	220.585	138.145
1926	164	223.285	138.863
1927	171	246.042	153.644

Отсюда мы видим, что в 1927 г. пахотная площадь 171 совхоза Укрсовхозоб'единения больше этой же площади 1923 г. на 38.494 *га*, при уменьшении количества управляемых единиц на 245 совхозов. В ведении Сахаротреста в 1927 г., находится 832 совхоза, с общей площадью 591.327 *га*, из которых пахотной земли около 521.000 *га*.

В первую очередь считаем необходимым осветить общий экономический рост совхозов, показывающий их несомненную жизненность и рентабельность, несмотря на ряд неблагоприятных условий в начальный период совхозного строительства.

Валовая продукция совхозов Укрсовхозоб'единения возросла с 3650 тыс. руб. в 1924 г. до 11.700 тыс. руб. в 1927 г., т.-е. на 320%, с доведением товарной части продукции в 1927 г. до 80%, а общий оборот по балансам с 12.800 тыс. руб. на 1 января 1923 г. дошел по сокращенной сети совхозов до 20.370 тыс. руб. на 1 января 1927 г. Валовая продукция совхозов Сахаротреста в 1927 г. составляет около 60.000 тыс. руб.; товарная же часть достигает 80%, при этом совхозы дают значительную часть сахарной свеклы для сахзаводов (в 1927 г. около 35%).

Зерновая продукция украинских совхозов занимает значительное место, составляя около 8—10% от контингента хлебозаготовок и около 25% городского потребления Украины. Особенно усиливается значение этой совхозовской продукции, как государственного маневренного фонда, в годы недорода.

Из отдельных частей основных фондов, составляющих по Укрсовхозоб'единению в ценностном выражении в общем на 1 января 1927 г. 11.300 руб., следует отметить рост живого и мертвого инвентаря и друг. Так:

Живого инвентаря на 1 января 1923 г. было на сумму	617.700	руб.
„ „ „ 1 января 1927 г. „ „ „	1.405.000	„
Мертвого инвентаря (с.-х. машины, орудия и проч.) на 1 января 1923 г. было на	1.722.600	„
Мертвого инвентаря (машины, орудия и проч.) на 1 января 1927 г. было на	3 461 100	„
Стоимость построек на 1 января 1926 г. была	6.553.000	„
„ „ (после амортиз. отчисл.) на 1 января 1927 г.	7.291.000	„

Все же, несмотря на указанный рост, совхозы Укрсовхозоб'единения и теперь испытывают значительный недостаток в основных фондах: по тяговой силе этот недостаток можно определить в общем свыше 20%, по мертвому инвентарю — приблизительно в 25%, по постройкам — 40% и т. д.

По совхозам Укрсовхозоб'единения и Сахаротреста имеем следующий размер обеспеченности капиталов в рублях на 1 *га* земли с.-х. значения, по состоянию на 1 января 1927 г.:

	С.-х. постройки	Рабочий скот	Пользоват. скот	Мертвый инвентарь
Укрсовхозоб'единение . .	31,2 р.	5.4 р.	3,8 р.	19,45 р.
Сахаротрест	43,6 „	15,9 „	(данных нет)	40,75 „

Наибольший интерес представляет установление с необходимой определенностью размеров и характера финансирования совхозов; не менее важным обстоятельством является определение степени кредитоспособности совхозов с точки зрения ликвидности их балансов и практического выполнения совхозами своих финансовых обязательств перед кредитующими органами (возврат кредитов).

Прежде всего, необходимо отметить, что более или менее плановое кредитование совхозов, в довольно ограниченных вначале размерах, началось только с 1925 г. после специального постановления по этому вопросу ЦК партии. До этого же украинские совхозы (по крайней мере, совхозы Укрсовхозоб'единения) не получали ни одной копейки банковского кредита (ни один из банков даже не включал совхозы в свои планы, как об'ект кредитования) и никаких специальных дотаций. Из общих средств, отпускавшихся в порядке целевого кредита на сельское хозяйство, все совхозы Укрсовхозоб'единения (в том числе 279 совхозов, впоследствии исключенных из сети треста и переданных колхозам, артелям и другим организациям без возврата затраченных средств) получили: 1923 г. — 398.195 руб., или по 1 р. 80 к. на гектар, и в 1924 г. — 390.000 руб., или около 1 р. 90 к. на гектар землепользования. И эти микроскопические средства давались из высоких процентов, доходивших по отдельным частям кредита до 20% годовых, с большими при этом потерями на курсовой разнице (в 1923 г.).

Можно ли серьезно говорить о каком-либо капиталонакоплении за тот период? Если при этом учесть, что значительная часть этих средств вложена была в указанные выше совхозы, исключенные потом из состава Укрсовхозоб'единения, то можно было бы с полным основанием скинуть со счетов указанные суммы кредитов, полученные в 1923 и 1924 гг.

Тем не менее, как увидим ниже, даже и в эти два года (1923 и 1924 гг.) совхозы произвели значительные капитальные вложения.

Резко меняется картина финансирования совхозов, начиная с 1925 г., после постановления ЦК партии и Совета Труда и Обороны. За последние 3 года совхозы Укрсовхозоб'единения получили на усиление основных фондов, в порядке долгосрочного кредита (сроком на 2—4 года) из 6% и 8% годовых: в 1925 г.—653.000 руб., в 1926 г.—1.193.000 р., в 1927 г.—2.546.000 р., а всего—4.392.000 руб. и, кроме того, в 1925 г. было отпущено специально на пополнение основных капиталов совхозов 400.000 руб. Всего, таким образом на капитальные вложения совхозы получили извне до конца 1927 г. 4.792.000 руб.

Фактические же капитальные вложения в совхозах Укрсовхозоб'единения выражаются в следующих цифрах: в 1923 г.—254.489 руб., в 1924 г.—320.321 руб., в 1925 г.—1.217.433 руб., в 1926 г.—1.697.572 руб. и в 1927 г.—2.131.248 руб., а всего—5.621.063 руб., т.-е. сумма фактических капитальных вложений превышает полученные для этой цели кредиты и ассигнования на 829.063 рубля. Эта разница на самом деле больше, если учесть проценты, уплаченные совхозами за указанные долгосрочные кредиты в момент получения последних, т.-е. когда фактически банк выдавал назначенные суммы, минус 6—8%.

Если даже принять во внимание (повторяем, без всяких оснований) кредиты, полученные в 1923 и 1924 гг. в общей сумме 788.195 руб., то и в этом случае фактические капитальные вложения в совхозах больше

всей суммы финансирования на эту цель за пять лет. Фактические капитальные вложения в совхозах Сахаротреста за те же пять лет составляют 32.856.000 рублей.

Отсюда следует, что, по крайней мере, на практике украинских совхозов, необходимо не только отвергнуть всякие разговоры о проедании совхозами своих фондов, но со всей определенностью констатировать, во-первых, хозяйственное использование получаемых кредитов по прямому назначению, и, во-вторых, внутреннее накопление средств в совхозах за счет доходов от производства.

Каково положение с оборотными средствами?

В 1923 г. оборотный капитал совхозов Укрсовхозоб'единения, состоявший из различных материалов и продуктов, выражался по бухгалтерскому учету в 385 000 руб., к концу же 1926 г. он составлял 895.000 руб., при основном капитале в 11.300.000 руб. При таком положении весь центр тяжести в деле удовлетворения совхозов оборотными средствами должен был быть перенесен на банковский краткосрочный кредит. Но, как уже сказано выше, до 1925 г. банки не только не выдавали совхозам ни одной копейки кредита, но и не хотели признавать их, как своих клиентов. С 1925 же года, когда вовлеченная в общий товарооборот продукция совхозов начала заметно выделяться (экспорт первых партий хлеба за границу, срочное снабжение неурожайных районов совхозовским семенным зерном в моменты, когда на рынке еще отсутствует крестьянское зерно и проч.), и при этом выявилось для всех вопиюще ненормальное положение с оборотными средствами совхозов, — система с.-х. кредита, по почину Центрального с.-х. банка, и в соответствии с директивами руководящих органов, начала постепенно включать совхозы в свои кредитные планы и отпускать им краткосрочный производственный кредит на хозяйственный год, сроком возврата в 8—12 месяцев, до реализации продукции очередного урожая. За эти три года совхозы Укрсовхозоб'единения получили краткосрочных кредитов: в 1925 г. — 800.000 руб., в 1926 г. — 2.025.000 руб., в 1927 г. — 1.911.000 руб.

Несмотря на весьма тяжелые для совхозов условия получения этих кредитов (10—12% годовых, уплачиваемых вперед, сложное и дорогостоящее оформление обеспечения кредита, большие задержки в выдаче кредита и проч.), все полученные краткосрочные кредиты без всяких просрочек в установленные сроки банку возвращены совхозами.

С такой же аккуратностью погашаются платежи в установленные сроки по подлежащим возврату долгосрочным кредитам.

Для полной характеристики финансового положения совхозов необходимо еще несколькими цифрами выявить степень ликвидности балансов Укрсовхозоб'единения.

1) На 1 января 1926 г. задолжность совхозов по ссудам и кредитам (по ненаступившим еще срокам платежей) составляла . . 2.576.000 руб.

Против этой части пассива берем из актива только часть имеющихся на то же число средств, не из'ятых из свободного оборота, а именно запасы зерна и других продуктов на складах совхозов и наличные суммы в кассе, что составляет . . . . . 3.109.000 руб.

2) По тем же статьям на 1 января 1927 г. по пассиву . . 3.289.000 руб.
„ „ „ „ „ „ „ „ активу . . 3.728.000 руб.

Таким образом, только часть наличных средств, не из'ятых из оборота, с избытком покрывает все ссуды и кредиты. Общее же превыше-

ние актива над пассивом или наоборот, т.-е. чистая прибыль или убыток, выражается в следующих цифрах по Укрсовхозоб'единению:

	Прибыль	Убыток
1924 г.	—	248.391 руб.
1925 г.	735.811 руб.	—
1926 г.	354.887 „	—
1927 г. (по предварит. данным) около	1.000.000 „	—

Уменьшение в 1926 г. чистой прибыли против предыдущего 1925 г. об'ясняется рядом об'ективных причин, главнейшие из коих следующие: значительные амортизационные начисления на себестоимость продукции со вновь произведенных в 1925 и 1926 гг. капитальных вложений, эффект коих скажется в последние годы (что видно из предварительных данных за следующий 1927 г.); уплата больших сумм процентов по этим вновь влитым заемным капиталам; более низкие продажные цены, а также и плохой в некоторых районах урожай.

Совхозы Сахаротреста за 1926 г. дали еще убыток, но 1927 г., по предварительным данным, будет закончен с безубыточным балансом. Неудовлетворительный балансовый результат за 1926 г. у Сахаротреста, в сравнении с совхозами Укрсовхозоб'единения, в значительной мере об'ясняется большими накладными расходами (арендная плата за землю, чего нет у Укрсовхозоб'единения, амортизация более значительных капиталов, ремонт, организационно административные расходы и проч.).

Соотношение между прямыми и накладными расходами в 1926 г. следующее:

	Прямые расходы (в %% к себестоимости)	Накладные расходы	Всего
Сахарная свекла			
По Сахаротресту	60,53	39,47	100
„ Укрсовхозоб'единению	84,02	15,98	100
Пшеница озимая			
По Сахаротресту	60,6	39,4	100
„ Укрсовхозоб'единению	75,4	24,6	100

При таком соотношении прямых затрат на производство и накладных расходов имеем следующую себестоимость продукции, в сопоставлении с продажными ценами:

	Себестоимость в руб. за метрический центнер	Продажная цена
Сахарная свекла		
По Сахаротресту (1926 г.)	2 р. 53 к.	1 р. 25 к.—1 р. 30 к.
„ Укрсовхозоб'единению	1 „ 42 „	
Пшеница озимая		
По Сахаротресту	1 „ 57 „	1 р. 45 к.
„ Укрсовхозоб'единению	1 „ 06 „	1 „ 35 „

Переходя к вопросу о темпе и характере развития отдельных отраслей производства, мы, прежде всего, отмечаем, что почти все украинские совхозы, по своим размерам и территориальному расположению, отвечают условиям организации крупных государственных хозяйств,— преимущественно полеводческого направления. И полеводство является главнейшей отраслью большинства совхозов, но не во всех совхозах структура полеводства одинакова. Хозяйства Сахаротреста по своему территориальному расположению (около 80% площади в лесостепной части Украины) и по своей роли сырьевой базы для сахарной промышленности (36% посевной площади занято сахарной свеклой) имеют интенсивное полеводство. То же относится и к той части совхозов Укрсовхозоб'единения, которая находится в том же районе; но около 70% площади совхозов Укрсовхозоб'единения расположено в степной части Украины, и здесь, понятно, полеводство имеет преимущественно зерновое направление.

Если взять в качестве показателей интенсивности полеводства размер пропашного клина и травосеяния, то мы имеем следующее соотношение в составе полеводства совхозов Укрсовхозоб'единения в сравнении с крестьянскими хозяйствами по отдельным районам (в %% к общей посевной площади):

Районы	Пропашные		Травы	
	Совхозы	Крестьянск. хоз.	Совхозы	Крестьянск. хоз.
Полесье	10,5	7,2	27,8	3,9
Правобережная лесостепь	25,6	13,4	11,1	5,2
Левобережная лесостепь	17,0	10,9	10,5	1,9
Степь	7,1	16,9	6,0	0,4

Отсюда мы видим, что во всех районах, кроме степи, полеводство совхозов более интенсивно, чем в крестьянских хозяйствах; в степи же совхозы начинают усиливать травосеяние, но имеют пока еще недостаточно развитый пропашный клин.

В среднем по всей Украине мы имеем следующий состав посевных площадей в совхозах и крестьянских хозяйствах (в %% ко всей площади посева):

	Озимые	Ранние яровые	Крупяные	Пропашные	Бобовые	Травы	Прочие	Всего
Укрсовхозоб'единение	36,8	35,0	3,9	11,9	2,0	9,1	1,3	100
Сахаротрест	22,6	24,4	2,6	36,7	5,1	8,6		100
Крестьянск. хозяйства	41,9	33,5	7,2	13,7	0,8	2,0	0,9	100

Качественное развитие полеводства в совхозах в общем обусловливается задачей максимальнаго расширения ценных товарных культур и производства чистосортного семенного материала для снабжения крестьянских хозяйств. И в этом направлении совхозы имеют значительные достижения. В 1927 г. площадь чистосортных посевов в совхозах Укрсовхозоб'единения составляет уже 85% от общей площади зерновых посевов.

Абсолютный рост отдельных культур и их соотношение по годам в совхозах Укрсовхозоб'единения мы видим из следующей таблицы (в *га*):

Наименование культур	1923	1924	1925	1926	1927
Озимые					
Пшеница	7.066	12.727	16.079	23.853	36.132
Рожь	11.589	11.830	13.159	12.929	8.210
Рапс	—	11	14	223	410
Яровые					
Пшеница	4.905	5.839	8.719	6.524	2.571
Овес	11.776	11.551	12.587	19.588	23.437
Ячмень	9.281	10.122	11.274	9.857	10.057
Крупяные	3.745	1.902	2.718	2.934	887
Бобовые	154	997	943	3.815	4.559
Кукуруз.	1.155	1.081	3.309	2.436	1.919
Подсолн.	1.095	1.384	1.970	1.220	2.824
Сах свекла	489	3.037	3.170	3.499	3.387
Корнеплоды	307	420	619	772	863
Травы	1.142	2.591	4.049	5.035	9.068
Другие	1.250	1.078	7.229	2.418	3.339
	53.794	64.550	85.839	95.013	107.664
% чистосортных посевов	10,6	30,0	55	70	85

Развитие более ценных товарных культур за счет малоценных шло при постепенно растущем спросе со стороны крестьянства на улучшенные семена.

Как видим из приведенной таблицы, большой рост посевов озимой пшеницы в совхозах является центральным моментом изменения структуры полеводства.

Нужно отметить, что во всем сельском хозяйстве степной Украины озимая пшеница становится главнейшей культурой. Степь быстро идет к восстановлению своего значения, как крупнейшего пшеничного района в Союзе. В 1917 г. доля пшеничных посевов в общей посевной площади пока только приближается к довоенной, однако, продуктивность посевов, благодаря усилению доли озимой пшеницы за счет яровой, уже превзошла довоенную; 89% натуральной доли пшеничных посевов в общей посевной площади и 103% продуктивности этой площади — это дает к 1927 г. около 16% повышения по сравнению с довоенным временем продукции с единицы площади, засеянной пшеницей. Пшеница становится основным хлебом в заготовках. Относительная роль пшеницы в экспорте уже выше довоенной и ближайшие перспективы развития экспорта больше всего зависят от увеличения ее продукции. Увеличение пшеничного клина и именно за счет расширения площади озимой пшеницы, при одновременном сокращении площади яровой, является не только восстановительным, но и глубоко-реконструктивным процессом, поскольку такая замена ведет за собой крупнейшие организационные изменения в способах обработки и использования пашни и значительное увеличение продукции с единицы площади посева пшеницы.

При этих условиях общего направления и изменения в сельском хозяйстве степи, совхозы, производящие на своих полях чистосортные зерновые культуры, являются главнейшими поставщиками сортовой и улучшенной пшеницы для крестьянских посевов.

Что касается яровых, то следует отметить значительный рост посевов овса (на 100% в 1927 г. больше, чем в 1923 г.), также чистосортного. Это также соответствовало довольно сильному увеличению площади под культурой овса на крестьянских землях, особенно в степи. Нужно полагать, что рост овса произошел не только в результате выгодного соотношения цен на овес в 1926/27 г., но находится в тесной связи с ростом пшеницы, высеваемой в значительной мере на ранних парах, сокращающих кормовые возможности населения.

Размеры посевов ячменя в совхозах за последние годы находятся в общем на одном и том же уровне. Как известно, площадь под ячменем в крестьянских хозяйствах сократилась, значительно уменьшивши кормовой фонд для вывоза внутрь СССР, частью благодаря невыгодной рыночной конъюнктуре на ячмень, частью вследствие вытеснения ячменя озимой пшеницей.

Посевы кукурузы в совхозах значительно выросли в 1925 г., а затем, вследствие трудоемкости и низких рыночных цен, в последующие два года сократились. Если же сравнить относительное значение посевов кукурузы в совхозах и в крестьянских хозяйствах, то в степных крестьянских хозяйствах, на ряду со значительными реконструктивными изменениями в полеводстве, в результате которых выпал ряд нерентабельных культур, кукуруза за последние 2 года в общем удерживает свою площадь на одном и том же уровне, несмотря на неблагоприятные цены. Повидимому, крестьянство не только осознало роль кукурузы, как засухоустойчивого растения, но и нашло пути более рационального использования ее, как кормового средства внутри хозяйства. Перед совхозами, как поставщиками чистосортных семян, поэтому еще стоит задача расширения кукурузного клина и продукции до размеров удовлетворения населения семенами высоких сортов. Однако, дальнейшее расширение посевов кукурузы в совхозах связано с машинизацией посева, обработки, уборки и молотьбы кукурузы.

Масляничные культуры (подсолнух) в совхозах также значительно выросли (в 2,5 раза) вместе с общим ростом посева их на Украине, особенно в истекшем 1927 г.

Значителен также рост в совхозах лесостепи центральных экспортных бобовых культур, корнеплодов и сахарной свеклы.

Необходимо отметить также сильный рост посева трав в совхозах. Посевные травы, особенно за последний год, на Украине вообще дали интенсивный рост, главным образом, многолетние травы (на 88%). Преобладающая доля прироста посевных трав оказалась в Полесьи и Правобережьи Украины, где расширяется тем самым кормовая база для развития животноводства. Сильный рост посева трав в совхозах для семян и снабжение этими семенами крестьян падает на совхозы лесостепи.

Что касается системы севооборота в совхозах, то поскольку последние расположены в различных, отличающихся друг от друга по экономическим и прочим условиям, районах, то нет единого севооборота для всех хозяйств. В совхозах степи установлен, по преимуществу пятипольный севооборот; в хозяйствах северной части Украины применяется девятипольный севооборот. Но во всяком случае проводится твердая линия на установление определенного севооборота в каждом хозяйстве.

Более высокая техника полеводства в совхозах (чистые пары в степи, чистосортные семена, механизация обработки, правильные севообороты, расширение в Лесостепи применения удобрений и проч.) соответственно влияет на повышение урожая. По основной культуре—озимой пшенице—превышение урожайности в совхозах Сахаротреста над урожайностью крестьянских хозяйств за 1926 г. равно по отдельным районам от 21% до 49%, а в совхозах Укрсовхозоб'единения по озимой пшенице в среднем по Украине за последние 3 года (1925, 1926, 1927 гг.) это превышение равно 15%. Более высокая урожайность в совхозах в сравнении с крестьянским хозяйством отмечается и по другим культурам: по ржи почти на 50% (в Сахаротресте), по овсу около 11%, по сахарной свекле — около 44% (то же по Сахаротресту).

Исключением является яровая пшеница, резкое сокращение посева которой (при одновременном росте посева озимой пшеницы, как мы видели из приведенной здесь таблицы посевов по Укрсовхозоб'единению) сопровождается и низкой урожайностью.

Поскольку развитие полеводства в совхозах в основном идет по линии чистосортного семенного производства,—перед ними выдвинута задача расширения источников получения селекционного семенного зерна и организации систематического обновления отдельных сортов ценных культур; по линии Сахаротреста в этом направлении ведется большая работа специальным Сортоводно-семенным управлением на собственных опытных станциях, а Укрсовхозоб'единение для этой цели пока организовало в своих совхозах 7 семенных рассадников для репродукции получаемого от маточных питомков опытных станций исходного селекционного материала. От урожая 1927/28 г. этих 7 рассадников ожидается значительное количество обновленного чистосортного семенного зерна таких культур, как пшеница „Кооператорка", „Украинка" и др., рожь „Петкусская", овес „Победа", ячмень шестирядный, горох „Виктория", кукуруза „Минезотта" и „Стерлинг" и ряд других. Общий масштаб работы указанных 7 собственных рассадников на текущий год характеризуется следующей

таблицей их посева, ожидаемого урожая, и, как результат, размером удовлетворения обновленным чистосортным семенным материалом всех совхозов Укрсовхозоб'единения:

Культуры	Площадь посева (в га)	Ожидаемый урожай семен. зерна в центн.	Требуется для совхозов в центн.	% обновления семен. зерна в совхозах
Пшеница озимая . .	1.095	11.523	30.959	37
Рожь	281	2.525	6.879	36
Овес	481	4.344	22.277	19
Ячмень	395	2.973	7.862	37
Пшеница яровая . .	128	962	3.931	24
Озимый рапс . . .	39	471	49	—
Подсолнух	76	458	327	100
Кукуруза	92	1.113	737	100
Горох	142	1.072	2.447	43
Мак	60	540	1.834	100
Бобы конские . . .	21	327	294	100
Просо	16	122	196	62
Вика	11	65	327	20
Кормов. свекла (выс).	22	343	245	100
Картофель	29	3.095	16 380	19
Люцерна	108	326	327	100
Эспарцет	68	409	393	100
Клевер	210	3.914	163	100

Из приведенных данных видно, что организованные в 1927 г. семенные рассадники обеспечивают обновление посевматериала совхозов через каждые три года, а некоторые культуры могут ежегодно полностью засеваться в совхозах семенами, полученными от рассадников.

При улучшающемся постепенно во всех совхозах семеноводстве, обновление семян, особенно самоопыляющихся культур, будет требоваться не каждый год, и часть семенной продукции рассадников будет возможно отпускать семенным хозяйствам других организаций.

В области специальных культур следует отметить большой рост в совхозах Укрсовхозоб'единения плодовых питомников, количество которых с 33 *га* в 1923 г. доведено до 141 *га* в 1927 г., при усиленном спросе со стороны крестьянства на посадочный материал.

Большую роль играют совхозы в восстановлении и развитии хмелеводства. Путем закладки совхозами новых хмельников, площадь под ними доведена в совхозах Укрсовхозоб'единения с 29 *га* в 1923 г. до 329 *га* в 1927 г., при чем хмель культивируется исключительно высоко о качества, вырабатываемый посадочный материал (черенки хмеля) идет на улучшение крестьянского хмелеводства.

В последние два года усиленное внимание уделяется промышленному садоводству. Всего под садами в совхозах Укрсовхозоб'единения около 2.600 *га*, часть из них уже дает довольно заметные доходы, а другая часть требует еще дальнейших капитальных затрат по восстановлению и обновлению, поскольку большинство садов в виду отсутствия надлежащего ухода за время войны и революции сильно поредели; количество погибших деревьев достигает в среднем 25—30%. В данный момент все сады распаханы и в них поддерживается чистый черный пар, ведется борьба с вредителями, производится обрезка и т. д. Благодаря уходу, урожай садов постепенно повышается, и на текущий год исчисляется в количестве свыше 50.000 центнеров разных фруктов.

Животноводство в совхозах развито пока слабо; количественный рост стад за пять лет очень небольшой. Об'ясняется это, прежде, всего, тем, что в первые годы организации совхозов качество наличных животных было низкое, а содержание мало продуктивного скота — убыточно. Пришлось начать работу в этой отрасли хозяйства с самих основ,— организации дорогостоящей племенной работы по подбору и выращиванию высококачественного материала.

Количественный рост племенного и пользовательного скота в совхозах Укрсовхозоб'единения по годам иллюстрируется следующими данными:

Годы	Плем. лошади (голов)	Крупн. рогат. скот (голов)	Свиньи (голов)	Овцы (голов)
1923	570	3.376	3.786	8.750
1924	708	3.652	5.938	13.607
1925	834	3.946	4.968	10.513
1926	903	3.889	3.857	11.524
1927	1.086	4.031	5.775	15.716

При крайней скудности средств, в первую очередь была поставлена работа по племенному свиноводству, и в настоящее время качественный состав племенных свиней в совхозах Укрсовхозоб'единения довольно приличный.[1] Увеличение же крупного рогатого скота, требующее сравнительно больших затрат для правильной постановки племенной работы, находится еще в стадии подбора и формирования стад. Эта отрасль животноводства задерживалась в своем развитии по причине крайней недостаточности долгосрочного кредитования и отсутствия местных источников пополнения высококачественным материалом. Однако, все, что возможно было сделать за истекшие пять лет в этой области собственными средствами совхозов — было сделано. Из отобранного высокопородного крупного скота организовано пока в совхозах Укрсовхозоб'единения 11 племрассадников, из коих 6 красно-немецкой породы, 2 серо-украинской и по одному рассаднику симментальского, полесского и белоголового-колонистского скота. Общее количество скота в этих рассадниках в 1927 г. 235 голов, а в 1928 г. будет доведено до 660 голов. Кроме того, имеющаяся в 1927 г. сеть молочных ферм в 6 совхозах увеличивается в текущем году до одиннадцати, с увеличением количества скота с 519 голов до 1200 голов.

Помимо вышеуказанных причин, задерживающих развитие крупного рогатого скотоводства в совхозах, имеется еще одна причина; она коренится в общих условиях состояния на Украине животноводства. Нужно сказать, что хотя в животноводстве на Украине имеется некоторый успех по линии свиноводства, но взятая в целом продукция животноводства — молочная и мясная,— вследствие слабого развития крупного животноводства, отстает от общего темпа развития сельского хозяйства и не соответствует острой потребности в улучшении снабжения городского населения мясом и молочными продуктами. Есть основание предполагать, что здесь имеется прямая связь с реконструктивными процессами, происходящими в полеводстве. Полеводство, особенно в степи, приспособляется, прежде всего, к производству товарного зерна и технических культур, имеющих хороший сбыт; но пока еще мало сделано, чтобы взамен старой создать новую полеводственную базу для развития продуктивного животноводства. Яровые, дававшие ранее массу кормовой соломы и половы, вытесняются о з и м ы м и, солома которых не представляет кормовой ценности, п о д с о л н у х о м, который дает жмых, но не дает грубого корма, и к у-

[1] Из наиболее ценных пород свиней организовано 5 племрассадников в составе 245 маток и в 60 совхозах организовано 60 множителей с общим составом в 1400 маток для удовлетворения большого спроса крестьян на поросят в возрасте 5—6 недель.

курузой, которая с успехом заменяет ячмень, но стебли которой крестьяне не научились использовать для замены соломы. Ранние же пары сократили количество перелогов и толок, сократили количество сена и летних выпасов. Даже в Полесьи и Правобережьи, где расширились посевы кормовых трав, и там, согласно данным ЦСУ, сено повидимому расходуется, прежде всего, на прокормление численно растущего рабочего скота,а не коров, число которых здесь даже уменьшилось.

Совхозы, на наш взгляд, разделяют судьбу общего, в известном смысле, кризисного состояния животноводства на Украине. Но тем более перед совхозами стоит задача поднять у себя развитие животноводства как по линии улучшения племенного материала, так и по линии развития товарного животноводства. Этому должно сопутствовать: с одной стороны, развитие посевов многолетних трав и кормовых культур, применение силосования стеблей кукурузы, устройство сеянных выпасов и пр.; а с другой стороны — организация образцовой переработки продуктов. Необходимо изучать реконструктивные процессы в полеводстве и вносить изменения в них, в интересах развития такой важной для украинского сельского хозяйства отрасли, как животноводство. И нужно полагать, что, начиная с текущего 1927/28 г., благодаря значительному увеличению кредитования совхозов осуществление этой задачи будет поставлено на действительно реальные рельсы.

Следует отметить, что уже в текущем году шерстяная проблема в текстильной промышленности выдвинула перед совхозами, в качестве первоочередной задачи текущего дня, использование всех возможностей для развития мериносового и метисного овцеводства. После заключения соответствующего договора с Акц. общ. „Овцевод“ в этом направлении уже начаты работы, во-первых, по расширению промышленного овцеводства в совхозах, при чем ограниченность у совхозов Укрсовхозоб'единения имеющихся свободных земель для выпасов позволяет довести стадо только до 60 и 70 тыс. голов; во-вторых, по организации племрассадников для снабжения крестьянских хозяйств высококачественным маточным материалом и производителями, в целях увеличения и улучшения крестьянского промышленного овцеводства.

Особого внимания заслуживает проводимая совхозами Укрсовхозоб'единения тракторизация своего хозяйства. Необходимость поднятия и вовлечения в хозяйственный оборот крупных площадей целины на юге, очевидная зависимость экономической эффективности крупного хозяйства от повышения техники производства и усиления темпа отдельных его процессов,— выдвинули перед совхозами еще в 1925 г., как важнейшую задачу, переход к широкому применению механической тяговой силы. Рентабельность тракторной обработки обусловливалась правильностью методов распределения тракторов по отдельным совхозам. Имея в 1925 г. 236 тракторов Укрсовхозоб'единение не распылило их по всем 162 хозяйствам, а сосредоточило их в 16 совхозах, создав, таким образом, целые тракторные колонны, почти полностью обслуживающие каждый из этих 16 совхозов. В таких тракторных хозяйствах имеется квалифицированное техническое руководство, постоянные ремонтные мастерские, набор запасных частей и прочее.

По тому же пути полной тракторизации отдельных хозяйств Укрсовхозоб'единение продолжает итти и дальше; в 1926 г.—42 хозяйства имеют 321 трактор и в 1927 г.—67 хозяйств снабжены 570 тракторами. В отдельных наиболее крупных полеводческих совхозах количество тракторов доходит до 30 штук.

Нижеследующая таблица показывает рост тяговой силы по всем совхозам Укрсовхозоб'единения и соотношение между живой и механической тягой по годам:

Годы	Колич. тяговых сил в живом инвентаре	Колич. механ. тяговых сил (тракторных)	Всего	% механиз. тяговых сил
1923	3.350	—	3.350	—
1924	3 689	—	3.719	—
1925	5.478	2.360	7.838	30
1926	6.148	3.210	9.358	34
1927	6.441	5.700	12.141	47,5

Выведенный здесь средний по отношению ко всем совхозам Укрсовхозоб'единения, размер обеспеченности тракторами в 1927 г. в 47,5 % сам по себе недостаточен, но если при этом учесть указанный выше безусловно правильный метод организации тракторного хозяйства, когда все наличные в 1927 г. 570 тракторов находятся только в 67 совхозах, а остальные 104 совхоза пока не имеют ни одного трактора, то станет совершенно очевидной крайняя необходимость дальнейшего усиленного снабжения указанных совхозов тракторами и соответствующими прицепными машинами и орудиями. Задача скорейшего и полного тракторо-снабжения совхозов выходит далеко за пределы внутрисовхозовских потребностей,— это ответственнейшая задача в деле воздействия совхозов на реконструкцию крестьянского хозяйства. На этой роли совхозов мы более подробно остановимся ниже, когда перейдем к вопросу о связи их с крестьянством.

В совхозах Сахаротреста тракторизация пока заметного места не занимает. Механическая тяговая сила в 1926 г. не превышала 7—8 % по отношению к живой тяге. Об'ясняется это, прежде всего, большим удельным весом сахарной свеклы, навоз на удобрение которой дает рабочий скот. Дороговизна и недостаток минеральных удобрений, при недостаточности средств на широкое развитие пользовательного животноводства, вынуждают Сахаротрест держать большое количество рабочего скота. Одной из очередных задач совхозов Сахаротреста является усиление тракторизации при одновременном развитии пользовательного животноводства и усилении применения минеральных удобрений, а равно и расширении в своих севооборотах занятых паров.

Нельзя не отметить такого достижения украинских совхозов, как полная ликвидация к концу 1926 г. испольщины. Политическая вредность и хозяйственная невыгодность этой недопустимой формы хозяйствования, которую совхозы вынуждены были применять в первые годы своего существования, исключительно из-за своей бедности,— учитывались со всей серьезностью, и совхозы из года в год, по мере скромного роста своих собственных средств производства, решительно изживали испольную обработку своих полей.

Постепенное и неуклонное изживание в совхозах испольщины видно из следующей сравнительной таблицы за пять лет:

Охват земельной площади в совхозах Укрсовхозоб'единения

Годы	%%%	В обработке (га)	Из них испольно (га)	% испольщ.
1923	100	61.844	44.491	73,0
1924	130	79.885	36.308	44,5
1925	163	101 484	21.794	22,4
1926	202	123.148	12.535	10,0
1927	240	143.546	—	—

По совхозам Сахаротреста мы по этой части имеем такие цифры:

Годы	В каком размере охватывалась пахотная площадь (%%)	Размер испольных посевов (%%)
1923	42,2	35
1924	51,5	24,1
1925	81,5	10,4
1926	88 5	—
1927	100	—

Как видим, совхозы Сахаротреста окончательно ликвидировали испольщину в 1926 г., а в 1927 г. освоили собственными силами все 521.000 *га* пахотной площади. Посевная же площадь в 1927 г. доведена до 400.000 *га*.

В совхозах Укрсовхозоб'единения испольщина ликвидирована к 1927 году, с освоением собственными средствами свыше 143.000 *га* из общей пахотной площади в 153.000 *га* и с доведением посевной площади до 108.000 *га*.

В результате полной ликвидации испольщины, при общем количественном и качественном росте производства, значительно повысился авторитет совхозов среди крестьянства.

В области индустриализации роль совхозов Сахаротреста определяется, главным образом, их значением, как сырьевой базы сахарной промышленности. Около 50% продукции совхозов пропускается через сахарные заводы.

Что касается индустриализации совхозов Укрсовхозоб'единения, то выше мы уже говорили, что основная их масса расположена в степной Украине, а там помещики в своих имениях очень мало занимались вопросами переработки. Крупные же промышленные хозяйства в лесостепной части Украины перешли вместе с сахарными заводами к Сахаротресту и с винокуренными заводами к государственной винокуренной промышленности.

Все же, после значительных затрат, в совхозах Укрсовхозоб'единения работают сейчас: 1) 10 полутоварных мельниц, общей производительностью в 320.000 центнеров; 2) 61 мельница крестьянского помола, общей производительностью в 500.000 центнеров; 3) 3 винокуренных завода производительностью в 2.500.000 литров спирта; 4) одна томатная фабрика; 5) 1 консервная фабрика; 6) 1 кирпичный завод на 1.500.000 штук кирпича и 7) 1 лесопильный завод.

В программу на текущий год включено: 1) восстановление еще двух винзаводов и 16 мельниц и постройка вновь: 4 мельниц, 5 маслобойных заводов, 5 пунктов по переработке фруктов, 4 кирпичных заводов и проч.

Чистый доход от предприятий по переработке за 1926 год равен 105.700 руб., а по плану на 1927/28 г. намечается в 300.000 рублей.

Для характеристики роста рабочих кадров в совхозах и размеров используемой рабочей силы приведем следующие данные. В 1923 г., когда в совхозах отсутствовали элементарные условия для правильного хозяйствования и организации труда, постоянных рабочих и служащих в совхозах Укрсовхозоб'единения было 4.956 человек, в следующем 1924 г., после проведенной реорганизации сети совхозов, число постоянных рабочих и служащих было сокращено до 2.136 человек, а затем, по мере расширения производства, мы имеем ежегодный рост постоянного кадра: в 1925 г. 2.762 чел., в 1926 г.—3 893 чел. и 1927 г.—4.146 чел.

Рост сезонных и поденных рабочих идет также в соответствии с общим ростом производства и иллюстрируется следующими цифрами по количеству отработанных дней в совхозах Укрсовхозоб'единения:

Годы	Отработано дней	
	Сезонными	Поденными
1923	132.000	397.000
1924	284.032	626 279
1925	375.704	938.225
1926	410.000	1.664.122
1927	490.000	1.850.000

Что касается заработной платы, то постепенный рост ее все время сопутствует общему хозяйственному росту совхозов и охватывает все группы рабочих и служащих Средний месячный заработок штатного рабочего в совхозах Укрсовхозоб'единения с 16 р. 25 к. в 1924 г. поднялся до 26 руб. 96 коп. в 1927 г.: заработок сезонного соответственно возрос с 13 р. 68 к. до 22 р. 33 к., а поденный рабочий вместо 47 коп. получает в среднем 90 к п. в день. Средний заработок служащего возрос с 36 р. 35 к. до 63 р. 31 к. Кроме выдаваемой в денежной форме зарплаты, рабочие и служащие получают бесплатно жилье, коммунальные услуги, а также пользуются 20% скидкой с цен на забираемые для себя и своих семей продовольственные продукты, что в общем составляет около 30% к сумме зарплаты.

С ростом заработной платы отмечается рост производительности труда, доходящий в среднем по совхозам Укрсовхозоб'единения до 90% довоенной нормы. Подробных данных, характеризующих состояние производительности труда, мы не имеем, но можем отметить, что на повышение производительности труда большое влияние оказало широкое применение трактора. Производительность труда на работах с применением трактора в некоторых совхозах превосходит довоенную норму.

Плохо до сих пор обстоит в совхозах с жилищным вопросом. Если путем правильных организационных мероприятий, при помощи небольших заемных капиталов — совхозам и удалось расширить количественно и улучшить качественно свое производство, то разрешение жилищного кризиса организационными мероприятиями и краткосрочными кредитами невозможно. В громадном большинстве совхозов жилые постройки, полученные в наследство от помещиков, либо совершенно разрушены, либо очень мало приспособлены для жилья рабочих. Вряд ли можно поставить в вину совхозам, что они все, более чем скромные средства свои и заемные (полученные в порядке производственного кредита) вкладывали до сих пор непосредственно в производство, обеспечив и укрепив, таким образом, само существование совхозов. К разрешению жилищного вопроса в совхозах необходимо подойти вплотную со всей серьезностью, а разрешить его можно только путем включения совхозов в общую систему финансирования рабочего жилищного строительства по линии коммунальных банков, либо путем специального кредитования через систему с.-х. кредита на тех же условиях, на коих отпускаются средства на жилищное строительство для госпромышленности.

Обеспеченность совхозов квалифицированными специалистами не достигла еще необходимого уровня. Об этом свидетельствуют следующие данные

(в %% к общему количеству административного персонала):

	Имеющие с.-х. образование			Без с. х. образования	Всего
	Высшее	Среднее	Низшее		
а) По Сахаротресту . . .	8,7	19,3	22 4	49,6	100
Из них управл. совхозами .	33,6	31,2	21,6	13,6	100
б) По Укрсовхозоб'единению	8,8	17,8	25,0	48,4	100
Из них управл. совхозами .	9,2	19	23,8	48,0	100

Сравнивая обслуживание агроспециалистами крестьянских хозяйств и отдельных категорий совхозов, имеем следующее:

	Крестьянской земли	По Сахаротресту	По Укрсовхозоб'единению
На одного агроработника падает пахотной земли в гектарах . . .	10.562	391	1.809

Очевидно необходимо в дальнейшем усилить агроработниками совхозы по Укрсовхозоб'единению.

Недостаток в совхозах квалифицированных специалистов, между прочим, отрицательно влияет на установку углубленной плановости в работе. Хотя производственные планы совхозов увязываются с общими мероприятиями по сельскому хозяйству и годовые производственные программы имеются по каждому совхозу, но организационных планов по отдельным совхозам почти еще совсем нет (по Укрсовхозоб'единению), либо имеются по небольшому числу совхозов (у Сахаротреста). Между тем, для уточнения роли и заданий каждого совхоза в отдельности необходимо уже теперь форсировать проработку долголетних организационных планов.

Поскольку общий рост главнейших отраслей совхозного хозяйства характеризуется расширением воспроизводства улучшенных средств с.-х. производства для удовлетворения нужд крестьянского хозяйства, агрикультурная и экономическая помощь бедняцкому и середняцкому крестьянству становится для совхозов актуальнейшей задачей и разрешается она в различных видах и в ежегодно возрастающей прогрессии.

В нижеследующей таблице приводим цифровые данные о снабжении совхозами Укрсовхозоб'единения крестьянских хозяйств чистопородными и улучшенными животными, чистосортным семенным материалом, посадочным материалом (саженцами плодовых деревьев), о количественном росте обслуживания случными пунктами совхозов крестьянского скота, а также о снабжении семенным зерном этих же совхозов крестьянства неурожайных районов УССР и РСФСР по специальным заданиям правительства:

Годы	Отпущ но чистопородных и улуч. животн.		Отпущ. посадочн. материала (саженцев)	Отпущ. чистос. семян.	Отпущ. в неурож. районы	Было покрыто крестьян. маток на случн. пунктах		
	Кр. рог. скот	Свиньи штук		Центн.	Центн.	Жеребцами	Бугаями	Кнурами
1924	304	2.967	2.660	8.190	44 000	3 636	2.947	4.300
1925	589	4.160	44.320	29.484	196 000	7.007	5.885	7.394
1926	701	12.500	100.000	49.141	—	8.272	6.800	10.600
1927	820	14.000	200.000	155.714	—	8.723	7.300	11.200

Совхозы Сахаротреста отпустили сортового семенного материала в 1925 г. около 116.000 центнеров, а в 1927 г.— около 417.000 центнеров.

Кроме этих мероприятий, проводимых ежегодно в плановом порядке под руководством Наркомзема Украины с участием с.-х. кооперации (как организованного распределителя) и с соблюдением классового принципа распределения, совхозами проводятся и специальные мероприятия по непосредственному обслуживанию местной крестьянской бедноты ближайших к совхозам сел. Так производится отпуск беднейшему крестьянству

семенного материала на особо льготных условиях, а именно: пуд чистосортного семенного зерна за пуд крестьянского продовольственного зерна. Работа в этом направлении характеризуется следующими цифрами по Укрсовхозоб'единению. Отпущено семенного материала:

Годы	Центн.
1924	4.914
1925	8.190
1926	16 380
1927 около	24.570

Совхозы проводят на местах также целый ряд других мероприятий по оказанию особо льготной и бесплатной агрикультурной и хозяйственной помощи организованному в комитетах незаможных крестьян (комнезамах) и колхозах бедняцкому крестьянству, путем организации проката машин и иного инвентаря, производства очистки зерна, ремонта инвентаря и проч. На основании специального постановления правительства для этой цели в дальнейшем будет отчисляться 1% с валового дохода совхозов.

С 1927 г. Укрсовхозоб'единение начало проводить новый вид помощи бедняцким крестьянским хозяйствам в виде обработки совхозскими тракторными колоннами крестьянских земель на выгодных для крестьян договорных условиях. Проведенный в этом направлении по совхозу им. Тараса Шевченко опыт по обработке 2,5 тысяч гектаров у безлошадных переселенцев вызвал большой интерес среди маломощных крестьянских хозяйств, и уже в текущем 1928 г. есть возможность эту работу значительно расширить и распространить по ряду других районов Украины, откуда поступают заявки от крестьян.

О политическом и экономическом значении, которое имеет развитие этой формы помощи совхозов деревенской бедноте, уже подробно писалось в партийной и советской печати.

Значение этого мероприятия определяется, во-первых, освобождением безлошадного бедняка из-под кабалы кулака и увеличением урожайности этих хозяйств и, во-вторых,— способствует кооперированному об'единению на базе тракторизации бедняцких и середняцких хозяйств. Как расценивают это мероприятие сами крестьне-переселенцы, заключившие договор с совхозом им. Тараса Шевченко, мы видим из их письма, опубликованного в „Известиях ЦИК" от 22 ноября 1927 г., которое мы здесь приводим:

„Мы, переселенцы хуторов им. Шевченко, Красина, Калинина, „Червона зірка" и „Восходящее солнце", приносим нашу глубочайшую благодарность советской власти за ту огромную помощь, которая была нам оказана в деле восстановления нашего хозяйства. Большинство из нас — беднота, без лошадей, без инвентаря, не могли обработать отведенную нам землю и вынуждены были сдавать ее в аренду старожилам-кулакам за часть урожая. Урожай получался скверный, так как известно, что арендатор не станет чужую землю хорошо обрабатывать. Те небольшие кредиты, какие получались от государства, проедались нами, и с каждым годом мы больше беднели.

В этом году к нам приехал представитель Укрсовхозоб'единения и предложил нам, вместо денежных кредитов, обработать тракторами наши земли. Все переселенцы, кроме отдельных кулачков, дали свое согласие; хотя мало верили, что работа будет сделана по-хозяйски. На великую нашу радость и на зло кулакам тракторы вспахали всю целину и перелоги под пар, 5—6 раз перепахали и боронили для очистки от сорняков

и, наконец, засеяли чистосортной пшеницей „Кооператоркой" все поле. Теперь уже кулаки над работой тракторного отряда не смеются.

В этом году в нашем районе крестьяне, вследствие отсутствия дождей, почти не засеяли озимых, а на тех землях, где и засеяно, нет еще всходов. А на наших переселенческих полях зеленеют сотни десятин прекрасной пшеницы на парах, какой нет в самых богатых немецких колониях. Кроме посева озимой пшеницы, тракторы подняли на зябь всю площадь под яровые. Теперь у нас нет ни одной десятины земли, не поднятой или сданной в аренду. У нас нет ни одного бедняка, который не имел бы нескольких десятин озимой пшеницы по пару.

После той работы тракторов, какую мы видели, не хотим больше вести бедняцкое мелкое хозяйство а решили организовать обобществленное тракторное хозяйство, в котором не будет отдельных крестьянских клочков посевов. Организацию для нас этого тракторного хозяйства взял уже на себя совхоз им. Тараса Шевченко, с которым мы заключили договор".

Вывод, который следует сделать из приведенного письма переселенцев — это безусловная необходимость широкого распространения опыта совхозов им. Тараса Шевченко. „Побольше бы таких примеров, товарищи, и тогда можно было бы продвинуть это дело далеко вперед" (из доклада тов. Сталина на XV с'езде ВКП(б).

По мере расширения трактороснабжения совхозов, опыт совхоза им. Тараса Шевченко распространяется, и уже в этом году будут работать на крестьянских полях Украины около 120 совхозских тракторов в районах Одесского, Криворожского и Уманского округов. Эти тракторные отряды обработают в текущем году около 15 тысяч десятин крестьянской земли.

Из всех приведенных здесь данных за период пятилетней работы мы констатируем в качестве несомненных достижений украинских совхозов:

1) общий рост посевных площадей при почти полном вовлечении в хозяйственный оборот в 1927 г. всей пашни (см. приведенную здесь таблицу посевов плюс паровой клин);

2) большой рост чистосортных посевов при общем улучшении техники полеводства;

3) известные успехи в тракторизации совхозов;

4) ликвидацию испольщины и аренды;

5) растущую роль совхозов в агрикультурном и хозяйственном обслуживании крестьянского хозяйства;

6) увеличение орудий и средств производства, по сравнению с первыми годами, при общем росте капитальных вложений не только за счет кредитов, но и за счет внутреннего накопления средств;

7) выход из убыточности, а за последние три года наличие по совхозам Укрсовхозоб'единения значительной прибыльности;

8) рост заработной платы рабочих, сопутствующий общему экономическому росту совхозов.

На ряду с этими достижениями следует подчеркнуть и наличие ряда отрицательных моментов и слабых сторон в работе совхозов, главнейшие из которых:

1) высокая еще себестоимость продукции, особенно в совхозах Сахаротреста, применяющих улучшенные способы производства;

2) отсталость животноводства, между тем, как развитие этой отрасли связано с созданием общей устойчивости хозяйства;

3) при полной ликвидации испольной работы и аренды и, следовательно, охвате собственными средствами всего производства,— наличие еще недостатка в средствах производства; такое положение, очевидно, имеет своим последствием чрезмерную нагрузку наличных орудий производства и, в связи с этим, большую степень их изнашиваемости;

4) недостаточный темп развития в совхозах технических предприятий по первичной переработке продуктов; недостаточное развитие машинизации;

5) чрезвычайно замедленный темп жилищного строительства, что находится в резком несоответствии с общим хозяйственным развитием совхозов и ростом рабочих кадров в них;

6) наконец, при растущей общей роли совхозов в агрикультурном и хозяйственном обслуживании крестьянства, отсутствие еще определенной и систематической увязки на местах этой работы с мероприятиями по производственному кооперированию крестьянства (организация семеноводческих, животноводческих и др. кооперативных об'единений).

Таковы отдельные, частные выводы; основной же вывод, который можно и должно сделать из приведенных данных — это безусловная жизненность совхозов, как крупных государственных с.-х. предприятий и несомненный рост их роли в качестве опорных пунктов социалистической реконструкции сельского хозяйства. При нынешнем положении мы не сомневаемся в том, что имеющиеся недостатки будут изжиты и что укрепление и дальнейшее развитие совхозов по намеченному партией и правительством пути пойдет более успешным темпом. Результаты работы совхозов за прошедшее пятилетие, с одной стороны, а с другой — твердые директивы XV партийного с'езда и проводимые правительством практические мероприятия, при осознании широкой партийно-советском общественностью всего значения совхозов,— являются достаточной гарантией дальнейшего успешного развития совхозного строительства.

Н. Я. Новомбергский

Проблемы генерального плана развития народного хозяйства Сибкрая [1, 2]

Общие установки и основные проблемы

Хозяйство Сибкрая характеризуется отсталой системой сельского хозяйства, примитивным состоянием промышленности малой плотностью населения, редкой сетью путей сообщения и оторванностью на 3 и более тысяч верст от главнейших рынков. В основу построения генерального плана развития народного хозяйства Сибкрая положены: реконструкция и индустриализация всего Сибирского хозяйства при максимальном усилении обобществленного сектора. В частности, имеется в виду максимальное извлечение валютных и контрвалютных ценностей для внешней торговли и максимальное развитие производительных сил края для поднятия благосостояния местного населения.

В качестве стержневых линий развития народного хозяйства Сибкрая намечены: форсирование добывающей и обрабатывающей промышленности, индустриализация сельского хозяйства, вовлечение в хозяйственный оборот необжитых районов посредством колонизации и развития лесной промышленности, укрепление хозяйственного быта северных туземцев, реконструкция залежной системы полеводства, улучшение всех видов транспорта и развитие научно-исследовательских работ.

Центральной проблемой своего генплана Сибкрай считает развитие Кузбасса, который рассматривается в теснейшей увязке с хозяйством Урала, как сложный промышленный комбинат каменноугольной, коксобензольной, химической и металлургической промышленности с общим и с.-х. машиностроением.

Общий курс на индустриализацию Союза презюмирует самое широкое развитие тяжелой промышленности. Для этой цели сравнительно молодая южная каменноугольная и металлургическая промышленность представляется недостаточно широкой базой по хозяйственным условиям (разобщенность руды и угля и ограниченность коксующихся углей) и необеспеченной по соображениям политическим (сосредоточение в одном центре, доступном для нападения). Вследствие необеспеченности минеральным топливом старейший центр тяжелой промышленности — Урал — не может развернуться до размеров, гарантирующих удовлетворение всесоюзного спроса на черные и цветные металлы со всеми сопутствующими их производству побочными продуктами. С другой стороны, неосуществима индустриализация Сибирского края без широкого развертывания его собственной тяжелой индустрии.

Соединение сибирского каменного угля или кокса с уральскою рудой представляется хозяйственною необходимостью в интересах с к о р е й ш е й индустриализации Сибкрая, Урала и всего Союза в целом. Урало-кузнецкая проблема еще в довоенное время была выдвинута хозяйственниками Урала и поддержана специалистами Сибири. При изменившихся условиях в сторону осуществления последовательно-социалистического хозяйства с плановым построением его, эта проблема приобретает более настоятельный и более реальный характер.

Второю важнейшей задачей реконструкции сибирского хозяйства является изживание тяжелых последствий залежной системы сибирского сельского хозяйства. Под влиянием естественного прироста населения и исключительного по своим размерам механического прироста, вследствие колонизации в Сибири, быстро наступает земельное утеснение. За последние 40 лет крестьянское землеобеспечение уменьшилось в 6 раз. Последствия этого особенно сильно чувствуются потому, что система полеводства и животноводства осталась прежней. Бурно растут запашки и сокращаются кормовые площади, сжимаются сроки залежей, пашни не успевают восстановить своих физических и химических свойств, понижается урожайность, мельчает скот, и земля перестает окупать затраты и труд человека. Прежняя долголетняя залежь стихийно заменяется краткосрочным паром. Внедрение пара толкает сибирских крестьян на трехполье, невыгодность которого давно доказана в Европейской части Союза.

Выход намечается в виде перехода от залежной системы к травопольной. Посредством искусственной дернины, производимой посевом трав, предполагается найти путь для восстановления плодородия почвы в к р а т ч а й ш и й срок и для более рентабельного использования пашни. Создание искусственной дернины неотделимо от многолетних севооборотов. Это, в свою очередь, предопределяет ликвидацию дальноземелья и многодворности, применение усовершенствованного с.-х. инвентаря, обновление семенного материала, улучшение породы, кормления и содержания скота и т. д.

Реконструкция сибирского сельского хозяйства даст возможность собирать 2—3 колоса там, где прежде собирался один. В связи с этим откроются перспективы для размещения безземельных и малоземельных крестьян из Европейской части Союза. Особенно должны оживиться необжитые районы. Таким образом, получит свое осуществление проблема колонизации, в благополучном разрешении которой так заинтересованы относительно перенаселенные части Союза.

С правильной постановкой колонизации теснейшим образом связано использование обширных лесных массивов, которые в главной своей части расположены на севере территории Сибкрая. С рационализацией лесного хозяйства неразрывно связывается охотничий промысел. Улучшение пушного дела ставит на очередь переход от охотничьего промысла к охотничьему хозяйству с питомниками, зоофермами, заказниками, заповедниками и т. д.

Следующей важнейшей проблемой сибирского хозяйства является преодоление расстояния. Сибкрай беден всеми видами путей сообщения. Его единственная железнодорожная магистраль давно уже не справляется с грузовыми потоками. Это замедляет товарооборот и хозяйственное развитие. В области транспорта генплан ориентируется на сверхмагистрализацию существующей широтной желдороги, улучшение имеющихся ж.-д. линий и сооружение новых большого пионерного и промышленного значения.

Ни одна из вышеуказанных генеральных линий развития народного хозяйства Сибкрая не может получить своего правильного выявления без широкой постановки научно-исследовательской работы. Во всех отношениях Сибирь мало изучена. На каждом шагу приходится убеждаться

[1] В порядке обсуждения проблем генерального плана в районном разрезе. Ред.

[2] В основу настоящей статьи положены материалы Сибирской краевой плановой комиссии.

в недостаточности знаний о разнообразных богатствах края, которые могут быть вовлечены в хозяйственный оборот. В этом отношении часто приходится сталкиваться с неожиданностями. Например, в прошлом году открыт новый каменноугольный район Кузбасса — Иннский, который своими запасами превосходит все другие известные районы этого бассейна. В нынешнем году в Кулундинской степи в самосадочных озерах Михайловской группы открыты миллиардные запасы чистейшей поваренной соли, в то время как в течение уже нескольких лет соль отыскивается бурением на глубине более 700 метров в Усольском районе (недалеко от Иркутска).

Естественно-историческая характеристика Сибкрая

Протяжение Сибирского края с севера на юг достигает 3.000 *км* и с запада на восток — 4.000 *км*. Общая площадь территории Сибкрая превосходит 4.300.000 *кв. км*. На этой территории в направлении с севера на юг воспроизводятся почти все почвенные, ботанические и климатические зоны от Архангельска до предгорьев Кавказа.

С севера Сибкрай ограничивается Ледовитым океаном, с востока малонаселеными Якутской и Бурято-Монгольской АССР, с юга — труднодоступной Танну-Тувинской республикой, Монголией и Китайской республикой и с запада — Казакской АССР и Уральской областью. Вследствие пустынности, хозяйственной примитивности и малодоступности приграничных северных, восточных и южных районов, центр экономического развития Сибкрая смещен к западу.

Поверхность Сибкрая в значительной своей части, как северные тундры, таежные пространства, заболоченные низины, горные возвышенности, исключает возможность легкого сельскохозяйственного освоения. Резко континентальный климат делает одни части пустынными, а в других открывает возможность вести лишь охотничий промысел. Господство низких температур, резкая разница в температуре дня и ночи, общая недостаточность атмосферных осадков, большие различия средне-годовой температуры в районах, даже близко расположенных друг к другу, периодичность засух допускают ведение сельского хозяйства лишь в некоторых частях территории с ограниченным числом культурных растений.

Сибирские почвы не отличаются ни оптимальным распространением, ни высоким качеством, ни глубиной залегания. Полезные ископаемые разнообразны и в общем обильны, но большею частью они мало доступны вследствие своей удаленности от обжитых районов или особенностей расположения.

Разбросанность и удаленность главнейших ископаемых и общие географические и геофизические условия в Сибири предопределяют значительные затраты на коренные улучшения территории, на предварительное обогащение ископаемых, на опытное и селекционное дело и т. д. Без больших усилий и значительных капитальных затрат щедрые дары сибирской природы еще долго будут оставаться вне хозяйственного освоения.

Перспективы развития сельского хозяйства

Из обширной территории Сибкрая для сельскохозяйственного производства значительная часть не пригодна. Например, сельскохозяйственная культура невозможна в Туруханском крае, занимающем свыше 1.600.000 *кв. км* и в Нарымском крае в 388.000 *кв. км*. Около 140 млн. *га* находится под лесами государственного лесного фонда. Из 63,5 млн. *га* трудового землепользования 25% падают на неудобные земли в западной Сибири и 18% в восточной Сибири. Кроме того, в округах — Томском,

Ачинском, Красноярском, Канском, Тулуновском, Иркутском и Тарском по естественным условиям может занимать очень скромное место наиболее рентабельная культура — пшеница.

Но несмотря на малоблагоприятные естественные условия, сибирское сельское хозяйство быстро закончило свой восстановительный период. По сравнению с 1913 г. посевные площади в 1926 г. достигли 106% и количество голов скота — 120,5%. В области полеводства заметна даже некоторая реконструкция. Например, масличные растения составляют 160% посева 1913 г.

Перспективы развития полеводства. Предполагаемое развертывание полевого хозяйства можно представить в виде следующих главнейших показателей:

	1925/26	1940/41
Число крестьянских хозяйств. .	1.349 тыс.	2.384 тыс.
% под залежью.	49,8	24,1
% используемой пашни	64,6	75,7
Посевные площади	6.900 тыс. *га*	14.212 тыс. *га*
На одно хозяйство	5,2 *га*	5,9 *га*
% зерновых культур	94,7	82,0
% масличных культур	2,9	6,1
% картофеля.	1,2	2,9
% сеяной травы	0,4	2,4
% прочих культур	0,8	0,6

Приведенная таблица наглядно изображает предстоящую реконструкцию сибирского полеводства. К 1941 г. намечены: резкое снижение залежей, увеличение используемой пашни, снижение зерновых культур, резкое расширение посевов масличных и картофеля и внедрение сеяной травы. К тому же к 1940/41 г. предполагается правильными севооборотами охватить 21,2% всех крестьянских хозяйств. Все это указывает на грядущее вытеснение современной малодоходной залежной системы полеводства более рентабельной и устойчивой системой травопольной.

Перспективы развития животноводства. В соответствии с развитием полеводства и предполагаемыми кормовыми ресурсами намечено следующее движение животноводства (в тыс.):

	1925/26	1940/41
Общее поголовье лошадей. . .	3.600	5.559,5
В том числе рабочие лошади .	2.545	3.830
Крупный рогатый скот	5.857,7	11.139
В том числе взрослых коров . .	2.684	6.201
Овцы и козы.	9.764,7	13.190,5
Свиньи.	2.111,8	5.790,7

По сравнению с 1925/26 г. будут составлять в 1940/41 г.: общее поголовье лошадей — 154,4%, крупный рогатый скот — 190,2%, дойные коровы — 231%, овцы и козы — 135,1% и свиньи — 274,2%.

Увеличение товарной продукции. Генпланом намечаются мероприятия для усиления продуктивности полеводства и животноводства. К 1941 г. ожидается повышение: урожайности от 35% до 50%, среднего удоя коров с 45% до 78%, убойного веса головы рогатого скота с 112 до 128 кило, настрига шерсти с одной взрослой овцы местной породы с 1,3 до 2,0 кило, веса бараньей туши с 14,4 до 19,2 кило и т. д. В итоге отмеченных улучшений возрастет валовая продукция полеводства и животноводства. В 1925/26 г. она составляла 18.504,8 тонн на 272.700 тыс. дов. руб. В 1940/41 г. она будет составлять 46.510,8 тонн на 765.200 тыс. дов. рублей. Несмотря на проектируемое расширение личного потребления сельскохозяйственных продуктов городским и сельским населением

и повышение кормовых дач скоту значительно возрастут товарные массы, которые придется вывозить за пределы Сибкрая.

К вывозу за пределы Сибкрая в 1926 г. поступило 739 тыс. тонн с.-х. грузов на 42.597 тыс. дов. руб. В 1941 г. экспортный остаток с.-х. продукции будет составлять 3.608 тыс. тонн на 227.008 тыс. дов. руб.

Капиталовложения в сельское хозяйство. В течение всего периода реконструкции потребуется вложить в сельское хозяйство 2.514,7 млн. дов. руб., в том числе 225 млн. руб. из госбюджета; 100,8 млн. руб. из средств кооперации; 5,9 млн. руб. из ассигнований разных учреждений; 442 млн. руб. из кредитных источников и 1.741 млн. руб. из средств населения. За этот же период крестьянский сектор произведет накопление в размере 2.068,3 млн. дов. руб. Следовательно, некооперированное население вложит почти в 8 раз больше бюджетных ассигнований и произведет накоплений в 9 раз больше, чем будет вложено из бюджета.

В основных капиталах трех хозяйствующих секторов произойдут значительные изменения в смысле усиления социалистических элементов. Так, увеличатся основные капиталы государственного сектора с 3,8 млн. до 46,2 млн. руб., или в 12 раз, обобществленного сектора с 8,7 млн. руб. до 187,2 млн. руб, или в 21,5 раз и частного крестьянского сектора с 565,4 млн. руб. до 1.602,1 млн. руб., или в 2,8 раза.

Мероприятия по реконструкции и индустриализации сельского хозяйства. Основным мероприятием по реконструкции сельского хозяйства Сибири является землеустройство. Межселенная чересполосность, многодворность селений и дальноземелье, запутанность и неустойчивость земельных отношений внутри обществ мешают рационализации полеводства и животноводства. Генпланом намечено в течение 8 ближайших лет завершение межселенного землеустройства 14,7 млн. *га*, или на 100%. В течение пятнадцатилетия предполагается провести землеустройство групповых землепользователей на 82%, или 43 млн. *га*, и осуществить внутриселенное разверстание и поля севооборота на 84%, или 47,5 млн. *га*. Для осуществления землеустроительных работ потребуется 71 млн. дов. руб., в том числе 77,4% из средств населения.

В целях организации территории намечены крупные мелиоративные работы: осушение 901 тыс. *га*, орошение 167 тыс. *га* и культуртехника на 129 тыс. *га*. Предполагается затратить на мелиорацию 40,5 млн. дов. руб., в том числе из бюджета 28,6%, а остальное из средств населения.

Реконструкция залежной системы в травопольную потребует усиленного снабжения улучшенным с.-х. инвентарем.

В настоящее время сельское хозяйство Сибкрая располагает инвентарем на 889 млн. дов. руб. К 1941 г. ценность инвентаря повысится до 215,6 млн. дов. руб. В частности, количество тракторов возрастет с 780 в нынешнем году до 15.175 — в 1941 г.

Для удлинения срока заготовок и разгрузки железных дорог, подсушки зерна, которое в большинстве сибирских районов отличается повышенной влажностью, и для производства других хозяйственных операций с зерном Генпланом предусматривается сооружение линейных и терминальных элеваторов, общей емкостью на 459 тыс. тонн и стоимостью свыше 30 млн. черв. руб.

К числу вспомогательных мероприятий по индустриализации сельского хозяйства относятся маслохранилища и транспортное холодильное устройство. К 1941 г. намечено сооружение 22 маслохранилищ постоянного типа, в том числе 12 с механическим охлаждением и 10 со льдосоляным, общей стоимостью свыше 918.910 дов. руб. Наличное количество изотермических вагонов предположено увеличить на 2.376 новых вагонов, стоимостью в 12,8 млн. дов. руб.

В системе индустриализации сельского хозяйства основное значение должно занять маслоделие. Существующие заводы отличаются низкой производительностью (13,4 тонн в год против 22 тонн в 1913 г.). Из них 93,5% — ручные, 6,5% — с конной и паровой движущей силой. Около половины их построены еще до 1913 г. и пришли в полную негодность. Вот почему, сибирское масло расценивается на 300—400 р. на тонну ниже, чем датское, и отличается самыми разнообразными недостатками. К 1941 г. предполагается иметь ручных заводов 1.385, с конными приводами 500 и механизированных 980, а всего 2.865, и, кроме того, 3.500 сливочных отделений. При механизированных заводах цена на масло поднимется на 150 руб. на тонну и оплата молока соответственно увеличится.

В районах, наиболее удаленных или располагающих наибольшими кормовыми ресурсами, намечено развитие сыроварения. В 1925/26 г. количество выработанного сыра в переводе на масло составляло 2,3%, а по стоимости — 4,5%. Имеется в крае всего 111 сыродаводов, производящих 1,5 тыс. тонн сыра. Частным лицам принадлежит 41,5% всех заводов. Население заинтересовано в развитии этой отрасли, так как при сыроварении оплата молока достигает более высоких размеров, чем при маслоделии. Например, в 1925 г. в Омском округе в переводе на масло эта разница достигала 2 р. 10 к., а на Алтае в 1926 г. даже 240 руб. на тонну. В 1941 г. предполагается количество заводов довести до 166 и производительность до 5,3 тыс. тонн. Маслодельные и сыроваренные заводы потребуют капитальных затрат 36.729 тыс. довоенных рублей. В связи с форсированием маслоделия и сыроварения предполагается построение опытных молочных станций, опытных маслозаводов и молочно-испытательных лабораторий, что потребует свыше 702,7 тыс. дов. руб. капитальных вложений.

Ежегодный ремонтный отход крупного рогатого скота для забоя, а также мясное направление скотоводства в ряде районов, усиленное размножение овец и свиней создадут мясные излишки. Для правильного использования их необходимо организовать мясное дело. В настоящее время в Сибкрае имеется только 3 мясохладобойни: в Бийске, Барнауле и Новосибирске. Кроме переоборудования и дооборудования существующих хладобоен, предполагается сооружение девяти новых, намечены к сооружению семь бэконных фабрик, а также два мясоконсервные завода. На развитие мясного дела предполагается затратить в 4,5 млн. довоенных рублей.

Сибирские реки и озера многоводны, но вследствие продолжительного хищнического лова они бедны рыбой. Рыболовные угодья находятся в запущенном состоянии. Обработка улова вследствие своей примитивности значительно снижает доходность промысла. В интересах развития рыболовства намечены: кооперирование ловцов на все 100%, мелиорация сибирских рек и озер и искусственное рыборазведение, а также всех видов консервирование улова, как-то: замораживание, улучшенная посолка, сушка, вяление и приготовление жестяночных консервов. Предполагаются капитальные вложения до одного миллиона рублей.

Заселение тайги и подтаежных районов и уклон в сторону развития волокнистых культур (льна и конопли) поставили на очередь вопрос об организации льноводства. В 1925/26 г. посевная площадь под льном составляла 97,9 тыс. *га* и заготовки достигали 8,2 тыс. тонн. К 1941 г. предполагается посевную площадь довести до 403 тыс. *га*, а товарные излишки волокна до 121,3 тыс. тонн. В связи с этим необходимо ослабить трудоемкость льноводства и повысить рыночную стои-

мость волокна. В числе мероприятий по улучшению первичной обработки льна намечается сооружение 467 льнообделочных пунктов, механических льноделен и мяльно-трепальных заведений и, кроме того, 7 заводов тепловой мочки льна и фабрика сноповязального шпагата.

Реконструкция и рационализация сельского хозяйства обязывают широко поставить опытное и научно-исследовательское дело. В задачи его входят создание стандартных товарных зерновых культур; изыскание и выведение необходимых сортов трав для получения скороспелой залежи и увеличения кормовой площади; изучение технических приемов возделывания и первичной обработки волокнистых растений, масличного подсолнуха, сахарной свеклы, бадана и др. технических культур; поднятие продуктивности товарного животноводства; вопросы метизации домашних животных; вопросы бэконного и сального откорма; испытание и конструирование сельскохозяйственных орудий, разработка новых приемов борьбы с вредителями и вопросы организации крестьянского хозяйства. Намечается около 30 опытных станций, полей и лабораторий с капитальными затратами до 5,4 млн. дов. руб.

Особое место в системе мероприятий этого рода принадлежит метеорологической сети. Она редка, плохо оборудована и не увязана единым руководством. К 1941 г. предполагается число метстанций довести до 522 против 90 существующих в настоящее время с затратой свыше одного миллиона руб. Намечены широкие мероприятия по развитию селекционной работы и семеноводческой сети с затратами около 8,1 млн. дов. руб. Также предполагается развернуть мероприятия по племенному животноводству, улучшая его по гнездовому методу. Капитальные вложения в племенное дело исчислены почти в 8,1 млн. дов руб.

Генпланом предусмотрена ветеринарная организация, в задачи которой должны входить ликвидация существующих эпизоотий (повальное воспаление легких, сап, сибирская язва, чума и рожа свиней), санитарный надзор за передвижением животного сырья и лечебное обслуживание домашних животных. Капитальные затраты на все ветеринарные мероприятия исчислены в 1,7 млн. дов. руб.

Осуществление мероприятий, запроектированных генпланом по сельскому хозяйству, связывается с дальнейшим развитием агрономического аппарата в крае. Предполагается, что каждый из 260 (вместе с Ойратской областью) районов будет иметь агрономический персонал, состоящий от 3 до 5 специалистов.

Колонизация. В течение ближайшего пятнадцатилетия запроектировано разместить в Сибири до 2.145 тыс. душ переселенцев в следующие районы (в тыс. душ):

	I пятилетие	II пятилетие	III пятилетие	Всего
Обжитая полоса	287,5	112,5	—	400,0
Необжитая „	207,5	547,5	990	1.745,0
	495,0	660,0	990	2.145,0

Открыты для переселенцев округа: Тарский, Томский, Барабинский Новосибирский, Ачинский, Красноярский, Канский, Тулуновский, Киренский, Иркутский и Кузнецкий. Для обеспечения приживаемости переселенцев в необжитых районах указанных округов необходимы сложные подготовительные мероприятия: научные исследования (ориентировочные и детальные) колонизационных фондов, предварительная раскорчевка усадебных и полевых участков, одорожение, обводнение или осушение, устройство административных центров для социально-культурного и хозяйственного обслуживания новоселов, организация агроветучастков, метучастков, развитие лесоэксплоатации и т. д. Кроме того, вследствие удаленности заселяемых районов необходимо проведение больших ж.-д. линий: Томск-

Енисейск или Тайшет-Усть-Кут в первую очередь. Все это связано с чрезвычайно большими капитальными вложениями. Общая сумма капитальных затрат на колонизацию без железных дорог исчислена в 422,3 млн. дов. руб.

Каждый рубль из затраченных 172,97 млн. дов. руб. госбюджетом на колонизацию будет стимулировать несколько большие вложения со стороны самого населения. Более двух миллионов душ безземельного и малоземельного населения найдут возможность приложить свой труд, в итоге чего к 1941 г. товарная продукция переселенческих хозяйств достигнет 15,9 млн. дов. руб.

Лесное хозяйство. Лесной фонд Сибири приблизительно исчисляется в 257 млн. *га*, в том числе устроенные леса занимают только 4% и исследованные 12,3%. Из всего обширного пространства сибирских лесов в сферу ведения земорганов включено только 57,3 млн. *га*, а из них эксплоатируется лишь 17,2 млн. *га*. В 1913 г. отпуск составлял 3,8 млн. кубометров, а в 1925/26 г. — 7,4 млн. Фактический отпуск леса в 1925/26 г. составлял 15,5% к возможному и 46,2% к сметному. Тем не менее, в наиболее обжитых районах леса явно истощены непосильными рубками и чувствуется дровяной лесной голод.

Потребность в древесине в 1925/26 г. определялась в 11,2 млн. *куб. м* К 1941 г. она исчисляется в 27,99 млн. *куб. м* Спрос на лесоматериалы давно уже опережает сбыт. Для устранения дефицита в лесоматериалах необходимы срочные и многообразные мероприятия по лесоэксплоатации, организации лесного фонда, лесоустройству, улучшению транспорта и организации управления и охраны лесов К 1941 г. доход от лесного хозяйства исчислен в 62,56 млн. дов. руб. Все расходы, считая капитальные вложения и операционные, составят 45,94 млн. дов. руб. Получится чистого дохода 23,6 млн. дов. руб. На каждый затраченный рубль капитального строительства государство получит дохода 2,84 дов. руб.

Производство затрат в лесное хозяйство является исключительно выгодным. Вместе с тем, оно является также исключительно необходимым, с одной стороны, для обеспечения неотложных потребностей промышленного и ж.-д. строительства, а с другой, по связи с правильной организацией переселенческого хозяйства и обеспечением приживаемости выходцев из Европейской части Союза.

Охотничье хозяйство и звероводство. Сибирские пушные заготовки занимают 21,5% заготовок пушнины Союза. Возникают опасения, что высокий удельный вес Сибкрая в пушных заготовках будет прогрессивно падать. Это падение уже началось. В 1923/24 г. было заготовлено 7,8 млн., в 1924/25 г. – 5,6 млн. и в 1925/26 г.—5,3 млн. б личьих единиц. Главная причина падения пушного промысла лежит в неправильном использовании охотугодий в смысле сбора пушнины свыше их естественной производительности.

Генпланом намечаются мероприятия по организации хозяйства охотника (снабжение оленями, огнеприпасами и проч.), по содействию развитию и укреплению охоткооперации, по охране промысловых животных от хищников и болезней, а также по снабжению охотугодий производителями, выведенными в звероводческих питомниках. К 1941 г. предполагается иметь 450 питомников с 4,5 тыс. пар производителей. Намечено развертывание специальных видов кооперативов по копытному звероводству (маралы, изюбры и кабарга). Также запроектирована организация девяти биостанций.

В связи с рационализацией охотничьего промысла и хозяйства намечены затраты по госбюджету 1,08 млн. дов. руб. по, кооперации —0,54 млн. дов. руб. и кредиту 2,16 млн. дов. руб. Ожидается к 1941 г. получение продукции на 12,59 млн. дов. руб.

Перспективы развития промышленности

Центром своего промышленного развития Сибирь ставит осуществление Урало-Кузнецкого комбината. В течение пятнадцатилетия предполагается развертывание добычи каменного угля (в тыс. тонн):

	1926/27	1930/31	1935/36	1940/41
По Кузбассу . .	2.409.84	4.918 03	10.196,70	15 114,76
По Минбассу . .	73,77	114 75	213,13	606,55
По Черембассу .	524,59	737,71	1.016,40	1.426,23
Итого . . .	3.008,2	5.770,49	11.426,23	17.147,54

Столь энергичное развертывание Кузбасса об'ясняется исключительно стремлением в полной мере обслужить нужды Урала и приволжских потребителей: железные дороги и промышленность.

Главнейшие элементы развития Кузнецкого бассейна могут быть охарактеризованы следующими данными:

	1926/27	1930/31	1935/36	1940/41
Потребности Сибкрая в каменном угле (в тыс. тонн).	2.180	4.526	9.728	14.418
В %% к общ. добыче	72,6	80,8	93,5	84,3
Спрос внесибирских потребителей в (тыс. т нн)	819	1.244	1.700	2.368
В %% к общ. добыче	27,4	19,2	6,5	15,7
Число рабочих по всем бассейнам (человек)	14.564	20.800	33.364	36.559
В %%	100	143	230	252
Годов. производ. одного трудящегося (в пуд. угля)	12.600	16.925	20.879	28.580
В %%	100	134	165	226
Средн.-мес. зарплата (в дов. руб.)	27,46	34,49	39,46	48,65
В %%	100	125	141	176
Себестоим. одного пуда угля Кузбасса (в черв. коп.).	11,5	10,5	9,5	8,5

По всем бассейнам в среднем механизация в настоящее время достигает одного процента. Предполагается довести ее к 1930/31 г. до 19,7%, к 1935/36 г. до 30% и к 1940/41 г. до 47%.

Развитие коксожжения генпланом предусматривается (в тыс. тонн):

	1926/27	1930/31	1935/36	1940/41
Кокс для Урала	159,1	426,23	1.098.36	1.475,41
„ для Сибири	—	163,99	655.73	819,67
	9,7	590,16	1.754,09	2.295,08
Себестоимость 1 тонны кокса (в черв. руб.).	14,21	11,53	9,7	8,35

Предполагается, что на Урале в течение ближайшего пятнадцатилетия будут вновь сооружены и пущены три больших металлургических завода с производительностью в 167 тыс. тонн., что потребует до 170 тыс. тонн кокса.

Побочные продукты, получаемые от коксования, должны послужить к развитию химической промышленности. Это в особенности облегчается миллиардными запасами в Сибири натуральных сернокислых солей натрия. В области химического производства намечены производства: сернистых (преимущественно, цветных красок), индиго, ализариновых красителей, каустической соды, фиксированной азотной кислоты, соляной кислоты и хлора. Предусматривается возможность военизации химического производства.

Полиметаллические руды Казакстана и Салаирского кряжа открывают возможность широкого развертывания выплавки цинка, меди и свинца.

Для этого наиболее благоприятным центром является Кузбасс. Во-первых, на его стороне, по сравнению с Экибастусом, обилие пресной воды. Во-вторых, он располагает необходимыми для переработки свинцовых пород железными флюсами. В-третьих, возможно постепенное развертывание производства в соответствии с финансовыми ресурсами. В-четвертых, благодаря избыточной энергии от газов из коксовых печей в дальнейшем возможно организовать производство по электролитному методу. Наконец, получаемая в качестве побочного продукта серная кислота найдет сбыт в химической промышленности Кузбасса. Сооружение первых муфельных печей отнесено к 1928/29 г.

С развитием каменноугольной промышленности Кузбасса связывается сооружение крупного металлургического завода в Тельбессе для использования местных руд, запасы которых исчисляются в 28,7 тыс. тонн. Первая домна на 163,9 тыс. тонн чугуна в год должна быть закончена к 1930/31 г., и с 1935/36 г. завод должен работать с полной производительностью в 655,6 тыс. тонн чугуна в год. Тельбесский завод предназначается для производства крупной сортовой продукции. Вместе с тем, для использования железнорудных месторождений Минусинского района запроектировано сооружение другого металлургического завода — Хакасского, производительностью в 491,7 тыс. тонн чугуна, для средне-сортовой продукции. Первая домна этого завода на 163,9 тыс. тонн чугуна должна быть готова к 1940/41 г.

В области металлургической промышленности, кроме расширения и реконструкции двух существующих заводов в Омске, предполагается сооружение крупного завода в Новосибирске для производства уборочных сельскохозяйственных машин и сеялок. В 1935/36 г. завод должен произвести 10 тыс. штук сеялок и столько же уборочных машин. Полная его производительность рассчитана на 20 тыс. штук сеялок и на 25 тыс. уборочных машин.

Потребность обновления промышленного оборудования в крае ставит на очередь сооружение крупного завода по общему машиностроению. Генпланом предусматривается сооружение такого завода в Новосибирске в конце первого пятилетия с годовым выпуском продукции до 12,2 млн. дов. руб. Сравнительная калькуляция производств Тельбесского завода с Уральским, Днепровским, Петровским и Донецко-Юрьевским обнаруживает наиболее низкие цены в Тельбесском заводе по предельному чугуну, сортовому железу, рельсам, проволочному железу и листовому. Производство сельскохозяйственных орудий показывают значительное снижение цен. К 1940/41 г. стоимость плуга должна упасть с 17 р. 75 к. до 11 р. 19 к. (дов.), бороны с 11 р. 11 к. до 6 р. 31 к. и молотилки — с 119 р. 29 к. (дов.) до 83 р. 84 к. (дов.).

Золотопромышленность будет развиваться всеми способами добычи: дражная, гидравлическая, рудно-механическая, рудно-химическая и старательская. К 1940/41 г. предполагается добычу довести до 670 тонн. Главная ставка делается на рудно-механическую добычу. Второе место отводится дражной.

Особое внимание обращено на развитие лесной промышленности, которая, несмотря на обилие сырья, в настоящее время удовлетворяет только от 25% до 40% потребности. Будущее развитие этой отрасли хозяйства характеризуется такими показателями:

Показатели	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41
Число заводов	23	. 34	39	47
Число рам	54	106	136	162
Выпуск пиломатер. тонно/км.	198	1.412	1.963	2.854

Из 162 рам намечено 72 рамы разместить в колонизуемых районах, тяготеющих к железным дорогам: Татарская—Усть-Тым, Енисейск—Томск и Тайшет — Усть-Кут. Кроме того, предполагается сооружение фанерного и деревообделочного завода в Новосибирске, а также производство ящичной тары и укупорочной стружки.

Обилие деревенского сырья и топлива при наличности некоторых местных химикалей представляет благоприятные предпосылки к насаждению в Сибкрае бумажной промышленности. Генпланом предусматривается сооружение четырех бумажных целлюлозных и древесномассных комбинатов: Хакасского на Абакане, Чулымского, Кузнецкого и Иркутского. Лесохимическая промышленность должна получить широкое развитие для обеспечения хозяйственного быта северных переселенцев. Поэтому запроектирована организация кустарных предприятий для сухой перегонки дерева. Для вторичного разгона предусматривается сооружение во втором и третьем пятилетии двух государственных заводов с производством древесного бурого порошка, уксусной кислоты, древесного спирта и формалина.

Силикатная промышленность представлена в Сибкрае цементной, стекольной и фарфоро-фаянсовой. К 1941 году предполагается увеличение производительности в 9 раз. Кроме расширения и реконструкции существующих цементного завода и Хайтинской фарфоровой фабрики намечено новое строительство двух механизированных стеклозаводов, одного цементного завода и одной фарфоро-фаянсовой фабрики.

С проведением Туркестано-Сибирской железной дороги открывается возможность использовать благоприятные условия для насаждения в Сибкрае хлопчатобумажной промышленности, а именно: наличность дешевого топлива, наличность местных красителей, дешевизна условий существования рабочих и широкий местный рынок для сбыта продукции. По ориентировочным расчетам хлопок в Новосибирске будет стоит на 4 коп. в метре ткани дешевле, чем в Иванове-Вознесенском или Москве. Генпланом предусматривается постройка в Новосибирске и Барнауле прядильных фабрик на 300 тыс. веретен с соответственным количеством ткацких станков и отделочной аппаратуры. При производстве 138 млн. метров, может быть удовлетворено 38% внутрисибирского спроса, считая по 28 метров на душу.

При ставке на развитие тяжелой индустрии генпланом не упускается из виду необходимость развертывания предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, которые в настоящее время в цензовой промышленности занимают 55,4% валовой продукции и в мелкой и кустарной до 80%. Развитие этих отраслей по валовой продукции в тысячах довоенных рублей можно представить следующей таблицей.

Отрасли	1925/26	1940/41	1940/41 г. в %% к 1925/26 г.
Кожевенная	4.005	24.610	614
Маслобойная и мыловарен.	1.233	27.324	2.216
Винокуренная	1.202	3.985	331
Мукомольная	9.940	38.940	458
Льноткацкая	730	8.030	1.100
Сахарная	—	4.865	—
Прочая госуд.	5.000	17.000	340
Итого госуд. сектор	22.110	124.754	564
Мелкая и кустарн.	36.000	77.378	214
Всего	58.110	202.132	349

Вся государственная промышленность Сибкрая увеличит продукцию к 1940/41 г. на 1.015%, а с.-х. промышленность — на 564%; вся мелкая и кустарная промышленность края увеличит свою продукцию на 250%, а кустарная по переработке с.-х. сырья на 214%.

Генпланом имеется в виду переработка основной массы сибирского сырья на сибирских предприятиях. Поэтому одни из них необходимо переоборудовать и расширить, а другие соорудить вновь, как-то: шесть сахаропесочных завода, три льноткацких фабрики и т. д.

Генпланом предусматривается также развитие мелкой и кустарной промышленности, в которой в 1925 г. было занято около 100 тыс. человек. Кооперированные кустари составляют около 5% общего числа. Намечается улучшение техники обработки и орудий производства с увеличением основного капитала на 300%, валовой продукции на 250%, числа занятых лиц на 148%, производительности труда на 163%, удешевления себестоимости на 25% и кооперирования на 30%. В области лесохимической промышленности кооперирование проектируется до 80%.

Показатели реконструкции промышленности

Основные показатели реконструкции сибирской промышленности в довоенных рублях могут быть представлены в следующем виде:

Основные показатели	1925/26	1940/41	1940/41 г. в %% к 1925/26 г.
Основной капитал (тыс. руб.)	44.130	388.132	880
Валовая продукция (тыс. руб.)	84.610	507.284	596
Число постоян. рабочих	129.746	281.542	215
Выработка на одного рабочего	641.000	1.805	281
Ввоз пром. товаров (тыс. руб.)	66.092	69.717	105
Вывоз промтоваров (тыс. руб.)	6.493	95.778	1.450

Топливная промышленность и производство средств производства возрастут более энергично, чем предприятия, производящие предметы личного потребления.

По валовой продукции тяжелая индустрия возрастет в 13 раз, а легкая только в 4 раза.

Капитальные вложения. Для реконструкции сибирской промышленности потребуется в течение 15 лет вложить в основной капитал ее 545.291 тыс. дов. рублей. Из собственных накоплений промышленность может выделить 227.220 тыс. дов. руб., или 42%. Кроме того, из бюджетных ассигнований потребуется 212.971 тыс. дов. руб., или 39%, и из кредитов Цекомбанка, Промбанка и НКФ 95 тыс. дов. руб., или 19%. Из всей суммы капиталовложений 87% пойдет на новое строительство. При этом в топливную и тяжелую промышленность должно быть вложено 382.410 тыс. дов. руб., или 70% всех вложений.

По отдельным отраслям капиталовложения потребуется: по каменноугольной 165.950 тыс. дов. руб., черной металлургии 95.514 тыс. дов. руб., обработке с.-х. сырья 70.837 тыс. дов. руб., хлопчатобумажной 38.586 тыс. дов. руб., писчебумажной 23.924 тыс. дов. руб., общему машиностроению 19.730 тыс. дов. руб., сельскохозяйственному машиностроению 15.562 тыс. дов. руб., золотопромышленности 18.615 тыс. дов. руб., коксобензольной и химической промышленности 16.890 тыс. дов. руб. и деревообрабатывающей 11.880 тыс. дов. руб. и т. д.

Внутренние накопления. Внутренними накоплениями угольная промышленность может покрыть 34% капитальных вложений, металлургическая 26%, машиностроение 28% и т. д. В лучшем положении находятся отрасли легкой индустрии. Из предприятий, перерабатывающих с.-х. сырье, покроют капитальные вложения внутренними накоплениями: кожевенная—56%, маслобойная—51%, мукомольная—62%, льноткацкая—64%. Внутрипромышленные накопления за 15 лет составят 479.265 тыс. дов. руб., в том числе 198.240 тыс. руб. амортизационного фонда и 281.025 тыс. руб. прибыли, или 88% намеченных вложений в основной капитал.

К 1940/41 г. снижение себестоимости будет колебаться от 13% в винокуренной промышленности до 51% в стекольной, в зависимости от характера реконструкции. В среднем по всей промышленности оно будет составлять 27%. В результате снижения себестоимости накопления в народном хозяйстве Сибкрая составят 866.576 тыс. дов. руб., или на 59% больше того, что будет вложено в капитальное строительство промышленности. Вложения капитала в один только государственный сектор промышленности в сумме 505.291 тыс. дов. руб. эффектируется условным накоплением в народном хозяйстве 952.475 тыс. дов. руб., или 188% на вложенный капитал.

Энергетические ресурсы. Общая мощность механических двигателей в Сибкрае на 1/X 1926 г. исчисляется в 120,3 тыс. лош. сил, в том числе 34,3 тыс. лош. сил составляют электроустановки, 45,0 тепловые двигатели, 36,0 гидроустановки и 5,0 воздушные установки. Средняя мощность одной электроустановки в городах составляет 90 квт. и в сельских местностях 18 квт. Из промышленных электростанций наиболее мощной является кузнецкая — 4.500 квт. и из коммунальных — электростанция Новосибирская — 1.000 квт. Средняя мощность паровой машины 49 лош. сил. Общая мощность электростанций Сибири к 1941 г. исчислена в 357 тыс. квт., что составит на 1 душу населения 23 квт. Несмотря на предполагаемое увеличение потребления электроэнергии 15 раз, все же оно будет ничтожно.

Трудовые ресурсы. Население Сибкрая в 1925/26 г. определялось в 8.428,5 тыс. душ, из них 7.372,3 сельского. К 1940/41 г. ожидается 15.244 тыс. душ, в том числе 13 млн. сельского. Процент использования рабочей силы крестьянского населения в 1925/26 г. составляет 57,5% и для 1941 г. ожидается 79,4%. Таким образом, 20% рабочей энергии сельского населения остается неиспользованной. Тем не менее, все же ощущается недостаток рабочей силы в периоды наибольшего сгущения с.-х. работ, а именно: во время весеннего сева, сенокоса и уборки хлебов. Отсюда следует, что в условиях сибирского хозяйства применение наемного труда должно получить более широкое распространение, чем в других местах Союза.

Перспективы транспорта. В области транспорта генплан Сибири держит курс на сверхмагистрализацию существующей широтной желдороги, на проведение к ней новых питательных путей и на новый перевал через Урал. Протяжение сибирских железных дорог предполагается увеличить новыми линиями с 4,7 тыс. *км* в 1925/26 г. до 8,8 тыс. *км* в 1940/41 г. Запроектированы также расширение и улучшение речных путей сообщения и гужевых дорог. Капитальные вложения в транспорт всех видов предполагается довести до 432,5 млн. дов. руб.

Сибирскую сверхмагистраль на участке от Новосибирска до Кургана предполагается осуществить посредством переустройства существующей Сибирской дороги, которая на протяжении от Омска до Кургана имеет один главный путь и от Омска до Новосибирска — два пути. Протяжение линии 1.166 *км*. Предполагается произвести снижение руководящего под'ема с 0,003 до 0,006, а также усилить верхнее строение и переустроить искусственные сооружения и станции. Помимо непосредственного дохода сверхмагистраль окажет большое влияние на всю экономику Сибири и Урала. Сверхмагистрализация Сибирской дороги удешевит переброску угля и кокса из Кузбасса на Урал, что в свою очередь удешевит металлургическую продукцию Урала. Благодаря сверхмагистрали лучше будут использованы природные богатства Сибкрая, подвинется интенсификация сельского хозяйства и окажется возможным заселение таежных районов переселенцами из Европейской части Союза.

Перспективы развития других отраслей. Генплан Сибкрая в области коммунального хозяйства имеет в виду жилстроительство, электрические станции, водопроводы, бани, канализацию и трамвай. Капитальные вложения в коммунальное хозяйство намечены в 500,4 млн. дов. руб. Здравоохранение и народное образование охватывают лишь самые существенные моменты. Капитальные вложения в здравоохранение составляют 30,8 млн. дов. руб. и в народное образование 67,3 млн. дов. руб.

Итоги реконструкции. В течение 15 лет в главнейшие отрасли народного хозяйства Сибкрая предположено вложить 4.115,5 млн. дов. руб., в том числе: в сельское хозяйство 2.539,2 млн. дов. руб., в промышленность 545,2 млн. дов. руб., в транспорт 432,4 млн. дов. руб., в коммунальное хозяйство 500,4 млн. дов. руб. и в культурно-социальное строительство 98,1 млн. дов. руб. За тот же период капиталонакопление в народном хозяйстве Сибири достигнет 5.059,4 млн. дов. руб., т.-е. превысит капитальные вложения на 943,9 млн дов руб. Следует иметь в виду, что главная масса капиталонакопления произойдет к концу пятнадцатилетия. Это презюмирует предоставление сибирскому народному хозяйству долгосрочного финансирования из общегосударственных ресурсов. Своевременное и достаточное по размерам финансирование обеспечит сибирскому хозяйству действительную реконструкцию и в материальном и в социальном отношениях.

Основной капитал сельского хозяйства к концу планового периода увеличится с 577,9 до 1.639,1 млн. дов. руб., или в 2,8 раз, в то же самое время основной капитал промышленности с 44.130 тыс. дов. руб. поднимется до 388.132 тыс. дов. руб., или в 8,8 раз. Валовая продукция в сельском хозяйстве за тот же период возрастет с 305,1 млн. дов. руб. до 865,1 млн. дов. руб., или в 2,8 раз, и промышленности с 84.610 тыс. дов. руб. до 513.198 тыс. руб., или в 6,1 раз.

Удельный вес тяжелой индустрии (Урало-Кузнецкий комбинат) среди других отраслей промышленности Сибкрая займет первое место; по основному капиталу (59%), по продукции (31%) и по рабочему составу (38%).

Валовая выработка государственного сектора увеличится значительно больше, чем выработка мелкой промышленности (1.015% против 250%). Производительность труда повысится на 281%, число рабочих увеличится на 215% и заработная плата почти удвоится.

Вследствие индустриализации резкое выражение получит активный баланс Сибири. В 1925/26 г. привоз в Сибкрай промышленной продукции составлял 66.099 тыс. дов. руб. и вывоз 6.493 тыс. дов. руб. К 1941 г. проектируется привоз на 69.717 тыс. дов. руб. и вывоз на 95.778 тыс. дов. руб. Таким образом, активный баланс Сибири составит 26.061 тыс. дов. руб.

Превращение Сибири из земледельческой окраины по преимуществу в индустриально-земледельческую своеобразно отразится на главном административном центре Сибкрая — городе Новосибирске. Население сибстолицы в 1941 г. будет превосходить 500 тыс. душ. В ней будут сосредоточены крупнейшие промышленные предприятия: самый мощный маслобойный завод на 24 пресса, самый крупный кожевенный завод на 450 тыс. крупных кож, обувная фабрика на 3 млн. пар, льно-ткацкая фабрика на 9 тыс. веретен, текстильная фабрика на 150 тыс. веретен, сахарно-рафинадный завод на 3 тыс. берковцев суточной производительности, крупный завод сельскохозяйственного машиностроения, крупный лесопильный завод и деревообделочная фабрика. Кадры пролетариата увеличатся в Новосибирске в несколько раз и будут превосходить современное число рабочих цензовой государственной промышленности всего края.

С. Фридланд

Туркестано-Сибирская железная дорога и развитие промышленности Сибкрая

Основной целью сооружения Туркестано-Сибирской железной дороги является развитие в Туркестане в максимальной степени культуры хлопка. Это освободит союзную хлопчатобумажную промышленность от иностранной зависимости в сырье и будет способствовать активности нашего внешнеторгового баланса.

Проведение Туркестано-Сибирской железной дороги, связывающей юг Сибирского края с столь контрастным ему Туркестаном, будет иметь огромное значение для экономического развития как территорий, которые она прорежет, так и сопредельных с ними областей, в том числе и Сибкрая; ее проведение является в особенности важным фактором для развития промышленности края.

Установка, принятая в основу генерального плана развития народного хозяйства Сибкрая,[1] заключается в развитии вывоза обработанных продуктов (фабрикатов) вместо существующего преобладания вывоза необработанного сырья. В этом отношении индустриально отсталые Средняя Азия и сопредельные с ней восточные страны уже в силу своего географического положения, в особенности с проведением Туркестано-Сибирской железной дороги, являются как бы естественными рынками развивающейся сибирской промышленности. Самый факт проведения названной железной дороги обязывает к форсированному строительству и развитию в Сибкрае как ряда отдельных промышленных предприятий, так и целых отраслей промышленности. Влияние и значение новостройки было учтено при составлении генплана развития народного хозяйства Сибкрая. Задачей настоящей статьи является выявление значения новостройки для развития сибирской промышленности и связанных с этим мероприятий.

Основным моментом для достижения поставленной цели, т.-е. максимального засева туркестанских полей хлопком, является снабжение Средне-Азиатских областей дешевым сибирским хлебом вместо ныне доставляемого экспортными районами, а именно—Поволжьем, Сев. Кавказом и сев. частью Ташкентской жел. дороги,—значительно более дорогого (экспортного) хлеба.[2] Снабжение Туркестана хлебом будет производиться преимущественно не пшеницей в зерне, а согласно вышеуказанной общей установке генплана Сибкрая, мукой, т.-е. в форме наиболее рентабельной для Сибкрая и наиболее транспортабельной. При вывозе пшеницы, переработанной в муку, получается значительная экономия на транспорте благодаря тому, что избегается провоз 5% сора и 20% малоценных отходов (отрубей). Стоимость перемола благодаря наличию дешевых энергетических ресурсов в Сибкрае будет ниже, чем в Туркестане, даже при условии одинаковой зарплаты и одинакового технического уровня оборудования мельниц.

[1] Термин „Генеральный план развития народного хозяйства Сибкрая", употребляемый автором, относится к перспективной работе, произведенной под этим названием Сибирской краевой плановой комиссией. Эта работа в Госплане СССР еще не обсуждалась. Ред.

[2] Для сравнения стоимости сибирского и поставляемого вышеназванными районами хлеба мы укажем, что в первом полугодии 1926/27 г. заготовительная себестоимость одной тонны пшеницы составляла в Поволжье 68 р., в Сев. Кавказе—64 р., а в Сибири—54 р.

Потребность Туркестана в хлебе к 1930/31 г. исчисляется в 360 тыс. тонн.[1] Из этого количества Сибкрай должен доставить 100 тыс. тонн, остальное количество доставят районы новостройки (210 тыс. тонн) и южная часть Ташкентской жел. дороги с линии Арысь-Фрунзе (50 тыс. тонн). Это количество хлеба более, чем в достаточной степени покрывается товарными остатками округов, тяготеющих к Алтайской линии, размеры которых уже к 1930/31 г. для Бийского и Барнаульского округов исчисляются в 310.000 тонн и для Рубцовского округа в 210.000 тонн, т.-е. всего в 520.000 тонн. Для транспортирования муки по направлению Средней Азии генпланом Сибкрая проектируется постройка на юге двух мельниц с годовой пропускной способностью по 80 тыс. тонн зерна каждая. Одна мельница намечена к постройке в первое пятилетие генплана на ст. Алейской в Барнаульском округе, а вторая — в Рубцовском — в второе пятилетие генплана. Обе эти мельницы удовлетворят пред'являемый Туркестаном спрос на муку. Сумма капитальных вложений в обе вышеназванные мельницы составит около 7 млн. руб.

Наиболее крупным и, следовательно, важнейшим об'ектом вывоза из Сибкрая по Туркестано-Сибирской жел. дороге является лес. В районе новостройки имеются значительные лесные массивы, в пределах Семипалатинской губ.—1.540.000 *га* и в Джетысуйской губ.—1.430.000 *га*. Леса последней расположены почти исключительно в горах, мало устроены и исследованы, низкого качества; они имеют лишь местное значение (дрова) и для вывоза в Туркестан в качестве стройлеса не подходят. Что касается лесов Семипалатинской губ. (Усть-Каменогорский, Бухтарминский, Заисанский и Семипалатинский уезды), то размер сметного отпуска леса в 1925 г. по годичной лесосеке равнялся 33,6 млн. куб. метр. строевого поделочного леса. Потребление внутреннего рынка Казакской республики равно 11,2 млн. куб. метр. Следовательно, для вывоза остается 22,4 млн. куб. метр. Учитывая, что потребительский рынок Туркестана пред'явит в 1930/31 г. требование на ввоз по Туркестано-Сибирской ж. д. строительного леса не менее, чем 42 млн. куб. метр., вывоз леса, приходящийся на долю Сибкрая, надлежит исчислить минимально в размере 19,6 млн. куб. метр.; это при условии реальности сметной программы отпуска леса вышеперечисленных уездов Семипалатинской губ. Рассчитывать в дальнейшем на Урал, который до сих пор является основным поставщиком леса в Средней Азии, не приходится. Вопрос заключается не только в меньшей конкурентоспособности уральской древесины сравнительно с сибирской, заготовка которой обходится дешевле, а также и провоз которой, после проведения Туркестано-Сибирской ж. д. (Новосибирск — Семипалатинск — Фрунзе — Ташкент), будет обходиться дешевле Уральской (Свердловск—Челябинск—Ташкент). Дело в том, что последний должен в максимально возможной степени покрыть дефицит юга СССР в древесине. Уже в настоящее время, несмотря на непомерно длинный кружной путь, который приходится проходить ввозимому в Туркестан сибирскому лесу и связанную с этим дороговизну провоза (в общем на 6,1 коп. на куб. метр. дороже чем с Урала), он пробивает себе путь на туркестанский рынок.

[1] Исчислено в зерно.

Потребность Средней Азии в лесе не может быть удовлетворена при настоящем состоянии лесной промышленности Сибкрая, которая удовлетворяет всего лишь 44% пред'являемого в настоящее время спроса на деловую древесину. Генплан Сибкрая, учитывая это положение, а также наличность целого ряда условий, благоприятствующих расширению лесной промышленности края, намечает постройку целого ряда новых лесозаводов. При построении плана этого строительства были учтены также в полной мере как нужды Средней Азии в сибирском лесе, так и самой новостройки. Общая сумма капитальных вложений по генплану составляет 21.978.000 руб. и валовая продукция в натуральном выражении увеличится с 278.418 *куб. м* до 2.108.000 *куб. м* пиломатериалов; в первое пятилетие намечено капитальных вложений на сумму 11.852.000. Какая часть этой суммы капитальных вложений пойдет на обслуживание вывоза по направлению к Средней Азии, вычислить можно только абстрактно, так как специально для транзита в Среднюю Азию лесозаводы строиться не будут и древесина будет вывозиться туда с того или иного завода в зависимости от оперативных соображений. В исчислениях надлежит исходить из производительности одной рамы, примерно, в 1.400.000 куб. метр. и величины капитальных вложений, приходящихся на одну раму в 150.000 руб. К 1940/41 г. снабжение сибирской лесопродукцией средне-азиатского рынка намечается в 84 млн. куб. метр. пиломатериалов.

Необходимо подчеркнуть, что в связи с истощением лесов Алтая непременным условием выполнения намеченного генпланом развертывания лесной промышленности в размерах, позволяющих удовлетворить требования средне-азиатского рынка, является, в первую очередь, вскрытие северных лесных районов, проведением намеченных генпланом лесовозных линий: в первом пятилетии линии Томск — Енисей и в третьем пятилетии линии Татарск — Тымь.

Кроме муки и обработанного леса, столь важного для строительства, в особенности ирригационного, средне-азиатский рынок будет потребителем целого ряда других фабрикатов сибпромышленности. В первую очередь мы коснемся возможностей сбыта продукции нашей металлопромышленности, химической промышленности и угольной („Урало-Кузнецкая проблема").

Для выявления емкости рынков, которые открываются для продукции сибирской металлопромышленности (Тельбесского завода) с проведением Туркестано-Сибирской жел. дороги, необходимо определить границы территории распределения влияния (сбыта) Тельбесского и Уральских (Магнитогорского) заводов. Они будут определяться разницей издержек производства (себестоимостью) и величиной транспортных расходов. Себестоимость тельбесского чугуна, главным образом, благодаря его более удачному географическому положению относительно угля, будет ниже себестоимости чугуна Магниторгского завода; по исчислениям урало-кузнецкого проекта разница составляет 6 р. 17 к. на тонну чугуна. Это даст возможность тельбесскому чугуну продвинуться далеко вглубь Средней Азии, делая его очень конкурентоспособным по отношению к уральскому. Относительно второго из указанных моментов, т.-е. транспортного (стоимости провоза), надлежит исходить из предположения, что из существующих нескольких вариантов проекта железнодорожного строительства в интересующих нас направлениях, наиболее вероятным является осуществление проектов, предусматривающих соединение в кратчайших направлениях Тельбесского и Магнитогорского завода с Туркестаном. Это будут жел-дор. линия Магнитная—Карталы—Бреды—Орск, сокращающая выход магнитогорского чугуна в Туркестан почти на 1.100 *км*, и линия Кузнецк—Барнаул, сокращающая путь выхода тельбесского чугуна на юг на 492 *км*. Реальность этого предположения подтверждается тем, что проект постройки жел.-дор. пути от ст. Магнитной до ст. Карталы и от ст. Карталы до ст. Орск частично уже осуществлен, а проект постройки жел.-дор. линии Кузнецк—Барнаул имеет крупное общесибирское значение. Эти два момента определяют охват тельбесским чугуном рынков части Казакстана, Джетысуйской губернии, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и проникновение его по Средне-Азиатской ж. д. до берегов Каспийского моря. Из внешних рынков к тельбесскому чугуну тяготеют Зап. Китай (провинция Синь-Цзянь) и Монгольский Алтай, а при посредстве Средне-Азиатской жел. дор.—Афганистан и Персия.

Что касается рынков железа, то, основываясь на тех же данных, которые выше приведены для определения будущих рынков тельбесского чугуна, и учитывая исчисляемую урало-кузнецким проектом средневзвешенную разницу себестоимости тельбесского и магнитогорского железа в 6 р. 95 к., зона рынков тельбесского железа несколько расширяется и доходит почти до Аральского моря. Емкость рынков Средне-Азиатских республик и Казакстана, учитывая также недопотребление прошлых лет, которое будет особенно интенсивно изживаться во второе пятилетие периода генерального плана, определяется в чугуне (тыс. тонн):

	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Для Средней Азии	291,7	543,3	475
„ Казакстана[1]	70,6	153,3	220

Емкость внешних рынков тельбесского металла ничтожна и составляет не более 3% всей намечаемой к 1940/41 г. продукции сибирской металлургии (833 тыс. тонн).

Однако, использовать открывающиеся с проведением Туркестано-Сибирской жел. дор. возможности, Тельбесский завод сумеет лишь частично, вследствие диспропорции между намечаемым генпланом Сибкрая размером развития сибирской металлургии (833 тыс. тонн.) и емкостью тяготеющих к ней рынков (1.616 тыс. тонн); в том числе Сибкраевого 648,6 тыс. тонн, ДВК, Бур.-Монг. и Якутской АССР—241,6 тыс. тонн, а Казакстана и Средне-Азиатских республик 41,7 млн. пуд. Следовательно, потребность Сибкрая и лежащих восточнее его по Сибирской магистрали рынков может быть удовлетворена сибметаллургией лишь на 90%. Принимая во внимание установку, принятую Госпланом СССР при построении генплана на развертывание металлургии до полного удовлетворения потребностей Союза, надо признать экономически целесообразным ограничиться в срок генплана возложением на сибирскую металлургию снабжения лишь самой Туркестано-Сибирской ж. д. и части Казакстана грубо ориентировочно, в размере 133 тыс. тонн.

Коксобензольная промышленность предоставит к вывозу в Среднюю Азию столь необходимой ее дехканам (для удобрения) сульфат-аммоний (сернокислый аммиак), являющийся на ряду с чилийской селитрой наиболее употребительным из азотистых туков. Размер возможного вывоза к 1940/41 г. определяется ориентировочно, в 5.650 тонн. Размер возможной потребности в нем Средней Азии значительно превышает это количество даже при размере посевных полей 1926 г.,[2] т.-е. в 498,5 тыс. дес. и исходя из так называемой „слабой" нормы — 88 *кг* на 1 гектар.

[1] Приводимые данные относятся только к той части Казакстана, которая явится потребителем тельбессметалла.

[2] Узбекская ССР — 414,6 тыс. *га*, Таджикская АССР — 7,6 тыс. *га*, Туркменская — 75,5 тыс. *га*, Казакская — 50,6 тыс. *га*; итого 548,3 тыс. *га*.

Кроме сульфат-аммония предметом вывоза химической промышленности Сибкрая по Туркестано-Сибирской ж. д. будет пек, который имеет чрезвычайно важное значение для развития каменноугольной промышленности Средне-Азиатских республик и Казакстана, обладающих очень слабыми по крепости углями. Еще в довоенное время почти все копи Казакстана старались наладить производство брикетов. Первый такой опыт относится к 1893 г. (Мышенкова). Наиболее интересны успехи в этом деле организатора акц. общ. „Кизил Кия" Н. Д. Батюшкова, которому удалось наладить фабрикацию вполне удовлетворительного по качеству брикета на английском пеке. В 1916 г. в виду невозможности получения пека из Англии производство брикетов фактически прекратилось и до сих пор более не возобновлялось. Наша краевая химическая промышленность сумеет полностью удовлетворить потребность в нем Туркестана и Казакстана, которую, ориентировочно, исходя из 250 тыс. тонн будущей добычи угля, надлежит определить в 15 тыс. тонн, т.-е. 6% веса брикетируемого угля.

Вывоз угля к 1940/41 г. намечается лишь в размере 50% потребности Туркестано-Сибирской ж. д., что составляет 83,3 тыс. тонн. Рынки Казакстана, Туркестана и остальные 50% потребности Туркестано-Сибирской ж. д. будут снабжаться местным углем.

Необходимо отметить, что намеченный генпланом к постройке во втором и третьем пятилетии крупный завод сельскохозяйственного машиностроения (в Новосибирске) на 20.000 сеялок и 25.000 уборочных машин имеет заданием удовлетворить также нужды Средне-Азиатских республик в этих изделиях. Это относится также и к заводу общего машиностроения, который частично начнет работать к моменту получения сибирского металла, т.-е. к началу второго пятилетия. Конечная мощность завода (к концу генплана) проектируется на выпуск продукции до 22,2 млн. руб. в год.

Чрезвычайно важным для нормального развития лесохимической промышленности Сибкрая является возможность вывоза продукции насаждаемой бумажной промышленности, которая представляет собой форму более рентабельной обработки малоценных лесов и отходов лесообрабатывающих заводов. В своем дальнейшем развитии она будет опираться также на все увеличивающийся спрос сопредельных районов, доступ к которым открывает проведение Сибирско-Туркестанской ж. д. Генплан Сибкрая предусматривает частичное удовлетворение этой, только ныне возникающей отраслью промышленности потребностей Средней Азии и Казакстана.

Цементная промышленность, производство которой, согласно предположениям генплана Сибкрая, достигнет к 1940/41 г. 1.300.000 бочек, удовлетворит также потребности в цементе новостройки и прилегающих к ней районов.

Туркестано-Сибирская магистраль открывает новые рынки и для других отраслей сибирской промышленности, как спички, стекло и пр., но в виду их сравнительной незначительности мы на них подробно не останавливаемся.

Грузовое движение по Туркестано-Сибирской ж. д. будет в значительной степени односторонне; ее грузооборот характеризуется значительным преобладанием вывоза грузов в Туркестан над ввозом в Сибкрай. Это обязывает к проведению ряда мероприятий, увеличивающих вывоз грузов из Туркестана в Сибкрай. К ним, в первую очередь, принадлежит насаждение хлопчатобумажной промышленности в Сибкрае, которое и предусмотрено генпланом. Емкость сибирского рынка исчисляется, исходя из душевого потребления к 1930 г. в 9,6 фунт. хлопка в 53.237 тонн

хлопка. В ближайшее пятилетие, согласно генплану, намечена постройка хлопчатобумажных фабрик на 60.000 веретен, а на весь срок генплана— 300.000 веретен, работа которых потребует около 166 тыс. тонн хлопка в год. Основные капитальные вложения по хлопчатобумажной промышленности определяются в сумме около 80 млн. руб.

Большой спрос пред'явит сибирская мыловаренная промышленность на хлопковое масло, которым до сих пор снабжало ее, главным образом, Закавказье.

В 1927/28 г. потребность мыловаренной промышленности, согласно контрольным цифрам Сибкрая, составит свыше 1.200 тонн хлопкового масла и 4.859 тонн изготовляемого, преимущественно, из него саломасла. Выработка мыла все время увеличивается и потребление хлопкового масла к 1930/31 г., предположительно, увеличится сравнительно с 1927/28 г. на 50%. Этот спрос имеет особое значение для Туркестана, так как послужит толчком к дальнейшему интенсивному развитию маслобойной промышленности. Сибирская же мыловаренная промышленность, обеспеченная наиболее подходящим для мыловарения хлопковым маслом получит крепкую сырьевую базу для своего дальнейшего развития. Эта обеспеченность в растительном масле дает возможность приступить к постройке при мыловаренном заводе СКС гидрогенизационного завода и тем самым радикально разрешит столь важный для нее вопрос сырьевого снабжения, что послужит к значительному снижению себестоимости ее продукции.

Гидрогенизационный завод намечен к постройке к 1930 г.; сумма капитальных вложений ориентировочно равна 1 млн. рублей.

Большое значение для сибирской промышленности будут иметь и другие виды туркестанского сырья, как овчины, шерсть для пимокатных заводов и пр., но даже ориентировочно определить их количественное выражение в настоящее время еще затруднительно.

Н. Хрулев

Роль сибирского хлеба в ж.-д. перевозках[1]

Текущее железнодорожное строительство, преследуя цели экономического под'ема Союза в целом и окраин его, в частности, сближая районы потребления и производства, сокращает пробеги грузов по железным дорогам. Например, благодаря постройке Туркестано-Сибирской ж. д. пробег хлеба Сибири, идущего ныне в Среднюю Азию через Челябинск — Кинель, сократится вдвое — втрое со всеми вытекающими отсюда последствиями для хозяйства Союза и железных дорог в том числе.

Однако, это строительство не освобождает нас от обязанности критически отнестись к работе сегодняшнего дня, ибо, например, на ряду с положительными экономическими причинами роста дальности перевозок грузов имеются и ненормальности этого роста, изжить которые должно и можно путем внедрения в самые глубины хозяйственного аппарата принципов экономического районирования. Среди грузов, средняя дальность перевозки которых особенно поднялась, первое место занимает хлеб.

Неостанавливающийся рост дальности перевозок хлебных грузов по железным дорогам вынуждает искать конкретных причин этого явления. Последние годы дают рост среднего пробега грузов, усматриваемый из следующих цифр: 1922/23—615 *км*, 1923/24—738 *км*, 1924/25—884 *км*, 1925/26—851 *км* и 1926/27 (за 10 месяцев) 1046 *км*.

Небольшое снижение среднего пробега в 1925/26 г. (на 3% против 1924/25 г.) обусловливается завозом хлеба в 1924/25 году в районы недорода на сравнительно более дальних расстояниях.

Рост средней дальности перевозки зерновых хлебов в течение 1926/27 г. по месяцам был таков:

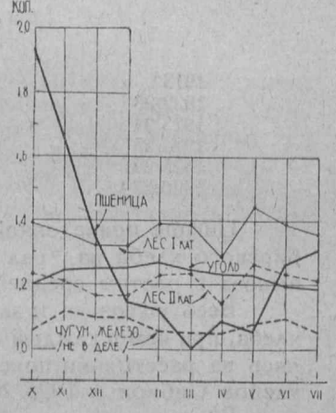
	Рожь	Пшеница		Рожь	Пшеница
Октябрь	810	710	Март	1044	2118
Ноябрь	974	889	Апрель	1352	1764
Декабрь	826	1214	Май	1493	1860
Январь	717	1628	Июнь	1012	1351
Февраль	789	1671	Июль	833	1271

Этот непомерный рост дальности перевозки двух главнейших хлебов имел своим последствием то, что доходная тонно-километровая ставка, например, с пшеницы оказалась ниже тех же ставок с каменного угля, леса, чугуна и железа не в деле, взятых во всех случаях по средней отчетной дальности пробегов каждого сравниваемого груза в 1926/27 г.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

Даты	Черв. копейки с тонно-километра				
	Пшеница	Лес I катег.	Лес II катег.	Кам. уголь	Чугун, железо не в деле
Тарифная схема	113	116	117	119	120
1926 г.					
Октябрь	1.935	1.397	1.234	1.205	1.069
Ноябрь	1.652	1.367	1.210	1.248	1.124
Декабрь	1.355	1.326	1.174	1.258	1.109
1927 г.					
Январь	1.144	1.326	1.174	1.258	1.109
Февраль	1.124	1.397	1.234	1.276	1.063
Март	1.001	1.397	1.234	1.248	1.058
Апрель	1.097	1.288	1.144	1.239	1.060
Май	1.067	1.445	1.274	1.239	1.080
Июнь	1.271	1.397	1.234	1.205	1.103
Июль	1.310	1 367	1.210	1.205	1.063

Это сопоставление более четко вырисовывается на следующем графике.



Уголь, лес, чугун и железо относят обычно к грузам тарифно мало рентабельным, их рост в общем составе грузооборота обусловливает медленное, но упорное снижение доходной грузовой ставки в сметах НКПСа. Наоборот, хлеб относят к грузам тарифно-рентабельным, между тем, действительность 1926/27 г. говорит об обратном.

На основании приказа НКПС № 9211 дороги приступили к выявлению дохода от главнейших родов грузов в отдельности от каждого. Опубликованный[1] результат этого начинания с учетом, конечно, всех специальных и исключительных тарифов дал следующие доходные ставки в феврале, марте и апреле:

Доходная ставка в черв. копейках

Месяцы	Хлеба в зерне	Леса	Дров	Чугуна, железа, стали не в деле	Средняя со всех грузов
Февраль	0,8800	0,8747	0,7441	1,0803	1,3332
Март	0,8916	0,8909	0,7248	1,1891	1,3551
Апрель	0,9722	0,8769	0,8806	1,0758	1,3166

Из приведенного ряда цифр видно, что доходная ставка с зернового хлеба в феврале была ниже мартовской — с леса, апрельской — с дров, и ставок за все месяцы с чугуна, железа и стали не в деле. Во всех же случаях доходная ставка с зерна ниже общей доходной ставки со всех грузов. Месяцы май и июнь, судя по среднему пробегу ржи и пшеницы, обещают дать ту же картину, ибо средний пробег леса, дров, чугуна, железа резких колебаний не имеет и остается на одном уровне.

Такого соотношения доходных ставок на ж.-д. транспорте в прошлом мы не знаем. Одно это обстоятельство ставит вопрос о целесообразности существующей хлебной тарифной схемы, при наличии современной дальности хлебных перевозок.

[1] „Ежем. бюллетень транспортной статистики", № 12 (46) за 1927 г.

Выявить причины неуклонного роста дальности хлебных перевозок и последствий этого роста для народного хозяйства в целом и транспорта в частности — задача большая. Попытаемся дать часть материалов для решения этой задачи, путем анализа хлебных перевозок Сибири в 1925/26 г. по материалам сводной статистики НКПСа последнего выпуска (70) и, главным образом, той части этих перевозок, которая вышла из Сибири, на и за Урал. Сравнение условий этих перевозок с теми же перевозками 1913 г. даст материал для выводов в вопросе об урегулировании распределения сибирского хлеба и о тарифных мероприятиях.

Общая картина выхода сибирского хлеба с дорог Сибири (Омской, Томской, Забайкальской (Читинской) и Уссурийской) на Урал и за пределы его за ряд последних лет и за 1913 г. характеризуется следующими цифрами перевозок ржи, пшеницы, овса, ячменя, муки всякой, крупы, пшена:

Годы	Отправлено дорогами Омской, Томской, Забайкальской и Уссурийской	Вышло за Тюмень и Челябинск		Выход в % % к перевозкам	
				Сибири	Всей сети
	Тысячи тонн		В % %		
1913	1.119,5	569,3	100	51,2	2,8
1922/23	390,0	124,9	22,0	32,0	1,4
1923/24	599,1	315,0	55,1	52,6	2,9
1924/25	1.586,1	1.069,0	186,4	67,3	10,1
1625/26	1.622,6	1.067,2	185,9	65,8	7,5
1926/27 [1]	2.510,0	1.550,0	270,0	61,8	10,0

Цифры приведенной таблицы говорят о неуклонном росте вывоза сибирского хлеба на Урал и за пределы его из Сибири и о тесной связи этого вывоза с ростом средней дальности железнодорожной перевозки хлеба.

Весь вывоз на и за Урал нами разбит по поясам дальности перевозки хлеба, при чем в каждый пояс включены те станции назначения, кои находились на расстоянии пояса. При чем за средний пункт отправления для всех хлебов Сибири в 1925/26 г. взят Новосибирск, а в 1913 г.— Колония.

В эти годы из района восточнее названных станций прошло на и за Урал около одной трети всего вывоза. Для наших целей эта аналогичная для сравниваемых двух лет условность приемлема.

Распределение сибирского хлеба, вышедшего на и за Урал по дальности перевозки, охарактеризовано в следующей таблице:

Пояса	Расстояние (в *км*)	1913 г.		1925/26 г.	
		тыс. тонн	% %	тыс. тонн	% %
I	до 1.500	63,3	10,6	63,5	7,2
II	от 1.500 до 2.000	178,9	30,0	213,8	24,1
III	от 2.000 до 2.500	132,2	22,1	131,5	14,8
IV	от 2.500 до 3.000	8.1	1,4	47,7	5.4
V	Свыше 3.000	214,5	35,9	430,7	48.5
		597.0 [2]	100	887.2 [3]	100

[1] Все данности за 1926/27 г. предварительные, хлебные грузы даны вместе с семенами и макухой, количество коих составляет 6—7% от общего числа хлебных перевозок дорог Сибири (1925/26).

[2] Вместе с семенами, отрубями, выжимками и проч. хлебными грузами (27,7 тыс. тонн).

[3] Распределено по назначению около 80% отправленного груза.

Цифры поясного распределения вывозимого на и за Урал хлеба говорят об увеличении дальности возки этого хлеба.

В 1913 г. на расстояниях от 2.500 *км* и выше перевезено 37,8% всего вывоза, а в 1925/26 г.—53,9%. В 1924/25 г. картина распределения сибирского хлеба была та же, а в 1926/27 г. роль этих хлебов безусловно резко увеличилась, ибо в этом году имел место экспорт сибирского хлеба через южные моря, вследствие чего и средний пробег всех хлебов достиг 1.042 *км* (за 10 месяцев)— величины рекордной.

По районам назначения весь вывоз распределяется так: I и II пояса целиком совпадают с Уральским районом, III пояс с Вятско-Ветлужским и Средне-Волжским, IV с Центрально-Промышленным районом и частью двумя предыдущими.

Перевозки пятого пояса распадаются в зависимости от назначения следующим образом (в % %):

	1913 г.	1925/26 г.
ЦПО	3.6	30.8
Экспорт [1]	89.4	30.1
Сред. Азия . . .	0.1	24.7
Прочие	6.9	14.4

В зависимости от такого распределения и средний пробег тонны сибирского хлеба, вывозимого на Урал и за пределы его, вырос. Общий пробег хлебов первых четырех поясов определен путем перемножения количества хлеба каждого пояса на среднее расстояние этого пояса, а из пятого пояса 84% прибытия в 1913 и 90,7% в 1925/26 г. определены по действительному расстоянию до пунктов назначения, а остальное по условно среднему 3.250 *км*. В результате весь сибирский хлеб, вышедший на и за Урал, дал:

	Общий пробег Млн. тонно-*км*	Средний пробег Тонны-*км*
1913 г.	1.433,8	2.402
1925/26 г.	2.508,7	2.828

Таким образом, средний пробег вышедшего за Урал сибирского хлеба вырос на 17,7%.

Это небольшое сравнительно увеличение средней дальности перевозки сибирского хлеба не отражает действительной картины распространения сибирского хлеба, вышедшего за Урал и оставшегося в СССР.

Выше было сказано, что на экспорт в 1913 г. прошло сибирского хлеба 89,4% пятого пояса, а в 1925/26 г.— только 30,1%. В абсолютных цифрах экспорт этого пояса определяется в 191,3 тыс. тонн для 1913 г. и 129,5 тыс. тонн в 1925/26 г. Если это количество экспортного хлеба исключить из рассматриваемых хлебных перевозок, то средний пробег тонны остального хлеба составит в 1913 г.—1.940 *км* и в 1925/26 г.— 2.657 *км*, т.-е. рост средней дальности сибхлеба, вышедшего за Урал и оставшегося на внутреннее потребление, дал + 36,9%.

Это обстоятельство, в связи с увеличением в общих хлебных перевозках роли этого хлеба в 1925/26 г. против 1913 г. втрое, влияло на рост общей средней дальности пробега всех хлебов.

[1] За экспортные взяты хлеба назначением: в 1913 г. Петербург, Рига, Ревель, Либава, Виндава, Архангельск и Котлас, а в 1925/26 г. Ленинград (узел), Архангельск, Мурманск и Котлас.

Если к 1925/26 г. эта общая дальность возросла против 1913 г. на 58%, то сибирский хлеб, вышедший на и за Урал и оставшийся на внутреннем рынке, дал почти 20% этого общего увеличения; об'яснение же остальным 38% следует искать в изменении хлебооборота других районов и внутренних перевозок хлеба в самой Сибири.

Это увеличение дальности перевозки хлеба требует обоснования и выявления главнейших причин роста.

В 1913 году из Сибири в Среднюю Азию прошло 16,5 тонн хлебных грузов, а в 1925/26 г. прошло уже 106.347 тонн (только на стажные станции),[1] что составляет 80% всего отправления. Таким образом в настоящее время сибирский хлеб имеет нового потребителя, удаленного от мест производства хлеба на 5.000—6.000 *км*. Таких пробегов рассматриваемый сибирский хлеб в 1913 г. не имел. Удельный вес этого района среди остальных внутренних потребителей сибирского хлеба таков, что без него средняя дальность перевозки возросла бы не на 36,9%, а только на 18,3%.

В 1925/26 г., как и в других послевоенных годах, наблюдается порой трудно об'яснимая разбрасываемость сибирского хлеба по европейской части Союза. Нет ни одного района, куда бы не попадал сибирский хлеб. В 1913 г. главная масса хлеба пятого пояса, назначение которого нами выше помечено „прочими" районами (6,9%) осела в нынешнем Северо-Западном районе. Теперь же в 1925/26 г. пункты назначения аналогичного хлеба (14,4%) лежат во всех районах за исключением Крыма.

Кроме приведенных моментов, дальность перевозки сибирского хлеба обусловливается встречными перевозками, совершаемыми на громадных расстояниях. Например, по линии Кинель—Ташкент, на протяжении 2.229 *км*, идет мощный хлебный поток (в том числе и сибирские хлеба) на юг. В то же самое время навстречу этому потоку идет пшеница и мука пшеничная с разных станций этой линии и со ст. Ташкент, в том числе на внутренний рынок.

В то время как в 1913 г. хлебные поступления с Ташкентской дороги на Средне-Азиатскую железную дорогу составляли 65,9% всего поступления со всех других дорог, ныне, в 1925/26 г., Ташкентская дорога дала только 35,0% этих поступлений.

Картина одновременных встречных грузопотоков однородных хлебов по Кинелю отмечалась в печати много раз. Из следующей таблицы обмена по Кинелю всех хлебных грузов можно видеть, что эта картина встречности продолжается и поныне:

	С Самаро-Златоустов. на Ташкент	Обратно		С Самаро-Златоустов. на Ташкент	Обратно
	Вагонов			Вагонов	
1926 г.					
Октябрь . . .	1.152	609	Март	967	3.412
Ноябрь	502	824	Апрель	376	2.871
Декабрь . . .	529	3.392	Май	336	1.143
1927 г.			Июнь	286	596
Январь	343	1.832	Июль	917	484
Февраль . . .	799	2.089	Август	956	366

Конечно, далеко не все хлеба этой встречности однородны, но роль Ташкентской дороги среди дорог, снабжающих Среднюю Азию, безусловно может быть поднята за счет отпадения чрезмерно дальних и убыточных не только для жел.-дор. транспорта перевозок.

[1] Стажная станция имеет в прибытии за год хлеба не менее 10.000 тонн.

Нельзя не отметить, что на участке Полторацк—Ташкент, на протяжении 1.300 *км*, также наблюдается встречность. Пшеница и мука пшеничная из Сибири идет в Полторацк, а из Красноводска те же хлеба идут в Ташкент. Но в больших размерах наблюдается встречность в самой Сибири. В 1913 г. Новосибирск (быв. Новониколаевск) был крайним пунктом отправления хлеба за Урал. С востока от этой станции ни одна станция магистрали не отправила ни одного пуда пшеницы или муки пшеничной за Урал. В 1913 г. со станций восточнее Новониколаевска на Урал, но не далее, шел только овес. Безусловно коммерческая целесообразность прошлого не позволяла производить перевозок с более дальних расстояний.

Иную картину дают перевозки 1925/26 г. С востока от Новосибирска, начиная от станции Тулун, идет поток хлеба на и за Урал. Томская дорога в 1925/26 г. отправила туда преимущественно пшеницы и муки пшеничной 62.400 тонн с громадными средними пробегами 4.000—5.000 *км*, и наоборот—Омская дорога отправила за Томскую, на восток тех же хлебов 62.800 тонн, с тем же средним пробегом. Таким образом, на линии Омск—Тулун, на участке сибирской магистрали в 2.000 *км* идут два встречных грузовых потока частью совершенно однородных грузов—пшеницы и муки пшеничной. Эта же картина повторяется и в 1926/27 г., как это видно из следующего сопоставления передачи хлеба по Новосибирску:

	Сдано вагонов хлеба				
	С Омск. на Томск.	Обратно		С Омск. на Томск.	Обратно
1926 г.			Март	834	1.444
Октябрь . . .	433	1.078	Апрель	1.358	1.140
Ноябрь	636	1.281	Май	834	784
Декабрь . . .	791	699	Июнь	586	425
1927 г.			Июль	670	310
Январь	427	527	Август	550	175
Февраль . . .	467	643			

Благодаря этой системе перевозок за Урал и за Байкал хлеб Сибири идет по железным дорогам с пробегами в 5.000 и больше километров.

Отрицательные стороны этих перевозок усугубляются действующей тарифной схемой, диференциация которой резко отличается от довоенной, как это можно видеть из следующего сопоставления. Если тонно-километровые ставки на хлеб в зерне по тарифам 1913 и 1927 гг. на расстояние 500 *км* принять за 100%, то уменьшение ставок с возрастанием расстояний перевозки идет так:

Расстояние в *км*	1913 (В %%)	1927	Расстояние в *км*	1913 (В %%)	1927
500	100	100	3.000	53,6	36,0
1.000	79,4	63,4	3.500	52,6	33,2
1.500	66,2	49,9	4.000	52,6	31,6
2.000	58,8	43,1	4.500	52,6	30,6
2.500	54,3	38,5	5.000	52,6	29,2

При схеме 1913 г. отмена Челябинского перелома [1] не сулила железным дорогам перевозок сибирского хлеба по тарифам, не оправдывающим

[1] В 1896 г. был установлен специальный тариф на хлеб из-за Челябинска, по которому общая тарифная схема применялась к этому хлебу не за все протяжение, а отдельно за расстояние от станции отправления до Челябинска и от Челябинска до станции назначения груза (Челябинский перелом).

расходов на эти перевозки, а теперь, тогда по схеме № 113 по нормальному, так сказать, тарифу (с 15% повышением специальной схемы № 11) зерно на расстояние 5.000 километров идет по ставке 0,68 коп. с тонно-километра, то вряд ли можно сомневаться в том, что НКПС, совершая эти перевозки, в действительности субсидирует хлеботоргующие организации. Доходные же ставки железных дорог при перевозке экспортного сибирского зерна еще ниже и составляют с тонно-километра:

На Мурманск	0,45	За действит. расстояние от Новосибирска.
Ленинград	0,56	
Новороссийск . . .	0,62	

Борьба за устранение этих двух ненормальных факторов нашего хозяйства: чрезмерной дальности перевозок и убыточных тарифов нам представляется безусловно необходимой и возможной по следующим направлениям: а) установлением зоны, потребляющей сибирский хлеб; б) абсолютным устранением наличия такой системы хлебораспределения, когда районы, лежащие на пути сибирских хлебных потоков, снабжаются хлебом из южных европейских районов, хотя бы и в малом количестве. Например, районы Уральский и Вятско-Ветлужский по данным сводной статистики перевозок снабжались в 1925/26 г. пшеницей и мукой пшеничной из районов Южно-Горнопромышленного, Центрально-Черноземного, Сев.-Кавказского и Нижне-Волжского; в) закреплением путем тарифных мероприятий за сибирским хлебом определенных потребляющих пунктов Центрально-Промышленного и Средне-Волжского районов; г) устранением путем административного нажима недопустимых встречных перевозок однородных хлебов и д) изменением тарифной хлебной схемы путем безусловного под'ема ставок на дальних расстояниях до себестоимости перевозки, особенно для внутренних, неэкспортных перевозок сибирского хлеба назначением за границы зоны. Перевозки эти имеют сплошь и рядом пункты назначения южной и юго-западной Европейской части Союза, т.-е. районы производства тех же хлебов и вывозящие их в большом количестве.

Интересы железнодорожного транспорта и хозяйства страны в целом настоятельно требуют конкретных мероприятий на этом фронте хозяйства. Размеры возможной действительной экономии здесь громадны.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

А. Айхенвальд. Советская экономика, с предисловием Н. И. Бухарина. Госиздат, 1927 г., тираж 10.000 экз., стр. 370.

„Советская экономика" должна была как-то вскрыть difierential specifical и осветить „закономерности" основных категорий, имманентных нашей экономике. Между тем, фактически вопросам „чисто" экономическим посвящено в книге меньше половины последней, шестой, главы. Вся же книга в целом представляет собою компактное, цельное, безусловно, ленинское изложение основных вех нашей экономической политики. Несомненная заслуга автора заключается в том, что он дает систематический обзор и обоснование нашей экономполитике на фоне конкретной истории нашей экономики. Именно в этой конкретности (а не абстрактности) вся ценность книги.

Книга Айхенвальда построена по принципу отраслевого разреза. Вслед за вводной общей главой об этапах развития советской экономической политики в целом идут главы о промышленности, сельском хозяйстве, торговле, финансах, денежном обращении и кредите. Каждая глава дает историю развития отрасли за десять лет и приводит сравнительный цифровой анализ с довоенными и мировыми показателями. Тщательный подбор данных, их удачная компановка вскрывают законченную картину эволюции и состояния той или иной отрасли. Однако, не чувствуется достаточной увязки отдельных отраслей между собой.

Анализируя предпосылки Октябрьской революции и первый период ее развития, автор безусловно правильно разграничивает три этапа рабоче-крестьянского союза: первый—до лета 1918 года, когда „социалистические мероприятия не выходили за пределы городской экономики" и пролетариат в своей борьбе опирался на всю массу крестьянства (независимо от его классовой подоплеки); второй этап рабоче крестьянского союза начинается с лета 1918 г., в результате проникновения социалистической революции в деревню; третий этап—рабоче-бедняцко-середняцкий союз.

Весьма правильно поставлен и хорошо представлен (в цифровой иллюстрации) автором вопрос о роли промышленности в народном хозяйстве и, о причинах отсталости нашей промышленности („резкое несоответствие наших природных возможностей и размеров нашего производства"), и по высоте довоенной концентрации крупной промышленности („в группе предприятий, свыше 1.000 рабочих в каждом, в России было занято 902 тыс., а в Германии—880 тыс."). Большим недостатком является то, что автором сплошь да рядом не указывается источников приводимых цифр (в особенности это касается довоенных и западноевропейских данных). Анализируя организационные формы частной промышленности, автор почему-то под эту рубрику подводит и государственный капитализм, несмотря на его принципиально отличную социально-экономическую структуру. Вот „экономическое" обоснование, которое дается Айхенвальдом для этих госкапиталистических предприятий: „В этих предприятиях под одной оболочкой соединено два противоположных начала: начало пролетарское, государственно-социалистическое и начало частно-капиталистическое, эксплоататорское". Все так элементарно и так просто сказано, что... просто ничего не сказано. Вообще-то подобными формулировками автор злоупотребляет

сплошь да рядом. Это своего рода „популяризация идей". Проблема частного капитала затронута очень поверхностно. Общими штрихами описана (именно „описана") политика в отношении мелкой кустарной промышленности. Далее, совершенно неправильно представлять рабочих, как „совладельцев" госпредприятий. Говоря об организации нашей промышленности на торгово-рыночных началах, автор не указывает основного социально-экономического отличия наших трестов и синдикатов от капиталистических, а ограничивается замечанием, что „государственная социалистическая промышленность использует для лучшей работы в рыночных условиях частно-капиталистическую форму"... и все (вопрос о роли и значении торгов, специфически советских организаций, совершенно не освещен). Между тем, это было бы в „Советской экономике" более полезно осветить, чем трактовка насчет вологодского „цельного молока". Неоспоримо хорошо и правильно изложен вопрос о политике прибылей и цен; вместе с тем, недостаточно освещен вопрос об издержках производства и себестоимости. Проблема же ценообразования в целом не поставлена вовсе; между тем, как эта синтетическая проблема народнохозяйственных связей должна была быть поставлена во главу угла при исследовании советской экономики.

Наилучшим отделом в главе о промышленности является последний отдел — о проблеме промышленных капиталов. Богатая цифровая иллюстрация, правильная постановка основных вопросов капиталонакопления делает эту часть книги наиболее интересной. К сожалению не развит вопрос об амортизации и не затронута проблема воспроизводства в наших условиях.

Следующая глава дает довольно исчерпывающую картину эволюции и состояния сельского хозяйства. Касаясь развития товарности нашего сельского хозяйства, как основной предпосылки его интенсификации, автор безусловно правильно указывает, что „без развертывания нашей промышленности, без роста городов, без увеличения железнодорожной сети, наше сельское хозяйство не может использовать экспорт, как оружие своей действительной интенсификации". С исключительной добросовестностью представлены и прослежены автором основные этапы развития сельского хозяйства с первых дней Октября до последнего времени.

Самым коренным вопросом технической революции в сельском хозяйстве является переход всех процессов сельскохозяйственного производства на новый вид энергии (двигательной силы). Правильно также освещен вопрос о роли кооперации в деле коллективизации крестьянского хозяйства, значении и организации кредитной сельскохозяйственной кооперации. Вместе с тем, автор вполне справедливо не переоценивает роли кооперации при довольно значительном охвате ею крестьянства, поскольку сельскохозяйственная кооперация еще недостаточно связана с крестьянской массой и частенько она (кооперация) похожа просто на устроенную кем-то посторонним „кооперативную лавочку". Однако, и здесь автор „верен" себе. Упрощенчество доведено им до пределов наивного смешного. Говоря о роли кредитной кооперации, автор внушает вразумительно крестьянину следующую мораль: „Если полученные деньги он потратил действительно на необходимое и целесообразное улучшение своего хозяйства, то его доходы возрастут и ему не трудно будет возвратить ссуду в срок". Подобные поучения для „трезвенников" не совсем уместны в анализе советской экономики.

Наиболее слабой главой книги следует признать главу о внутренней и внешней торговле. [1]

[1] Даны лишь общие штрихи принципиальной установки.

Описание динамики и состояния наших финансов, денежного обращения и кредита в различные периоды революции дано в книге в общем хорошо. Что касается кредита, то автор совершенно не осветил значения кредита с точки зрения планового воздействия на народное хозяйство, его роль, как рычага планирования социалистического сектора и воздействия и влияния на необобществленный сектор.

Познанию советского социально-политического строя автор уделяет в книге каких-нибудь 16 страниц. Исходя из марксова положения о соответствии общественной формации уровню развития производительных сил, автор переходит к анализу возможности развития социализма в наших условиях. Давая краткую, весьма схематическую качественную характеристику пяти ленинских укладов, автор приходит к бесспорному положению, что „если с точки зрения современного состояния на первом главном месте стоит мелкотоварное сельское хозяйство, то с точки зрения развития решающую, всеохватывающую роль играет социалистическая промышленная часть". Совершенно справедливо автор отличает количественное „преобладание" от качественной силы „руководящей роли". Это одно из ценнейших мест во всей книге.

Теперь мы перейдем к наиболее спорному и, на наш взгляд, наиболее слабому месту книги, к ее теоретическо-абстрактной части, к вопросу о регуляторах в нашем хозяйстве.

В анализе советского хозяйства автор претендует на сугубую диалектичность, но, к сожалению, вся диалектика сводится лишь к диалектическим терминам вроде „взаимопроникновение", „сосуществование" и прочее.

Прежде всего, совершенно неясно, как модифицируется (а может быть, и совсем упраздняется?!) у нас закон стоимости — эта „товарная форма закона трудовой затраты". Этот вопрос, ранее затронутый, впоследствии расплывается и никакого ответа по существу тов. Айхенвальд не дает. Автор совершенно беспардонным образом смешивает вопрос о способах регулирования с вопросом о регуляторах с точки зрения пропорционального распределения трудовых затрат.

В организации переходного периода „создается своеобразное соединение товарно-рыночных и планово-социалистических элементов в новую систему отношений". „В общем же для переходной советской экономики характерно некоторое единство плана и рынка, единство отношения продавца и покупателя с отношением руководящего центра и руководимой части" (?!). В этом автор усматривает „своеобразие нового специального переходного типа хозяйственной связи". В чем же заключается это „единство" или, как автор выражается, „сожительство" стихии с планом? Оказывается, что „оба эти способа (регулирования трудовых затрат, т.-е. стихийность и плановость". Ш. Т.) взаимопроникают один в другой и этим создают своеобразную стихийность и своеобразную плановость". Значит, эти две „половины" (термин автора) как-то взаимопроникают и рождается нечто „своеобразное", не похожее ни на план, ни на стихию. Об этом история умалчивает; упоминается лишь о том, что „своеобразие" больше похоже на „плановую половину". Что же такое план? Совершенно верно, „познание стихийной необходимости — первое условие планового ведения хозяйства". Значит план сам по себе является „реальной равнодействующей, которая должна сложиться на рынке в результате скрещивания сил социалистического комплекса и частно-собственнической стихии. План расставляет все свои составные рыночные единицы, нажимает на все свои регулирующие рычаги так, чтобы пред-

варительная наметка равнодействующей превратилась в реальную равнодействующую рыночной борьбы" (Айхенвальд, стр. 324). Одно из двух: либо у нас плановое хозяйство своеобразным планом, отличающимся от плана социалистического хозяйства тем, что в нем учитывается и стихийное влияние, тогда нечего говорить насчет „взаимопроникновения плана и стихии"; можно говорить лишь о плане, учитывающем стихийные элементы; а по Айхенвальду получается, что после того, как план составлен с учетом рыночной стихийности, этот план снова почему-то должен об'единяться со стихией по принципу „взаимопроникновения" или мы имеем здесь дело с равнодействующей на подобие Преображенского и Кона (которых, кстати, автор очень неудачно „разбивает"), но автор против подобной теории „монополистического капитализма", к которой он сам впоследствии скатывается, все время от нее отбояриваясь. Словом. вразумительного ответа на вопрос о регуляторах в советском хозяйстве автор не дает.

Абсолютно правильно и бесспорно (хотя и не ново) положение тов. Айхенвальда о необходимости рассмотрения проблемы равновесия в народнохозяйственном разрезе. „В отдельном секторе не может установиться никакого обособленного, самостоятельного равновесия, не являющегося частью общего равновесия всего народного хозяйства". Отсюда следует, что все процессы, происходящие в любом секторе, надлежит рассматривать не иначе, как с точки зрения всей социально-экономической формации переходного периода. А вот на стр. 318 автор говорит следующее: „План выясняет, как эти материальные элементы движутся в соответствии с укладом внутренней жизни (?! Ш. Т.) частно-собственнического сектора, как они оформляются в определенные товарные массы, в выступления покупателей и продавцов, как устанавливаются их цены" и т. д. Таким образом, есть какая-то своеобразная обособленная жизнь частного сектора, где складываются по своему цены и пр. Правильная и верная концепция автора куда-то уплывает и затушевывается в процессе „логических" доказательств.

Прав, конечно, тов. Бухарин, отмечая в предисловии основную ценность книги Айхенвальда в части анализа конкретной действительности, основанного на последовательной, политической линии. В общем, книга безусловно полезна, а те дефекты, которые имеются в ней, „тонут в богато развернутом материале".

Ш. Турецкий

Опыт исследования эффективности сельскохозяйственного кредита. Центральный сельскохозяйственный банк СССР. Его же издание. Москва, 1927 г., стр. 130, ц. 1 руб. 25 коп.

Рецензируемое издание ЦСХБанка Союза представляет результат обработки анкетного материала, собранного по обследованию кредитования крестьянских хозяйств первичной сетью системы сельхозкредита. Само же обследование кредитования ЦСХБанком было проделано во исполнение постановлений СНК Союза от 15/VI 1926 г. и ЦК ВКП(б) от 19/VIII того же года, которыми на последний возлагалось организовать учет эффективности ссуд в сельском хозяйстве в целом и в хозяйствах отдельных заемщиков по различным социальным группам.

Новизна постановки вопроса очевидна. Методология совершенно отсутствует; последнюю организатору обследования — ЦСХБанку — приходилось нащупывать впервые. Главными вопросами анкеты, которые должны дать историческую картину отдельных ссуд, были следующие.

Размер кредита, момент получения и период, на который бралась ссуда; цель ссуды и то назначение, на которое ссуда фактически была затрачена; дополнительные к ссуде затраты собственных и заемных, помимо кредитного товарищества, средств; период отсрочки, отсрочка (в длительности и суммах) и момент полного погашения ссуды или остаток задолженности в случае, если ссуда осталась непогашенной,— вот вопросы, которые составляли основу обследования и которые, вместе с тем, составляли совокупность моментов более или менее об'ективного порядка. Однако, кругом этих вопросов далеко не разрешалась задача о степени эффективности с.-х. кредита. Поэтому в дополнение к кругу этих вопросов присоединялся ряд вопросов чисто суб'ективных, а именно: фиксировалось мнение заемщика относительно наличности пользы от ссуды и, в частности, его мнение о влиянии ссуды на увеличение товарности хозяйства, учитывалось влияние ссуды на увеличение в хозяйстве средств производства и на увеличение об'ема хозяйства (запашка) и, наконец, определялся (опять-таки по личной оценке заемщиков) прирост валового дохода в хозяйстве, который был получен от расширения производства за счет ссуды.

Центральным является, конечно, вопрос о социальной эффективности с.-х. кредита. В связи с этим необходимо отметить, как об этом неоднократно указывается в книге, что произведенное ЦСХБанком деление хозяйств на экономически слабые, средние и мощные отнюдь не претендует на распространенное деление на бедняков, середняков и кулаков.

Каковы результаты обследования?

Процент отзывов, что ссуда принесла пользу в хозяйстве заемщика, по всему Союзу в среднем определился в 89%. При этом, как и следовало ожидать, максимум этой полезности падает по ссудам на с.-х. машины (97%), корм скота (98%), постройки (96%). Минимум же приходится на те ссуды, где имеется элемент непредвидимого со стороны заемщика: по ссудам на рабскот (87% падеж), семена (84% неурожай) и т. п. По экономическим группам отсутствие пользы располагается далеко неодинаково. По средней группе оно в общем совпадает со средней для всех заемщиков в целом, по группе зажиточных отсутствие пользы равно 6%, а по группе маломощных этот процент достигает 16. По целям ссуд эти проценты в каждой из групп резко колеблются, иногда при этом так, что по справедливости вызывают сомнение в их правдоподобности. Так, из данных о ссудах на рабочий скот маломощным хозяйствам вытекает, что 10,5% купленного ими скота погибает (падеж). В смысле увеличения основного капитала в хозяйствах эффективность ссуд максимально, опять-таки, приходится на экономически мощные хозяйства. Исключение составляют ссуды на простые с.-х. машины, где этот оптимум приходится на средне-зажиточные хозяйства (на 100 руб. ссуды получается увеличение капитала в хозяйстве на 140 руб.). Увеличение посева на каждые 100 руб. ссуды также неодинаково эффективно располагается по отдельным экономическим группам. По ссудам на рабскот запашка увеличивается в экономически мощной группе на 3,0 *га*, а в экономически отсталой — на 1,0 *га*, по ссудам на простые с.-х. машины соответственно на 2,9 *га* и на 1,1 *га*, по ссудам на семена — на 1,4 *га* и 0,5 *га*.

Отмеченные данные, как равным образом и ряд других показателей, приводимых в обследовании, свидетельствуют о том, что ссуды в экономически мощные хозяйства значительно более эффективны, чем в хозяйства маломощные. С точки зрения чисто коммерческой, казалось бы, с.-х. кредит и следовало усиливать именно в эти рентабельные, мощные хозяйства. Но это противоречило бы принципам социалистической поли-

тики в деревне. Бесспорно то, что чем крупнее хозяйство, тем эффективнее оно использует ссуду. Но укрупнение хозяйств должно происходить не в форме усиления кулацких хозяйств, а в форме производственного кооперирования маломощных хозяйств, чему и должен помогать с.-х. кредит.

Но, к сожалению, приходится отметить отсутствие результатов обследования об эффективности специально в коллективных хозяйствах. В отношении последних обследованием довольно кратко затронут лишь вопрос обслуженности их с.-х. кредитом.

По размерам ссуд — в среднем обслуживание отдельных экономических групп колеблется вовсе не так, как это можно себе представить вначале. Для экономически мощной группы средний размер ссуды равен 126 руб., для средней — 93 руб. и для маломощной — 85 руб. Соотношениями этих размеров, конечно, не определяется относительная мощность (экономически) хозяйств в разных группах, но в них ясно заметна общая линия в с.-х. кредитовании — дать возможность экономически слабым хозяйствам подняться на более высокую ступень благополучия. По некоторым районам (Северный, Центр.-Промышл.) размер ссуд для слабых хозяйств даже выше, чем для групп экономически сильных. В этом довольно заметно отразилась активная роль системы с.-х. кредита. С другой стороны, если посмотреть на кредитование с точки зрения преимущественного обслуживания, т.-е., на какие цели в каждой из групп был открыт кредит, то здесь система с.-х. кредита окажется в значительной степени пассивной. Так, для слабой группы хозяйств кредитование шло преимущественно на промыслы, для сильной — на сложный с.-х. инвентарь. Кредитование рабочего скота, коров и корма для скота направлялось преимущественно для слабой и средней групп, а кредитование простого с.-х. инвентаря — преимущественно для средней и мощной групп.

Несколько слов о капиталовложении заемщиков низовой сети в дополнение к ссудам.

Общий процент ссуд, к которым были сделаны дополнения, составляет 43%, общий же процент добавленных средств к сумме ссуд равен 57%. По отдельным экономическим группам как процент добавлений по количеству ссуд, так и процент добавленных сумм растет от слабых групп к более сильным, правда, не так резко. В отношении добавленных средств к сумме ссуд для экономически слабой группы этот процент равен 50, а для экономически мощной — 64. Непонятно только, почему ЦСХБанк ставит задачей, чтобы „размер вложения достигал не менее 30—35% суммы“ (стр. 41), когда на самом деле уже имеется 57%. Ведь вопрос идет о повышении, а не о понижении собственных вложений.

Говоря вообще о книге следует заметить, что, как первый опыт исследования эффективности с.-х. кредита, работа должна быть признана удачной. Что касается выводов из проделанного обследования, то они в общем весьма скромны, но это, повидимому, об'ясняется тем, что последние не вызываются самой задачей работы — дать картину действительности. Выводы должны составить следующий этап исследования. Книгу всемерно следует рекомендовать и широкому читателю и в особенности всем тем, кто в той или другой степени причастен к делу с.-х кредитования.

А. Неусыпин

Банковская библиотека. Вторая серия (11 выпусков). Финансовое издательство, 1927 г.[1]

Финансовым издательством выпущена вторая серия „Банковской библиотеки“. Первая серия, изданная год—полтора тому назад, состояла из десяти выпусков, посвященных характеристике кредитного учреждения и банковской работы и общему анализу роли и значения банков в народном хозяйстве.

Принципиальное значение изданий, подобных банковской библиотеке, заключается в том, что небольшие, систематически разработанные, законченные выпуски, посвященные отдельным вопросам, легче усвоиваются малоподготовленным читателем, нежели общие и специальные исследования.

Первая серия банковской библиотеки представляла собой введение в изучение основных вопросов кредита и нашей кредитной системы. Вторая серия продолжает дальнейшее исследование и изучение деятельности наших банков, включая более подробное практическое изложение деталей банковской работы, описание отдельных моментов в построении нашей кредитной системы и анализ некоторых общих вопросов современного развития кредита.

К первой группе могут быть отнесены книжки З. П. Евзлина—„Банковые вычисления“, „Банковая корреспонденция“, „Техника определения кредитоспособности“ и „Организация банковского аппарата“. Во вторую группу входят работы В. А. Деревицкого—„Коммунальные банки“ и „Общества Взаимного Кредита“, брошюра А. Г. Ахманова—„Надзор за кредитными учреждениями“ и работа А. А. Дезина—„Долгосрочный кредит“. Кроме исследования практических вопросов банковской работы и организационного построения отдельных звеньев нашей кредитной системы, вторая серия банковской библиотеки включает три обособленно стоящих работы (Я. М. Купермана—„Безнадежные расчеты“, С. Кленовича—„Система международного кредита“ и Б. В. Мовчановского—„Вексель“).

Программа второй серии банковской библиотеки была задумана, в общем, правильно. После того общего введения в изучение кредита, которое было дано в первой серии, в дальнейшем издании банковская библиотека должна была перейти к более подробному исследованию основных проблем нашей кредитной работы. Последовательность в выполнении общего плана издания банковской библиотеки заключается не только в тематическом расположении материала, но также и в достижении достаточной подробности изложения и специализации исследования второй серии. Представляя общий интерес в виде цельного издания, отдельные выпуски имеют, кроме того, самостоятельное значение.

На ряду с отмеченными достоинствами, вторая серия банковской библиотеки не лишена известных недостатков. В их числе следует отметить некоторую случайность в подборе материала и дефекты в исследовании отдельных вопросов.

При общей правильности программы, вызывает все же сомнения целесообразность издания специальных работ об организации банковского

[1] В состав второй серии банковской библиотеки вошли следующие выпуски: 1) З. Евзлин, „Банковые вычисления“; 2) З. Евзлин, „Банковая корреспонденция“; 3) З. Евзлин, „Техника определения кредитоспособности“; 4) Е. Евзлин, „Организация банковского аппарата“; 5) В. Деревицкий, „Коммунальные банки“; 6) В. Деревицкий, „Общества взаимного кредита“; 7) А. Ахманов, „Надзор за кредитными учреждениями“; 8) Я. Куперман, „Безденежные расчеты“; 9) А. Дезен, „Долгосрочный кредит“; 10) С. Кленович, „Система международного кредита“; 11) Б. Мовчановский, „Вексель“.

аппарата и векселя. Если первая из указанных тем неизбежно должна быть, в известной мере, повторением ранее изданных выпусков, то вторая работа, посвященная юридическому изложению учения о векселе, не соответствует общему характеру библиотеки, рассчитанной, прежде всего, на читателя, интересующегося экономическими вопросами кредита. Специальная характеристика векселя могла бы быть оправдана в программе банковской библиотеки, если бы имелось в виду исследование отдельных кредитных ценностей; во всяком случае, для цельности издания второй серии, более предпочтительным было бы общее исследование кредитно-денежного рынка с преимущественным анализом его экономического содержания. Чрезмерным формализмом анализа и изложения проникнута также работа о надзоре за кредитными учреждениями.

Тщательность исследования, доступность изложения, богатство материала, — все эти достоинства придают банковской библиотеке несомненное значение. Не все, однако, работы выполнены с необходимой теоретической выдержанностью. Представляя довольно подробно разработанную характеристику развития нашего долгосрочного кредита, работа А. А. Дезина вскрывает принципиальные трудности нашего национального накопления, уклоняясь, вместе с тем, от анализа существа проблемы и путей ее разрешения. Ограничиваясь краткими замечаниями о накоплении в секторе промышленности, автор отмечает вопросы, связанные с легализацией частного денежного рынка, усматривая, очевидно, разрешение проблемы в усилении частно-капиталистического накопления. Не говоря уже о принципиальной ошибочности, концепция эта неправильно передает теоретическое содержание проблемы, игнорируя изменения, происшедшие в нашем национальном доходе.

Лучше других удались работы, посвященные системе международного кредита (С. Кленовича), банковым вычислениям (З. П. Евзлина), безденежным расчетам (Я. М. Купермана), коммунальным банкам (В. А. Деревицкого). В книжке С. Кленовича „Система международного кредита“ представлен в популярном изложении большой фактический материал, характеризующий современное состояние международного кредитного аппарата и организации денежного рынка. Сравнительно довольно подробно разработана проблема безденежных расчетов, возможности и целесообразности их распространения в условиях нашей экономики. В сжатой характеристике в работе В. А. Деревицкого представлены исчерпывающие данные о наших коммунальных банках (их организационных особенностях, операциях, средствах, очередных задачах дальнейшего развития коммунального кредита).

Задержка в издании второй серии привела к тому, что исследование вопроса в отдельных книжках обрывается весной прошлого года. В отличие от других выпусков банковской библиотеки работы В. А. Деревицкого (о коммунальных банках и обществах взаимного кредита) выделяются свежестью фактического материала. На ряду с полнотой цифровых данных, в брошюрах В. А. Деревицкого следует отметить преобладание статистического и формально-юридического уклона исследования. Работы эти в большей мере построены под углом зрения описания организационных моментов и экспликации богатого статистического материала, нежели экономического анализа специфических условий коммунального и взаимного кредита. Своеобразия указанных выпусков заключаются не только в недостаточности экономического анализа, но также в отсутствии принципиальной связи с общим направлением развития нашей кредитной системы.

Брошюра Я. М. Купермана задумана и выполнена на основе характеристики безденежных расчетов, как проблема кредитно-денежной политики. Уделяя внимание, главным образом, этой стороне вопроса, автор останавливается также на моментах организационно-практического и юридического характера. Теоретическое содержание проблемы представлено автором несколько схематично. Следовало бы более подробно вскрыть принципиальные особенности, присущие созданию денежных средств в депозитной операции и безденежном расчете. Равным образом, следовало бы более подробно остановиться на теоретической сущности безденежных расчетов в наших условиях, в первые годы революции; более правильным было бы изложение этого вопроса в первом отделе работы в связи с общей характеристикой экономического содержания проблемы безденежных расчетов.

В доступной форме работа З. П. Евзлина дает подробное изложение банковых вычислений, являясь, вместе с тем, практическим руководством для низшего банковского персонала в текущей оперативной работе. Изданные и во второй серии работы, посвященные практическому изложению отдельных деталей банковской работы, представляют особый интерес с точки зрения тех требований, которые могут быт пред'явлены к банковской библиотеке в смысле повышения деловой квалификации нашего банковского аппарата. Удачно включены в цикле работ экономического характера злободневные темы об отдельных звеньях нашей кредитной системы, современном развитии международного кредита и безденежных расчетах.

А. М. Гольденберг

Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г. Издание НКВД, Москва, 1927 г., стр 379, цена не обозначена.

„Коммунальное хозяйство РСФСР к 1926/27 г.“ представляет собой обзор городского и сельского благоустройства, составленный по отчетным данным с мест, поступившим за 1925/26 г. почти от 400 городов (394), т.-е. от 75% слишком от общего числа городских поселковых центров РСФСР.

В сравнении с прошлогодним изданием обзора за 1929/25 г. настоящее издание является значительным шагом вперед. Поскольку в него вошли наиболее значительные городские центры, можно считать, что общая картина коммунального благоустройства для городов является достаточно полной и дающей правильную общую характеристику его.

Однако, если смотреть на издание НКВД как на справочник, то оно попрежнему должно быть признано далеко неполным. В особенности досадным является отсутствие данных по губернским городам, Москве и Ленинграду. Казалось бы, особого, труда для издателя не составило специальное получение недостающих в отчетах сведений по этим городам, и в особенности по Москве, коммунальный отдел которой находится, так сказать, под руками у составителей.

Обзор коммунального хозяйства к 1926/27 г. значительно полнее прошлогоднего не только по количеству охваченных городских центров, но и по количеству об'ектов коммунального благоустройства. Появились ранее не затрагиваемые: канализация, автобусы и гостиницы, коммунальные тресты.

Разработка отчетных материалов в сводных статьях сделана также гораздо более полной, нежели раньше. В сводных таблицах дано гораздо более абсолютных цифр, заменивших даваемые ранее средние величины, которые легко могут быть получены в случае надобности при пользовании книгой.

Основные таблицы (не сводные) дают материал уже не в алфавитном порядке, а по губерниям и прочим аналогичным административным единицам, последнее нововведение сильно облегчает пользование книгой.

В общем, на последнем издании видны следы серьезной работы над улучшением его, при чем составители, как говорится в предисловии, все изменения произвели „на основе критических замечаний сделанных в связи с прежними выпусками".

Однако, нам кажется, обзор НКВД еще не достиг вполне того уровня, на котором он должен и может стоять.

Общая система обзора не та, какая необходима хозяйственнику. В ней скорее видна рука и задачи бюджетников, так как издатели выделили в особую группу „коммунальные предприятия", охватывающие собой разные отрасли благоустройства, и противоположили ей остальное благоустройство.

Однако, и эта группировка, формально-бюджетная, ставящая себе как будто бы целью оформление доходных и бездоходных, отраслей благоустройства, не выдержана, так как, с одной стороны, из группы благоустройства бездоходного выделена пожарная охрана и планировка, а с другой—из предприятий выделены и помещены среди благоустройства ассенизационные предприятия.

Далее, жилищное хозяйство, также выделенное в отдельную группу, лишено гостиниц, присоединенных к предприятиям, хотя совершенно очевидно, что гостиницы — часть жилищного хозяйства; или же необходимо было к предприятиям отнести и муниципальные жилища, также дающие доходы и являющиеся такими же предприятиями, как и гостиницы (теперь ведь учреждаются даже домовые тресты).

В общем, план обзора является самой слабой стороной издания. Правда, он как бы соответствует плану всех изданий НКВД по коммунальному хозяйству, начиная с журнала и кончая разными справочниками и сборниками. Но если некоторая не систематичность и кустарность может быть свойственна изданиям узко практическим, то для издания отчетного характера требуется большая продуманность и систематочность.

Мы продолжаем категорически настаивать на том, чтобы обзоры НКВД были построены на принципе отраслевого разреза коммунального хозяйства, т.-е. по его основным отраслям: 1) градоустройство и земельное хозяйство, 2) жилищное хозяйство, 3) пожарная охрана, 4) водоснабжение, 5) очистка, 6) санитарно-гигиеническое благоустройство, 7) зеленые насаждения, 8) уличное благоустройство, 9) наружное освещение, 10) энергетическое хозяйство, 11) транспорт и 12) разное благоустройство и подсобные предприятия.

К этим основным отраслям и группам можно прибавить еще три группы материалов по формально-организационному признаку: 1) организация коммунхозов и коммунальных служащих, 2) городские финансы и 3) коммунальные тресты.

Здесь мы затрагиваем уже вопрос о дополнении программы обзоров коммунального хозяйства новыми элементами.

Во-первых, совершенно необходимо дополнить обзоры данными о коммунальных рабочих, а также и коммунальных служащих по предприятиям, с разделением по отраслям благоустройства. В настоящее время обзором уделено место только служебному персоналу общих центральных управленческих отделов на местах, а предприятия игнорируются.

Во-вторых, совершенно необходимо давать статистику бюджетную. Дело в том, что сначала, т.-е. в 1923/24 и 1924/25 гг., худо ли, хорошо ли, но освещение бюджетно-финансовой стороны вопроса давалось в изданиях НКФ РСФСР „Местные бюджеты", но с 1925/26 г., и в особенности в 1926/27 г., сводные бюджетные издания НКФ РСФСР с точки зрения интересов коммунального благоустройства никуда не годятся, так как сливают все доходы и расходы коммунального хозяйства в 2 — 3 статьи, смешивая притом городское и негородское хозяйство вместе.

Следовательно, мы по РСФСР не имеем теперь ни полной картины финансового положения коммунального благоустройства по его отраслям, ни по его городской и сельской линии.

Это чрезвычайно важный пробел, повидимому, надлежит заполнить обзором НКВД.

Повидимому, НКВД надо будет принять особые меры для понуждения всех коммунхозов своевременно представлять в центр отчеты об их работе, и в том числе от коммунальных трестов, возбудив перед законодательными органами вопрос о наложении на виновных соответственных административных взысканий.

Вопрос о своеременном и полном учете всякого хозяйства, а в том числе в особенности коммунального, является основным для его планового ведения. Поэтому обеспечение этого учета должно быть достигнуто всеми мерами и силами воздействия, подобающими социалистическому государству.

При всех отмеченных недочетах, обзор коммунального хозяйства на 1926/27 г. представляет не только значительный интерес, но и является необходимым справочником как для местных хозяйственных деятелей, так и для государственных центральных учреждений, и особенно плановых работников.

М. Петров

Советская торговля. Еженедельный орган Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР и (с июля) торговых представительств за границей. Издат. Наркомторга СССР, Москва, №№ 1—50 за 1927 г.

Существование специального периодического издания, посвященного вопросам внутреннего и внешнего товарооборота Советского Союза, представляется настолько важным и необходимым, что не нуждается в доказательствах. Особенно выдающееся значение приобретает подобное издание в современных условиях, когда новые и сложные задачи реконструкции народного хозяйства требуют всемерного усовершенствования планирования и регулирования рыночных процессов.

Рецензируемый журнал охватывает все основные проблемы внутренней, внешней и международной торговли и они находят в нем то или иное отражение в виде обстоятельных фактических материалов и сведений, с одной стороны, и руководящих торгово-политических статей, с другой стороны. Особенно подробной и тщательной разработкой отличаются те отделы журнала, которые систематически освещают состояние отдельных рынков (внутренних и внешних) и хронику советской и иностранной торговли. Насыщенные множеством конкретных сведений, все эти обзоры и заметки, занимающие большую часть журнала, представляют собою совокупность весьма ценных материалов, необходимых для текущей работы в области планирования, регулирования и оперативного ведения торговли. То обстоятельство, что журнал, останавливающийся как на длительных перспективах товарооборота (пятилетний план), так и на некоторых методологических проблемах (о постановке торговой статистики, внутрипромышленный оборот, о кон'юнктурном значении биржевой статистики, об изучении платежного баланса и т. п.), уделяет все же преобладающее

внимание анализу текущих торгово-политических вопросов, было правильным до недавнего времени. Однако, проблемы длительного перспективного планирования становятся все актуальнее, и им следует уделять в журнале больше внимания.

Одним из основных недочетов журнала, свойственным преимущественно отделу статей, мы считаем раз'единенное освещение вопросов внутренней и внешней торговли.[1] Достаточно беглого ознакомления с перечнем статей, помещенных в „Советской Торговле" за 1927 г., для того чтобы убедиться, что за самыми редкими исключениями авторы посвящают свои работы либо внутреннему, либо внешнему рынку. Это характерное явление об'ясняется тем, что до сих пор, со времени организации об'единенного наркомата торговли, не удалось еще достигнуть подлинного слияния регулирования внутреннего и внешнего товарооборота. Отмеченное об'яснение, однако, не служит оправданием журналу, призванному не к отражению отдельных организационных недочетов издающего его наркомата, а к изысканию наиболее правильных путей литературного освещения всего советского товарооборота. Следует, поэтому, пожелать „Советской Торговле" скорейшего перехода на путь действительного сближения разработки указанных вопросов.

На ряду с этим необходимо отметить чрезвычайно недостаточное внимание, уделяемое журналом анализу товарооборота в порайонном разрезе и торговой жизни отдельных республик и областей. В то время как журнал отводит значительное место описанию зарубежных стран не только в отделе обзоров, но и среди руководящих статей („Вокруг германско-польской таможенной войны" в № 11; „Торгово-договорная политика Японии" в № 13; о франко-германском торговом договоре в №№ 34 и 35; о товарообороте Персии в № 38 и т. д.), товарооборот отдельных составных частей Советского Союза в отделе статей почти совершенно обходится молчанием (если не считать специальный № 48, посвященный Украине), а в отделе обзоров освещается сравнительно редко, несистематично и случайно. Так, на ряду с помещением обзоров торговли в отдельных губерниях (Тамбовской — дважды, Архангельской), о целом ряде крупных хозяйственных районов в течение всего года не было напечатано ни слова (ЦПО, ЦЧО, Сибирь и др.).

Принимая во внимание неуклонное усиление значения порайонного изучения товарооборота по мере общего усложнения планирования и регулирования народного хозяйства, редакция журнала должна принять меры к поднятию на надлежащую высоту разработки печатаемых материалов в районном разрезе. В этом направлении следует добиваться: во-первых, возможно более полного отражения специфических особенностей отдельных республик и областей в статьях, трактующих о различных вопросах в общесоюзном масштабе, и, во-вторых, систематического (по возможности ежемесячного) публикования материалов о товарообороте важнейших районов, по данным местных органов Наркомторга и его специальных корреспондентов.

В области вопросов общего характера обнаруживается заметное преобладание работ по внутренней торговле, в ущерб вопросам внешней торговли (весьма подробно освещена лишь деятельность Госторга РСФСР в № 40, специально ему посвященном). Особого упоминания заслуживает № 43 (в значительно увеличенном об'еме), за-

[1] Указание на достижение в 1927 г. „органической слитности освещения внутреннего и внешнего товарооборота в целом" в вышецитированной передовой статье в № 1 за 1928 г. является, по нашему мнению, преувеличением.

ключающий в себе подробное освещение итогов 1926/27 г. в области внутренней, внешней и мировой торговли. В сфере общих вопросов, наконец, следует отметить недостаточное место, уделяемое анализу правовых проблем. По вопросам торгового и международного права, которые должны служить существенным дополнением материалов по экономике торговли и торговой политике, за весь год было напечатано очень незначительное число статей (проф. В. Э. Грабаря — „О подсудности иностранного государства", в № 10; Ю. Чельцова — „Оформление уставов внешнеторговых предприятий", в № 42, и немногие другие).

Из специальных вопросов, затронутых в статьях на страницах „Советской Торговли" за 1927 г., обращает на себя внимание множество работ, посвященных проблеме снижения цен в период соответствующей ударной кампании (I полугодие) и широко ее освещающих как в целом, так и под углом зрения отдельных товарных рынков. Однако, и во втором полугодии 1927 г., когда кампания по снижению цен временно стихла и тема эта покинула страницы „Советской Торговли", вопросы, связанные с рынком промышленных товаров, подвергались недостаточной проработке. Публикуемые в этом разделе статьи характеризуются случайным подбором и освещением более или менее узких, частных тем, тогда как некоторые крупные вопросы общего порядка (размеры и характер спроса, денежное накопление, методы регулирования рынка и т. п.) остаются без ответа, если не считать краткие общие соображения в статьях о контрольных цифрах.

В отношении рынков сельскохозяйственных товаров следует отметить, на ряду с подробным и разносторонним разбором хлебного рынка, недостаточное освещение технических культур и продуктов животноводства. Так, напр., за весь год не было напечатано ни одной статьи, специально посвященной хлопковой проблеме.

Богатый материал приводится в „обзорах" отдельных товарных рынков, которые постепенно пополняются новыми товарами и достигают к концу года внушительной цифры в 43 группы товаров сельскохозяйственного и промышленного происхождения. Единственным существенным недочетом, присущим отделу „обзоров" в „Советской Торговле", является отсутствие в них анализа динамики грузооборота. Наркомторг, правда, не занимается непосредственным учетом последнего. Однако, использование соответствующих данных НКПС и ЦСУ и их увязка с публикуемыми материалами Наркомторга представляются весьма желательными в целях более полного и исчерпывающего освещения всех процессов, происходящих в сфере обмена и распределения.

Особое место занимает в журнале отдел „Вопросы рационализации торговли", в котором помещаются более или менее обширные заметки, стоящие на грани между статьями и обзорами и знакомящие читателя с опытом по усовершенствованию товаропроводящей сети как в СССР, так и за границей.

Большою полнотою и разносторонним характером приводимых сведений отличается, в свою очередь, и торговая хроника.

Отдел, посвященный торговой статистике (в табличной форме), должен быть признан недостаточно полным и публикующим приводимые материалы недостаточно часто.

Подотдел международной статистики состоит из очень немногочисленных данных, которые при этом отличаются случайным подбором. Аналогичное замечание должно быть сделано и в отношении отдела „Из деятельности торгпредств". Он содержит всего три заметки, посвященных исключительно освещению работы Германского торгпредства.

Не может, наконец, претендовать на исчерпывающую полноту и библиографический отдел, в котором помещаются небольшие заметки как о русских, так и иностранных изданиях.

Несмотря на существенные недостатки, следует признать, что журнал „Советская Торговля" занял заметное и прочное положение в ряду современных экономических изданий и является чрезвычайно ценным источником сведений по экономике, политике и статистике торговли.

Сав. Гессен

Одесский порт, его значение, перспективы и нужды. Труды Одесской плановой комиссии. 1927 г., стр. 255, с приложением таблиц по грузообороту Одесского порта, 136 стр. Ц. 1 руб.

Как указывается в предисловии к рассматриваемой книге, поводом к разработке вопросов, связанных с современным состоянием и перспективами Одесского порта, явились задания Комиссии ВУЦИК'а по распределению работы между портами. Однако, разработка указанной темы вышла далеко за пределы первоначальной программы, сводившейся к вычислению транспортных измерителей по отдельным грузам, и в результате получилось целое исследование по выяснению общей системы морского грузооборота и экономическому обоснованию развития Одесского порта.

Рассматриваемый сборник открывается программной статьей В. Ф. Экерле, посвященной основному положению книги: „Одесса, как база морской торговли на Черноморско-Азовском побережьи".

С наибольшей подробностью разработаны такие темы, как грузооборот Одесского порта в довоенный и послереволюционный период и эволюция зернового экспорта Одессы.

В приложениях, относящихся к технической стороне переустройства Одесского порта, а также содержащих подробный статистический материал по грузообороту, обращает внимание заключение экспертов-портостроителей по вопросам о значении Одесского порта и пятилетней программе его развития.

Проблема портостроительства и создания опорных баз морского грузооборота составляет существенную задачу современной плановой организации хозяйства Союза.

Что касается Черноморского побережья, то на нем, кроме ряда других факторов, должно будет сказаться и пертурбационное влияние новых сооружений, как Днепрострой и Волго-Донской канал.

Основная идея, которая руководила составителями настоящего труда, заключается, как уже указывалось выше, в утверждении первенствующей роли Одесского порта на всем Черноморско-Азовском побережьи. Отмечая, что в отношении Черноморских портов в настоящее время наблюдается распыление их деятельности, происходит дифференциация их по линии экспорта сырья, в соответствии с изменением грузовых потоков, и намечается тенденция к раздроблению и импортных операций, В. Ф. Экерле в своей статье подчеркивает необходимость восстановления прежнего значения Одессы, как интегрального морского порта, имеющего, по его мнению, все данные к тому, чтобы стать опорной базой для скрещения в Черном море товарообменных путей не только во всесоюзном, но и международном масштабе.

Основные черты работы Одесского порта в довоенное время и подробная характеристика изменений в составе и величине грузооборота в послереволюционный период даны в обстоятельной статье А. М. Вайндраха („Грузооборот Одесского порта"). Весьма детально изложена

эволюция зернового экспорта Одессы в статье И. А. Вайсмана на эту тему. В обеих статьях работа Одесского порта сопоставляется с участием в товарообмене других портов, при чем в первой статье имеется не мало „горестных замет" по поводу тарифных мероприятий, отвлекающих искусственно от Одессы для направлений на Ленинград и Мурманск значительную часть тяготевших ранее к Одессе грузов.

Несмотря на наличие ряда отрицательных факторов, — как-то громадное уменьшение каботажных перевозок и импортных операций, упадок индустриальной роли порта, перемещение к Азовским портам экспорта зерновых хлебов и пр., — авторы статей считают возможным утверждать, что для будущего развития грузооборота Одесский порт все же имеет крупное преимущество перед другими портами в силу особо благоприятных условий своего расположения и незамерзаемости; к этому присоединяется и то, что Одесский порт имеет прочную базу в грузообороте собственного района (в частности, экспорт интенсивных сельскохозяйственных культур и продукция пищевкусовой промышленности).

Общие выводы о конкуренции портов на Черном море даются также в статье Д. Х. Зеликмана, рассматривающего этот вопрос в связи с перевалочными расходами в портах.

Любопытно отметить, что новые капитальные сооружения, как Днепрострой и Волго-Дон, рассматриваются в настоящем сборнике, как положительный, а не отрицательный фактор для развития Одесского порта. Основанием к этому служит то соображение, что в связи с появлением новых грузовых потоков должно увеличиться значение Одессы, как об'единяющего центра в Черном море для международного обмена и как перевального пункта при замерзаемости Днепростроя и Волго-Дона.

Книга дает обширный и тщательно разработанный фактический материал, иллюстрирующий эволюцию работы Одесского порта в связи с экономикой района. Все отдельные стороны деятельности порта освещены в книге достаточно подробно и, можно сказать, даже исчерпывающе.

По своему построению рассматриваемая книга является апологией Одесского порта. Вследствие этого работа не имеет той широты исследования, которая необходима для решения проблемы портостроительства в общем масштабе. В связи с этим надлежит отметить, что и концепция работы, выражающаяся в придании Одессе значения первенствующей морской базы, не учитывает всех современных условий, выдвигающих другое решение вопроса. Только этим можно об'яснить недооценку будущего значения Херсонского и Ростовского портов и недостаточный учет роли Днепростроя (например, в отношении привлечения импортных операций).

Г. Остроглазов.

Н. Морозов и И. Юньев. Хрестоматия по экономической географии. Под ред. Н. Н. Баранского. Том I. Методология и мировое хозяйство. II исправл. и дополн. изд. Допущено ГУСом. Изд. Комм. Универ. им. Свердлова. М., 1927. стр. 416. ц. 2 р. 65 к.

Рецензируемая книга начинается с довольно обширного предисловия редактора Н. Н. Баранского. В этом предисловии нет систематического изложения каких-либо вопросов, но в нем раскинут целый ряд интересных мыслей, многие из которых заслуживают самого серьезного внимания.

Давая об'яснения и излагая причины, побудившие составителей включить тот или иной отрывок в хрестоматию, Н. Н. Баранский говорит о марксистском понимании влияния географической среды на человече-

ское общество. Указывая на недопустимость игнорирования природных условий, Н. Н. Баранский говорит, что есть авторы, которые пытаются это доказать и притом с марксистской точки зрения. К сожалению, он не указывает, о ком речь идет. Однако, нельзя не согласиться с Н. Н. Баранским, что подобный автор был бы по меньшей мере „очень плохим марксистом".

Не останавливаясь на целом ряде мест предисловия, отметим только, что Баранский выдвигает против Бернштейн-Когана ряд спорных моментов.

Хрестоматийные отрывки, собранные в рецензируемой книге, разбиты на два отдела. В первой части освещаются вопросы методологии экономической географии, вторая часть посвящена мировому хозяйству. Не имея возможности подробно останавливаться на содержании хрестоматии, мы ограничимся указанием на то, что в общем отрывки подобраны весьма удачно. Настоящее, второе издание по сравнению с первым дополнено новыми отрывками, два отрывка опущены, громадное же большинство остальных включено без всяких изменений. Вновь включенные в состав хрестоматии отрывки весьма содержательны, и дополнение ими хрестоматии следует признать правильным. Особенно ценен новый отдел первой части хрестоматии — „Связь между транспортом и хозяйством".

К конце книги приведен „Краткий указатель рекомендуемой литературы" по экономической географии и смежным дисциплинам. Многие книги (к сожалению, не все) сопровождаются характеристиками и оценками, в общем довольно меткими и справедливыми. Хотя указатель и называется „кратким", но он содержит почти 200 русских и иностранных названий. Этот указатель, за исключение отдела III (очерки отдельных стран), составлен довольно полно. Пропуски таких книг, как „Цивилизация" Мечникова... являются исключением. В общем мы имеем довольно удачный научно-подобранный перечень, который по существу является тем минимумом, который должен знать каждый экономист-географ, претендующий на определенную квалификацию.

В заключение необходимо остановиться на том применении, которое может иметь рецензируемая хрестоматия. Н. Н. Баранский неоднократно подчеркивает учебный характер хрестоматии и считает, что можно „с пользой применить ее во всех тех вузах и комвузах, где есть стремление поставить преподавание экономической географии научным образом. Большинство вошедших в хрестоматию статей доступно по изложению и для рабфаков, школ II ступени, а также для повышенных кружков самообразования"... (стр. 17).

С этим не вполне можно согласиться. В книге имеется не мало статей, довольно трудных по своему изложению, особенно для школьников II ступени. Помимо совершенно недоступной статьи Светловского, назовем тезисы Гетнера, некоторые отрывки из Мечникова, отрывки из Вейца и т. д. У последнего из названных авторов вся статья насыщена такими словами, как адэкватный, траэктории, „экономическая политика стимулирует конвульсивность ординат кривых", „повышающаяся линия давления Соед. Штатов на мирохозяйственные кривые" и т. д. Таким образом, приходится отвергнуть книгу как пособие для рабфаков и школ II ступени. Что же касается вузов и комвузов, то наверное во всех из них „есть стремление поставить преподавание экономической географии научным образом". Однако, к сожалению вряд ли имеется хотя бы одно учебное заведение, которое могло бы так много уделить времени преподаванию экономической географии, чтобы вопросы ее методологии проходить так глубоко и тщательно, как это предлагает

Н. Н. Баранский. При том жестком учебном плане и при той строгой дозировке, которая теперь проводится во всех вузах и комвузах, рецензируемая хрестоматия сможет, к сожалению, найти себе самое минимальное применение как учебное пособие.

Однако, в одном Н. Н. Баранский безусловно прав. „Главной задачей учебной хрестоматии при данном состоянии науки должно быть пробуждение методологических интересов и выработка хотя бы минимального критического „чутья" в этой области (курсив наш. О. К). Это, действительно, очень важная и благодарная задача. Но раньше чем пробуждать методологические интересы и вырабатывать критическое чутье у школьников II ступени, необходимо, прежде всего, основательно подковаться в этой области той громадной массе преподавателей и руководителей кружков, которая ведет занятия по экономической географии. В этом отношении рецензируемая хрестоматия должна принести огромную пользу. Мы глубоко убеждены, что этой хрестоматией, в первую очередь, воспользуются не учащиеся, а учащие. И это мы считаем не недостатком книги, а, наоборот, ее большим достоинством. Именно как пособие преимущественно для учащих рецензируемая хрестоматия должна получить распространение и пользоваться заслуженным вниманием.

Ол. Константинов

Konzerne, Interessengemeinschaften und änliche Zusammenschlüsse im Deutschen Reich Ende 1926. Nach Mitteilungen der Handelspresse mit Untertutgung der Firmen Zusammengestelt im Statistischen Reichsamt. Berlin. 1927. Verlag von Reimar Hobbing 282 Seite.

Концерны, об'единения интересов и подобные организации в Германии конца 1926 г. Составлено Госуд. Статистическим Управлением.

Поводом, вызвавшим появление этой книги было постановление Рейхстага в марте 1925 г., которым поручалось Государственному Статистическому Управлению представить подробные данные о концернах, обществах об'единения интересов и им подобных организациях.

Два года ушло на составление материалов.

Для этой цели систематически прорабатывались все данные торговопромышленной прессы, годовых книг данных предприятий, адресной книги и монографии об отдельных концернах и промышленных группах. Предисловие сборника предупреждает, что не всем этим источникам приходилось верить. Иногда давались ложные сведения. Это было тогда, когда многие фирмы скрывали размер своего участия в других предприятиях. Для проверки делались сопоставления нескольких источников. Делались опросы фирм зависимых и устанавливалось действительное участие руководящей фирмы.

В книге все внимание сосредоточено на концернах. При чем под концерном тут понимаются вообще все значительные слияния между правово-самостоятельными предприятиями, поскольку они покоятся на участии капиталом, общности интересов, арендных договоров и вообще подобных связей без отношения цели слияния. В сборник попали все случаи, о которых известно, что значительные предприятия участвуют значительным капиталом. Трестоподобные слияния и полные об'единения в материалах не даны.

Сведения о концентрационном движении собраны за короткий период — послестабилизационный, т.-е. со средины 1925 г. Это исходное время взято именно потому, что в этот момент обозначились затруднение

и приостановка в концентрационном движении, имевшем бурный рост в период инфляции. Со средины 1925 г. после кризиса, после распадения многих сильнейших концернов, началась вторая волна концентрационного движения под знаком рационализации.

Порядок перечисления концернов дан в виде их каталографии с разбивкой по отдельным отраслям промышленности. При чем в некоторых отраслях имеются даже целые группы концернов.

До сих пор германская буржуазная печать, отвечая на требования политических и профессиональных организаций пролетариата о необходимости контроля и ограничения монополии, возражала указанием на то, что роль монополий не так уж велика, что сведения о них преувеличены. Но факты — цифры говорят за себя. Согласно данным этих таблиц, ныне в Германии имеется 12.392 акционерных общества с акционерным капиталом в 20.354 млн. марок, из них 65%, или 13.242 млн. марок, охвачены концернами, и этот охват растет очень бурно. Концерны охватывают более чем 90% акционерного капитала горной и красочной промышленности, более чем 75% железной, металлической, электротехнической и всей технической промышленности и более чем 50% в торговле, в банках и в некоторых других отраслях.

В таблицах единственным пунктом сравнения мощи концернов является величина номинального капитала. Ясно, что это не дает точного представления о производительной способности функционирующего капитала. Все эти концерны, имеющие вид акционерного общества, сами скрывают действительную разницу между функционирующим производительным и номинальным акционерным капиталом. В экономической печати, а потому и в таблицах Государственного Статистического Управления имеются только эти сведения о номинальном капитале — так угодно самим концернам. Буржуазное государство бессильно против концернов в вопросе выявления их действительной мощи. В данном случае положение затемняется еще тем, что номинальный капитал при разводнении бывает настолько велик, что курс его (т.-е. рыночная оценка) падает ниже его номинальной стоимости. Все это необходимо иметь в виду при пользовании таблицами. Кроме того, цифры номинального капитала различных концернов между собой несравнимы еще и потому, что в каждом предприятии имеются скрытые резервы, которые часто в баланс не вводятся.

Есть еще один дефект цифр. В предисловии к таблицам правильно подчеркивается, что многие из цифр номинального капитала содержат двоякое исчисление — капитал собственный и участие в других предприятиях. Например, в номинальном капитале концерна „Об'единенные стальные заводы" исчислен капитал самого концерна и его основателя. Однако, раскрыть это не всегда возможно.

Все эти недостатки умаляют значение даже того единственного показателя, который имеется (номинальный капитал). Но в книге вовсе нет оценки как хозяйственно-политического состояния отдельных концернов, так и всего хозяйственного комплекса. Нет никаких сведений о производстве, о нагрузке, о процессе восстановления концернов, о стремлении к организации картелей. Все это сознательно выпущено. Никаких руководящих указаний к таблицам не имеется.

Если, тем не менее, материал имел ценность для Рейхстага, то это потому, что в нем имеется полнейшее и надежнейшее перечисление решительно всех концернов. А такой всеохватывающей статистики доселе не имелось в немецкой литературе. Но ясно, что эти таблицы не могут вполне осветить растущей силы концернов. А эта сила дает возможность

им завоевать и правовое положение. Так, например, прежнее картельное право, стесняющее их развитие, теперь устранено.

В Германии сейчас существует широкое антиконцерное движение. Оно исходит от различных слоев населения и, прежде всего от рабочей массы, как покупателей и как страдающей стороны при рационализации и сокращениях, проводимым концернами.

В заключение книга приводит список важнейшей периодической и непериодической литературы по концентрационному движению в Германии новейшего времени.

Г. Алексин

В. Бринтон. Графическое изображение фактов. Пер. с англ. С. Займовского. Изд. „Экон. Жизнь". М., 1927, стр. 340. Ц. 4 р. 50 к. (в обложке).

Книга W. C. Brinton'a под заглавием „Graphic Methods for Presenting Facts" появилась в свет в первом издании в 1914 г. в Нью-Йорке и в 1923 г. там же вновь перепечатана без всяких изменений. Оригинал представляет прекрасно изданный том с 255 графическими изображениями. В свое время, в 1914 г., автор с достаточным основанием писал в предисловии к своему труду: „Насколько автору известно, ни на одном языке не существует книги, которая трактовала бы всю область, затронутую автором".

W. Brinton, являясь убежденным сторонником широкого применения графического изображения фактов, в своей книге настойчиво пропагандирует необходимость выработки твердых, общеобязательных правил (стандартов) для графических изображений.

Труд Brinton'a отличается доступностью и обстоятельностью изложения, благодаря чему в нем может разобраться всякий хорошо грамотный человек. Автор говорит, что хотя его книга имеет в виду прежде всего человека без специальной подготовки, „the non-technical man", но все же он надеется, что она принесет пользу и инженеру, и биологу, и статистику. Метод его изложения состоит в следующем. Он со строгой постепенностью, по принципу от менее сложного к более сложному, подбирает из специальной литературы графические изображения преимущественно статистического характера и подвергает их детальному разбору, отмечая их положительные и отрицательные стороны по содержанию и по технике исполнения, при чем много раз излагает основные правила графических изображений, в разных комбинациях. Нам, не привыкшим к такому методу, такие приемы кажутся иногда утомительными, но зато они гарантируют прочное усвоение. Для более подготовленного читателя достаточно, как отмечает автор, просмотреть все графические изображения книги в связи со сделанными под ними обстоятельными раз'яснениями, составляющими в общем хороший конспект всей книги. Книга содержит 17 глав. Отметим более интересные для статистиков. II. Простые сравнения. III. Простые сравнения с признаком времени. IV. Диаграммы времени. V и VI. Построение кривых. VII. Сравнение кривых. VIII. Составные части целого в кривых. IX. Кумулативные кривые. X. Кривые частоты. XI и XII. Картограммы. XIII и XIV. Диаграммы для исполнительных органов (Curves for the Executive).

Недостаточно в разбираемой книге проработана графика на логарифмической бумаге, может быть потому, что когда писалась книга, 14 лет назад, такого рода графики были мало употребительными. Но с современной точки зрения—это заметный пробел. С той поры графики на логарифмически разлинованной бумаге получили за границей заслу-

женное широкое распространение и для выражения статистических данных. Желательно более широкое применение их и у нас. Книга A. Haskell'a „Graphic Charts in Business“, изданная в Нью Йорке в 1924 г., уделяет этим графикам большое внимание и дает всестороннее изложение об их применении.

Упоминаются в книге Brinton'a мельком плавные (smooth) кривые, но о технике их вычерчивания, к сожалению, ничего не говорится.

Во всяком случае эта книга для проектирующих статистические графики и для вычерчивающих их является ценным пособием, и мысль перевести ее на русский язык надо признать удачной. Однако, при выполнении этой задачи издательством „Экон. Жизнь“, редакционная работа стояла не на должной высоте.

Техника чертежей, особенно в сравнении с американским изданием, груба. Перевод не является полным, хотя об этом читателю не сообщается, при чем не всегда можно уловить, чем руководился переводчик, делая пропуски.

Перевод пущен в печать без редакционной отделки, в результате чего в нем много небрежностей и недосмотров. На стр. 21 переводится место, где автор отмечает существенные недостатки одной диаграммы—картинки. Тем не менее, за такого рода диаграммами Brinton признает известное значение и рекомендует не относиться к ним строго: „Methods like cannot be severely condemned“. Смысл этой элементарной фразы передается, как раз наоборот: „Методы, подобные этому, должны быть решительно отвергнуты“. „Actual figures“—абсолютные числа—переводится подстрочно—„действительные числа“; „fiscal jear“—финансовый год—„фискальный год“; „reflecting lantern—волшебный фонарь—„отражательный фонарь“... Таких недосмотров не мало.

Конечно, отмеченные недостатки снижают полезность этой, нужной для нас, книги. Но даже в таком далеко несовершенном виде мы позволяем себе ее рекомендовать. Американцы уделяют много внимания графическим методам изображения статистических данных. Такое внимание к этому предмету вызывается требованиями жизни. В Америке много людей, ведущих ответственную работу, из не получивших долголетней школьной тренировки и потому плохо разбирающихся в фолиантах статистических таблиц, но они при небольшом навыке хорошо схватывают данные из этих фолиантов на диаграммах. Аналогичность положения должна побудить нас уделять также особое внимание вопросу о наилучшем графическом изображении статистических данных. Поэтому книга, которая существенно может помочь в этом деле, заслуживает особого внимания, несмотря на имеющиеся в ней недостатки.

И. Блинов

НОВЫЕ КНИГИ

С. С. Шабс. Проблема общественного труда в экономической системе Маркса. ГИЗ. 1928. Стр. 175. Ц. 1 р. 65 к.

Автор дает критический анализ теоретической работы И. Рубина—„Очерки по теории стоимости Маркса“.

А. Г. Герценштейн. Теория капиталистического рынка. Под ред. и с предисловием А. Мендельсона. Изд. Комм. Академии. М. 1928. Стр. 220. Ц. 2 р. 35 к.

Работа А. Герценштейна представляет систематическое рассмотрение проблем, связанных с теорией рынка, и включает критический анализ постановки этого вопроса предшественниками Маркса и его сторонниками.

Е. Б. Пашуканис. Империализм и колониальная политика. Часть первая. Экономика империализма. Изд. Комм. Академии. М. 1928. Стр. 118. Ц. 1 р. 05 к.

Задача настоящей работы—изложение основ экономической теории империализма, ознакомление с конкретными данными, касающимися мировой колониальной политики, и анализ общих социально-экономических и политических проблем империализма.

Экономическое развитие России. Выпуск второй. Эпоха финансового капитализма. Составили Н. Ванаг и С. Томсинский. ГИЗ. 1928. Изд. 3-е. Стр. 385.+приложение Ц. 2 р. 75 к.

Настоящий сборник охватывает период, начиная с годов реконструкции капиталистической промышленности (первые годы XX в.), аграрную реформу Столыпина, период господства финансового капитала, войны и последующего разложения капиталистической системы в России.

В. П. Милютин. История экономического развития СССР 1917—1927 гг. ГИЗ. 1928. Стр. 416. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящая книга фактически является сборником специально подобранных статей и работ автора в разное время уже напечатанных (за исключением обширного введения).

А. Гайстер. Расслоение советской деревни. С вступительной статьей Л. Крицмана. Изд. Комм. Академии. М. 1928. Стр. 140+XXI. Ц. 1 р. 75 к.

Книга А. Гайстера является результатом работ специальной группы по изучению процессов классового расслоения в деревне, организованной Аграрной секцией Комм. Академии.

А. Гайстер. Сельское хозяйство капиталистической России. Изд. Комм. Академии. М. 1928. Стр. 174. Ц. 1 р. 65 к.

Приведенная книга представляет первую часть исторического очерка развития сельского хозяйства в России. Период, охватываемый этой частью—от реформы 1861 г. до революции 1905 г.

Проблема долгосрочного кредитования промышленности. Фин. Издательство М. 1928. Стр. 158.

Книга представляет собой сборник статей (под ред. проф. Соколова), освещающих современное положение дела долгосрочного финансирования промышленности.

А. Е Рачинский. Сберегательное дело. История его развития и современное состояние в главнейших странах. Фин. Изд. М. 1928. Стр. 176. Ц. 2 р.

Работа А. Е. Рачинского, открываясь общей частью, характеризует организационную сторону сберегательного дела, в последующих главах освещает состояние этого дела в Англии, Франции, Германии, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Скандинавских странах, Голландии, и отдельно в б. России и СССР и др. государствах.

Сборник по кредиту. Статьи. Фин. Изд. М. 1928. Стр. 84. Ц. 1 р. 30 к.

В этом сборнике, трактующее, главным образом, вопрос о госзаймах, собраны статьи Юровского, Эпштейна, Каценеленбаума, Шестова, Капитановского и др.

Ф. Клерк. Принципы торговли. Изд. „Экон. Жизнь“. М. 1928. Стр. 386. Цена в переплете 4 р. 25 к.

Книга Клерка—сокращенный перевод с английского его большой работы на ту же тему. По существу своему работа Клерка представляет обоснование принципов капиталистической торговли во всех ее практических деталях.

Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. Под ред. Ю. В. Гольштейна и М. Я. Кауфмана. ГИЗ. 1928. Стр. 429. Ц. 2 р. 70 к.

В этой книге, открывающейся предисловием А. Микояна и статьей—воспоминаниями Л. Хинчука о последних днях тов. Красина, собраны все наиболее значительные литературные и устные выступления последнего, посвященные теоретическим и практическим вопросам монополии внешней торговли.

К. Воронцов-Вельяминов. Шерстяное сырье. Организация и современное состояние рынка. Изд. Наркомторга СССР и РСФСР. М. 1928. Стр. 196. Цена не указана.

Работа посвящена освещению вопросов структуры и современного состояния внешних и внутренних рынков шерстяного сырья и общих проблем сбыта продукции сельского хозяйства и организации сырьевых заготовок.

Партия о кооперации. Постановления и резолюции ВКП(б) Изд. Центр. Кооперативного Совета. М. 1928. Стр. 408. Ц. 3 р. 70 к.

В настоящем сборнике, открывающемся статьей Н. Ленина о кооперации, приведены все постановления и резолюции ВКП(б) со времени Лондонского с'езда РСДКП (апрель—май 1907 г.) до XV партс'езда (1927) включительно.

М. Юнович. Литература по мировому хозяйству и мировой политике за 10 лет (1917—1927 гг.). Изд. Комм. Академии. М. 1928. Стр. 88. Ц. 1 р.

Библиографический указатель книг, вышедших на русском языке за время с 1917 по 1927 гг. по вышеуказанным вопросам.

Л. Иванов. СССР и империалистическое окружение. Изд. Комм. Академии. М. 1928. стр. 154. Ц. 1 р. 35 к.

М. Г. Бах. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет (1917—1927). Изд. то же. Стр. 166. Ц. 1 р. 35 к.

Обе книги составляют часть одной серии в 7 книгах, выпускаемой Институтом мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии под названием „Десять лет капиталистического окружения СССР“.

С. И. Аскиазий и Б. С Мартынов. Гражданское право и регулируемое хозяйство. Труды Научного общества марксистов. Секция государства и права. Вып. 1. Ленинград. 1927. Стр. 108. Ц. 1 р. 50 к.

Авторы этой работы задаются целью, с одной стороны, дать опыт характеристики правовых институтов переходного времени, а с другой — осветить в основных чертах изменения, происходящие в институтах гражданского права в связи с проникновением в рыночный оборот начал регулируемого хозяйства.

Местные издания

Л. Г. Гаврилов и Е. С. Попов. Основные черты генерального плана Нижнего Поволжья. Изд. Саратовского Губплана. 1927. Стр. 92. Ц. 75 к.

Г. И. Иванов. Климатические условия и урожай хлебов Чувашской АССР. Изд. Госплана ЧАССР. Стр. 55+таблицы+диаграммы. Цена не указана.

А. П. Ульев. Леса государственного значения Чувашской республики, как источник сырья для деревообрабатывающей промышленности. Изд. Госплана ЧАССР. 1928 г. Сто. 65. Ц. 1 р. 80 к.

Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству округа. Сборник под общей редакцией М. Минеева и И. Викторова. В двух частях. Часть I, стр. 587, с приложением почвенной, климатической и административной карт Терского округа. Часть II, стр. 252, с приложением материалов по социальной дифференциации крестьянства округа. Пятигорск. 1927 г.

Контрольные цифры пятилетнего плана сибирской промышленности на 1927/28—1931/32 гг. Стр. текста 93+74 стр. таблиц.

Сводный производственно-финансовый план сибгоспромышленности. Текст 52 стр.+таблицы и диаграммы на 171 стр. Обе книжки изданы Сибирской Краевой Плановой Комиссией. Новосибирск.

ОТДЕЛ VI

Статистика

Проверка кредитных планов

В течение трех с небольшим лет был проделан весьма интересный опыт прямого планирования работы наших основных банков в целях согласования этой работы с общими интересами народного хозяйства. отдельных его отраслей и, в особенности, с задачами экономической политики, учитывающей кон'юнктуру, и с состоянием денежного обращения. Опыт планирования кредита с самого начала встретил как горячих сторонников, так и не менее горячих противников. В периодической печати было сломано не мало перьев в дискуссии о необходимости и возможности прямого планирования кредита. Но эта дискуссия оперировала большею частью словами и отрывочными цифрами. Для об'ективного освещения практического вопроса огромной важности долгое время недоставало опыта, а когда этот опыт был накоплен, то недоставало первоначальной статистической, построенной на правильном методе, обработки этого опыта.

Задачу обработки этого опыта для получения материала, пригодного для оценки планирования кредита и выводов для дальнейшей практической работы в области кредита, взяли на себя В. М. Быков и С. М. Мойжес, сотрудники Бюджетно-Финансовой секции Госплана СССР. Они проделали эту большую и кропотливую работу, подводившую итоги и их личной работе по анализу квартальных кредитных планов, со всей тщательностью и добросовестностью. Они дали тот материал, который позволит осветить проблему планирования кредита накопленным опытом. Сейчас, когда практическая работа в области планирования кредита находится в состоянии поисков новых методов и новых путей, работа тт. Мойжеса и Быкова является особенно нужной и своевременной. Опубликование ее на страницах „Планового Хозяйства" поможет всем, заинтересованным в этой проблеме, оперировать с убедительным материалом и—будем надеяться—поможет также вернее наметить дальнейшие пути кредитной политики, которая не может остаться без какого-то плана в плановом хозяйстве.

М. Боголепов

Вводные замечания к материалам по анализу выполнения кредитных планов за 1924/25—1926/27 гг.

Плановое начало в хозяйстве нашей страны, постепенно охватывавшее все большее и большее число об'ектов и отраслей народного хозяйства, не могло, конечно, не коснуться и такой важной отрасли, как кредит. Уже с первых шагов банков их работа строилась по внутренним оперативным планам. Народнохозяйственное же значение планирование банковского кредита приобретает лишь в конце 1924 года, когда по настоянию планирующих органов центральные банки начали составлять квартальные кредитные планы с охватом кредитования народного хозяйства в целом, и с той поры эти планы начали подвергаться обсуждению и согласованию в Комитете банков, Госплане СССР и рассматриваться в СТО.

Несмотря на большой интерес вопроса о том, как составляемые планы выполнялись в действительности, в чем заключаются и чем об'ясняются главнейшие расхождения, этот вопрос не подвергался обследованию. Правда, отдельные банки делали характеристику исполнения своих кредитных планов, но эти характеристики производились различными методами каждым банком в отдельности и не сводились воедино, тогда как особенно интересно выполнение кредитного плана в целом.

Настоящая работа представляет собою попытку подытожить опыт планирования кредита, произведя этот учет в цифровом выражении, и тем самым дать возможность всем изучающим вопросы планирования кредита основывать свои выводы на точной цифровой базе, насколько эта точность допускалась состоянием материалов.

Составленные таблицы охватывают трехлетний период—1924/25 — 1926/27 гг. — и включают планы следующих шести банков: Госбанка, Промбанка, Внешторгбанка, Электробанка, Всекобанка и Мосгорбанка. В 1926/27 г. планирование кредита фактически осуществлялось только в I и IV кварталах.

Кредитный план каждого квартала нашел свое отражение в двух таблицах: 1) кредитный план по видам операций (оперативный план банка) и 2) план кредитования отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности (собственно-кредитный план), при чем последняя таблица является дополнением и развитием статьи „учетно-ссудные операции“ первой таблицы.

Особенность построения рубрики „исполнения“ оперативных (по видам операций) кредитных планов банков, в отличие от вариантов самих банков, заключается в том, что „исполнение построено балансовым методом и охватывает изменение всех статей баланса, а не только планировавшихся. Балансовый метод построения, во-первых, дает возможность судить о том, как справлялись банки в тех случаях, когда составленные ими планы не выполнялись в части притока намеченных ресурсов или когда обнаруживались излишки средств, непредусмотренные планами, и, во-вторых, он характеризирует движение второстепенных статей баланса, являвшихся источником скрытых резервов.

Кроме выражения в абсолютных цифрах, исполнение плановых предположений в таблицах оценено также и в относительных числах, в виде процентного отношения цифр плана к цифрам фактического выполнения его, при чем для сравнения взяты массы в целом, а не планируемые изменения этих масс.

Обычно производятся сравнения планируемых изменений, но это следует признать ошибочным. Как известно, при построении плана банки учитывают по приходу все поступления, а по расходу — все выдачи, которые они предполагают произвести в планируемый отрезок времени, и поэтому всякое изменение (прирост или сокращение кредита, или планируемых статей баланса) является как результат предположенного оборота по приходу и расходу. Но планирование оборота является не чем иным, как планированием большей части основной массы данной операции (особенно в отношении учетно-ссудных операций), и невыполнение намеченных предположений в отношении поступлений и зависящих от них выдач обусловливает часто невыполнение всего плана. Однако, весь этот сложный процесс, существуя в действительности, перестал в последнее время находить себе полное выражение в планах, представляемых банками в планирующие органы, и начал выражаться в виде сальдо изменений. В виду изложенного более правильным и отвечающим истинному положению дела следует признать сравнение не изменений, а планируемого и фактического уровней данной операции к концу охваченного периода.

Последнее и осуществлено в составленных таблицах.

Все остальные планируемые элементы народного хозяйства (товарооборот, валовая и товарная продукция, накопление и т. д., и т. д.) при изучении исполнения плановых наметок с фактическим их осуществлением также сравниваются по обороту, т.-е. по приросту всей массы в целом, а потому единообразие и сопоставимость коэфициентов этих элементов народного хозяйства с коэфициентом выполнения кредитных планов является серьезным доводом в пользу осуществления данного метода, так как без него все коэфициенты становятся несравнимыми между собою, и производящиеся этим путем сравнения являются заведомо ошибочными.

Прохождение кредитных планов банков обычно завершается в последней инстанции—Совете Труда и Обороны, после чего исправленный и согласованный вариант становится обязательным для руководства.

В печатаемых таблицах приводятся именно такие варианты планов; в тех же случаях, когда планы по каким-либо причинам в СТО не рассматривались и СТО ограничивался общими директивами, в таблицах приводится вариант плана, проработанный Госпланом Союза совместно с банками и заинтересованными ведомствами. Такой проработанный и в основных своих частях согласованный план с гораздо большей полнотою отражает и возможности банков и интересы потребителей кредитов, чем варианты самих банков. К этому можно добавить, что обычно расхождения в таких случаях сводились не к принципиальным разногласиям, а к единичным конкретным цифрам.

Для построения таблиц использованы материалы по планам, балансы банков за отчетный период и статистические сведения о движении задолженности отдельных отраслей народного хозяйства. Квартальные цифры плановых предположений в таблицах по видам операций приведены в виде сальдо приходных и расходных частей планируемых статей. Расположение плановых статей подчинено структурным особенностям баланса. Так, напр., приходная статья плана - продажа ценных бумаг — показана по активу в горизонтали „ценные бумаги“ с отрицательным знаком, характеризующим в данном случае уменьшение портфеля, т.-е. реализацию бумаг и, следовательно, увеличение ресурсов.

В каждой из таблиц приведены цифры „годового“ плана. Как известно, годового кредитного плана, в прямом смысле этого слова, не существует (если не считать контрольных цифр по кредиту, и то лишь начиная с 1925/26 г.). В течение года составлялись только квартальные планы, представлявшие собою каждый самостоятельное целое. Однако, в виду того, что общий результат планирования за годичный промежуток времени представляет огромный интерес со многих точек зрения, нами решено было построить такой сводный годовой план путем суммирования квартальных плановых предположений.

В. М. Быков и С. М. Мойжес

План кредитования отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности в 1924/25 г.

Наименование отраслей	I квартал. Итого по 5 банкам: Задолженность к 1/X 1924 г. в правл. банков	Изменения: Предположенные по плану	Изменения: Фактические	За олженность на 1/I 1925 г.: Предположительная	За олженность на 1/I 1925 г.: Фактическая	II квартал. Итого по 6 банкам: % выполнения плана кредит.	Прирост задолженности в филиалах банков (Госб., Промб. и Внешторг.) за I кварт.	Задолженность к 1/I 1925 г.	Изменения: Предположенные по плану	Изменения: Фактические	Задолженность к 1/IV 1925 г.: Предположительная	Задолженность к 1/IV 1925 г.: Фактическая	% выполнения плана кредитован.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Государственные предприятия													
А. Госпромышленность													
1. Топливная	9,3	+ 8,2	+ 2,4	17,5	11,7	66,8	+ 3,7	48,9	+ 0,4	— 0,5	49,3	48,4	98,1
2. Горная	2,1	—	+ 0,2	2,1	2,3	109,5	—	8,5	+ 1,6	+ 0,9	10,1	9,4	93
3. Металлическая	26,1	+ 8,3	+ 0,7	34,4	26,8	77,9	+ 6,6	58,2	+ 7,8	+ 20,2	66,1	78,4	118,8
4. Электротехническая и электроснабжение	7,2	— 1,4	— 1,1	5.8	6,1	105,1	+ 0,8	15,3	+ 5,4	+ 2,8	20,7	18,1	87,4
5. Химическая	6,8	+ 2,1	+ 0,1	8,8	6,9	78,4	+ 1,9	17,7	+ 3,1	+ 2,2	20,8	19,9	95,6
6. Силикатная	2,5	— 0,1	— 0,1	2.4	2,4	100	+ 0,6	9,4	+ 1,8	+ 3,1	11,2	12,5	111,6
7. Лесная и деревообделочная	37,6	+ 7,2	+ 5,4	44,8	43,0	96	+ 1,1	62,2	+ 5,0	+ 10,3	67,2	72,5	107,8
8. Бумажная	2,6	—	— 1,1	2.6	1,5	57,6	+ 1,9	6,1	+ 1,2	+ 1,5	7,3	7,6	104,1
9. Текстильная	92 3	+ 37.4	+ 31,3	129.7	123,6	95,3	— 17,8	152,1	+ 19,6	+ 39,4	171,7	191,5	111,5
10. Кожевенная	13 1	+ 12.1	+ 9,6	25.2	22,7	90	— 1,7	36,2	+ 8,8	+ 18,0	45.0	54.2	120,4
11. Пищевая	32,4	+ 16,6	+ 17,7	49,7	50,1	102,2	+ 23,0	101,4	— 12,4	+ 15,8	89,0	117,2	131,0
12. Прочие отрасли	12,6	+ 2,1	— 0,3	14,0	12,3	83,6	+ 3,3	32,3	+ 4,9	+ 3,7	37,2	36,0	96,8
Итого по госпром.	244,6	+ 92,1	+ 64,8	337,0	309,4	91,8	+ 23,4	548,3	+ 47,2	+ 117,4	595,5	665,7	111,8
Б. Государственная и смешанная торговля	32,1	+ 24,6	+ 9,7	56,7	41,8	73,7	+ 29.1	112,6	+ 10,2	+ 21,0	122,8	133,6	108,8
В. Транспорт	15,2	+ 0,5	— 3,3	15,7	11,9	75,8	+ 0,4	24,0	+ 4,4	+ 3.9	28,4	27.9	98,2
Г. Сельское хозяйство	—	—	—	—	—	—	+ 0,1	1,1	—	+ 2,1	1,1	3,2	291
Д. Прочие госуд., администр. и хоз. учреждения	11,6	— 1,0	+ 2,3	10,6	13,9	131,1	— 1,0	21,9	+ 1,2	+ 0,9	23,1	22,8	98,7
Всего по госпредприятиям	303,5	+ 116,5	+ 73,5	420,0	377,0	89,8	+ 52,0	707,9	+ 63,0	+ 145,3	770,9	853,2	110,6
II. Кооперация	87 ,9	+ 10,6	+ 5,8	98,5	93,7	95,1	+ 31,8	228,4	+ 10,8	+ 10,5	239,2	238,9	100
В том числе:													
потребительская	—	—	—	—	—	—	—	148,9	—	+ 7,6	—	156,5	—
кустарно-промысловая	—	—	—	—	—	—	—	18,0	—	+ 0,2	—	18,2	—
сельскохозяйственная	—	—	—	—	—	—	—	45,4	—	+ 4,9	—	50,3	—
III. Частные лица и фирмы	1,7	—	— 0,9	1,7	0,8	47	— 2,7	13,7	— 1,6	+ 1,8	12,1	15,5	128
IV. Прочие предприятия и учреждения, не распределенные по группам I—IV	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	— 0,6	2,9	—	— 0,5	2,9	2,4	82,6
Итого по всем группам	393,1	+ 127,1	+ 78,4	520,2	471,5	90,6	+ 80,5	952,9	+ 72,2	+ 157,1	1,025,1	1.110,0	108,6
Кредитные учреждения	49,6	+ 7,6	—	57,2	49,6	86,7	+ 6,4	80,3	+ 13,5	+ 20,9	93,8	101,2	107,8
Вместе с кредитными учреждениями	442.	+ 134,7	+ 78,4	577,4	521,1	90,2	86,9	1.033,2	+ 85,7	+ 178,0	1.118,9	1.211,2	108,5

Наименование отраслей	III квартал. Итого по 6 банкам: Задолженность к 1/IV 1925 г.	Изменения: Предположенные по плану	Изменения: Фактические	Задолженность на 1/VII 1925 г.: Предположительная	Задолженность на 1/VII 1925 г.: Фактические	% выполнения плана кред.	IV квартал. Итого по 6 банкам: Задолженность на 1/VII 1925 г.	Изменения: Предположенные по плану	Изменения: Фактические	Задолженность на 1/X 1925 г.: Предположительная	Задолженность на 1/X 1925 г.: Фактическая	% выполнения плана кредит.	За весь 1924/25 г. Итого по 6 банкам: Задолженность на 1 X 1924 г	Изменения: Предположенные по плану	Изменения: Фактические	Задолженность на 1/X 1925 г.: Предположительная	Задолженность на 1/X 1925 г.: Фактическая	% выполнения плана кред.
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
I. Государственные предприятия																		
А. Госпромышленность																		
1. Топливная	48,4	+ 0,9	— 1,0	49,3	47,4	96,1	47,4	+ 3,5	+ 13,3	50,9	60,7	119,2	42 8	+ 16,7	+ 17,9	59,5	60,7	102
2. Горная	9,4	+ 1,7	+ 2,6	11,1	12,0	108,1	12,0	+ 2 5	+ 3,6	14,5	15,6	107,5	8,3	+ 5,8	+ 7,3	14,1	15 6	110,6
3. Металлическая	78,4	+ 13,0	+ 25,1	91,4	103,5	113,2	103,5	+ 25,6	+ 43,1	129,1	146,6	113,5	50,6	+ 61,5	+ 96,0	112,1	146,6	130,7
4. Электротехническая и электроснабжение.	18.1	+ 3,3	+ 14,6	21.4	32,7	152,8	32,7	+ 6,7	+ 15,7	39 4	48,4	122,8	12,9	+ 14 8	+ 35,5	27,7	48,4	174,7
5. Химическая	19,9	+ 2,6	+ 4,3	22,5	24,2	107,5	24,2	+ 9,2	+ 10,1	33 4	34,3	102,4	15,6	+ 19 0	+ 18,7	34,6	34.3	98.8
6. Силикатная	12,5	+ 3,4	+ 6,2	15,9	18,7	117,6	18 7	+ 5.1	+ 4,9	23,8	23,6	99,6	8,3	+ 11,1	+ 15,3	19,4	23,6	121,1
7. Лесная и деревообделочная	72,5	+ 1 4	+ 4,7	73.9	77,2	104,5	77 2	— 4,7	+ 9,9	72 5	87,1	120,1	55,6	+ 10,1	+ 31,5	65 7	87 1	132 5
8. Бумажная	7.6	+ 0,2	+ 1,8	7,8	9,4	120,5	9.4	+ 1,0	+ 2,6	10,4	12,0	115 3	5,4	+ 4,2	+ 6,6	9,6	12,0	125,0
9. Текстильная	191.5	+ 42,7	+ 42,0	234,2	233,5	99,7	233.5	+ 31,9	+ 9,4	265 4	242.9	91.5	138,5	+ 113,9	+ 104,4	252,4	242,9	96,2
10. Кожевенная	54,2	+ 10,5	+ 14,6	64,7	68,8	106 3	68,8	+ 2.2	+ 4,5	71,0	73,3	103,2	28 3	+ 31,9	+ 45 0	60,2	73,3	121,7
11. Пищевая	117,2	+ 39,4	+ 32 1	156,6	149.3	95,3	149.3	+ 36,5	+ 57,0	185,8	206,3	111,0	60,6	+ 103,1	+ 145,7	163,7	206.3	126 0
12. Прочие отрасли	36,0	+ 11,9	+ 20,7	47,9	56,7	118,3	56,7	+ 22,5	+ 17,8	79,2	74,5	94,0	29,3	+ 44,6	+ 45,2	73,9	74,5	100,8
Итого по госпром.	665,7	+ 131,0	+ 167,7	796,7	833,4	104,6	833,4	+ 142,0	+ 191,9	975,4	1.025,3	105,1	456,2	+ 436,7	+ 569,1	892,9	1.025,3	114,8
Б. Государственная и смешанная торговля	133,6	+ 17,2	+ 13,0	150.8	146,6	97,2	146,6	+ 27,5	+ 21,7	174 1	168,3	96.6	73.7	+ 108,7	+ 94 6	182,4	168,3	92 2
В. Транспорт	27,9	+ 10,0	+ 9 5	37,9	37,4	98,7	37,4	+ 21 8	+ 37.3	59,2	74,7	126,1	26,8	+ 37,2	+ 47,9	64,0	74,7	116,7
Г. Сельское хозяйство	3,2	—	+ 0,7	3,2	3,9	121,8	3,9	—	+ 1,2	3,9	5,1	130,0	1,0	+ 0,1	+ 4,1	1,1	5,1	463,0
Д. Прочие госуд., администр. и хоз. учреждения	22,8	+ 9,2	+ 1,1	32,0	23,9	75,9	23,9	+ 25,7	+ 17,2	49,6	41,1	82,8	19,7	+ 34,8	+ 21,4	54,5	41,1	75,4
Всего по госпредприятиям	853,2	+ 167,4	+ 192,0	1.020,6	1.045,2	102,4	1045,2	+ 217,0	+ 269,3	1.262,2	1.314,5	104,1	577,4	+ 617,5	+ 737,1	1.194,9	1.314,5	110,0
II. Кооперация	238,9	+ 16,9	+ 29,1	255,8	268,0	104,7	268,0	+ 42,4	+ 49,0	310,4	317,0	102,0	190,1	+ 112,7	+ 126,9	302,8	317,0	104,5
В том числе:																		
потребительская	156,5	+ 7,9	+ 11,3	164,4	167.8	—	167,8	+ 20,3	+ 2,5	188.1	170.3	—	123,1	—	+ 57,2	—	180,3	—
кустарно-промысловая	18,2	+ 2,4	+ 5,3	20.6	23,5	—	23,5	+ 8,2	+ 5,6	31,7	29,1	—	16.1	—	+ 13.0	—	29,1	—
сельскохозяйственная	50.3	+ 5,8	+ 9,8	56,1	61,1	—	61,1	+ 13,1	+ 22,8	74,2	83,9	—	43,6	—	+ 40,3	—	83,9	—
III. Частные лица и фирмы	15,5	+ 0,9	+ 10,9	16,4	26,4	160,9	26,4	+ 9,7	+ 18 2	36,1	44,6	123,2	17,4	+ 6,2	+ 27,2	23.6	44,6	188,5
IV. Прочие предприятия и учреждения, не распределенные по группам I—IV.	—	—	—	—	—	—	—	—	+ 6,2	—	6.2	—	—	—	+ 6.2	—	6,2	—
	2,4	+ 3,2	+ 3,3	5,6	5,7	101,8	5,7	— 0,6	+ 0,4	5,1	6,1	119,0	3,5	+ 2,0	+ 2,6	5,5	6,1	110,9
Итого по всем группам	1.110,0	+ 188,4	+ 235,3	1.298,4	1.345,3	103,6	1345,3	+ 268,5	+ 343,1	1.613,5	1.688,4	104,6	788,4	+ 738,4	+ 900,0	1.526,8	1.688,4	110,5
Кредитные учреждения	101,2	+ 29,9	+ 42,4	131,1	143,6	109,5	143,6	+ 44,1	+ 70,1	187,7	213,7	113,7	74,0	+ 101,4	+ 139,7	175,4	213,7	120,2
Вместе с кредитными учреждениями	1.211,2	+ 218,3	+ 277,7	1.429,5	1.488,9	104,0	1488,9	+ 312,6	+ 413,2	1.801,5	1.902,1	105,5	862,4	+ 839,8	+ 1.039,7	1.702,2	1,902,1	111,7

План кредитования отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности в 1925/26 г.

Приход по плану	I квартал. Итого по 6 банкам: Задолженность на 1/X 1925 г.	Изменения: Предположен. по плану	Изменения: Фактич.	Задолженность к 1/I 1926 г.: Предположительная	Задолженность к 1/I 1926 г.: Фактическая	II квартал. Итого по 6 банкам: % выполнения планов кредит.	Задолженность на 1/I 1926 г.	Изменения: Предположен. по плану	Изменения: Фактич.	Задолженность к 1/IV 1926 г.: Предположительная	Задолженность к 1/IV 1926 г.: Фактическая	% выполнения планов кредит.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Государственные предприятия												
А. Госпромышленность												
1. Топливная	60,7	+ 10,2	+ 2,0	70,9	62,7	88,4	62,7	+ 2,8	+ 2,6	65,5	65,3	99,7
2. Горная	15,6	+ 2,0	— 1,6	17,6	14,0	79,5	14,0	+ 0,8	+ 0,5	14,8	14,5	98,0
3. Металлическая	146,6	+ 31,5	+ 38,2	178,1	184,8	103,8	184,8	+20,2	+50,6	205,0	235,4	114,8
4. Электротех. и электроснабжение	48,3	+ 12,0	+ 2,0	60,3	50,3	83,4	50,3	+ 8,7	+10,1	59,0	60,4	102,4
5. Химическая	34,3	+ 10,7	+ 5,4	45,0	39,7	88,2	39,7	— 0,5	+ 6,1	39,2	45,8	116,8
6. Силикатная	23,6	+ 5,7	+ 4,7	29,3	28,3	96,6	28,3	+ 1,7	+ 8,2	30,0	36,5	121,7
7. Лесная и деревообделочная	87,2	+ 3,3	— 6,6	90,5	80,6	89,1	80,6	+10,2	+11,2	90,8	91,8	101,1
8. Бумажная	12,0	+ 0,3	— 1,4	12,3	10,6	86,2	10,6	— 0,1	+ 2,0	10,5	12,6	120,0
9. Текстильная	242,9	+105,5	+ 25,5	348,4	268,4	77,0	268,4	+ 9,1	—16,2	277,5	252,2	90,9
10. Кожевенная	73,3	+ 15,0	+ 14,9	88,8	88,2	100,0	88,2	+13,6	+22,8	101,8	111,0	109,0
11. Пищевая	206,3	+ 64,9	+ 52,0	271,2	258,3	95,2	258,3	—10,6	—20,1	247,7	238,2	96,2
12. Прочие отрасли	74,5	+ 1,2	+ 6,7	75,7	81,2	107,3	81,2	— 0,6	+13,3	80,6	94,5	117,2
Итого по госпромышленности	1.025,3	+262,3	+141,8	1.287,6	1.167,1	90,6	1.167,1	+55,3	+91,1	1.222,4	1.258,2	102,9
Б. Госуд. и смешан. торговля	168,3	+ 21,6	+ 41,8	189,9	210,1	110,6	210,1	—19,5	— 5,3	190,6	204,8	107,5
В. Транспорт	74,7	+ 17,0	+ 7,4	91,7	82,1	89,5	82,1	+ 4,4	+18,9	86,5	101.0	116,8
Г. Сельское хозяйство	5,1	—	+ 0,5	5,1	5,6	109,8	5,6	—	+ 0,1	5,6	5,7	101,8
Д. Проч. госуд. адм. и хоз. предприятия	41,1	+ 0,9	— 3,9	42,0	37,2	88,6	37,2	— 1,8	— 3,7	35,4	33,5	94,6
Всего по госуд. предприятиям	1.314,5	+301,8	+187,6	1.616,3	1.502,1	92,9	1.502,1	+38,4	+101,1	1.540,5	1.603,2	104,1
II. Кооперация	317,0	+ 41.8	+ 37,7	358,8	354,7	98,9	354,7	—15,7	— 8,2	339,0	346,5	102,2
III. Частные лица и фирмы	44,6	+ 5,6	— 6,2	50,2	38,4	76,5	38,4	— 4,7	— 9,4	33,7	29,0	86,1
IV. Прочие предприят. и учрежд., не распределенные по группам I—IV	6,2	—	+ 0,8	6,2	7,0	112,9	7,0	—	+ 0,1	7,0	7,1	101,4
	6.1	+ 4,4	+ 0,9	10,5	7,0	66,7	7,0	+ 6,6	+ 7,2	13,6	14,2	104,4
Итого по всем группам	1.688,4	+353,6	+220.8	2.042,0	1.909,2	93,5	1.909,2	+24,6	+90,8	1.933,8	2.000,0	103,4
Кредитные учреждения	213,7	+ 24,4	+ 34,9	238,1	248,6	104,4	248,6	— 1,9	— 6,2	246,7	242,4	98,3
Вместе с кредитн. учрежд.	1.902,1	+378,0	+255,7	2.280,1	2.157,8	94,6	2.157,8	+22,7	+84,6	2.180,5	2.242,4	102,8

Приход по плану	III квартал. Итого по 6 банкам: Задолженность к 1/IV 1926 г.	Изменения: Предполож. по плану	Изменения: Фактическ.	Задолженность к 1/VII 1926 г.: Предположенная	Задолженность к 1/VII 1926 г.: Фактическая	% выполнения плана кредитования	IV квартал. Итого по 6 банкам: Задолженность к 1/VII 1926 г.	Изменения: Предполож. по плану	Изменения: Фактическ.	Задолженность к 1/X 1926 г.: Предположенная	Задолженность к 1/X 1926 г.: Фактическая	% выполнения плана кредитования	За весь 1925/26 г. Итого по 6 банкам: Задолженность на 1/X 1925 г.	Изменения: Предполож. по плану	Изменения: Фактическ.	Задолженность 1/X 1926 г.: Предположенная	Задолженность 1/X 1926 г.: Фактическая	% выполнения плана кредитн.
	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
I. Государственные предприятия																		
А. Госпромышленность																		
1. Топливная	65,3	+ 2,3	+ 0,1	67,6	65,4	96,7	65,4	+ 25,0	+ 29,4	90,4	94,8	104,9	60,7	+ 40,3	+ 34,1	101,0	94,8	93,9
2. Горная	14,5	+ 4,4	+ 4,4	18,9	18,9	100,0	18,9	+ 1,6	+ 9,5	20,5	28,4	138,5	15,6	+ 8,8	+ 12,8	24,4	28,4	116,4
3. Металлическая	235,4	+ 32,5	+ 23,3	267,9	258,7	96,6	258,7	+ 31,3	+ 44,7	290,0	303,4	104,6	146,6	+ 115,5	+ 156,8	262,1	303,4	115 8
4. Электротех. и электроснабжение	60,4	+ 8,5	+ 5,9	68,9	66,3	96,2	66.3	+ 15,2	+ 16,1	81,5	82,4	101,1	48,3	+ 44,4	+ 34,1	92,7	82,4	88,9
5. Химическая	45,8	+ 3,0	+ 2,0	48,8	47,8	98,0	47,8	+ 4,7	+ 10,9	52,5	58,7	111,8	34,3	+ 17,9	+ 24,4	52,2	58,7	112,5
6. Силикатная	36 5	+ 8,8	+ 7,4	45,3	43,9	96,9	43,9	+ 12,3	+ 13,6	56,2	57,5	102,3	23,6	+ 28,5	+ 33,9	52,1	57,5	110,4
7. Лесная и деревообделочная	91,8	+ 16,1	+ 12,1	107,9	103,9	96,3	103,9	— 0,6	+ 15,7	103,3	119,6	115.8	87,2	+ 29,0	+ 32,4	116,2	119,6	102,9
8. Бумажная	12,6	+ 3,8	+ 3,5	16,4	16.1	98,2	16,1	+ 4,1	+ 3,5	20,2	19,6	97,0	12,0	+ 8,1	+ 7,6	20,1	19,6	97,5
9. Текстильная	252,2	— 38,6	— 48,6	213,6	203,6	95,3	203.6	+ 17,2	+ 3,3	220,8	206,9	93,7	242,9	+ 93,2	— 36,0	336,1	206,9	61,6
10. Кожевенная	111,0	— 9,0	— 8,9	102,0	102,1	100,1	102,1	— 11,2	— 3,2	90,9	98,9	108,8	73,3	+ 8,4	+ 25,6	81,7	98.9	121,1
11. Пищевая	238,2	+ 10,3	+ 3,8	248,5	242,0	97,4	242,0	+ 9,1	+ 2,2	251,1	244,2	97,3	206,3	+ 73,7	+ 37,9	280,0	244,2	87,2
12. Прочие отрасли	94,5	+ 1,8	— 2,3	96,3	92,2	95,7	92,2	+ 10,6	+ 4,3	102,8	96,5	93,9	74,5	+ 13,0	+ 22,0	87,5	96,5	110,3
Итого по госпромышленности	1.258,2	+ 43,9	+ 2,7	1.302,1	1.260,9	96,8	1.260,9	+ 119,3	+ 150,0	1.389,2	1.410,9	101,6	1.025,3	+ 480,8	+ 385,6	1.506,1	1.410,9	93,7
Б. Госуд. и смешан. торговля	204.8	— 14,7	— 13,4	190,1	191,4	100,7	191,4	+ 6,2	— 13,8	197,6	177,6	89,9	168,3	— 6,4	+ 9,3	161,9	177,6	109,7
В. Транспорт	101,0	+ 38,1	+ 35,8	139,1	136,8	98,3	136,8	+ 28,0	+ 44,7	164,8	181,5	110,1	74,7	+ 87,5	+ 106,8	162,2	181,5	111,9
Г. Сельское хозяйство	5,7	—	— 0,4	5,7	5,3	93,0	5,3	— 0,5	+ 1,9	4,8	7,2	150,0	5,1	— 0,5	+ 2,3	4,6	7,2	160,9
Д. Проч. госуд. адм. и хоз. предприятия	33,5	— 1,7	+ 7,9	31,8	41,4	130,2	41,4	+ 9,7	+ 27,7	51,1	69,1	135,2	41,1	+ 7,1	+ 28,0	48,2	69,1	143,4
Всего по госуд. предприятиям	1.603,2	+ 65,6	+ 32,6	1.668,8	1.635,8	98,0	1.635,8	+ 162,7	+ 210,5	1.798,5	1.846,3	102,7	1.314,5	+ 568,5	+ 532,0	1.883,0	1.846,3	98,1
II. Кооперация	346,5	— 13,1	— 21,4	333,4	325,1	97,5	325,1	+ 14,2	+ 42,6	339,3	367,7	108,4	317,0	+ 27,2	+ 50,7	344,2	367,7	106,8
III. Частные лица и фирмы	29,0	— 2,5	— 4,0	26,5	25,0	94,3	25,0	— 1,1	+ 4,8	23,9	29,8	124,7	44,6	— 2,7	— 14,8	41,9	29,8	71,1
IV. Прочие предприят. и учрежд., не распределенные по группам I—IV	7,1	—	+ 0,3	7,1	7,4	104,2	7,4	+ 1,0	+ 0,5	6,4	7,9	123,4	6,2	+ 1,0	+ 1,7	7,2	7,9	109,7
	14,2	+ 2,4	+ 10,5	16,6	24,7	148,8	24,7	—	+ 2,9	24,7	27,6	111,7	6,1	+ 13,4	+ 21,5	19,5	27,6	141,5
Итого по всем группам	2.000,0	+ 52,4	+ 18,0	2.052,4	2.018,0	98,3	2.018,0	+ 176,8	+ 261,3	2.194,8	2.279,3	103,9	1.688,4	+ 607,4	+ 591,1	2.295,8	2.279,3	99,3
Кредитные учреждения	242,4	— 13,2	— 1,7	229,2	240,7	105,0	240,7	+ 31,0	+ 10,7	271,7	251,4	92,5	213,7	41,2	37,2	254,9	250,9	98,4
Вместе с кредитн. учрежден.	2.242,4	+ 39,2	+ 16,3	2.281,6	2.258,7	99,0	2.258,7	+ 207,8	+ 272,0	2.466,5	2.530,7	102,6	1.902,1	+ 748,6	+ 628,3	2.550,7	2.530,2	99,2

Кредитные планы по статьям баланса на 1924/25 г.

Статьи баланса	I квартал. Итого по 5 банкам: Баланс 5 банков на 1/X 1924 г.	Изменение: По плану	Изменение: Фактические	Баланс на 1/I 1925 г.: Предположительный	Баланс на 1/I 1925 г.: Фактический	% выполнения планов	Изменение балансовых статей по филиалам за I кварт.	II квартал. Итого по 6 банкам: Баланс на 1/I 1925 г.	Изменения: По плану	Изменения: Фактические	Баланс на 1/IV 1925 г.: Предположительный	Баланс на 1/IV 1925 г.: Фактический	% выполнения планов
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Приход по плану													
1. Эмиссия	521,9	+ 75,0	+ 74,1	596,9	596,0	99.8	—	596,0	—	— 5,7	596,0	590,3	99
2. Собственные средства	225,8	+ 9,5	+ 31,8	235,3	257,6	—	— 2,8	276,8	+ 2,9	+ 32,3	279,7	309,1	—
Капиталы основн.	169,4	+ 11,0	+ 12,1	180,4	181,5	100,6	—	186,2	+ 11,9	+ 21,0	198,1	207,0	104,4
„ проч. (зап. спец., рез.)	22,5	—	+ 9,8	22,5	32,3	—	— 10,0	32,3	—	+ 5,2	32,3	37,5	—
Прибыль (сальдо)	33,9	— 1,5	+ 9,9	32,4	43,8	—	7,2	58,3	— 9,0	+ 6,1	49,3	64,4	—
3. Текущие счета и вклады	283,5	+ 76,0	+ 66,4	359,5	349,9	97,3	86,8	668,4	+ 63,4	+ 145,5	731,8	813,9	111,2
Текущие счета НКФ	75,3	+ 30,0	+ 67,6	105,3	142,9	135,7	54,3	228,9	+ 10,0	— 17,3	238,9	211,6	88,6
„ „ прочие	208,2	+ 46,0	— 1,2	254,2	207,0	81,4	32,5	439 5	+ 53,4	+ 162,8	492,9	602,3	122,1
4. Средства спец. назнач.	230,6	+ 11,7	— 3,9	242,3	226,7	93,5	—	226,8	+ 6,2	+ 55,8	233,0	282,6	—
5. Займы за границей	7,8	+ 3,0	+ 2,8	10,8	10,6	98,1	0,1	10,9	+ 2,3	+ 8,2	13,2	19,1	—
6. Переучеты и перезалоги в Госбанке и др. кредит. учр.	37,1	+ 8,5	— 0,2	45,6	36,9	80,9	1,1	45,2	+ 7,6	— 1,7	52,8	43,5	82,4
7. Прочие операции	26,8	—	—	26,8	26,8	—	—	90,8	+ 3,0	+ 24,7	93,8	115,5	—
8. Междуконторные расчеты (сальдо)	—	—	—	—	—	—	15,6	39,8	—	— 2,4	39,8	37,4	—
	1.333,5	+ 183,7	171,0	1.517,2	1.504,5	—	100,9	1.954,7	+ 85,4	256,7	2.040,1	2.211,4	—
Расход по плану													
1. Кассовые резервы	11,4	+ 3,9	+ 7,2	15,3	18,6	121,5	1,8	87,8	+ 16,1	+ 17,4	103,9	105,2	101,2
2. Ценности	343,7	— 1,6	+ 36,0	342.1	379,7	110,9	— 2,7	412,2	+ 5,2	+ 22,3	417,4	434,5	104,0
Инвалюта и металл	298,7	+ 2,7	+ 31,4	301,4	330,0	109,5	3,0	343,9	+ 3 4	+ 5,0	347,3	348,9	100,4
Ценные бумаги	34,5	— 4,3	+ 4,0	30,2	38,5	127,4	— 5,2	51,6	+ 1,8	+ 13,9	53,4	65,5	122,8
Товары	1,6	—	+ 0,2	1,6	1,8	—	0,8	4,7	—	+ 2,9	4,7	7,6	161,7
Паи и имущество	8,9	—	+ 0,4	8,9	9,3	—	0,3	12,0	—	+ 0,5	12,0	12,5	104,0
3. Учетно-ссудн. (кред.) опер.	428,3	+ 118,7	+ 68,3	547,0	496,6	90,8	85 0	1.016,3	+ 76,5	178,4	1.092,8	1 194,7	109,3
Вексельные	212,8	+ 23,6	+ 26,5	236,4	239,3	101,2	74,4	613,5	+ 40,2	101,4	653,7	714,9	109,3
Подтоварные	95,6	+ 36,0	— 9,7	131,6	85,9	65,2	10,3	185,7	+ 1,8	53,2	187,5	238,9	127,4
Целевые	104,7	+ 75,4	+ 43,7	180,1	148,4	82,3	— 1,1	188,4	+ 38,8	32,7	227,2	221,1	97,3
Прочие	15.2	— 16 3	+ 7,8	1,1	23,0	—	1,4	28,7	— 4,3	— 8,9	24,4	19,8	81,1
4. Ссуды из средств спец. назнач.	195,2	+ 3,1	— 1,1	198 3	194,1	97,8	— 0,6	202,1	—	61,9	202 1	264,0	—
5. Хлебные опер. (загот. и финанс.)	1,1	+ 55,0	+ 67,2	56,1	68,3	121,7	—	134,0	— 14,7	— 23,6	119,3	110,4	92,5
6. Прочие операции	1,6	+ 1,7	+ 10.0	3,3	11,6	—	17,4	100,9	+ 0,3	— 2,7	101,2	98,2	—
7. Междуконторн. расч. (сальдо)	352,2	+ 5,9	— 16,6	355,1	335,6	—	—	1,4	+ 2,0	3,0	3,4	4,4	—
	1.333,5	183,7	171,0	1.517,2	1.504,5	—	100,9	1.954,7	+ 85,4	256, 7	2.040,1	2.211,4	—

Статьи баланса	III квартал. Итого по 6 банкам: Баланс на 1/IV 1925 г.	Изменение: По плану	Изменение: Фактич.	Баланс на 1/VII 1925 г.: Предположительный	Баланс на 1/VII 1925 г.: Фактический	% выполнения планов	IV квартал. Итого по 6 банкам: Баланс на 1/VII 1925 г.	Изменение: По плану	Изменение: Фактич.	Баланс на 1/X 1925: Предположительный	Баланс на 1/X 1925: Фактический	% выполнения планов	За весь 1924/25 г. Итого по 6 банкам: Баланс на 1/X 1924 г.	Изменение: По плану	Изменение: Фактич.	Баланс на 1/X 1925 г.: Предположительный	Баланс на 1/X 1925 г.: Фактический	% выполнения планов
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Приход по плану																		
1. Эмиссия	590,3	+ 65,0	+ 74,4	655,3	664,7	101,4	664,7	+ 290,0	+ 281,9	954,7	946,6	99,1	521,9	+ 430,0	+ 424,7	951,9	946,6	99,4
2. Собственные средства	309,1	+ 3,3	+ 39,3	317,4	348,4	—	348,4	+ 9,0	+ 56,0	357,4	404,4	—	241,6	+ 28,4	+ 162,8	270,0	404,4	—
Капиталы основн.	207,2	+ 13,3	+ 11,3	220,5	218,5	99,1	218,5	+ 9,0	+ 31,3	227,5	249,8	109,8	169,4	+ 46,6	+ 80,4	216,0	249,8	115,6
„ проч. (зап., спец., рез.)	37,5	—	+ 0,3	37,5	37,8	—	37,8	—	+ 24,7	37,8	62,5	—	32,4	— 10,0	+ 30,1	22,4	62,5	—
Прибыль (сальдо)	64,4	— 5,0	+ 27,7	59,4	92,1	—	92,1	—	—	92,1	92,1	—	39,8	— 8,2	+ 52,3	31,6	92,1	—
3. Текущие счета или вклады	813,9	+ 59,6	+ 57,9	873,5	871,8	99,8	871,8	+ 204,4	+ 301,6	1.076,2	1.173,4	109,0	512,1	+ 492,5	+ 661,3	1.004,6	1.173,4	116,8
Текущие счета НКФ	211,6	—	+ 3,9	211,6	215,5	101,8	215,5	+ 49,7	+ 137,8	265,2	353,3	133,7	106,1	+ 89,7	+ 247,2	195,8	353,3	180,4
„ „ прочие	602 3	+ 59,6	+ 54,0	661 9	656,3	99,1	656,3	+ 154,7	+ 163,8	811,0	820,1	101,1	406,0	+ 402,8	+ 414,1	808,8	820,1	101,3
4. Средства спец. назнач.	282,6	+ 2,1	+ 12,2	284,7	294,8	—	294,8	— 0,9	— 5,2	293,9	289,6	—	234,0	+ 19,7	+ 55,6	253,7	289,6	—
5. Займы за границей	19,1	+ 5,0	+ 16,8	24,1	35,9	—	35,9	+ 4,0	+ 17,3	39,9	53,2	—	5,1	+ 13,9	+ 48,1	19,0	53,2	280
6. Переучеты и перезалоги в Госбанке и др. кредит. учр.	43,5	+ 13,0	+ 20.6	56,5	64,1	113,4	64,1	+ 20,5	+ 38,1	84,6	102,2	120,8	43,9	+ 49,9	+ 58,3	93 8	102,2	108,9
7. Прочие операции	115,5	+ 3,8	+ 4,8	119,3	120,3	—	120,3	+ 2,6	+ 32,4	122,9	152,7	—	107,2	+ 10,1	+ 45,5	117,3	152,7	—
8. Междуконторные расчеты (сальдо)	37,4	—	+ 17,1	37,4	54,5	—	54,5	—	— 8,3	54,5	13,8	—	0,8	+ 14,9	+ 13,0	15,7	13,8	—
	2.211,4	+ 156,8	+ 243,1	2.368,2	2.454,5	—	2.454,5	+ 529,6	+ 713,8	2.984,1	3.135,9	—	1.666,6	+ 1.059,4	+ 1.469,3	2.726,0	3.135,9	—
Расход по плану																		
1. Кассовые резервы	105,2	+ 5,7	+ 24,5	110,9	129,7	117,0	129,7	+ 12,6	+ 18,6	142,3	148,3	104,2	78,9	+ 40,8	+ 69,4	119,7	148,3	123,8
2. Ценности	434,5	+ 1,0	— 50,2	435,5	384,3	88,2	384,3	+ 7,0	+ 64,1	391,3	448,4	114,5	378,9	+ 9,6	+ 69,9	388,5	448,8	115,5
Инвалюта и металл	348,9	+ 6,3	— 59,3	355,2	289,6	81,5	289,6	+ 1, 3	+ 20,6	290,9	310,2	106,6	310,4	+ 16,7	+ 0,1	327,1	310,5	94,9
Ценные бумаги	65,5	+ 4,1	+ 8,4	69,6	73,9	106,1	73,9	+ 8,1	+ 27,5	82,0	101,4	123.6	52,7	+ 4,6	+ 48,7	57,3	101,4	176,9
Товары	7,6	— 9,4	— 2,1	1,8	5,5	—	5,5	— 2,4	— 1,2	3,1	4,3	138,7	4,5	— 12,0	— 0,1	— 7,5	4,4	—
Паи и имущество	12,5	—	+ 2,8	12,5	15,3	122,2	15,3	—	+ 17,2	15,3	32,5	—	11,3	+ 0,3	+ 21,2	11,6	32,5	280,1
3. Учетно-ссудн. (кред.) опер.	1.194,7	+ 214 3	+ 268,5	1.409,0	1.463,2	103,8	1.463,2	+ 369,3	+ 410,0	1.832,5	1.873,2	102,2	857,2	+ 865,5	+ 1.015,7	1.722,7	1.872,9	108,7
Вексельные	714,9	+ 167,0	+ 233,3	881,9	948,2	107,5	948,2	+ 172,1	+ 250,4	1.120,3	1.198,6	107,0	499,8	+ 479,1	+ 698,5	978,9	1.198,3	122,4
Подтоварные	238,9	+ 50,1	+ 44,0	289,0	282,9	97,8	282,9	+ 49,3	+ 70,7	332,2	353 6	106,4	191,0	+ 147.5	+ 162,6	338,5	353,6	104,5
Целевые	221.1	— 7,3	— 30,5	213,8	190,6	89,1	190,6	+ 119,7	+ 81,4	310,3	272,0	87,6	144,0	+ 225,4	+ 128,0	369,4	272,0	73,6
Прочие	19,8	+ 4,5	+ 21,7	24,3	41,5	170,7	41 5	+ 28,2	+ 7,5	69,7	49,0	70,3	22,4	+ 13,5	+ 26,6	35,9	49,0	136,4
4. Ссуды из средств спец. назнач.	264,0	+ 0,5	+ 1,6	264,5	265,6	—	265,6	+ 1,0	— 0,8	266,6	264,8	—	203,9	+ 3,8	+ 60,9	207,7	264,8	—
5. Хлебные опер. (загот. и финанс.)	110.4	— 65,8	— 9,3	44,6	101,1	226,6	101,1	+ 137,0	+ 167,4	238,1	268,5	112,8	66,7	+ 111,5	+ 201,8	178,2	268,5	150.6
6. Прочие операции	98,2	+ 1,1	+ 10,3	99,3	108,5	—	108,5	+ 2,7	+ 24,1	111,2	132,6	—	81,0	+ 28,2	+ 51,6	109,2	132,6	—
7. Междуконторн. расч. (сальдо)	4,4	—	— 2,3	4,4	2,1	—	2,1	—	+ 30,7	2,1	—	—	—	—	—	—	—	—
	2.211,4	+ 156,8	+ 243,1	2.368,2	2.454,5	—	2.454,5	+ 529,6	+ 713 8	2.984,1	3.135,9	—	1.666,6	+ 1.059,4	+ 1.469,3	2.726,0	3.135,9	—

Кредитные планы по статьям баланса 1925/26 года

Статьи баланса	I квартал. Итого по 6 банкам: Баланс на 1/X 1925 г.	Изменения: Предположено по плану	Изменения: Фактические	Предположительный баланс на 1/I 1926 г.	Фактический баланс на 1/I 1926 г.	% выполнения планов	II квартал. Итого по 6 банкам: Баланс на 1/I 1926 г.	Изменения: Предположено по плану	Изменения: Фактические	Предположительный баланс на 1/IV 1926 г.	Фактический баланс на 1/IV 1926 г.	% выполнения планов
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Приход по плану												
1. Эмиссия	946,6	+ 125,0	+ 119,8	1.071,6	1.066,4	99,5	1.066,4	—	— 75,1	1.066,4	991,3	93,0
2. Собственные средства	404,4	+ 16,3	+ 39,5	420,7	443,9	—	443,9	+ 8,5	+ 31,7	452,4	475,6	—
Капиталы основные	249,8	+ 16,3	+ 5,2	266,1	255,0	95,8	255,0	+ 8,5	+ 11,3	263,5	266,3	101,1
„ прочие (зап., спец., резерв).	62,5	—	— 0,2	62,5	62,3	—	62,3	—	+ 9,8	62,3	72,1	—
Прибыль (сальдо)	92,1	—	+ 34,5	92,1	126,6	—	126,6	—	+ 10,6	126,6	137,2	—
3. Текущие счета и вклады	1.173,4	+ 324,3	— 22,7	1.497,7	1.150,7	76,8	1.150,7	— 8,5	+ 46,3	1.142,2	1.197,0	104,8
Текущие счета НКФина	353,3	+ 140,0	+ 14,0	493,3	367,3	74,5	367,3	—	+ 35,9	367,3	403,2	109,8
„ „ прочие	820,1	+ 149,3	— 36,7	969,4	783,4	80,8	783,4	— 8,5	+ 10,4	774,9	793,8	102,4
4. Средства спец. назначения	289,6	— 0,5	+ 31,0	289,1	320,6	—	320,6	+ 5,5	+ 12,3	326,1	332,9	—
5. Займы за границей	53,2	+ 46,5	+ 36,5	99,7	89,7	90,0	89,7	—	+ 9,3	89,7	99,0	110,4
6. Переучеты и перезалоги в Госбанке и др. кредит. учрежд.	102,2	+ 18,1	+ 34,8	120,3	137,0	113,9	137,0	+ 10,0	— 9,5	147,0	127,5	86,7
7. Прочие операции	152,7	—	+ 56,0	152.7	208,7	—	208,7	—	+ 15,7	208,7	224,4	—
8. Междуконторн. расчеты (сальдо)	13,8	—	+ 71,9	14,5	86,4	—	86,4	—	— 29,2	86,4	57,2	—
Дефицит	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3.135,9	+ 529,7	+ 366,8	3.666,3	3.503,4	—	3.503,4	+ 15,5	+ 1,5	3.518,9	3.504,9	—
Расход по плану												
1. Кассовые резервы	148,3	— 28 0	— 29,1	120,3	119,2	99,1	119,2	— 7,2	— 20,8	112,0	98,4	87,9
2. Ценности	448,8	+ 27,7	+ 9,0	476,4	457,7	96,1	457,7	+ 28,5	— 76,5	486,2	381,2	78,4
Инвалюта и металлы	310,5	+ 23,5	— 17,4	344,0	293,1	85,2	293,1	+ 23,1	— 45,6	316,2	247,5	78,3
Ценные бумаги	101,4	+ 4,2	+ 24,6	105,6	126,0	119,3	126,0	+ 5,4	— 31,8	131,4	94,2	71,7
Товары	4.4	—	— 0,4	4,3	3,9	90,7	3,9	—	— 1,2	3,9	2,7	69,2
Паи и имущество	32,5	—	+ 2,2	32,5	34,7	—	34,7	—	+ 2,1	34,7	36,8	—
3. Учетно-ссудные операции	1.872,9	+ 416,0	+ 266,7	2.288,9	2.139,6	93,5	2.139,6	+ 17,9	+ 64,1	2.157,5	2.203,7	102,1
Вексельные	1.198,3	+ 218,4	+ 153,2	1.416,7	1.351,5	95,4	1.351,5	— 0,1	+ 70,8	1.351,4	1.422,3	105,2
Подтоварные	353,6	+ 26,5	— 10,4	380,1	343.2	90,3	343,2	+ 3,3	— 6,2	346,5	337,0	97,3
Целевые	272,0	+ 116,7	+ 47,2	388,7	319,2	82,1	319,2	— 15,3	— 30,2	303,9	289,0	95,1
Прочие	49,0	+ 54,4	+ 76,7	103,4	125,7	121,6	125,7	+ 30,0	+ 29,7	155,7	155,4	99,8
4. Ссуды из средств спец. назнач.	264,8	—	+ 16,5	264,8	281,3	—	281,3	—	+ 25,1	281,3	306,4	—
5. Хлебные операции	268,5	+ 114,0	+ 2,0	382,5	270,5	70,7	270,5	— 25,0	+ 2,6	245,5	273,1	111,2
6. Прочие операции (сальдо)	132,6	—	+ 98,7	132.6	231,3	—	231,3	+ 1,3	+ 4,8	232,6	236,1	—
7. Междуконторн. расчеты	—	—	+ 3,0	0,8	3,8	—	3,8	—	+ 2,2	3,8	6,0	—
	3.135,9	+ 529,7	+ 366,8	3.666,3	3.503,4	—	3.503,4	+ 15,5	+ 1,5	3.518,9	3.504,9	—

Статьи баланса	III квартал — Итого по 6 банкам						IV квартал — Итого по 6 банкам						За весь 1925/26 г. — Итого по 6 банкам					
	Баланс на 1/IV 1926 г.	Изменения		Предположительный баланс на 1/VII 1926 г.	Фактический баланс на 1/VII 1926 г.	% выполнения планов	Баланс на 1/VII ... г.	Изменения		Предположительный баланс на 1/X 1926 г.	Фактический баланс на 1/X 1926 г.	% выполнения планов	Баланс на 1/X 1925 г.	Изменения		Предположительный баланс на 1/X 1926 г.	Фактический баланс на 1/X 1926 г.	% выполнения планов
		Предполож. по плану	Фактические					Предполож. по плану	Фактические					Предполож. по плану	Фактические			
	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Приход по плану																		
1. Эмиссия	991,3	—	— 4,7	991,3	986,6	99,5	986 6	+ 120,0	+ 134,4	1.106,6	1.121,0	101,3	946,6	+ 245,0	+ 174,4	1.191,6	1.121,0	94,1
2. Собственные средства	475,6	+ 12,3	+ 19,3	487,9	494,9	—	494,9	+ 4,0	+ 17,4	498,9	512,3	—	404,4	+ 41,1	+ 107,9	445,5	512,3	—
Капиталы основные	266,3	+ 12,3	+ 10,5	278,6	276,8	99,4	276,8	+ 4,0	+ 11.5	280.8	288,3	102,7	249,8	+ 41,1	+ 38,5	290,9	288,3	99,1
„ прочие (зап., спец., резерв)	72,1	—	— 3,5	72,1	68,6	—	68,6	—	+ 38.6	68,6	107,2	—	62,5	—	+ 44,7	62,5	107 2	—
Прибыль (сальдо)	137,2	—	+ 12,3	137,2	149,5	109,0	149,5	—	— 32,7	149,5	116,8	—	92,1	—	+ 24,7	92,1	116,8	—
3. Текущие счета и вклады	1.197,0	+ 24,0	—147,9	1.221,0	1.049,1	85,9	1.049,1	+ 86,8	+ 214,6	1.135,9	1.263,7	111,3	1.173,4	+ 426,6	+ 90,3	1.600,0	1.263,7	79,0
Текущие счета НКФина	403,2	+ 22,0	— 50,1	425,2	353,1	83,0	353,1	+ 75,0	+ 94,1	428,1	447,2	104,5	353,3	+ 237.0	+ 93,9	590 3	447,2	75 8
„ „ прочие	793,8	+ 2,0	— 97,8	795,8	696,0	87,5	696,0	+ 11,8	+ 120,5	707,8	816,5	115,4	820,1	+ 154,6	— 3,6	1.009,7	816,5	80,8
4. Средства спец. назначения	332,9	+ 3,8	+ 44,3	336,7	377,2	—	377,2	+ 4,0	— 80,2	381,2	297,0	—	289,6	+ 12,8	+ 7,4	302,4	297,0	—
5. Займы за границей	99,0	+ 11,2	+ 5,8	110,2	104,8	95,1	104 8	— 1,5	— 0,3	103,3	104.5	101,2	53,2	+ 56,2	+ 51,3	109,4	104 5	95,5
6. Переучеты и перезалоги в Госбанке и др. кредит. учрежд.	127,5	— 16,5	— 9,3	111,0	118,2	106,5	118 2	+ 20,0	— 1,3	138,2	116,9	84,6	102.2	+ 31,6	+ 14,7	133,8	116,9	87,4
7. Прочие операции	224,4	+ 1,2	+ 14,8	225,6	239,2	—	239,2	—	+ 16,7	239,2	255,9	—	152,7	+ 1,2	+ 103,2	153,9	255,9	—
8. Междуконторн. расчеты (сальдо)	57,2	—	— 29,1	57,2	28,1	—	28,1	—	— 24,1	28,1	4,0	—	13,8	—	— 9,7	13,8	4,1	—
Дефицит	—	—	—	—	—	—	—	+ 110,0	—	110,0	—	—	—	+ 110.0	—	+ 110,0	—	—
	3.504,9	+ 36,0	—106,8	3.540,9	3.398,1	—	3.398,1	+ 343,3	+ 277,2	3.741,4	3.675 3	—	3.135,9	+ 924,5	+ 539,5	4.060,4	3.675,4	—
Расход по плану																		
1. Кассовые резервы	98,4	+ 69,3	— 9,0	167,7	89,4	53,3	89,4	+ 7,5	+ 31,4	96,9	120,8	124,7	148,3	+ 41.6	— 27,5	189,9	120,8	63.6
2. Ценности	381,2	+ 48,6	— 11,3	429,8	369,9	86,1	369 9	+ 35,4	+ 24,1	405,3	394,0	97,2	448,8	+ 140,2	— 54,7	589,0	394,1	66,9
Инвалюта и металлы	247,5	+ 59,2	+ 1,3	306,7	248,8	81,1	248,8	+ 30,0	+ 13,5	278,8	262,3	94,1	310,5	+ 135,8	— 48,2	446,3	262 3	58,8
Ценные бумаги	94,2	— 10,3	— 15,2	83,6	79,0	94 5	79,0	+ 5,4	+ 4,4	84,4	83,4	98,8	101,4	+ 4,4	— 18,0	105,8	83,4	78,8
Товары	2,7	—	— 0,7	2,7	2,0	74,1	2,0	—	—	2,0	2,0	100	4,4	—	— 2,3	4 4	2,1	46,5
Паи и имущество	36,8	—	+ 3,3	36,8	40,1	—	40,1	—	+ 6,2	40,1	46,3	—	32,5	—	+ 13,8	32,5	46.3	—
3. Учетно-ссудные операции	2.203,7	+ 38,0	+ 0,2	2.241,7	2.203,9	98,3	2.203,9	+ 212,8	+ 244,9	2.416,7	2.448,8	101,3	1.872 9	+ 684,7	+ 575,9	2.557,6	2.448,8	95,7
Вексельные	1.422,3	— 12,9	— 25,0	1.409,4	1.397,3	99,1	1.397,3	+ 126,6	+ 143,4	1.523,9	1.540 7	101,1	1.198,3	+ 332,0	+ 342,4	1.530,3	1.540,7	100,7
Подтоварные	337,0	— 0,2	— 4,3	336,8	332,7	98,8	332,7	— 4,1	— 15,0	328,6	317,7	96,7	353,6	+ 25,5	— 35,9	379,1	317,7	83,8
Целевые	289,0	+ 10,1	— 12,0	299,1	277,0	92,6	277,0	+ 40,3	+ 65,4	317,3	342,4	107,9	272,0	+ 151,8	+ 70,4	423,8	342,4	80,8
Прочие	155,4	+ 41,0	+ 41,5	196,4	196,9	100,3	196,9	+ 50,0	+ 51,1	246,9	248,0	100,4	49,0	+ 175,4	+ 199,0	224,4	248,0	110,5
4. Ссуды из средств сп. назнач.	306,4	—	+ 44,4	306,4	35 ,8	—	350,8	—	— 75,2	350,8	275,6	—	264,8	—	+ 10,8	264,8	275,6	—
5. Хлебные операции	273 1	—120,0	—11,23	153,1	159,9	104 4	159,9	+ 87,0	+ 48,5	246,9	208,4	89,4	268,5	+ 56,0	— 60,1	324,5	208,4	64,2
6. Прочие операции	236,1	+ 0,1	— 14,8	236,2	221,3	—	221,3	+ 0,6	+ 6,4	221,9	227,7	—	132,6	+ 2,0	+ 95,1	134,6	227,7	—
7. Междуконторн. расчеты (сальдо)	6,0	—	— 3,1	6,0	2,9	—	2,9	—	— 2,9	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—
	3.504,9	+ 36,0	—106,8	3.540,9	3.398,1	—	3.398,1	+ 343,3	+ 277,2	3.741,4	3.675,3	—	3.135,9	+ 924,5	+ 539,5	4.060,4	3.675,4	—

План кредитования отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности

Отрасли промышл.	В I квартале 1926/27 г.						В IV квартале 1926/27 г.					
	Итого по 6 банкам			Предпол. сальдо задолж. на 1/1 1927 г.	Фактическ. задолж. на 1/1 1927 г.	% выполнения плана кредитован.	Итого по 6 банкам			Предпол. сальдо на 1/X 1927 г.	Фактическ. задолж. на 1/X 1927 г.	% выполнения плана кредитов.
	Задолжен. на 1/X 1926 г.	Изменения					Задолж. на 1/VII 1927 г.	Изменения				
		Предпол. по плану	Фактич.					Предпол. по плану	Фактич.			
I. Госпредприятия												
А. Госпромышленность												
1. Топливная	97,3	+ 8,3	— 7,0	105,6	90,3	85.5	116,5	+ 17,5	+ 19,9	134,0	136,4	101,7
2. Горная	21 3	— 2,0	— 3,5	19,3	17,8	92,2	16,8	+ 2,4	+ 2,7	19,2	19,5	101,5
3. Металлическая	258,6	— 4,1	+ 9,4	254,5	268,0	105.3	332,5	+ 20,0	+ 11,0	352,5	343,5	97.4
4. Электрот. и электроснаб.	44,4	+ 1,9	— 5,4	46,3	39,0	84,2	125,0	+ 8,5	+ 27.0	133,5	152,0	113,8
5. Химическая	48,8	+ 0,7	— 1,1	49,5	47,7	96,4	63,6	+ 2,9	+ 3,7	66,5	67,3	101,2
6. Силикатная	43,7	+ 2,8	+ 19,0	46,0	62,7	136,3	71,7	+ 8,1	+ 3 9	79,8	75,6	94,7
7. Лесн. и деревооб.	103,9	+ 2,5	+ 3,6	106,4	107,5	101,0	151,9	+ 4,3	+ 1,4	156,2	153,3	98,1
8. Бумажная	17,6	— 0,7	+ 0,3	16,9	17,9	105,9	24,8	+ 0,6	+ 3,5	25,4	28,3	111,4
9. Текстильная	206,2	+ 44,5	+ 34,6	250,7	248,8	96,1	286 7	— 8,9	— 33,1	277,8	253,6	91,2
10. Кожевенная	96,6	+ 17,1	+ 13,9	113,7	110,5	97,2	138,1	— 13,2	— 10,4	124,9	127,7	102.2
11. Пищевая	220,6	+ 37,9	+ 61,4	258,5	282,0	109,1	277,2	— 6,4	— 26,6	270,8	250,6	92,5
12. Прочие отрасли	96,9	— 1,3	— 1,4	95,6	95,5	99,9	113,1	— 8,4	+ 19,4	104,7	132,5	126,5
Итого по госпромышл.	1.255,9	+107,1	+123,8	1.363,0	1 379,7	101,2	1.717,9	+ 27,4	+ 22,4	1.745,3	1.740,3	99,7
Местные кредиты	—	—	—	—	—	—	—	+ 11,5	—	11,5	—	—
Б. Торговля госуд. и смешан.	177,1	+ 11,9	+ 9,6	189,0	186,7	98,8	234,6	+ 23,5	+ 5,1	258,1	239,7	92,8
В. Транспорт	155,3	+ 0,2	+ 8,7	155,5	164,0	105,5	186,5	+ 19,2	+ 9,6	205,7	196,1	95,3
Г. Сел. хозяйство	5.6	—	+ 1,7	5,6	7,3	130,3	8,1	—	— 8,0	8,1	0,1	—
Д. Прч. гос.-адм. и хоз. учрежд.	64,7	— 5,0	— 8,8	59,7	55,9	93,6	60,6	—	+ 25.5	60,6	86,1	141,8
Всего по гос. пред.	1.658,6	+114,2	+135,0	1 772,8	1.793,6	101,1	2.207,7	+ 81,6	+ 54,6	2 289,3	2.262,3	98,8
II. Кооперация	—	—	—	—	—	—	452,2	+ 7,7	+ 43,9	459,9	496,1	107,8
III. Част. лица и фирм.	30,9	— 0,5	— 4,0	30,4	26,9	88,5	20,9	— 0,5	— 2,8	20,4	18,1	88,7
IV. Проч. пред. и учрежд.,	8,4	— 0,1	— 3,3	8,3	5,1	61,5	2,1	+ 5,4	— 1,5	7,5	0,6	—
не распред. по гр. I—IV	28,3	—	+ 4,7	28,3	33,0	116,6	8,9	—	+ 19,5	8,9	28,4	—
Итого по всем группам	2.033,0	+132,3	+196,8	+2.215,3	2.279,8	102,9	2.691,8	+ 94,2	+113,7	2.786,0	2.805,5	100,6
Кредитн. учрежд.	246,1	— 0,3	+ 4,4	245,8	250,5	101,9	286,2	+ 20,3	+ 42,9	306,5	329,1	107,3
Вместе с кред. учрежд.	2 329,1	+132,0	+201,2	2.451,1	2.530,3	102,8	2.978,0	+114,5	+156,6	3.092,5	3.134,6	101,4

Кредитный план по видам операций

Статьи баланса	На I квартал 1926/27 г.						На IV квартал 1926/27 г.					
	Итого по 6 банкам			Предпол. цифры баланса к 1/I 1927 г.	Фактич. баланс на 1/I 1927 г.	% выполн. планов	Итого по 6 банкам			Предпол. цифра баланса на 1/X 1927 г.	Фактич. баланс на 1/X 1927 г.	% выполнения
	Баланс на 1/X 1926 г.	Изменения					Баланс на 1/VII 1927 г.	Изменения				
		Предпол. по плану	Фактич.					Предпол. по плану	Фактич.			
Приход по плану												
1. Эмиссия	1172,6	+ 100,0	+ 72,2	1282,6	1244,8	97	1294,7	+ 75,0	+ 176,3	1369,7	1471,0	107,3
2. Собств. средства	512,3	+ 8,6	+ 46,0	520,9	558,3	—	720,4	+ 27,0	+ 101,8	747,4	822,2	—
Капиталы основн.	288,3	+ 8,6	+ 4,8	296,9	293,1	98,7	461,8	+ 7,5	+ 21,9	469,3	483,7	103,1
„ прочие	107,2	—	+ 20,4	107,2	127,6	—	104,1	—	+ 57,7	104,1	161,8	—
Прибыль	116,8	—	+ 20,8	116,8	137,6	—	154,5	+ 19,5	+ 22,2	174,0	176,7	101,5
3. Текущие счета и вклады	1212,1	— 9,1	+ 72,2	1203,0	1284,3	106,8	1202,9	+ 35,1	— 12,0	1238,0	1190,9	96,2
Тек. счета НКФ	395,6	—	— 23,0	395,6	372,6	94,2	282,5	+ 10,0	+ 101,6	292,5	384,1	131,3
„ „ прочие	816,5	— 9,1	+ 95,2	807,4	911,7	112,9	920,4	+ 25,1	— 113,6	945,5	806,8	85,3
4. Сред. спец. назнач.	464,5	— 0,9	+ 98,7	463,6	563,2	—	847,9	+ 26,6	+ 66,5	874,5	914,4	—
5. Займы за границу	104,5	—	— 9,9	104,5	94,6	—	81,5	—	+ 16,8	81,5	98,3	—
6. Переуч. и перезалоги в Госбанке и др. кред.	116,9	+ 4,5	+ 9,1	121,4	126,0	103,8	113,9	+ 20,3	+ 15,5	134,2	129,4	96,4
7. Прочие операции	255,9	— 1,4	+ 19,2	254,5	275,1	—	279,6	+ 2,1	— 5,2	281,7	274,4	—
8. Междуконт. расч. (сальдо)	2,8	—	+ 79,8	2,8	82,6	—	82,5	—	+ 0,9	82,5	83,4	—
9. Дефицит	—	+ 109,1	—	109,1	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	3841,6	+ 210,8	+ 387,3	4052,4	4228,9	—	4623,4	+ 186,1	+ 360,6	4809,5	4984,0	—
Расход по плану												
1. Касс. резер. (касса и тек. сч.)	120,8	+ 6,4	+ 17,7	127,2	138,5	108,9	97,3	+ 18,0	— 17,1	115,3	80,2	69,5
2. Ценности	560,7	— 6,6	+ 62,0	554,1	622,7	—	648,3	— 33,0	+ 59,0	615,3	707,3	114,9
Инвалюта и мет. б/тратт)	262,6	+ 3,4	+ 48,6	266,0	311,2	117,0	322,5	— 7,0	+ 11,3	315,5	333,8	105,8
Ценные бумаги	249,8	— 10,0	+ 13,1	239,8	262,9	109,6	277,3	— 26,0	+ 42,3	251,3	319,6	127,1
Товары	2,0	—	— 0,5	2,0	1,5	75,0	1,0	—	— 0.2	1,0	0,8	80
Паи и имущество	46,3	—	+ 0,8	46,3	47,1	—	47,5	—	+ 5,6	47,5	53,1	—
3. Учет ссудн. операции	2282,1	+ 132,8	+ 190,1	2414,9	2472,2	102,4	2749,0	+ 114,5	+ 149,8	2863,5	2898,8	101,2
Вексельные	1540,4	+ 140,8	+ 105,1	2341,3	1645,5	—	1803,0	—	+ 30.2	—	1833,2	—
Подтоварные	317,7		— 20,0		297,7	—	430,3	—	— 3,0	—	427,3	—
Целевые	342,4		+ 105,0		447,4	—	412,7	—	+ 105,6	—	518,3	—
Прочие	81,6	— 8,0	—	73,6	81,6	—	103,0	—	+ 17,0	—	120,0	—
4. Ссуды из средств сп. назн.	443,1	—	+ 99,2	443,1	542,3	—	823,0	+ 26,6	+ 72,1	849,6	895,1	—
5. Хлебн. опер (загот. и фин.)	202,1	+ 80,0	+ 72,8	282,1	274,9	97,4	119,5	+ 60,0	+ 93,5	179,5	213,0	118,6
6. Прочие операции (сальдо)	227,7	— 2,1	— 59,6	225,6	168,1	—	181,8	—	+ 6,6	181.8	188,4	—
7. Междуконт. расч. (сальдо)	5,1	+ 0,3	+ 5,1	5,4	10,2	—	4,5	—	— 3,3	4,5	1,2	—
Итого	3841,6	+ 210,8	+ 387,3	4052,4	4228,9	—	4623,4	+ 186,1	+ 360,6	4809,5	4984,0	—

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень Секции Кон'юнктуры Мирового Хозяйства

под редакцией Н. В. Якушкина

№ 3 (30) Март 1928 г.

Содержание бюллетеня № 3 (30)

I. Промышленность

1. Добыча угля по 13 странам.
2. Выплавка чугуна по 11 странам.
3. Производство стали по 12 странам.

II. Товарообмен

4. Внешняя торговля 32 стран.
5. Движение оптовых цен 27 стран.

III. Труд

6. Движение безработицы по 19 странам.

IV. Денежное обращение и валютный рынок

7. Движение валютных курсов 33 стран.

Отдел I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица 1

Добыча угля по 13 странам

(В тыс. метр. тонн)

Даты / Мес.-средн.	Англия	Бельгия	Германия	Польша	Саар	СССР	Франция	Чехо-Словакия	Европа (8 стран)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1913	24.337	1.903	11.729	3.394	1.101	2.421	3.654	1.189	49.728
1922	21.134	1.767	10.830	2.903	937	726	2.595	872	41.764
1923	23.369	1.910	5.185	3.008	766	1.209	3.140	1.029	39.616
1924	22.617	1.947	9.902	2.685	1.169	1.324	3.668	1.265	44.577
1925	20.590	1.925	11.061	2.423	1.083	1.475	3.921	1.063	43.541
1926	10.693	2.110	12.114	2.980	1.140	2.203	4.285	1.214	36.739
1927 I	21.911	2.346	13.356	3.697	1.192	2.521	4.530	1.312	50.865
II	21.425	2.251	12.743	3.411	1.211	2.701	4.358	1.119	49.219
III	23.981	2.477	14.046	3.002	1.289	2.878	4.725	1.176	53.574
IV	20.541	2.280	11.794	2.600	1.042	2.434	4.302	1.079	46.072
V	22.201	2.234	12.298	2.733	1.085	2.509	4.289	1.133	48.482
VI	20.107	2.263	11.820	2.772	1.071	2.378	4.236	1.134	45.784
VII	20.261	2.239	12.635	3.085	1.106	2.450	4.193	1.175	47.137
VIII	20.538	2.273	12.997	3.189	1.120	2.426	4.299	1.290	48.139
IX	21.442	2.278	12.711	3.254	1.113	2.667	4.133	1.381	48.949
X	21.095	2.315	13.094	3.417	1.121	3.069	4.291	1.277	49.679
XI	21.572	2.256	12.864	3.436	1.143	2.971	4.101	1.291	49.864
XII	21.182	2.359	13.238	3.446	—	3.147	4.416	1.302	50.190
1928 I	21.889	2.471	13.420	3.452	—	3.108	4.442	1.388	—

Даты / Мес.-средн.	С.-А.С. Ш.	Канада	Япония	Британск. Индия	Южно-Афр. союз	Неевропейские страны	Весь мир (13 стран)	Весь мир (в %% к 1913 г.)
	10	11	12	13	14	15	16	17
1913	43.088	1.119	1.776	1.372	665	48.020	97.748	100
1922	36.057	882	2.308	1.610	735	41.592	83.356	85,3
1923	49.706	1.014	2.412	1.664	901	55.697	95.313	97,5
1924	43.182	762	2.509	1.793	944	49.190	93.767	95,9
1925	44.209	719	2.622	1.758	983	50.291	93.832	96,0
1926	50.144	974	2.433	1.688	1.038	56.277	92.016	95,2
1927 I	57.554	1.176	2.574	1.636	900	63.840	114.705	117,1
II	53.302	900	2.281	1.863	898	59.244	108.463	110,7
III	60.096	1.069	2.798	2.024	974	66.961	120.535	123,0
IV	37.925	1.015	2.506	1.972	931	44.349	190.421	92,3
V	39.416	1.211	2.574	1.819	1.051	46.071	94.553	96,5
VI	39.811	998	2.604	1.759	1.030	46.202	91.986	93,9
VII	35.076	1013	2.574	2.457	1.049	41.154	86.291	88,1
VIII	44.864	938	2.305	1.473	1.114	50.694	98.833	101,1
IX	44.062	928	2.489	1.959	1.063	50.501	100.365	106,2
X	46.633	1.017	2.679	1.578	1.020	52.925	103.115	—
XI	43.118	—	2.842	1.701	1.020	—	—	—
XII	42.918	—	2.942	2.074	1.017	—	—	—
1928 I	—	—	—	—	943	—	—	—

Таблица 2

Выплавка чугуна по 11 странам

(В тыс. метр. тонн)

Даты / Мес.-средн.	Англия	Бельгия	Германия	Канада	Люксемб.	Польша	Саар	С-А.С Ш.	СССР	Франция	Швеция	Весь мир (11 стран)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1913	869	207	910	86	212	86	114	2.622	351	756	61	6.274
1922	415	134	766	32	140	40	96	2.305	17	440	23	4.408
1923	630	179	412	75	117	43	85	3.417	32	453	25	5.468
1924	619	237	651	50	180	28	116	2.659	62	638	45	5.285
1925	530	212	848	48	197	26	121	3.107	129	706	39	5.963
1926	207	283	804	62	209	27	136	3.333	204	783	40	6.088
1927 I	442	316	1.060	53	228	42	147	3.153	245	805	28	6.519
II	578	293	967	52	208	43	135	2.988	235	716	35	6.250
III	683	314	1.086	77	230	48	150	3.539	264	801	42	7.234
IV	691	310	1.052	78	225	48	142	3.477	249	774	39	7.085
V	732	319	1.130	80	238	48	156	3.445	262	794	38	7.242
VI	662	302	1.067	71	224	47	149	3.139	248	747	32	6.688
VII	656	320	1.109	52	225	51	150	2.998	245	769	30	6.604
VIII	606	317	1.116	64	238	57	155	2.994	246	773	31	6.596
IX	601	309	1.105	53	229	59	144	2.818	251	761	36	6.366
X	606	322	1.140	39	230	63	157	2.829	259	796	35	6.476
XI	585	313	1.149	39	221	56	133	2.690	252	764	32	6.257
XII	568	317	1.150	64	228	58	163	2.739	276	796	34	6.390
1928 I	569	315	1.180	66	230	59	156	2.916	275	809	31	6.602

Таблица 3

Производство стали по 12 странам

(В тыс. метр. тонн)

Даты / Мес.-средн.	Англия	Бельгия	Германия	Италия	Канада	Люксемб.	Польша	Саар	С-А.С.Ш.	СССР	Франция	Швеция	Весь мир (12 стран)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1913	649	206	981	71	88	101	135	159	2.564	354	581	62	5.951
1922	498	130	943	82	41	117	83	105	2.927	30	378	29	5.363
1923	718	191	525	95	75	100	94	83	3.682	61	426	26	6.076
1924	694	240	820	113	55	157	57	121	3.137	95	575	46	6.090
1925	625	212	1.016	149	64	174	65	131	3.741	177	621	43	7.014
1926	301	281	1.028	135	66	187	66	145	3.794	260	703	43	7.009
1927 I	742	313	1.308	146	59	195	98	156	3.868	294	673	36	7.888
II	832	297	1.233	139	57	184	94	150	3.785	285	628	44	7.721
III	965	315	1.415	145	109	203	114	168	4.632	319	704	53	9.141
IV	864	301	1.288	145	111	206	101	149	4.196	300	681	43	8.385
V	897	321	1.378	144	98	210	96	160	4.111	290	712	42	8.458
VI	759	300	1.328	135	61	203	103	156	3.522	291	672	33	7.562
VII	698	307	1.362	138	56	203	111	155	3.229	284	677	38	7.258
VIII	655	317	1.426	111	79	216	115	166	3.526	312	694	42	7.659
IX	789	290	1.371	114	55	213	111	161	3.284	322	693	32	7.335
X	710	312	1.414	119	57	215	104	169	3.342	332	723	47	7.544
XI	710	309	1.401	115	82	207	106	137	3.152	333	684	49	7.286
XII	615	311	1.367	126	93	214	95	166	3.201	357	735	43	7.333
1928 I	636	316	1.469	—	86	213	105	169	4.023	353	750	38	—

Таблица 4

Внешняя торговля 32 стран (в млн. долл.)

Даты (мес.-средн.)	Австрия	Англия	Бельгия	Венгрия	Германия	Дания	Ирландия	Испания [7]	Италия	Норвегия	Польша [12]	Румыния	СССР [13]	Финляндия [6]	Франция	Чехо-Словакия	Швейцария [6]	Швеция	Югославия	Европа
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
									И м	п о р т										
1913	(27,2)	267	74,6	(13,8)	213,8 [8]	17,4	—	21,0	58,6	12,1	(15,9)	9,5	52,3	10,3	135	(26,7)	30,9	18,9	(5,8)	1010,3
1922	29,7	332	58,2 [3]	9,1	123,1	25,4	—	34,9	62,4 [5]	18,9	13,6	7,2	11,6	7,1	163	25,4	30,4	24,3	7,4	983,7
1923	32,4	373 [1]	54,0	7,1	120,0	29,2	—	35,4	65,9	18,4	18,0	8,0	6,2	10,2	155	25,2	33,8	28,7	6,8	1027,3
1924	37,8	421	67,7	11,9	179,8	30,1	24,2	32,7	70,3	17,8	23,8	10,8	9,3	9,7	173 [2]	39,2	39,3	31,0	8,8	1238,2
1925	33,2 [9]	470	70,3	12,5	247,5	33,3	24,7	26,8	86,9	20,4	25,4	12,1	18,0	11,5	172	43,4	42,8	32,1	12,4	1395,3
1926	32,2	453	61,1	14,1	197,5	33,0	24,3	26,6	83,9	20,1	14,3	13,1	16,8	11,8	163	37,6	38,9	33,3	11,2	1285,8
1926 XII	38,2	494	74,9 [4]	18,6	252,4	39,2	26,0	25,1	96,8	20,0	17,7	12,6	12,5	13,7	202	47,7	42,3	39,4	11,6	1484,7
1927 I	28,1	503,1	58,4	13,0	259,3	32,2	20,9	30,3	89,0	17,5	21,1	14,2	13,7	9,9	161,5	26,3	35,2	28,2	9,6	1371,5
II	30,8	402,8	61,1	13,9	258,8	30,7	22,1	30,3	85,1	17,0	21,9	14,8	14,0	9,2	187,4	35,3	35,8	28,9	9,2	1309,1
III	33,4	498,4	76,2	17,1	257,2	34,6	29,6	30,3	97,7	19,7	25,2	20,0	14,9	11,3	172,6	38,7	40,5	32,8	10,5	1460,7
IV	37,2	432,2	68,4	16,1	259,8	32,4	24,2	39,4	96,4	19,5	29,1	19,9	18,9	11,7	168,5	37,4	39,4	35,9	10,5	1396,9
V	29,1	408,5	67,2	16,3	277,9	35,4	24,1	39,4	98,8	19,5	32,1	15,7	27,1	15,1	195,6	40,3	41,2	35,9	10,2	1429,4
VI	33,7	431,1	69,5	14,7	283,6	34,3	25,6	39,4	106,3	20,5	31,2	15,4	27,4	15,1	178,7	45,1	40,6	33,1	9,4	1454,7
VII	32,4	406,7	63,9	15,5	303,4	34,4	24,3	31,9	80,0	20,9	26,4	16,0	19,6	12,9	159,1	39,3	38,3	32,5	9,5	1367,0
VIII	34,9	395,2	63,3	18,9	276,2	34,0	22,5	31,9	67,4	23,8	25,1	17,8	22,9	14,4	147,8	46,6	40,3	35,0	11,1	1329,1
IX	38,2	453,8	67,8	20,2	279,6	35,7	26,3	31,9	61,9	22,4	24,5	17,7	22,7	15,6	140,0	44,5	41,3	39,3	12,2	1395,6
X	42,0	465,5	70,1	19,7	296,9	36,0	25,0 [11]	31,9	76,6	25,2	29,1	18,8	20,6	15,3	175,5	54,8	48,1	39,5	12,7	1512,4
XI	42,8	471 [7]	66,9	18,3	307,9	34,4	23,7	31,9	77,5	23,7	29,8	17,7	16,9	15,4	182,8	51,7	45,2	42,1	12,7	1559,3
XII	—	464,0	74,7	—	300,4	41,1	21,7	—	97,7	25,3	30,9	—	—	13,7	205,5	—	48,3	39,2	—	—
									Э к с	п о р т										
1913	(17,1)	213	58,4	(13,1)	200,4 [8]	14,2	—	17,0	40,4	8,5	(18,5)	10,8	60,9	8,4	110,6	(29,6)	22,1	18,3	(6,8)	866,3
1922	18,6	266	39,4 [3]	5,6	78,8	20,5	—	17,7	36,8 [5]	11,2	10,5	8,2	3,5	8,0	144,5	35,9	28,0	25,2	4,2	762,6
1923	18,9	292 [1]	38,1	5,7	121,1	23,5	—	17,0	42,5	11,3	19,2	10,1	8,8	9,8	152,9	30,7	26,5	25,3	6,6	860,0
1924	20,7	293	53,7	9,7	129,7	27,1	18,2	18,4	51,9	12,1	20,3	11,5	13,0	10,2	181	41,8	31,2	27,7	10,2	981,4
1925	22,3 [9]	311	57,2	11,9	174,5	30,9	17,4	19,4	60,6	15,2	20,1	11,7	15,8	11,7	179	46,3	32,8	30,1	12,6	1080,5
1926	19,7	264	50,7	12,6	195,4	30,9	16,9	19,9	60,7	14,8	20,8	14,3	19,1	11,8	162	43,8	29,5	31,6	11,5	1030,0
1926 XII	23,6	241	73,6 [4]	15,4	198,1	30,4	22,5	21,5	85,0	15,9	23,2	15,6	27,6	11,4	213	56,4	33,7	40,7	11,0	1159,6
1927 I	18,1	268,8	44,1	10,2	189,4	29,0	14,6	29,4	51,2	14,6	22,5	13,4	20,6	6,4	186,5	38,0	25,9	24,0	8,5	1015,2
II	19,8	256,7	49,0	9,6	179,1	27,5	14,4	29,4	57,9	15,3	22,7	16,0	17,7	6,0	180,2	42,1	30,0	24,5	8,0	1005,9
III	23,9	301,3	70,9	11,1	199,4	33,6	14,4	29,4	63,8	17,0	25,3	18,2	21,5	5,8	183,5	45,2	33,7	26,5	10,7	1135,2
IV	23,8	255,7	58,4	9,4	189,0	28,4	14,1	28,9	67,1	13,1	23,5	20,0	18,2	6,8	166,8	45,4	32,2	31,6	8,2	1140,6
V	18,8	307,5	55,7	10,6	197,5	35,2	16,0	28,9	69,5	12,0	22,4	23,3	21,4	10,2	167,8	44,8	31,3	39,0	9,1	1121,0
VI	23,4	272,1	58,4	9,0	177,3	35,4	18,1	28,9	84,9	13,3	22,2	21,7	18,1	16,8	173,2	44,3	31,5	38,2	8,3	1095,1
VII	20,3	272,7	61,3	10,1	201,5	30,8	18,3 [11]	26,7	57,1	13,7	22,1	16,4	22,1	23,4	175,9	41,4	30,9	40,7	8,5	1094,4
VIII	23,3	288,7	62,6	13,3	206,6	30,9	19,8 [11]	26,7	59,4	15,0	23,3	21,5	19,0	22,0	168,1	46,5	32,8	39,8	9,3	1129,0
IX	27,1	294,0	63,4	14,3	222,0	34,7	20,7 [11]	26,7	63,6	15,2	23,0	23,0	23,3	20,8	178,2	56,9	34,4	43,9	10,3	1196,0
X	28,1	297,9	67,1	14,1	229,2	33,1	20,8 [11]	26,7	76,0	17,0	26,6	17,7	24,1	16,9	198,0	59,3	36,5	41,8	11,4	1243,1
XI	26,2	343,9	64,4	14,2	218,0	32,3	21,0 [11]	26,7	71,3	14,4	25,7	20,1	19,5	13,7	191,4	62,1	34,4	40,7	11,0	1250,9
XII	—	287,1	78,8	13,9	227,7	34,3	19,5 [11]	26,7	78,4	15,5	24,2	—	—	—	197,8	—	36,1	41,6	8,6	1225,2

Даты (мес.-сред.)	Аргентина	Бразилия [7]	Канада	С. Штаты	Уругвай [15]	Америка	Австралия	Алжир	Брит. Инд. [16]	Гонконг	Египет	Н. Зеландия	Япония	Ю. Африкан. союз	Азия, Африка, Австралия	Итого по 32 странам
	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
И м п о р т																
1913	39,9	27,2	54,9	148	4,3	274,3	30,9	10,7	74,3	(17,7)	11,2	8,7	30,1	16,4	200,0	1.482,6
1922	55,4	18,2	62,6	256	2,6	394,8	43,6	12,9	57,5	22,7	15,4	12,5	74,0	17,7	256,3	1.634,8
1923	69,8	19,6	73,7	311	3,3[14]	477,4	50,7	12,8	57,5	24,6	17,2	16,3	78,7	20,9	278,7	1.783,4
1924	66,6	25,5	66,5	298	4,1	460,7	52,4	13,9	62,4	27,6	18,7	17,7	83,3	23,5	299,5	1.998,4
1925	66,9	34,4	74,2	349	5,9	530,4	58,6	13,2	67,4	13,1	23,1	20,8	84,8	26,3	307,3	2.233,0
1926	63,6	32,0	84,1	368	6,2	553,9	62,7	9,6	71,3	13,1	21,1	19,8	90,0	28,2	315,8	2.155,5
1926 XII	61,6	32,5	81,7	354	6,1	535,9	64,4	10,4	59,2	(13,1)	19,9	20,6	78,9	25,9	292,4	2.313,0
1927 I	63,5	34,7	78,7	354,8	6,4	538,1	66,6	12,0	76,0	(13,1)	17,9	19,1	90,9	28,6	324,2	2.233,8
II	63,5	32,9	74,6	302,9	5,8	479,7	66,6	12,0	63,1	(13,1)	15,8	15,7	87,8	25,5	299,6	2.088,4
III	63,5	40,7	110,5	371.8	6,8	593,3	67,9	10,2	80,9	(13,1)	17,7	22,3	111,1	28,6	353,6	2.407,6
IV	62,0	32,8	74,4	362,9	6,7	538,8	60,9	13,4	79,4	(13,1)	15,4	13,2	111,4	26,7	333,5	2.256,8
V	62,0	31,2	94,5	345,5	7,9	541,1	61,8	13,4	73,6	(13,1)	18,7	17,9	95,0	26,6	320,1	2.278,2
VI	62,0	29,8	101,0	355,1	7,3	555,2	61,1	13,4	67,2	(13,1)	16,8	17,1	82,7	26,2	297,6	2.295,1
VII	63,3	31,4	91,2	322,2	6,0	514,1	63,4	20,5	68,0	(13,1)	19,3	15,3	73,2	26,8	299,6	2.180,1
VIII	69,4	29,1	99,3	371,9	(6,0)	576,8	71,3	20,5	77,2	(13,1)	18,8	17,5	65,6	30,9	314,9	2.218,5
IX	85,0	30,7	91,8	351,2	7,1	566,4	64,6	20,5	77,8	(13,1)	22,4	22,1	65,7	29,8	316,0	2.278,5
X	75,2	33,4	94,0	352,4	7,7	562,8	—	16,9	76,7	(13,1)	22,8	17,1	(62,9)	30,2	306,4	2.378,7
XI	79,7	33,9	94,4	335,4	7,8	551,2	—	19,9	81,2	(13,1)	24,6	16,9	67,7	32,2	319,4	—
XII	—	—	83,2	331.0	7,8	531,4	—	18,0	71,0	(13,1)	23,2	19,2	84,5	27,2	312,3	—
Э к с п о р т																
1913	41,7	26,5	36,3	204	5,9	314,4	29,5	8,1	97,8	(15,6)	13,0	8,5	26,1	11,2	209,8	1.390,5
1922	54,4	25,7	72,6	314	4,7	471,4	44,5	9,3	67,2	22,6	18,4	15,2	63,9	11,0	252,1	1.486.1
1923	62,0	28,5	82,9	341	4,7	519,1	41,0	9,3	85,2	23,3	23,0	17,0	57,0	13,8	269,6	1.648,7
1924	89,4	35,1	87,2	375	6,9	593,6	49,9	9,6	97,8	26,0	25,0	18,8	60,0	13,9	301,0	1.876,0
1925	66,2	41,1	105,9	402	8,1	623,3	61,6	9,7	120,3	13,1	24.4	21,6	76,0	18,3	345,0	2.048,8
1926	60,8	38,0	105,7	393	8,0	605,5	52,2	8,5	97,8	13,1	17,2	18,0	77,5	16,1	300,4	1.935,9
1926 XII	59,0	40,7	138,3	456	11,1	705,1	65,3	8.8	87,6	(13,1)	22,1	16,8	80,4	25,0	319,1	2.183,8
1927 I	81,6	37,0	84,0	411.6	9,6	623,8	53,9	10,0	99,4	(13,1)	18,2	24,9	65,4	19,6	304,5	1.943.5
II	95,4	28,1	78,4	364,6	12,2	578,7	70,0	10.0	92,4	(13,1)	17,1	23,8	63,9	20.4	310,7	1.895,3
III	98,5	35,4	105,5	398,1	11,4	648,9	77,6	10.0	123,2	(13,1)	23,8	30,6	72,3	19,1	369,7	2.153,8
IV	88,8	26,8	77,4	404,8	9,4	607,2	52,0	10,6	91,3	(13,1)	20,4	23,9	75,4	14,0	300,7	1.944,9
V	91,1	27,6	109,9	382,4	6,4	617,4	50,4	10,6	88,2	(13,1)	16,9	24,9	79,1	16,3	299,5	2.034,3
VI	83,4	31,5	105,6	348,5	5,6	574,6	36,4	10,6	80,6	(13,1)	18.4	16,7	78,4	13,1	267,3	1.931,7
VII	80,5	33,8	79,3	337,0	5,7	532,3	41,2	10,8	93,4	(13,1)	14,8	13,7	76,0	12,1	275,1	1.909,3
VIII	68,6	36,3	94,2	367,6	5,1	571,8	30,0	10,8	95,5	(13,1)	17,0	10,5	88,8	13,9	279,6	1.982,6
IX	68,7	39,3	97,5	416,2	5,0	626,7	51,2	10,8	98,4	(13,1)	13,6	10,0[7]	80,9	11,8	289,8	2.098,1
X	67,1	48,6	104,0	480,4	4,8	704,9	—	14,0	91,5	(13,1)	22,3	10,8[7]	79,8[7]	49 4	321,9	(2.264,0)
XI	65,6	42,6	153,3	452,1	5,6	719,2	—	13,1	103,4	(13,1)	30.0	12,8	72,7[7]	27,6	344,8	—
XII	80,3		130,1	409,0	—	663,9	—	16,6	98,8	(13,1)	25,1	26,2		26.0	342,3	—

[1] С 1/IV 1923 г. сведения включают торговлю Великобритании и Северной Ирландии с автон. Ирлан
1922 г. данные относятся к Бельго-Люксембургскому экон. союзу. [4] Включая торговлю драго
чая золото. [7] Общая торговля. [8] По 1913 г., включая сведения по Люксембургу. [9] С 1925 г.
Включая экспортные таможенные пошлины. [11] Без почтовых посылок. [12] Данные относятся
[14] Средняя из 11 месяцев. [15] По импорту „Valores officiales" по экспорту „Valores efectivos". [16] По
чаются товары государственной торговли и не включаются драгоценности. [17] В итоги по экспорту

лией и не включают внешнюю торговлю последней. [2] С 1924 г. декларированная ценность. [3] С мая
ценными камнями за четвертый квартал 1926 г. [5] С 1922 г. декларированная ценность. [6] Включ
новый метод оценки, ниже предыдущего приблизительно на 5—7%. [10] Главные статьи экспорта.
к территории Польши и Данцига. [13] Внешняя торговля по Европейской границе в ценах 1913 г.
Брит. Индии сведения касаются только торговли по морской границе, при чем в итог включ
включено снабжение с'естными припасами судов и не включена ценность экспорта золота.

Таблица 5

Отдел II. ТОВАРООБМЕН

Движение оптовых цен

(Индексы оптовых цен в золоте по 27 странам)

Даты (мес.-средн.)	Австрия	Англия	Бельгия	Болгария	Германия	Голландия	Дания	Испания	Италия	Латвия	Норвегия	Польша	СССР	Финляндия	Франция	Чехо-Словакия	Швейцария	Швеция	Европейский индекс СМХ	Канада	Перу	Соед. Штаты	Индия Брит.	Китай	Япония	Египет	Южно-Африканский Союз	Австралия	Внеевропейский индекс СМХ	Мировой индекс СМХ
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
1913	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1924	136	151	138	107	137	156	—	126	125	—	139	109	173	144	132	146	165	160	141,9	153	162	150	113	171	171	130	117	157	147,1	144,0
1925	136	158	138	117	142	155	166	140	133	—	169	115	182	147	125	147	162	161	148,0	160	168	159	118	187	166	152	127	168	155,1	149,3
1926	123	148	130	103	134	145	159	140	132	155	165	105	185	142	118	139	147	149	137,5	156	157	151	110	174	169	132	123	168	148,6	141,8
1927	133	141	122	—	138	148	153	153	140	—	—	119	174	145	126	—	—	146	—	151	156	146	—	159	—	—	124	167	—	—
1927 I	130	144	123	103	136	145	156	152	136	150	166	112	178	144	128	143	146	146	138,6	151	149	147	109	158	166	126	128	162	144,2	140,8
II	130	143	123	102	136	146	155	156	135	164	166	114	179	144	127	142	146	146	138,3	150	154	146	110	165	168	124	128	160	144,6	14,07
III	133	141	124	105	135	144	152	162	139	173	162	115	178	143	129	143	147	145	138,2	149	156	145	109	157	169	124	128	157	143,1	140,1
IV	135	140	122	106	135	143	151	162	147	175	158	118	176	143	130	144	147	143	138,3	149	150	144	107	162	165	122	126	159	142,3	139,9
V	137	141	122	104	137	145	151	157	150	173	156	120	175	142	128	144	147	145	139,2	152	156	144	109	160	161	124	126	160	142,6	140,5
VI	142	142	122	102	138	149	152	152	147	190	160	120	174	144	127	145	147	146	139,5	154	159	144	109	160	161	123	126	163	142,8	140,8
VII	140	141	122	102	138	151	152	149	139	189	159	121	172	144	126	144	147	146	138,5	152	159	145	109	159	161	118	120	169	142,9	140,2
VIII	133	141	122	104	138	149	153	147	137	189	162	121	172	147	126	143	148	146	138,1	152	155	147	109	154	159	117	120	173	143,7	140,3
IX	130	142	121	107	140	150	153	150	136	194	164	120	170	148	124	142	148	148	138,4	151	162	148	109	157	159	120	120	178	144,7	140,9
X	129	141	121	107	140	150	154	151	137	191	162	120	170	148	121	141	149	147	137,8	152	160	148	110	158	159	118	122	181	145,6	140 8
XI	127	141	121	107	140	151	154	148	137	191	162	120	170	149	120	142	150	148	137,8	152	156	148	110	158	155	115	122	174	144,4	140,3
XII	127	140	122	—	140	151	154	148	135	—	—	120	171	148	122	—	—	148	136,6	152	161	148	—	157	—	—	122	170	144,5	140,3

Таблица 6

Отдел III. ТРУД

Движение безработицы в 19 странах
(Численность безработных в тыс.)

Даты (мес.-средн.)	Австрия [2]	Англия [3]	Бельгия [2]	Венгрия [3]	Германия [2]	Голландия [2]	Дания [1]	Италия [3]	Латвия [3]	Норвегия [3]
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1924	95	1.180	6,7	26,0	644,8	28,1	27,7	164,9	2,0	(9,1)
1925	149	1.289	9,0	31,4	463,7	26,1	38,3	110,3	2,8	15,0
1926	176	1.437	8,7	24,5	1.693,0	24,9	57,3	113,9	2,7	23,5
1927 I	235	1.375	15,9	20,4	1.827	45,7	87,1	225,3	5,0	29,3
II	244	1.208	13,9	19,5	1.696	41,1	87,1	259,1	4,6	30,8
III	208	1.115	11,3	16,0	1.121	26,9	72,9	227,9	4.0	29,1
IV	181	1.075	10,9	17,1	870	22,2	64,8	215,3	2,7	27,4
V	158	1.015	9,1	13,6	650	18,7	55,2	216,4	1,6	23,8
VI	145	1.032	8,3	11,8	541	17,7	50,7	214,6	0,9	19,9
VII	137	1.055	7,9	11,7	453	20,6	47,5	263,1	1,3	16,0
VIII	136	1.076	7,5	11,2	404	19,5	45,3	291,8	0,9	15,7
IX	130	1.075	8,6	10,3	355	20,2	44,5	305,9	1,4	18,9
X	127	1.132	8,7	10,0	340	20,2	46,7	332,2	3,7	22,0
XI	160	1.172	8,4	11,1	605	20,8	59,0	375,7	5,0	25,2
XII	207	1.127	22,4	13,0	1.188	59,0	83,4	414,3	6,4	28,5
1928 I	231	1.199	—	17,8	1.333	—	83,1	—	—	—

Даты, мес. средн.	Польша [3]	Финляндия [3]	Франция [3]	Чехо-Словакия [3]	Швейцария [3]	Швеция [1]	Эстония [3]	Вся Европа [4] (17 стран)	Канада [1]	Австралия [1]
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1924	(111.7)	1,4	9,9	109,0	14,7	20,0	2,4	2.453,4	11,8	35,5
1925	(168,7)	2,5	11,2	49,4	11,1	24,5	2,2	2.404,2	10,7	34,6
1926	234,3	2,0	11,5	67,9	14,1	29,4	2,2	3.922,4	7,6	29,3
1927 I	208,5	3,6	73,1	83,3	19,4	39,3	4,7	4.297,6	9,7	—
II	213,6	3,0	95,4	83,2	19,2	39,8	4,7	4.063,0	10,6	—
III	205,8	2,1	86,2	71,9	13,6	36,1	4,4	3.252,2	9,0	26,3
IV	190,6	1,7	68,0	60,3	11,2	31,9	2,9	2.853,0	9,9	—
V	174,3	1,2	47,8	52,5	9,5	25,5	2,3	2.474,5	8,5	—
VI	159,4	1,1	33,7	45,5	7,7	25,0	1,9	2.316,2	5,4	29,2
VII	147,7	0,9	29,2	39,8	8,4	21,3	0,7	2.361,1	5,5	—
VIII	133,0	1,2	29,2	40,9	8,9	20,2	0,8	2.242,1	6,2	—
IX	116,8	1,3	27,7	37,6	8,3	22,3	1,2	2.185,0	5,3	30,0
X	115,7	1,6	24,2	36,0	9,9	27,0	3,3	2.260,2	6,7	—
XI	136,7	2,4	28,5	38,2	12,1	32,5	4,9	2.697,5	—	—
XII	164,8	2,2	26,3	—	17,7	48,4	4,4	—	—	—
1928 I			32,8							

[1] Члены профсоюзов.
[2] Застрахованные.
[3] Регистрация по биржам труда.
[4] В виду того, что по ряду стран данные предварительные, итог по Европе будет исправляться по мере получения окончательных данных.

Таблица 7

Отдел IV. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ВАЛЮТНЫЙ РЫНОК

Движение валютных курсов по 33 странам

(Индексы в %% к паритету)

Страны / Даты	Англия[1]	Франция[2]	Бельгия	Италия	Голландия	Швейцария	Испания	Португалия	Швеция	Норвегия	Дания	Германия	Австрия	Венгрия	Чехо-Словакия	Польша	Румыния	Болгария	Югославия	Греция
Месячные средние	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1922	91,0	42,5	39,8	24,6	95,7	98,8	80,3	6,4	97,7	65,4	78,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1923	94,0	31,5	27,0	23,9	97,3	93,6	74,9	3,9	99,1	62,3	68,5	—	69,1[4]	8,1[5]	14,6	57,4	2,6	4,6	5,6	8,9
1924	90,8	27,1	24,0	22,6	95,1	94,4	69,1	3,1	99,0	52,0	62,4	—	69,1[4]	82,7[4]	14,6	99,6[6]	2,6	3,8	6,6	9,3
1925	99,2	22,8	24,7	20,6	99,9	100,2	74,3	4,7	100,2	66,7	78,8	100,0	99,9	69,1	14,6	92,0	2,5	3,8	8,8	8,1
1926	99,8	16,8	17,5[3]	20,2	99,7	100,1	77,1	4,7	99,9	83,3	97,8	100,0	100,0	99,8	14,6	58,1	2,4	3,7	9,1	6,5
1927 I	99,7	20,5	100,0	22,5	99,5	99,9	82,8	4,7	99,7	95,3	99,4	99,6	100,0	100,2	14,6	58,6	2,7	3,7	9,1	6,7
II	99,7	20,3	100,0	22,4	99,5	99,6	86,9	4,7	99,6	96,2	99,4	99,5	100,0	100,2	14,6	58,7	3,0	3,7	9,1	6,7
III	99,7	20,3	100,0	23,4	99,5	99,7	90,2	4 7	99,8	97,2	99,4	99,5	100,0	100,1	14,6	58,9	3,2	3,8	9,1	6,7
IV	99,8	20,3	100,0	26,0	99,5	99,6	91,4	4,7	99,9	96,5	99,5	99,5	100,0	99,9	14,6	59,2	3,2	3,8	9,1	6,9
V	99,8	20,3	99,9	28,0	99,5	99,6	91,1	4,7	99,8	96,4	99,5	99,5	100,0	99,8	14,6	59,0	3,2	3,7	9,1	6,8
VI	99,8	20,3	99,9	28,9	99,6	99,7	89,1	4,7	99,9	96,6	99,7	99,5	99,9	99,7	14,6	58,6	3,1	3,7	9,1	6,9
VII	99,8	20,3	99,9	28,2	99,6	99,7	88,5	4,6	99,9	96,4	99,7	99,7	100,0	99,7	14,6	58,3	3,2	3,7	9,1	6 8
VIII	99,9	20,3	100,0	28,2	99,7	99,8	87,6	4,6	100,1	96,8	99,9	99,9	99,9	99,7	14,6	58,1	3,2	3,7	9,1	6,8
IX	99,9	20,3	100,1	28,2	99,7	99,9	88,8	4,5	100,3	98,4	99,9	99,9	100,1	99,9	14,6	58,1	3,2	3,7	9,1	6,9
X	100,1	20,3	100,1	28,3	100,0	99,9	89,4	4,6	100,5	98,3	100,0	100,1	100,1	99,8	14,6	58,1	3,2	3,7	9,1	6,9
XI	100,1	20,4	100,3	28,2	100,4	99,9	87,8	4,6	100,5	98,8	100,0	100,2	100,1	99,8	14,6	99,9	3,2	3,7	9,1	6,9
XII	100,3	20,3	100,6	27,9	100,6	100,1	86,2	4,6	100,7	99,3	100,1	100,3	100,2	99,9	14,6	100,0	3,2	3,7	9,1	6,9
1928 I	100,2	20,4	100,3	100,5	100,3	90,8	88,6	4,6	100,3	99,2	99,9	100,0	100,2	99,9	14,6	100,2	3,2	3,7	9,1	6,9

Страны / Даты		Финляндия	Латвия	Эстония	Литва	Группировки европейских стран: Страны с золотой валютой	Страны со стабилизированной и реформ. валютой	Страны с бумажной валютой	Вся Европа	Соед. Штаты	Канада	Аргентина	Бразилия	Уругвай	Америка	Япония	Китай (Шанхай)	Китай (Гонконг)	Британская Индия	Азия	Весь мир
Месячные средние		21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
1913		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1922		—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1923		13,9	100,7	1,2	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1924		13,1	99,5	1,1	—	92,20	22,70	30.16	50,84	100,0	98,8	81,3	34,1	80,1	91,96	82,7	110,8	111,4	65,3	79,41	66,49
1925		13,1	100,0	1,1	99,2	99,46	81,77	31,08	70,31	100,0	100,0	94,9	38,0	95,4	94,44	82,3	117,1	118,3	74,5	84,88	79,40
1926		100,1	100,0	1,1	98,8	99,83	87,25	30,30	71,73	100,0	100,0	95,6	44,5	98,2	95,08	94,5	105,9	111,5	74,6	86,23	80,52
1927	I	100,1	100	1,1	98,9	99,69	87,10	42,59	75,98	100,0	99,8	97,3	35,9	98,2	94,62	97,9	91,8	102,0	74,8	84,73	82,70
	II	100,1	100	1,1	98,9	99,66	87,03	42,79	76,02	100,0	99,8	98,2	36,5	98,1	94,78	98,0	95,4	105,3	74,6	85,45	82,84
	III	100,1	100	1,1	98,9	99,68	87,05	43,20	76,18	100,0	99,9	99,5	36,5	97,9	94,96	98,6	90,5	102,0	74,6	84,71	82,89
	IV	100,1	100	1,1	98,9	99,75	87,07	43,65	76,37	100,0	100,1	99,7	36,4	98,6	95,02	97,1	92,9	104,2	74,3	84,65	83,02
	V	100,1	100	1,1	98,9	99,74	87,05	43,90	76,45	100,0	100,1	99,7	36,4	97,4	95,00	94,4	93,0	103,1	74,4	83,79	82,97
	VI	100,0	100	1,1	98,9	99,77	87,01	43,93	76,46	100,0	99,9	100,0	36,4	97,0	95,01	93,7	93,8	103,1	74,4	83,68	82,96
	VII	100,0	100	1,1	98,9	99,77	87,12	43,78	76,44	100,0	99,9	100,1	36,4	95,9	95,00	94,5	93,2	103,1	98,9	94,84	84,19
	VIII	100,0	100	1,1	98,9	99,88	87,22	43,75	76,49	100,0	99,9	100,4	36,4	96,8	95,06	94,9	90,1	101,0	99,0	94,41	84,19
	IX	100,0	100	1,1	98,9	99,90	87,23	43,89	76,56	100,0	100,0	100,7	36,5	97,0	95,12	93,9	91,6	102,0	99,5	94,62	84,26
	X	100,0	100	1,1	98,9	100,09	87,35	43,98	76,69	100,0	100,1	100,7	36,7	98,5	95,17	93,4	92,5	102,0	99,7	94,67	84,37
	XI	100,0	100	1,1	98,9	100,15	89,95	43,90	77,42	100,0	100,1	100,6	36,8	99,9	95,19	92,2	94,7	104,2	99,9	94,90	84,82
	XII	100,2	100	1,1	98,9	99,88	90,04	43,87	77,33	100,0	99,9	100,8	36,9	100,4	95,20	92,6	95,4	105,3	100,6	95,54	84,85
1928	I	100,0	100	1,1	98,9	—	—	—	—	100,0	99,8	190,6	37,0	99,4	—	94,0	35,3	105,3	100,6	—	—

[1] Курс фунта стерлингов характеризует также валюты Ирландии, Южно-Африканского Союза, Австралии и Новой Зеландии.
[2] Курс франка характеризует также валюты Алжира и Индо-Китая.
[3] Средняя за 10 месяцев (январь—октябрь).
[4] Паритет = 1.000.000.
[5] Паритет = 10.000.
[6] Средняя за 7 месяцев (июнь—декабрь).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА БОЛЬШОЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПРЕДПРИЯТИЕ“

(6-й ГОД ИЗДАНИЯ)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. Н. Манцева, В. Н. Сарабьянова, М. Я. Лапирова-Скобло, С. И. Гайстера, Н. Г. Высочанского, К. И. Бобровского и красных директоров: П. В. Дружинина, Л. Г. Хвостовского, А. Ф. Пашина, Л. А. Зорина, К. Н. Горелова, С. А. Колесникова и Н. П. Плисецкого.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“ полно и всесторонне освещает вопросы организации производства, рационализации, нормирования труда, подготовки рабочей силы и т. д.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“ разрешает все вопросы фабрично-заводского хозяйства под практическим углом зрения, дает возможность почерпнуть практические указания методов работы и обменяться своим опытом с другими.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“ своевременно знакомит своих читателей со всякой практической новинкой в области науки и техники как в СССР, так и за границей. Журнал имеет своих корреспондентов в Германии, Франции, Бельгии и других странах Запада.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“ имеет богатый отдел техники производства. Журнал богато иллюстрируется фотографиями производственных процессов, чертежами деталей машин и т. д. Периодически **журнал дает бесплатные приложения по злободневным вопросам фабрично-заводской практики.**

ИЗ ОТЗЫВОВ О ЖУРНАЛЕ:

„Содержание и направление журнала может быть охарактеризовано как детальное рассмотрение вопросов рационализации производства в применении к отдельным процессам и приемам производства.

...Большинство статей освещает отдельные грани этой исключительно многогранной задачи весьма живо, и давая отражение взглядов мировой техники, статьи эти будят мысль производственника, направляют ее по надлежащему руслу, повышают интерес производственника к своей работе, и **тем приносят несомненную пользу нашей промышленности“...**

Проф. Н. Ф. Чарновский.

„...В **„Предприятии“** мы находим отклики на все животрепещущие вопросы, связанные с организацией производства, с его рационализацией, иллюстрируемой рядом конкретных примеров; много внимания уделяется роли науки и техники в правильной постановке предприятий с учетом опыта и достижений у наших западных соседей, далеко опередивших нас в этом отношении“.

Прооф. И. Губкин.

„Предприятием“ очень хорошо решена чрезвычайно трудная задача — сообщить своим читателям в популярной форме достижения науки и техники. Наши научные журналы так трудны для чтения неспециалистов, что техники среднего и низшего уровня знаний в заводах буквально голодают от недостатка доступного и необходимого им чтения. Можно сделать понятными самые сложные явления природы в элементарном изложении. Дело только в таланте автора, и **„Предприятию“ надо поставить в большую заслугу, что оно сумело создать кадр таких сотрудников“.**

Проф. В. Грум-Гржимайло.

„...**„Предприятие“** является **лучшим техническим журналом в СССР,** широко охватывая все стороны технической и организационной промышленной жизни нашей страны.

...Излагаемый в нем материал, всегда свежий, богатый и всесторонний, дается в доступной форме для всякого техника, хозяйственника-производственника и инженера, не загромождая его теоретическими выкладками и отвлеченными рассуждениями“.

Проф. В. С. Наумов.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Главной Конторе Издательства „Правда“ и „Беднота“, Москва, М. Черкасский пер., 3/4, во всех провинциальных отделениях „Правды“, во всех почтово-телеграфных отделениях и у письмоносцев.

Подписная цена: на 1 год—**13** р., на 6 мес.—**7** р., на 3 мес.—**3** р. **60** к., на 1 мес.—**1** р. **25** к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 р. 50 к.

Адрес редакции журнала **„Предприятие“:** Москва, Тверская, 48. Тел. **2-71-88.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА 1928 Г. ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ“

ОРГАН САРАТОВСКОЙ ГУБ. ПЛАН. КОМИССИИ (5-й год издания)

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ:

советского и хозяйственного строительства и районирования, изучения производительных сил, экономики, быта и культуры края.

В журнале принимают участие крупнейшие экономические силы.

Журнал дает руководящие статьи по всем отраслям народного хозяйства.

ОСНОВНЫМИ ОТДЕЛАМИ В ЖУРНАЛЕ ЯВЛЯЮТСЯ:

1. Статьи общего характера по политико-экономическим вопросам; 2. Промышленность; 3. Сельское хозяйство; 4. Кооперация; 5. Коммунальное хозяйство; 6. Транспорт; 7. Финансы и бюджет; 8. Советское строительство; 9. Вопросы труда; 10. Народное образование; 11. Краеведение; 12. Экономические обзоры; 13. Хроника и др. Особенно широко поставлены в журнале отделы — промышленность и сельское хозяйство.

В журнале помещаются иллюстрации, карты, чертежи, диаграммы и картограммы.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО КНИЖКАМИ В 10—14 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ (160—224 СТРАНИЦЫ).

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, подписавшиеся на журнал на 1928 год (до 1 марта 1928 года), получат бесплатно книгу „КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ народного хозяйства Саратовской губерни на 1927/28 год“.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

ГОРОДСКИМ на 1 год—10 р. 50 к., на 6 мес.—5 р. 50 к., на 3 мес.—3 р.
ИНОГОРОДНЫМ на 1 год—11 р., на 6 мес.—6 р., на 5 мес.—3 р.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ РАЗОВЫЕ ПОСЛЕ ТЕКСТА:

в 1 стр. журн.—70 р., в $^3/_4$ стр.—50 р., в $^1/_2$ стр.—38 р., в $^1/_4$ стр.—20 р.

На об'явления, помещаемые на длительные сроки, делается скидка по соглашению.

Имеются полные комплекты журнала (в ограниченном количестве) за 1925, 1926 и 1927 гг., которые отпускаются по цене: за 1925 г.—5 руб., за 1926 г.—5 руб., за 1927 г. (по номинальной цене)

ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ И ТРЕБОВАНИЯ НА ЖУРНАЛ НАПРАВЛЯТЬ:

Саратов, зд. Губисполкома, ком. 71. Редакции журнала „Нижнее Поволжье“.

„Техника Воздушного Флота“

Ежемесячный научно-технический журнал

Каждая книжка журнала, об'емом в 8—10 печатных листов, содержит следующие основные отделы: аэродинамика и самолетостроение, моторостроение, производство и материаловедение, дирижаблестроение, научно-технические обзоры и рефераты, научно-техническая хроника, обзор литературы.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—12 руб., на 6 мес.—7 руб., на 3 мес.—4 руб., с пересылкой и доставкой.
За границу подписка принимается только на 1 год— 12 долл.

В отдельной продаже № журнала стоит 1 руб. 50 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва Центр, ул. Разина, 5. Тел. 3-89-84.

В связи с районированием Ленинградской области, вместо журнала Севзапэкосо „ХОЗЯЙСТВО СЕВ.-ЗАП. КРАЯ“ с января 1928 года будет выходить

политико-экономический журнал Ленинградского Областного Исполкома

„Ленинградская область“

Общая редакция **Г. В. Цыперовича.**
Члены Редакционной Коллегии: **Ф. Т. Колгушкин, Я. М. Малецкий, М. В. Росляков, Н. А. Супонев и Г. В. Цыперович.**

ЖУРНАЛ РАССЧИТЫВАЕТ ОБСЛУЖИТЬ НУЖДЫ И ЗАПРОСЫ РАБОТНИКОВ ОБЛАСТНЫХ, ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ.

В ЖУРНАЛЕ **„ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ“** БУДУТ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

1. **Руководящие статьи** по вопросам хозяйственной и социально-культурной жизни области, а также по основным вопросам теории и практики планового хозяйства и плановой работы.
2. **Экономические очерки по отраслям** народного хозяйства (по промышленности, сельскому хозяйству, лесному хозяйству, торговле, кооперации и т. д.).
3. **Очерки социально-культурного строительства** (народное образование, здравоохранение, борьба с безработицей и т. д.).
4. **Законодательство.** Узаконения и распоряжения правительства по хозяйственному, соц.-культурному и советскому строительству; сводка распоряжений и обязательных постановлений Областного Исполкома.
5. **Краеведение** (изучение производительных сил области).
6. **По округам и районам** (корреспонденции с мест, освещающие жизнь и нужды округов и районов).
7. **Критика и библиография.**
8. **Основные показатели народного хозяйства.**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год —**12** руб., на $^1/_2$ года —**6** руб.

Подписка и об'явления принимаются в Конторе Редакции журнала: Ленинград, Смольный, комната 76, тел. № 83-24.

Подписка, принятая на 1928 г. на журнал **„ХОЗЯЙСТВО СЕВ.-ЗАП. КРАЯ“** действительна на журнал **„ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ“.**

10930

Цена 2 р.

Издательство Госплана СССР
Москва, Воздвиженка, д. 5